КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ТОМЪ LXXXVII.

1904 г.

НОЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1904.

10-го ноября скоропостижно скончался ближайшій сотрудникъ нашего журнала

Вильямъ Людвиговичъ

Беренштамъ,

о чемъ Редакція „Кіевской Старины“ съ глубочайшимъ прискорбіемъ извѣщаетъ друзей и почитателей покойнаго.

Объявленіе о преміяхъ.

Объявленный редакціей «Кіевской Старины» конкурсъ на преміи за лучшіе разсказы и повѣсти, написанные по-украински, объявляется закрытымъ, такъ какъ *1-го ноября* окончился срокъ представленія рукописей. Всего поступило въ редакцію 27 рукописей. По разсмотрѣніи ихъ въ редакціи, результатъ конкурса будетъ опубликованъ въ началѣ будущаго 1905 года.

Кіевъ въ 1654—1855 гг.

(Продолженіе [1]).

XIII.

Весьма частыя наводненія Днѣпра безпокоили жителей и причиняли значительный вредъ Подолу [2]), все еще служившему главной артеріей промышленной и торговой жизни города, а между тѣмъ ростъ этой части его не только прекратился, но и сократился. Послѣ пожара 1811 г. Подолъ уменьшился почти въ 5 разъ. Войны въ срединѣ первой четверти XIX стол. повліяли на торговлю города и на число лицъ, занимавшихся ею [3]). Въ этотъ же промежутокъ болѣе другихъ частей города улучшились и застроились Старый городъ и Печерскъ [4]). Нельзя также ска-

---

1) См. Кіев. Ст. № 9.

2) 1 мая 1808 г. вода покрывала всѣ острова и затопила на Подолѣ 180 домовъ (Днев. м. Серапіона, 436); но еще ужаснѣе было наводненіе 1820 г. подобнаго не помнили уже 32 года; затѣмъ въ 1826 г. (Записи Миславскаго, Кіев. Стар., VIII, 691). Ср. планъ Кіева 1806 т. съ обознач. теченія Днѣпра, снятый для XI Арх. съѣзда (К. Стар. 1899, № 7. Археол. лѣтоп., стр. 32—33), а также Историч. зам. о Кіевѣ П. Л—ва (К. Стар. 1884, № 10, стр. 250—253).

3) М. Серапіонъ въ своемъ дневникѣ не разъ отмѣчаетъ дороговизну и паденіе курса вслѣдствіе военныхъ событій (Дневн., стр. 431, 434, 435, 441). Неурожаи въ свою очередь давали себя знать. Въ 1804 г. Кіев. губ. пострадала отъ саранчи (Варадиновъ, I, стр. 155); въ 1811 г. м. Серапіонъ отмѣтилъ, что на поляхъ подъ Кіевомъ жучки сидѣли почти на каждомъ стеблѣ (446).

4) Фундуклей, I, 226, 326—327. Въ 1818 г. «особенно неуспѣшна была контрактовая ярмарка въ Кіевѣ» (Варадиновъ, Ист. Мин. вн. дѣлъ, ч. II, кн. I, 540). Въ 1820, изъ привезенныхъ товаровъ на 686550 р. продано было уже на 290500 р. (ib. кн. II, 72).

зать, чтобы улучшилось санитарное состояніе города, въ особенности Подола. Обычными болѣзнями были: оспа, тифъ, золотуха, скарлатина, малярія и желудочныя. Въ 1802, 1807 и др. годахъ давала себя чувствовать оспа, а по свидѣтельству одного мѣстнаго жителя, притомъ врача [1]), вообще было распространены сыпныя болѣзни (лопухъ), преимущественно на Подолѣ. Такъ, большою смертностью, кромѣ означенныхъ выше, отмѣчены 1810 и 1826 годы [2]). Была и еще печальная сторона въ составѣ кіевскаго населенія, на которую постоянно указываютъ и жалуются путешественники—это масса нищихъ, калѣкъ и слѣпыхъ у монастырей и церквей. «Ужасное множество странныхъ», прибавляетъ кн. Долгоруковъ [3]). Проникнутый религіознымъ чувствомъ писатель нач. XIX стол., впадаетъ по поводу видѣннаго въ глубокій пессимизмъ: «Среди самыхъ искреннихъ ощущеній христіанской религіи, часто мнѣ приходило здѣсь на мысль, что весь видимый нашъ міръ не что иное, какъ плачевная картина человѣческой бѣдности, и ежели бы сонъ вѣчнаго упокоенія, какое ожидаетъ насъ въ могилѣ, было бы даже началомъ вѣчнаго ничтожества то и тогда умереть лучше, нежели жить» [4]). Ученый нѣмецъ XVIII стол. (Гильденштедтъ) судилъ иначе. «Нищіе, къ стыду богатыхъ монастырей, сидятъ въ Кіевѣ на улицахъ, какъ и вездѣ въ украинскихъ городахъ. Многіе могли бы еще зарабатывать хлѣбъ въ рабочихъ домахъ. Очень много слѣпыхъ, объ излѣченіи которыхъ слѣдовало бы позаботиться правительству» [5]).

---

[1]) Зап. Е. П. Рудыковскаго (К. Стар. 1892, т. XXXVII, № 4, стр. 9—11). О болѣзняхъ въ Кіевѣ въ то время см. соч. Христ. Бунге: „Dissertatio inauguralis medica de morbis épidemiis Kiovinsibus“, Jenae 1798.

[2]) Пантюховъ, Статист. и санит. очерки Кіева 7—24; ср. Кіев. Стар. 1889, №№ 5—6, стр. 389. Съ 1796—1835 г. тянется рядъ лѣтъ съ преобладаніемъ смертности надъ раждаемостью. Въ верхнихъ частяхъ города она была меньше (ib.); Фундуклей, I, 144—200; Пантюховъ Куреневка, К. 1904, стр. 1—20.

[3]) Путеш. 1810 г., 269—270.

[4]) Ibid., 271—275.

[5]) Reisen durch Russland und im caucas. Gebürge, Pet., B. II, 1791.

Кіевъ привлекалъ многихъ посѣтителей, однихъ на богомолье, другихъ своимъ положеніемъ и климатомъ [1]); ѣздили въ Кіевъ, какъ теперь ѣздятъ за границу. Въ цар. Александра I онъ не разъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ почетныхъ гостей. Такъ, въ немъ перебывали: м. Платонъ, принцъ Карлъ мекленбургскій (1804, родной братъ супруга в. кн. Елены Павловны), мин. нар. просв. гр. П. В. Завадовскій (1805 [2]), М. М. Сперанскій (1806, 1823 [3]), быв. молд. господарь Конст. Александр. Ипсиланти (1807 [4]), масонъ и филантропъ Ив. Вл. Лопухинъ [5]), мин. юстиціи кн. П. Вас. Лопухинъ, гр. И. Я. Безбородко (1808), кн. И. М. Долгоруковъ (1810, 1817), вел. кн. Екатерина Павловна (1813), гр. Н. П. Румянцовъ (1814, 1821), гр. Витгенштейнъ (1815), вел. кн.

---

[1]) Вигель I, 36.

[2]) Дневн. м. Серапіона, 424—427, 430.

[3]) Въ Кіевъ, послѣ болѣзни, была отправлена дочь Сперанскаго съ его тещей Стивенсъ, которыхъ онъ навѣщалъ въ августѣ 1806 г., плѣнился ихъ пребываніемъ здѣсь и восхищался проповѣдями прот. Леванды, много выигрывавшими отъ того искусства, съ которымъ онъ ихъ произносилъ (Корфъ, I, 274—75). Семья его прожила здѣсь до 1809 г. Племянница тещи Меланія Ферранъ въ 1806 г. (II, 98—99) стала первой женой Христіана Бунге (она ум. 1816). Вторично Сперанскій былъ въ Кіевѣ 9—12 іюня 1823 г. (м. Серапіонъ, стр. 466), навѣстивъ предварительно свою дочь въ Черниговѣ, послѣ выхода ея замужъ (за Фролова-Багрѣева). «Можетъ быть оттуда, по близости, взгляну я на Кіевъ и святыя его *древности*» (ib., II, 291), писалъ онъ.

[4]) Онъ поселился здѣсь съ семьею и свитою (30 чел.), сконч. въ 1816 г. и погребенъ въ Георгіев. церкви: «15 городскихъ цеховъ приняли участіе въ церемоніи съ своими гробами и знаменами», говоритъ м. Серапіонъ (Дневн., 458—89). При посѣщеніи митрополита Ипсиланти говорилъ пофранцузски, а переводчикомъ былъ Толстой, зять Кутузова, при послѣдующихъ визитахъ митр. и господарь объяснились полатыни (425).

[5]) Митр. принялъ гостя любезно; вмѣстѣ они ходили въ склепъ подъ Соф. соб. и смотрѣли нетлѣнное тогда тѣло митр. Рафаила Заборовскаго. Mira res, ибо 58 лѣтъ, какъ скончался (430).

Николай Павловичъ (1816), гр. С. П. Румянцовъ (1818)[1]), в. к. Михаилъ Павловичъ (1819), А. С. Пушкинъ (1821)[2]), гр. А. А, Аракчеевъ[3]) и др. и рядъ духовныхъ лицъ, греческихъ и русскихъ[4]).

Въ 1816 г. (1—12 септ.) посѣтилъ Кіевъ имп. Александръ, безъ всякихъ встрѣчъ и остановился въ домѣ Оболонскаго (близъ дворца[5]), о которомъ мы упоминали[6]). Государь дѣлалъ смотръ вой-

---

[1]) Дневн. Серапіона стр. 425, 427, 430, 457, 458, 463, 466; Переписка Румянцова съ м. Евгеніемъ, стр. 120.

[2]) Пушкинъ былъ въ Каменкѣ (1820) и Кіевѣ (1821), гдѣ написалъ нѣсколько стихотвореній: «Земля и море», идиллія Мосха, надписана 8 февр., а 14 февр. стих. «Муза» (Кіевъ), откуда онъ пріѣхалъ въ Каменку 20 февр. (Гротъ, 196); а такъ какъ онъ былъ и на свадьбѣ М. Ѳ. Орлова (ibid.), то, очевидно, посѣтилъ Кіевъ и въ маѣ. Въ днев. м. Серапіона записано: «15 мая бракосоч. ген. маіора М. Ѳ. Орлова съ доч. ген. Н. Н. Раевскаго Екатериною въ ц. Спаса на Берестовѣ. Пѣли митр. пѣвчіе и дано имъ отъ жениха 100 р. ассигн.» (465).

[3]) Братъ Аракчеева Петръ Андр. былъ комендантомъ въ Кіевѣ съ 1818—1829 г. (Закревскій, 895).

[4]) Весьма часты были въ Кіевѣ хиротоніи епископовъ (м. Серапіонъ, стр. 433, 447, 456 (два раза). Митр. Серапіонъ сообщаетъ случай, какъ его викарій Ириней (Фальковскій) долго не принималъ ордена Анны 1-й ст. и только по настоянію митр. «воздѣлъ его» (445, 450), при отъѣздѣ изъ Кіева. Впрочемъ кн. Долгоруковъ сурово отзывается о немъ (Пут. 1810 г., стр. 274).

[5]) Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что дворецъ, хотя совершенно очищенъ и поправленъ былъ «послѣ саксонецевъ», но никто еще въ немъ не жилъ, то разсудили всѣ остановиться государю тамъ, гдѣ и братъ его останавливался (Николай Павловичъ). См. замѣтки неизвѣст. изъ церк. архива (К. Стар. 1885 г., т. XI, 401). Большая часть «саксонцевъ» перемерла отъ эпидеміи, а въ 1819 г. верхній этажъ дворца (дерев.) сгорѣлъ.

[6]) Оболонскіе, разбогатѣвшіе, какъ и др. члены малороссійской старшины, владѣли въ 1798 г. 7330 д. крестьянъ въ нѣсколькихъ имѣніяхъ въ Полтавщинѣ и ок. Глухова; но сынъ основателя этихъ богатствъ Д. Д. Оболонскій и его жена (ур. Якубовичъ) прожили ихъ, по склонности къ мотовству: все получалось изъ Парижа, а одна шаль

скамъ, осматривалъ арсеналъ и др. общественныя мѣста, былъ на балахъ у ген. Раевскаго, жившаго тогда въ дворцѣ, и на другомъ, данномъ кіевскимъ дворянствомъ въ домѣ дворянской коммиссіи [1]), посѣтилъ Братскій мон. и духовную академію, но особенное вниманіе оказывалъ Кіево-печерской лаврѣ, которую посѣщалъ ежедневно и оставался въ ней довольно продолжительное время, особенно долго бесѣдуя со схимникомъ Вассіаномъ [2]). Это посѣщеніе Кіева Александромъ I, любопытно со стороны той религіозности, которая наложила на него свою печать послѣ событій 1812 года [3]). Вторично онъ посѣтилъ Кіевъ въ 1817 г. (6—11 сент.) и останавливася во дворцѣ, по прежнему посѣщалъ академію и ежедневно лавру, а на обѣдѣ у государя присутствовали гр. Сакенъ, Ржевускій, Милорадовичъ, Раевскій, Капцевичъ (нач. дивизіи) и весь генералитетъ; а также представлялись ему гр. Браницкая и кн. Прозоровская. Въ оба раза онъ ѣздилъ въ Бѣлую церковь [4]).

Кіевъ все чаще становится теперь предметомъ археологическаго интереса. Особенно привлекали вниманіе путешественниковъ гробница Ярослава и мозаика Соф. собора [5]). При постройкѣ

въ Петербургѣ была куплена для жены за 36000 р. и, какъ говорили, даже бѣлье ея мылось въ Голландіи; они имѣли свой оркестръ, устраивали праздники (и для крестьянъ), и въ конецъ разорились; имѣнія были взяты въ опеку и проданы въ разныя руки (К. Стар, 1901, №№ 7—8, стр. 010—12).

[1]) На балу во дворцѣ государь танцовалъ съ женою ген. Раевскаго (хозяйкой бала), съ вдовою покойнаго князя Прозоровскаго и статсъ-дамой гр. А. В. Браницкой, а на двор. балѣ съ княг. Шуйской и тѣми же дамами (ib. 403).

[2]) Дневн. м. Серапіона (К. Стар. 1884, т. IX, стр 459); записи Миславскаго (ib., XIII, 690—691); Закревскій, 119—121; Богдановичъ, V, 305.

[3]) Письмо іером. Антонія Смирницкаго, впослѣд. архіеп. воронеж о пребыв. имп. Александра I въ Кіевѣ (Чтен. въ Общ. ист. 1862, I, 189—190 и Р. Арх. 1884, III, 115—117). Запись современника (К. Стар., т. XI, 399—403).

[4]) Дневн. м. Серапіона, 459—460; зап. Миславскаго, 691.

[5]) Днев. м. Серапіона, 427, 452, 459,.

новыхъ зданій нерѣдко вскрываются древнія кладбища (на Подолѣ, при рытьи фунд. ц. Рождества Богородицы [1]), при постройкѣ камен. церкви на Аскольдовой могилѣ, при закладкѣ костела [2]). Къ 1810 г. относится извѣстная археологическая экспедиція К. М. Бороздина, въ сопровожденіи А. И. Ермолаева и художника Иванова, по Россіи, между прочимъ посѣтившая Кіевъ, которой сняты были болѣе замѣчательныя древности [3]). Большую важность въ этомъ отношеніи имѣло посѣщеніе Кіева гр. Румянцовымъ въ 1814 г. Въ Кіевѣ уже были цѣнители древности: Берлинскій [4]), составившій еще въ началѣ XIX в. «Описаніе Кіева», напеч. въ 1820 г. (Спб.), нѣкто Шираевскій и др., съ которыми вступилъ въ сношенія гр. Румянцовъ [5]), разыскивая че-

---

[1]) «Головъ и костей человеческихъ вырыто премногое число и наложено кучею великою» (436).

[2]) Ibid., 439, 461. Въ pendant къ денежной находкѣ поздн. времени отмѣтимъ, что въ 1817 г. митр. осматривалъ въ лаврѣ въ верхнемъ скарбцѣ открытый желѣзный сундукъ, въ коемъ отъ 1785 хранились деньги серебромъ 10000 и золотомъ 1000 черв. (461); ср. 465.

[3]) Описаніе Бороздинскаго собранія рисунковъ къ его археол. путеш. въ 1809—810 г. (Труды I Арх. съѣзда, I, 67—74,—четыре тома рисунковъ въ большой листъ сохран. въ Имп. Публ. библ.). Въ 1811 и 1814 гг. производились раскопки въ Вышгородѣ, но существенныхъ результатовъ не дали. (Закревскій, 262, 281, 547, 554).

[4]) Путешественники въ Кіевѣ посѣщали его (Сент. пут. Измайлова).

[5]) Переписка съ Шираевскимъ относится къ 1814, съ Берлинскимъ къ 1815—25 (обзоръ ея въ нашей «Истріографіи», I, стр. 185—194). Ему принадлежатъ также: «Историч. обозрѣніе Малороссіи и города Кіева», матеріалы для котораго доставлялись при посредствѣ митр. Іероѳея (Малицкато) и губ. (Милашевича), но только отрывки изъ него были помѣщены въ «Молодикѣ» Бецкаго; учеб. рус. исторіи (1800) и «Наставл. къ собир. и приготовл. червеца или рус. кошенили», изд. хоз. деп. мин. вн. дѣлъ (1814). Б., какъ и др. старожилы Кіева (напр. врачъ Бунге), занимался и метеорологич. наблюденіями. См. о немъ Біогр. Слов. Венгерова и «Первый кіев. археологъ М. Ѳ. Берлинскій», В. И. Щербины (К. Стар. 1896, № 12).

резъ нихъ памятники древности и письменности въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. Въ 1824 г. посѣтилъ съ тою же цѣлью Кіевъ П. И. Кеппенъ [1]). Впрочемъ, особенный интересъ къ кіевскимъ древностямъ пробудился, когда во главѣ Кіевской епархіи явился (1822—37) митр. Евгеній Болховитиновъ, переписка котораго съ тѣмъ же Румянцовымъ наполнена археографическими и археологическими вопросами, касающимися и Кіева [2]). Самъ Евгеній предпринимаетъ «Описаніе Кіево-Софійскаго собора, съ прилож. грамотъ и плановъ» (К. 1825) и «Кіево-Печерской лавры» съ прилож. (К. 1826 [3]) поощряетъ къ изученію кіевскихъ древностей студентовъ академіи, предлагая имъ темы, относящіяся къ исторіи Кіева. Къ этому же времени относятся разысканія древностей К. А. Лохвицкаго, А. А. Турчаниновой и А. С. Анненкова. Въ 1824 г. открыты были стѣны Десятинной церкви, на возобновленіе которой послѣдній (землевлад. Курской губ.) пожертвовалъ 80000 р., а м. Евгеній и Берлинскій [4]), помѣщаютъ свои статьи о ея древностяхъ въ «Трудахъ Общества исторіи и древностей россійскихъ». П. А. Мухановъ сообщаетъ издателю «Рус. Старины» А. О. Корниловичу (оба декабристы) свѣдѣнія объ открытыхъ въ 1824 г. древностяхъ близъ Михайловскаго мон. въ Кіевѣ; а кн. В. Ѳ. Одоевскій въ 1825 г. писалъ В. К. Кюхельбекеру: «На дняхъ получилъ я отъ Грибоѣдова письмо изъ Кіева (онъ былъ здѣсь въ маѣ и іюнѣ 1825 г.); онъ, видно, въ хорошемъ расположеніи духа... и восхищается кіевскими древностями. Онъ отправляется на кораблѣ въ Имеретію» [5]). Интересъ къ историческимъ преданіямъ и древностямъ преслѣдовалъ его на пути. «Въ Кіевѣ я пожилъ съ умершими, писалъ Грибоѣдовъ Одоевскому, Владиміръ и Изяславъ совершенно овладѣли моимъ

---

[1]) Исторіографія, I, 191.

[2]) Она изд. Ворон. стат. комит. въ 3-хъ вып., 1868. См. «Исторіографію», т. I, 189—197.

[3]) Въ XVIII в. издавались лишь краткія описанія кіевскихъ святынь, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

[4]) Ibid., 190—191; Закревскій, 279—283.

[5]) Рус. Стар. 1888, т. X, 586 и 595; А. С. Грибоѣдовъ и декабристы, П. Е. Щеголева, Спб. 1904.

воображеніемъ; за ними я вскользь замѣтилъ настоящее поколѣніе, какъ они мыслятъ и что говорятъ, русскіе чиновники и польскіе помѣщики, Богъ ихъ вѣдаетъ. Природа великолѣпная; зелень, тополи, виноградники, чего нѣтъ у васъ. Прибавь къ этому святость развалинъ, мракъ пещеръ. Какъ трепетно вступать въ темноту лавры или Софійскаго собора» [1]). Кромѣ того, въ свой пріѣздъ въ Кіевъ Грибоѣдовъ видѣлся съ Бестужевымъ-Рюминымъ, С. И. Муравьевымъ, Арт. Зах. Муравьевымъ и кн. С. П. Трубецкимъ, служившими въ войскахъ, расположенныхъ въ Кіевѣ или вблизи него, что подало потомъ основаніе для привлеченія Грибоѣдова къ допросу о прикосновенности по дѣлу декабристовъ [2]).

XIV.

При всемъ томъ Кіевъ не могъ похвалиться широтою умственныхъ интересовъ. Правда, даже въ Петербургѣ слышались жалобы на равнодушіе публики къ сокровищамъ Импер. Публ. библіотеки [3]); но Харьковъ имѣлъ въ то время значительныя преимущества передъ Кіевомъ, не смотря на его старую академію и близость къ западной границѣ. Въ первое десятилѣтіе существованія Харьковскаго университета, его типографія выпустила 210 изданій, что составляетъ половину всего количества вышедшихъ за это время книгъ во всей Россіи; въ 1815 г. вышло 27 изданій; въ 1818 г.—16 книгъ. Изъ названныхъ 210 изданій—90 принадлежало профессорамъ, 16 студентамъ, а остальныя посто-

---

[1]) Р. Арх. 1864, стр. 810—811; изд. 2-е, стр. 1001—1002. О любви къ древностямъ Грибоѣдова свидѣтельствуетъ письмо его къ кн. Одоевскому, въ которомъ онъ проситъ прислать ему: «Памят. древности рос. словесн.» Калайдовича, исторію. Арцыбашева, Русскія древности Успенскаго, а лѣтопись Нестора была его настольною книгою (ibid., 1000—1001).

[2]) Рус. Арх. 1904, № 3, стр. 526—535 (А. С. Грибоѣдовъ, историч. справка, С. Панчулидзева).

[3]) Рус. Стар. 1872, VIII, 661.

роннимъ лицамъ. Въ Харьковѣ появляются труды, имѣющіе научное значеніе (какъ Рейта «Опытъ по рус. исторіи», Успенскаго «Опытъ о русскихъ древностяхъ 1-е изд. 1811, 2-е 1818, 815 стран.). Появляются періодическія изданія, какъ «Украинскій Вѣстникъ» (1816—1825) и «Украинскій Журналъ» (съ 1824) научнаго характера, который пользовался репутаціей лучшаго провинціальнаго органа, издававшіеся подъ редакціей и при участіи профессоровъ, а учитель гимназіи Вербицкій съ 1817 г. издаетъ газету «Харьковскія Извѣстія». Журналы эти хотя не были велики, но разнообразны по содержанію, а рѣчи профессоровъ посвящены были столь же разнообразнымъ вопросамъ современной науки. Появляются произведенія, посвященныя литературѣ («Опыты въ прозѣ», «Опыты въ стихахъ») и свои писательницы («Мои свободныя минуты», стих. Любови Кричевской, 1817). Реакціонныя тенденціи 1820-хъ годовъ отразились на издательской и ученой дѣятельности Харькова и выразились или въ полномъ прекращеніи ея или въ упадкѣ количества изданныхъ книгъ: въ 1823—13; въ 1825—12, въ 1826—6 [1]).

Иную картину представляетъ въ этотъ періодъ Кіевъ. Типографія въ немъ появляется въ 1800 г. съ однимъ станкомъ для печатанія при губерн. правленіи «однихъ только указовъ и экземпляровъ съ нужныхъ дѣлъ на русскомъ и польскомъ языкахъ» [2]). Она была пріобрѣтена, по стараніямъ губ. Коробьина, въ Махновкѣ у Тадеуша Дерича. Въ ней печатались сначала лишь афиши [3]) и служебныя бумаги; вскорѣ, однако, машины и

---

1) Фойгтъ, Ист. стат. записки о Харьковскомъ унив., Х. 1859; Харьк. Сборн., изд. Чириковымъ, Х. 1889; Сухомлиновъ, Матер. для ист. просв. въ Рос. въ ц. Александра I; Харьков. журналистика нач. XIX стол., С. Р. (Кіев. Стар. 1892, № 8, стр. 168—198).

2) Печатное дѣло въ Малороссіи въ нач. XIX стол. (по оффиц. докум.), В. Д. (К. Стар. 1900, т. LXX, № 9, стр. 83—86). Мы не упоминаемъ о типографіяхъ лаврской и академической, имѣвшихъ свое спеціальное назначеніе. (Чт. въ Общ. ист. 1869, III, 280).

3) Еще въ 1786 г. Управа благочинія настаивала на внесеніи думою въ смѣту расхода въ 1100 р. на изготовленіе *столбовъ для публикацій* (К. Стар. 1899, № 7, с. 49).

шрифты обветшали. Митрополитъ не дозволилъ отлить новые шрифты въ кіево-печерской словолитнѣ. Попробовали (въ 1805) отыскать Дерича, но онъ уже умеръ. Тогда, изъ той же Маховки доставилъ шрифтъ (20 пудовъ) моск. купецъ Селезневъ. Въ 1806 г. въ типографіи работали три мастера, три помощника и переплетчикъ съ ученикомъ [1]). И періодъ съ 1812—1839 не ознаменовался въ исторіи типографскаго дѣла ничѣмъ выдающимся. Работы производились на одной машинѣ простѣйшей конструкціи и на двухъ станкахъ. Въ 1815 г. шрифтъ опять былъ выписанъ (до 30 пудовъ) черезъ московскаго купца Селивановскаго. Въ концѣ этого періода въ ней работало 13 чел. [2]). Попытка изданія журнала въ Кіевѣ является лишь въ началѣ 30-хъ годовъ, окончившаяся впрочемъ неудачно [3]). Даже духовно-нравственный журналъ при Кіевской академіи (Воскресное Чтеніе) возникаетъ лишь въ 1837 году. Любопытно, что Кіевъ не могъ создать и своего календаря. Обыкновенно Малороссія пробавлялась польскими календарями, сначала знаменитыми изданіями Замойской академіи, выходившими съ к. XVII в., особенно процвѣтавшими при Стан. Дунчевскомъ (1727—1767),—«Kalendarz Polski i Ruski», и имѣвшими въ виду потребности юго-западной Руси, какъ разсчитывали на тотъ же сбытъ календари съ такимъ же названіемъ Краковской, Познанской и Виленской академій. Замойскіе календари были въ большомъ употребленіи среди малорусскаго духовенства [4]), а кіевскій магистратъ, посылая разные

---

[1]) О переплетномъ дѣлѣ упоминается въ Расход. книгахъ Кіев. приказ. избы 1675 г., а именно переплетчикъ жилъ на Печерскѣ, а кожа для переплета покупалась у кожемякъ. (Чт. въ Общ. Нест. Л., XI, с. 8). Впослѣдствіи принадлежности его пріобрѣтались на контрактахъ (К. Стар. 1897, № 7—8, с. 58).

[2]) Краткій ист. очеркъ Кіев. губ. типо-литогр. за 1799—1899, К. 1899, 70 стр. съ 2 снимк. и 17 фототип. и Кіев. Стар. 1900, № 11, стр. 92—103.

[3]) Къ исторіи газетно-журн. дѣла въ Кіевѣ, В. П. Науменка (К. Стар. 1884, т. X, № 11, с. 529—34).

[4]) Въ 1738 г. календарь на польскомъ языкѣ, „сочиненный чрезъ доктора философіи и математики“ Стан. Дончевскаго былъ вос-

презенты нужнымъ людямъ въ столицахъ, обыкновенно включалъ въ ихъ число и календари польскіе; но во 2-й пол. XVIII в. сталъ распространяться Бердичевскій календарь, изд. съ 1760 г., босыми кармелитами, который измѣнялъ не разъ свое заглавіе сообразно съ положеніемъ края и политическимъ настроеніемъ (назв. русскихъ праздниковъ печатались польскими буквами и только съ 1829 г. имена русскихъ святыхъ стали печататься русскимъ шрифтомъ [1]). Попытка Кіевской академіи издавать свой «Мѣсяцесловъ» (1797—99), печат. въ тип. Кіево-печер. лавры и составленный учителями и студентами, повидимому, неудовлетворила любителей, которые привыкли въ Бердичевскомъ календ. находить и сельско-хозяйственныя свѣдѣнія, и указанія на погоду, и кое-какія наставленія. Въ 1812 г. польскій календарь изданъ былъ въ переводѣ на русскій яз. въ Харьковѣ, но и это предпріятіе не имѣло успѣха, между тѣмъ, какъ Бердичевскій календарь легко распространялся посредствомъ ярмарокъ, контрактовъ и евреевъ [2]). И правильной книжной торговли еще не

прещенъ въ Малороссіи и подлежалъ сожженію въ Глуховѣ, „яко мерзостные пашквили и злостно вымышленные пасажи, предосудительные о нашемъ имперіи“ (рѣчь идетъ о прогностикахъ), а рекомендовались календари, изд. въ Петербургѣ и Кіевѣ, которые и напечатать въ довольномъ количествѣ (Соловьевъ, XX, 468). Дѣло о немъ имѣется въ бумагахъ Малорос. кол. при Харьковскомъ унив. (Опытъ русской исторіогр., I, 99; ср. Мухановъ, Что желат. для рус. ист., 100—101). Любопытно также дѣло о газетныхъ извѣстіяхъ подобнаго рода, смущавшихъ правительство въ 1732 г. (см. Секретное дѣло объ одной газетной авизіи, И. В. Лучицкаго, Ист. Вѣст. 1889, т. XXXVII, № 9, с. 577—588, по докум. К. центр. архива).

[1]) По закрытіи тип. въ Бердичевѣ (1844) календарь печатался въ Кіевѣ (1846), Житомирѣ (1847—1852) и снова въ Кіевѣ (1853—55), Житомирѣ (1856—57) и Кіевѣ (1859—1865), когда прекратилось изданіе по распоряженію ген.-губернатора, вслѣдствіе обнаруженія, что въ календарь 1862 и 1863 г.г. подъ 12 окт. было внесено чествованіе *пяти братьевъ муч.*, вм. св. Иларія, подъ которыми разумѣлись лица, убитыя въ Варшавѣ въ началѣ возстанія.

[2]) Старин. польско-русскіе календари, А. М. Лазаревскаго (Чтен. въ Общ. Нест. лѣт., т. XIV, в. 2-й, стр. 102—117), съ прилож. за-

было. Гунъ жалуется, что въ городѣ существовали книжныя лавки, но въ нихъ, кромѣ церковныхъ книгъ и иконъ, которыхъ выставляется на продажу великое множество, ничего не было [1]).

Отсутствіе вліянія постоянно дѣйствующей періодической печати видно изъ тѣхъ извѣстій и сообщеній, которыя заносились въ «дневники» даже такими лицами какъ митр. Серапіонъ, который получалъ эти свѣдѣнія во время самыхъ напряженныхъ политическихъ отношеній Россіи (1806—1814) главнымъ образомъ посредствомъ слуховъ и передаваемыхъ ему писемъ, частными лицами, часто другъ другу противорѣчащихъ, преувеличенныхъ и тутъ же опровергаемыхъ [2]), не говоря, конечно, о сообщеніяхъ болѣе интимнаго характера [3]); а главнымъ корреспондентомъ для него служила «философка Турчанинова», имѣвшая связи съ Петербургомъ [4]).

Нельзя, однако, сказать, чтобы въ Кіевѣ не было въ то время интересовавшихся научными знаніями и текущей литературой. Примѣръ подобнаго отношенія мы видимъ въ одномъ изъ учениковъ Кіевской и Медико-хирургической академій, бывшемъ затѣмъ въ Кіевѣ врачемъ,—Е. П. Рудыковскомъ. Онъ писалъ стихи на русскомъ

писей на календаряхъ лѣтописнаго, историч. и хозяйств. характера. 1761—1831 (118—123).

[1]) Кіев. Стар. 1892, № 2; стр. 251. Предпринятое Румянцовымъ (въ 1784) „Описаніе Кіевскаго намѣстничества“ не имѣло успѣха, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ подобныя описанія составлялись и были изданы (Кіев. Стар. 1904, № 5).

[2]) Дневникъ, 431, 438, 465.

[3]) Была у митрополита «философка» Турчанинова и разсказывала «исторію объ измѣнничествѣ Сперанскаго и Магницкаго» (24 апр. 1812). «Митрополиту изъ разговоровъ гостей стало примѣтно, что французы уже въ Вильнѣ» (24 іюня).

[4]) Дневникъ, 451, 452, 453, 454, 456, 465.

Подъ 26 апр. 1815 г. онъ отмѣтилъ: «Скончалась старушка Анна Александровна Т—ва, супруга полковника и перваго камердинера имп. Петра III и погребена торжественно 28 апрѣля въ Выдуб. мон.» (458). О ней есть нѣсколько замѣчаній въ Путеш. Долгорукова (Пут. 1817 г., с. 107 и др.) и письмахъ м. Евгенія.

и малорусскомъ яз.,—сказки, басни, думы, оды, религіозныя и патріотическія произведенія. Библіотека его представляла какъ бы соединеніе двухъ спеціальностей автора—богословской и медицинской; но рядомъ встрѣчается и «Похвала глупости», въ баз. изд. 1780 г., съ гравюрами Гольбейна. По личнымъ отношеніямъ, онъ познакомился съ семьей ген. Н. Н. Раевскаго, а у этого послѣдняго и по службѣ авторъ встрѣчался со многими декабристами (кн. Трубецкой, Лореръ, Поджіо и др.) и Грибоѣдовымъ, который проѣзжалъ черезъ Кіевъ на Кавказъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велъ знакомство съ м. Евгеніемъ и лаврскими монахами. Вопросы религіи и философіи особенно его интересовали; однако онъ не чуждъ былъ и извѣстной доли скептицизма. «Дю-Туа, авторъ Божественной философіи, съ нѣкотораго времени взялъ меня безъ цѣны и серебра въ свою школу и открылъ мнѣ такое поле, по которому наши Иринеи и Гіацинты (рѣчь идетъ объ Иринеѣ Фальковскомъ и Іакинѳѣ Логановскомъ) никогда насъ не водили и сами не ходили. Тамъ бы они упали и открыли срамоту свою», читаемъ въ одномъ изъ его писемъ къ пріятелю по профессіи [2]).

Къ концу настоящаго періода жизни Кіева относится любопытная характеристика ея въ письмѣ молодого писателя, Н. А. Мельгунова, вращавшагося въ кругу «Московскаго Вѣстника», воспитывавшагося въ Педаг. инст. въ Петербургѣ, побывавшаго за границей и участвовавшаго въ переводѣ соч. Тика «Объ искусствѣ», вмѣстѣ съ Титовымъ и Шевыревымъ. Подъ вліяніемъ Кеппена, онъ задумалъ совершить путешествіе по Россіи, чтобы ознакомиться съ ея древностями, населеніемъ и въ особенности «Малороссіи, края любопытнѣйшаго, на который до сихъ поръ еще слишкомъ мало обращали вниманія». Въ Харьковѣ онъ знакомится съ кружкомъ профессоровъ и въ особенности «съ тутошными жителями, индегенами тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣхалъ»; далѣе на пути,—съ Каразинымъ, думая, что

---

[1]) Изъ сем. арх., записки и соч. Е. П. Рудыковскаго, сообщ. В. И. Щербиной (К. Стар. 1892, № 4 (с. 1—21), № 5 (с. 193—206) и прилож. (№№ 5, 6, 7).

[2]) К. Стар., № 5, стр. 197.

«нѣтъ человѣка во всей Малой Россіи, который имѣлъ бы болѣе его способностей и средствъ къ пріобрѣтенію матеріаловъ по всѣмъ частямъ о здѣшнемъ краѣ». Онъ не могъ не побывать въ Полтавской губ.—«этомъ средоточіи и цвѣтѣ Малороссіи», а въ Полтавѣ знакомится съ Котляревскимъ и беретъ на себя распространеніе его «Энеиды» среди «россіянъ». Въ Переяславѣ онъ находитъ «аматёра отечественной исторіи Благодарова»; а въ Кіевъ «въѣхалъ уже съ лихорадкой въ тѣлѣ», пишетъ авторъ. Первый визитъ его былъ къ м. Евгенію, «своему земляку,дружкому съ его дядей» и онъ спѣшитъ сообщить Погодину (письмо писано къ послѣднему) объ ученыхъ мнѣніяхъ Евгенія по разнымъ вопросамъ, который такъ скептически относился къ русскимъ и особеннымъ московскимъ литераторамъ. Далѣе, онъ познакомился съ Берлинскимъ и Лохвицкимъ; а затѣмъ даетъ слѣдующую характеристику мѣстной жизни Кіева 20-хъ годовъ. «Изъ здѣшнихъ знакомыхъ моихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ отставной генер. Бѣгичевъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, страстный къ познанію, мудрецъ въ родѣ древнихъ. Пріобрѣтаетъ свѣдѣнія съ цѣлями чисто практическими; страстно любитъ естественныя науки, особенно медицину и, недовольный французами, онъ самъ собою обратился къ нѣмцамъ. Любопытно и поучительно видѣть человѣка, который, на закатѣ дней своихъ, отбросивъ прежніе предразсудки, принялся съ жаромъ юноши за сочиненія Шеллинга, Шуберта, Онкена, Кайзера и пр., коихъ имена произноситъ съ благоговѣніемъ, ихъ открытія старается примѣнить практически, дѣйствуя въ небольшомъ, безызвѣстномъ кругу и не думая изъ него выйти. Несмотря на свою тихую, уединенную жизнь, онъ извѣстенъ своими добродѣтелями, ибо чуждается свѣта, а не людей. Онъ въ особенности изучаетъ чудесныя дѣйствія магнетизма [2]), самъ практически занимается имъ,

[1]) Его усадьба съ прекраснымъ садомъ находилась на мѣстѣ нын. Инст. благ. дѣвицъ. Въ ней послѣ пожара Подола (1811) помѣщалась нѣм. кирха, до постр. новой (дерев.) близъ нынѣшней (Закревскій, 305), въ 1812 г.

[2]) О лѣченіи имъ тогда упоминаетъ и м. Серапіонъ (стр. 449).

и не одинъ житель Кіева и окрестныхъ мѣстъ благословляетъ его искусство... Близкое разсматриваніе состоянія просвѣщенія въ здѣшнихъ провинціяхъ не очень радуетъ патріота. Если уже блеснулъ въ столицахъ свободный порывъ ума, освободившагося хотя нѣсколько отъ узъ чужеземныхъ законодателей и у насъ болѣе не боятся ферулы Буало, Лагарпа и другихъ, то здѣсь еще не пробудилась искра самороднаго пламени. Университеты наши не могутъ возбудить ее, а образъ здѣшней жизни и того менѣе. Здѣсь читающихъ можно раздѣлить на три разряда: на диллетантовъ, которые считаютъ, какъ вездѣ, всякій попавшійся имъ сбродъ. Они спятъ подъ книгу крѣпче обыкновеннаго, а потому единственно и любятъ чтеніе. Второй классъ довольно многочисленный—классъ полуученыхъ, которые получили черезъ дипломы изъ университетовъ и семинарій право судить и рядить безъ пощады и литераторовъ, и литературу. Это классъ самый несноснѣйшій и, можетъ быть, самый вредный, потому именно, что одинъ господствуетъ, безъ противниковъ; но онъ наиболѣе выписываетъ и читаетъ журналы, слѣдовательно для васъ не безъ выгоды. Отъ него первый классъ живится журналами, хотя пользуется ими самымъ невиннымъ образомъ: онъ довольствуется повѣстями и стишками, которые старается выучить наизусть. И потому здѣсь вовсе не въ диковинку слышать «стишки» Пушкина изъ устъ дѣвушекъ даже въ кругу купеческомъ. Наконецъ, третій классъ очень малочисленный—истинныхъ ученыхъ, которые обыкновенно хранятъ совершенно нейтралитетъ... Изъ всего этого предоставляю вамъ самимъ сдѣлать заключеніе: какой участи подверженъ журналъ вашъ наравнѣ съ прочими. Равнодушіе, безсмысленность или грубое нахальство, вотъ что ожидаетъ ихъ здѣсь. Между тѣмъ человѣчество идетъ своимъ чередомъ, и поколѣнія слѣдуютъ за поколѣніями, и духъ времени, вопреки препятствіямъ и невѣжеству, все побѣждаетъ—и утверждаетъ печать свою неизгладимо»... [1]).

---

[1]) Барсуковъ, М. П. Погодинъ, II, 110—112. Долгоруковъ сообщаетъ о занятіяхъ младшаго сына ген. Раевскаго рус. словесностью (148). Восторженныя похвалы его матери (119—120); Олизаръ (154).

Модный въ 20-хъ годахъ мистицизмъ также имѣлъ своихъ приверженцевъ. Часто упоминаемыя въ перепискѣ м. Серапіона «философка» Турчанинова, была собственно «теософка», а занимавшійся археологическими разысканіями Лохвицкій предавался, мистицизму и переносилъ даже его въ область археологіи, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ [1]). Въ тоже время проживалъ въ Кіевѣ И. Р. Мартосъ (воспит. Кіев. акад.), служившій въ гвардіи, потомъ секретаремъ у бывшаго гетмана, въ Сенатѣ, въ мин. юстиціи, ревностный масонъ съ филантропическимъ настроеніемъ, не чуждый археологическимъ изслѣдованіямъ («О банномъ строеніи, 1809»), сочувствовавшій учрежденію въ Кіевѣ ланкастерскихъ школъ, близкій къ м. Евгенію, но затѣмъ разошедшійся съ нимъ вслѣдствіе крайняго увлеченія мистическими наклонностями (одно время онъ жилъ въ лаврѣ [2]). Поэтому неудивительно, что появленіе кометъ въ моменты политическихъ осложненій вызывало суевѣрный страхъ и самыя необычайныя толкованія [3]), и тотъ же м. Серапіонъ отмѣчаетъ необычайное суевѣріе, которымъ заражено было даже городское духовенство. «28 февр. (1805), былъ у меня, пишетъ онъ, андреевскій протопопъ Лозановскій съ донесеніемъ о сборищѣ, бывшемъ на кладбищѣ, по случаю или по слуху таковому, будто-бы одной жены умершій мужъ приходитъ къ ней и акибы хотѣли *духовные* въ недѣлю православія открывать его въ моемъ присутствіи. Оле суевѣрія и невѣжества!», прибавляетъ возмущенный пастырь [4]).

---

[1]) О мистической части его записокъ (Тр. К. Д. ак. 1863, № 11).

[2]) О немъ ст. А. М. Лазаревскаго (Чт. въ Общ. Нестора лѣт., т. X, с. 35—36) и переписка Ив. Ром. Мартоса, изд. имъ же (К. Стар. 1896, №№ 6, 10 и 11). Корреспондентами его были писатель Капнистъ, Трощинскій, Ломиковскій, ворон. архіеп. Антоній, художн. Ефимовъ, проф. Медико-хир. акад. Велланскій. Послѣдній также воспит. въ Кіев. акад., учился за границей и увлекался натуръ-философіей Шеллинга; переводчикъ и авторъ многочисленныхъ сочиненій, проникнутыхъ тѣмъ же направленіемъ. Свои книги «О животномъ магнетизмѣ» и перев. соч. Окена „О свѣтѣ и теплотѣ" онъ посылалъ Мартосу (№ 10, с. 81—83).

[3]) Дневн. м. Серапіона, 434, 447, 457.

[4]) Дневникъ, стр. 428.

При отсутствіи гласности, хроника общественной жизни не можетъ представляться обильною фактами. Тѣмъ не менѣе въ современныхъ извѣстіяхъ сохранилось нѣсколько данныхъ, рисующихъ нравы кіевлянъ. Прежній «шинокъ» смѣнился новой фирмой, однако прежнія влеченія остаются въ силѣ. Подъ 6 февр. 1811 г. читаемъ въ томъ же дневникѣ: «Возвратились изъ С.-Петербурга кіевскіе купцы: Киселевскій, Лакерда и Барскій. А ѣздили они за откупомъ виннымъ и взяли на себя *лично* за 379000 р., да за пиво и медъ 23000 р. на 4 года. Сумма чрезвычайно великая! замѣчаетъ митрополитъ [1])». И мѣстная администрація не всегда стояла на высотѣ своего положенія. Тотъ же наблюдательный авторъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ; «15 окт. 1810 генералъ-губ. Милорадовичъ имѣлъ разговоръ съ митрополитомъ по дѣлу кіевскаго вице-губ. Четверикова, о которомъ представилъ государю касательно взятокъ и казалъ всѣ бумаги дѣла сего, даже и секретныя» [2]). Съ 1817—20 годъ состоялъ подъ судомъ за злоупотребленія кіев. губ. П. С. Черепановъ [3]). Въ это время почты въ Кіевѣ содержалъ сынъ того же Киселевскаго, «одинъ изъ богатѣйшихъ мѣстныхъ купцовъ и видныхъ членовъ кіевскаго магистрата». Хотя почтовыя станціи у него содержались въ отличномъ порядкѣ, говоритъ Олизаръ, но тѣмъ не менѣе при каждыхъ торгахъ вице-губерн. (Катериничъ) приходился ему весьма солоно своими вымогательствами, и чтобы избавиться отъ необходимости откупаться отъ казенной палаты при совершеніи всякаго новаго торговаго условія, Киселевскій согласился взять на *триста тысячъ рублей менѣе.* Авторъ «воспоминаній». Олизаръ подробно разсказы-

---

[1]) Дневникъ м. Серапіона, 445. Не будемъ удивляться. Въ долѣ съ ними состоялъ и полк. Іос. Понятовскій „почтенный и богатый помѣщикъ“ (зап. Олизара, 143; ср. Кіев. Ст̃ар. 1888, № 8, с. 163—164), а въ Петербургѣ содержали винный откупъ гр. Феликсъ Потоцкій, гр. Потоцкая и гр. Зубовъ (Арх. Госуд. Сов., т. VI, ч. IV, 103—107).

[2]) Ibid., 444.

[3]) Арх. Госуд. Сов. III, ч. 2-я, с. 104. Губ. онъ былъ 1814—1817 (Закревскій, II, 896).

ваетъ весь ходъ этого дѣла, какъ участникъ (предвод. двор.) въ торгахъ (отъ дворянства, для соисканія); затѣмъ дальнѣйшее пониженіе сдѣлалъ Киселевскій, за которымъ и остались торги. Не смотря на поддержку губернатора (Бухарина), дѣло это печально окончилось для автора записокъ, а одинъ изъ совѣтниковъ казенной палаты, а также и губернаторъ, вскорѣ затѣмъ, безъ причины, были переведены въ другія губерніи [1]). Въ 1809 г. въ Комит. мин. докладывалось дѣло о томъ, что жена кіевскаго повѣтоваго штабъ-лѣкаря кол. асессора Розлача, Ксенія, по ненависти къ родной дочери, (за обнаруженіе романическихъ приключеній матери), продала ее «за крѣпостную дѣвку», каковой поступокъ хотя и обнаруженъ слѣдствіемъ, производившимся о семъ дѣлѣ, въ Кіев. глав. судѣ, но мать оставлена была безъ всякаго наказанія, а куда дѣвалась дочь изъ отцовскаго дома другой уже годъ—извѣстно только однимъ ея родителямъ. При этомъ высказано было недовѣріе къ губернатору (Панкратьеву), который пропускалъ журналъ суда, и потому разслѣдованіе поручено было в. губерн. (Четверикову), а затѣмъ направлено въ Сенатъ [2]). По другимъ же даннымъ видно, что мать сначала отправила дочь въ Козелецкій м., потомъ неоднократно отдавала въ работницы мѣщанамъ, а въ 1806 г. безъ вѣдома мужа продала донскому козаку Фершалову за 90 руб., по формальному акту съ перемѣною отчества. Когда обнаружилось это дѣло по доносу, то кіев. повѣтовый судъ оправдалъ Розлачъ, ссылаясь на установленную законами «неограниченную власть родителей надъ дѣтьми»; а 1-й деп. кіев. глав. суда утвердилъ настоящій приговоръ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать выговоръ матери, съ указаніемъ на мѣры исправленія дочери согласно 391 ст. губ. учрежденія. Между тѣмъ послѣ доноса, Розлачъ взяла дочь обратно и отдала ее одной изъ донскихъ жительницъ. Сенатъ призналъ

---

[1]) Pamiętniki, str. 138—142. Въ 1828 Катериничъ былъ губ. въ Кіевѣ (Закревскій, 896). По словамъ Вигеля, бердичевская ярмарка давала 30000 р. дохода волын. губернатору (III, 97), о чемъ говорили открыто въ служебной сферѣ. Панкратьевъ отклонялъ щедрые подарки, подносимые помѣщиками (К. Стар. 1884, VIII, 177—181).

[2]) Журн. Комит. мин., I, 4, 24; II, 6, 126.

фактъ продажи доказаннымъ и оправданія виновной лживыми; а потому она была приговорена къ лишенію званія и ссылкѣ въ Сибирь; на судей и секретарей были наложены штрафы, губ-ру предназначалось замѣчаніе, но онъ умеръ; дочь положено возвратить къ отцу, котораго подвергнуть рѣшенію мин. юст., способенъ ли онъ отправлять свою должность, какъ ссылавшійся на «слабость»; а лицъ, служившихъ посредниками въ продажѣ, предать суду и рѣшеніе кіев. глав. суда опубликовать повсемѣстно. Докладъ Сенатана былъ утвержденъ имп. Александромъ 22 авг. 1810 г. [1]).

Намъ приходилось уже упоминать о возникновеніи масонства въ Кіевѣ въ XVIII стол., не долго впрочемъ просуществовавшаго. Въ перв. четв. XIX стол. оно снова появляется здѣсь и снова при участіи польскаго элемента, прочно утвердившагося въ Кіевѣ. Такъ, возникла 12 марта 1818 г. Ложа Соединенныхъ славянъ» (система le rite du Grand Orient de Pologne) въ союзѣ Астреи. Мастеромъ стула въ 1818—19 гг. былъ Валентинъ Росцишевскій; въ 1820—21 г. Францъ Харлинскій [2]); а его смѣнилъ Фил. Олизаръ, предводитель дворянства Кіев. губ.; надзирателями (les deux surveilleurs) были русскіе, а члены были

[1]) Кіев. Стар. 1897, № 5, стр. 63—65. Ук. Сен. полтав. губ. правленію.

[2]) Хронолог. указ. русскихъ ложъ 1731—1822, Спб. 1873, стр. 37, № 132.

Надъ Крещатикомъ, на одной изъ плоскихъ возвышенностей которыми кончается дворцовая часть Кіева стояло древнее, деревянное, полуразрушенное зданіе; тамъ въ старинныя времена была масонская ложа, потомъ въ зданіи этомъ помѣщался театръ, наконецъ оно пришло въ совершенную ветхость и служило убѣжищемъ летучимъ мышамъ; зловѣщій крикъ послѣднихъ нерѣдко вечернею порой пугалъ прохожихъ и наводилъ на нихъ унынiе. Съ мыса открывался великолѣпный видъ на Старый Кіевъ съ его церквами и на широкій величественный Днѣпръ... Существовало повѣрье, что мѣсто это нехорошее, что разрушенное зданіе заколдованный домъ, обитаемый выходящими съ того свѣта (Зап. Селецкаго, К. Стар. 1884, VIII, 280). Сколько можно судить, это то же зданіе, въ которомъ имѣли свои совѣщанія и декабристы, по связи тогда съ масонами (см. ниже).

безъ разбора и русскіе, и поляки, и дружно побратски подавали другъ другу руку, говоритъ С. Г. Волконскій. Послѣдній знакомитъ насъ съ обществомъ и средой, въ которыхъ онъ вращался по пріѣздѣ въ Кіевъ именно въ это время. «Въ Кіевѣ, говоритъ онъ, начальникомъ штаба при 4-мъ пѣхот. корпусѣ былъ тогда М. Ѳ. Орловъ, товарищъ по воспитанію (мы оба были въ одномъ заведеніи у аббата Николя), товарищъ по полку кавалергардскому, по боевой бивачной жизни; мы встрѣтились съ нимъ какъ старые друзья [1]). У насъ собирался кружокъ образованныхъ людей, какъ русскихъ, такъ и поляковъ, довольно большой по случаю съѣзда на контракты и даже кругъ далекаго знакомства не былъ пустой, свѣтскій, а дѣльный. Въ это время у насъ въ Россіи ненависть къ Франціи, порожденная нашими военными пораженіями въ войнахъ 1805—1807 гг., вовсе исчезла; кампаніи 1812, 13 и 14 гг. подняли нашъ народный духъ, сблизили насъ съ Европой, съ ея установленіями и порядкомъ управленія, и какъ всякая новая идея имѣетъ коновода, то М. Орловъ по уму и сердцу былъ этимъ коноводомъ и дѣйствовалъ на просторѣ въ Кіевѣ, гдѣ ни предразсудки столичныхъ, лицъ высшаго общества, ни усердный надзоръ полиціи не клали помѣхи и гдѣ съѣздъ на контракты образованныхъ людей давалъ случай узнавать ихъ и сѣять сѣмена прогресса». Волконскій приписываетъ большое вліяніе на него Орлову и этому кружку людей: «Съ этого времени началась для меня новая жизнь», говоритъ онъ. Далѣе онъ выясняетъ и другую сторону своихъ связей и знакомствъ. Они доставили ему возможность сблизиться со многими поляками, какъ юго-восточнаго края Россіи, такъ и съ пріѣхавшими по дѣламъ довольно значительными лицами и молодежью изъ Варшавы и царства Польскаго. Въ то время, замѣчаетъ онъ, не было той рѣзкой черты непріязненности, скажу даже вражды, между русскими и поляками; не было въ этихъ послѣднихъ желанія отдѣлиться отъ Россіи... Тогда господствовалъ въ обо-

---

[1]) Впослѣдствіи они породнились, женив. на дочеряхъ ген. Раевскаго. На одной изъ нихъ хотѣлъ было жениться Олизаръ.

юдныхъ убѣжденіяхъ соединенный славянскій элементъ». Ложа «Соединенныхъ славянъ» служила этой связью и на этой почвѣ завязались потомъ болѣе широкія политическія цѣли. Авторъ записокъ былъ принятъ почетнымъ членомъ въ эту ложу и сказалъ обычную рѣчь, въ которой указывалъ, какія великія послѣдствія могутъ произойти изъ добровольнаго соглашенія между поляками и русскими составить одно нераздѣльное цѣлое. Затѣмъ онъ посѣтилъ Тульчинъ, пребываніе въ которомъ ввело его «въ кругъ людей мыслящихъ и мечтавшихъ о преобразованіи Россіи»[1]). Какъ извѣстно, здѣсь образовалась «дума» «Южнаго общества» и затѣмъ—двѣ подчиненныя ей управы—въ Каменкѣ Кіевской губ., гдѣ главными дѣятелями были владѣлецъ ея В. Л. Давыдовъ и кн. Волконскій, и Васильковская, подъ вѣдѣніемъ С. И. Муравьева и А. П. Бестужева-Рюмина, состоявшая въ ближайшей связи съ «Обществомъ соединенныхъ славянъ», имѣвшимъ свое пребываніе въ Житомирѣ, гдѣ находилась главная квартира 3-го корпуса (1-й арміи) и въ числѣ членовъ которой были какъ военнослужащіе, такъ и многіе польскіе помѣщики. Мѣстомъ общихъ съѣздовъ и совѣщаній служили для нихъ главнымъ образомъ кіевскіе контракты. Члены польскаго Патріотическаго общества съѣзжались здѣсь еще съ 1821 г. [2]). Въ 1823 г. состоялся съѣздъ представителей всѣхъ управъ; въ 1824 и 1825 гг.—депутатовъ отъ польскаго и русскаго обществъ для переговоровъ о соглашеніи [3]); а въ янв. 1826 г. назначено было уполномоченнымъ отъ обоихъ обществъ снова съѣхаться на контрактахъ (въ январѣ) въ Кіевѣ. Такимъ образомъ контракты, какъ время удобное для большихъ собраній

---

[1]) Записки С. Г. Волконскаго, Спб. 1901, стр. 400—405. Послѣ этого началалась усиленная агитація на югѣ Россіи и между прочимъ въ Кіевѣ (407—418).

[2]) Провинц. совѣтъ Кіев. губ. (польскій) состоялъ изъ Запольскаго, Іотейки, Ант. Чарковскаго и Ивашкевича. Ярмарки въ Балтѣ и Бердичевѣ служили также мѣстомъ съѣздовъ. (Донес. Варшав. слѣд. ком.).

[3]) Записки Волконскаго, 410, 412—416; Донес. Петерб. и Варшав. слѣд. коммиссій.

и совѣщаній, пріобрѣли политическій характеръ. Собранія эти происходили въ частныхъ домахъ, напр. у кн. Волконскаго, у предвод. двор. Олизара и др., на обѣдахъ и вечерахъ [1]). Пріѣзжали и въ другое время года, какъ видно изъ переписки Грибоѣдова, сообщенной выше. Къ этимъ собраніямъ причастны были предсѣд. 2-го департ. кіев. глав. суда Проскура, члены суда Іотейко, Аѳ. Гродецкій, сынъ сенат. Ржевускій и др. польскіе помѣщики, жившіе вблизи Кіева, не говоря о волынскихъ дворянахъ, въ большомъ числѣ пріѣзжавшихъ сюда на зимнюю ярмарку. Но событія предупредили состоявшееся рѣшеніе о съѣздѣ въ началѣ 1826 г.

19 ноября скончался имп. Александръ I. Такимъ обр. уже 6 дек. всѣ сословія Кіева были приведены на вѣрноподданство имп. Константину Павловичу; а 25 дек., въ день Р. Х., принесли присягу имп. Наколаю Павловичу, причемъ читаны были всѣ акты отреченія перваго отъ пристола [2]). Однако, черезъ нѣсколько дней (30 дек. по 3 янв. 1826) вспыхнуло вблизи Кіева (Васильковъ, Мотовиловка, Трилѣсы, Ковалевка) возмущеніе Черниговскаго полка и Кіевъ намѣченъ былъ цѣлью его движенія. Понятно, что все происшедшее произвело среди жителей и помѣщиковъ, съѣхавшихся по случаю контрактовъ, настоящую панику и посѣяло, какъ сообщаютъ оффиціальныя донесенія, опасенія, въ особенности, когда стало извѣстнымъ, что многіе военнослужащіе и знатнѣйшіе изъ помѣщиковъ (см. выше) были привлечены къ слѣдствію и увезены въ Петербургъ. Многіе изъ членовъ Южнаго общества не пріѣхали вовсе, а другіе изъ прибывшихъ на контракты лицъ поспѣшили уѣхать изъ города. Контрактовый домъ все время находился подъ особеннымъ наблюданіемъ, что не могло не отразиться и на торговыхъ сдѣлкахъ въ этомъ году [3]). Что

---

[1]) Въ старое время указывали деревянный домъ въ Липкахъ, противъ Царскаго сада, на пригоркѣ, гдѣ обыкновено происходили эти совѣщанія. Встрѣчались они также въ «Зеленой гостиницѣ» (Зап. Лорера, Р. Богат. 1904, № 3, с. 71), на Печерскѣ.

[2]) Кіев. Стар. (1884, VIII, 691).

[3]) См. Рус. Арх. 1871 и 1902 № 6 (оффиц. донес. о бунтѣ Черниговск. полка); записки Горбачевскаго (Р. Арх. 1882 г.), Волконскаго (Спб. 1901 и 1904) и Олизара.

же касается польскаго дворянства, то, по словамъ близкаго къ нему лица, молодежь стала усердно охотиться, ѣздить по ярмаркамъ, устраивать кутежи, вести бродячій образъ жизни, какъ бы пріучая себя къ рыцарству, въ виду надвигавшихся новыхъ событій [1]).

XV.

Новое царствованіе существенно повліяло на измѣненіе физіогноміи Кіева, преобразовавъ его внѣшній видъ и внутренній строй. Первые годы новаго правительства ушли на установленіе политическихъ отношеній, вызванныхъ все еще продолжавшимся греческимъ возстаніемъ и приведшихъ къ войнѣ съ Турціей въ 1828—29 гг., а послѣдовавшее затѣмъ польское возстаніе привлекло вниманіе правительства и къ южному краю Россіи [2]).

---

1) Зап. Чайковскаго (Рус. Стар. 1895, № 12, стр. 162).

2) Волынь и Подолія волновались, а въ первой изъ нихъ принимали участіе богатѣйшіе и болѣе видные изъ мѣстныхъ помѣщиковъ (Пузыревскій, I, 189, 285, 298, 294, 301, 349). Движеніе это затронуло и нѣк. части Кіевской губ. (Радомысльскій и Липовецкій уу.), но распространенія не получило (В. Н. Шульгинъ, Ю. З. край, Др. и Нов. Россія 1879, II, с. 6). Попытка поднять крестьянъ вызвала извѣстное воззваніе кн. Остенъ-Сакена, что они никогда уже не будутъ принадлежать тѣмъ помѣщикамъ, которые возстанутъ противъ законной власти (Шульгинъ, 6); но указъ Сената 4 іюня 1831 значительно поколебалъ эту мѣру (Чтен. въ Общ. Нестора 1900, I, 25). Контракты въ Кіевѣ и въ этотъ разъ, какъ и въ 1821—25 гг., служили (а равно ярмарки въ Бердичевѣ и Ярмолинцахъ) удобнымъ мѣстомъ совѣщаній. Съѣзды происходили также по уѣздамъ, а въ к. 30-хъ годовъ мѣстная администрація указывала на частныя собранія помѣщиковъ Овручскаго и Радомысльскаго уу. и нѣчто похожее на масонскія ложи (ib., с. 11; Смитъ, Ист. польск. возст. 1830—31 г., I, 25). Предвод. Кіев. уѣзда Іос. Залѣскій выѣхалъ въ Галицію, а въ Кіевѣ начались аресты и высылки; поэтому многіе послѣдовали примѣру своего предводителя (Р. Стар. 1896, № 8, стр. 376—77).

Съ 1827 г., послѣ продолжительнаго промежутка (съ 1812 г.), въ Кіевской, Подольской и Волынской губ. возстановлено было генералъ-губернаторство [1]), и уже первый изъ ген.-губ. [2]) возбудилъ вопросъ о принятіи мѣръ по отношенію къ дворянству Западнаго края, въ то время, какъ цес. Константинъ Павловичъ повидимому не вѣрилъ въ возможность заговора и польскаго возстанія. Желтухинъ указывалъ на необходимость введенія въ судебныхъ учрежденіяхъ Ю. З. края русскаго языка въ дѣлопроизводство, хотя бы въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ населеніе всплошь малорусское или русское; въ прочихъ же повѣтахъ сдѣлать обязательнымъ употребленіе русскаго яз. лишь въ губернскихъ учрежденіяхъ, не запрещая писать бумаги на этомъ языкѣ въ повѣтовыхъ учрежденіяхъ [3]). Затѣмъ Желтухинъ просилъ объ установленіи новаго порядка ревизіи дѣлъ, рѣшаемыхъ повѣтовыми учрежденіями. Въ Сенатѣ

---

[1]) Званіе его выражалось въ такомъ видѣ: „Кіевскій воен. губернаторъ, подольскій и волынскій ген. губернаторъ" (Варадиновъ, ч. III, кн. I, 125, 417; кн. II, 115; кн. III, 233); однако, критика ген. губ. власти въ Комит. 6 дек. 1826 г. не прошла безслѣдно, и хотя инструкція ген. губ-рамъ не была составлена, но права ихъ были опредѣлены ук. 13 окт. 1831 г., въ которомъ сказано, что права и обязанности ген. губ. (кромѣ сибирскаго и кавказскаго) по губернскому управленію тѣ же самыя, какія имѣютъ гражд. губ. тѣхъ губерній, въ которыхъ нѣтъ ген. губернаторовъ (Ист. Комит. мин., т. II, ч. I, 109).

[2]) Въ царств. Николая I ген. губ. были: ген. лейт. Желтухинъ (1827—29, назначенный полномоч. предсѣд.992 дивановъ въ Дунайскихъ княж., Шильдеръ, Имп. Николай I, т. II, 204, и вскорѣ умершій, Отеч. Зап. 1830, т. XLI, 491); Б. Я. Княжнинъ (—1832), В. В. Левашовъ (—1836), гр. А. Д. Гурьевъ (—1837), ген. л. Д. Г. Бибиковъ (—1853), кн. Ил. В. Васильчиковъ (—1862).

[3]) Кн. Долгоруковъ въ 1817 г. писалъ (живя подъ Каневомъ): „Сюда приносили изъ земскаго суда курсорію, т. е. повѣстку, на польскомъ яз., и меня этотъ обычай очень удивилъ; это такъ, какъ бы я вздумалъ въ свою деревню къ старостѣ наслать приказъ понѣмецки. Кіевская губ., однако-жь, населена вся русскими обывателями... Поляки здѣшніе никогда дѣтей своихъ не учатъ порусски" и пр. (150).

его представленіе вызвало пренія; напротивъ мин. юстиціи настаивалъ на приведеніи предположеній ген. губ. въ исполненіе. Комитетъ мин. нашелъ, что все это дѣло подлежитъ разсмотрѣнію Госуд. Совѣта, съ чѣмъ согласился и Государь. Далѣе Желтухинъ, указывая, что засѣдатели, избираемые кіев. дворянствомъ, очень плохо знаютъ и исполняютъ свое дѣло и держатъ безъ всякаго производства дѣла по нѣсколько лѣтъ, просилъ, чтобы ему позволено было половину засѣдателей назначать отъ короны, тѣмъ болѣе, что крестьяне—малороссы питаютъ постоянно ненависть къ помѣщикамъ полякамъ. Комитетъ мин. разрѣшилъ ввести предлагаемый порядокъ временно до изданія новаго постановленія. Между тѣмъ, кіевское дворянство обратилось къ государю съ просьбой о подтвержденіи его правъ и привелегій. Желтухинъ сильно возсталъ противъ этого стремленія. Необходимо, писалъ онъ, имѣть при рѣшеніи просьбы и польскіе законы, и исторію края; постоянною цѣлью польскаго дворянства было стремленіе ограничить власть королей, умножить свои права и совершенно поработить себѣ низшіе классы населенія; напр., по польскимъ законамъ, за оскорбленіе величества виновный наказывался шестинедѣльнымъ заключеніемъ въ замкѣ, а простолюдинъ за уязвленіе дворянина смертною казнью. Дѣло это Ком. мин. также перадалъ въ Госуд. Совѣтъ. Еще въ 1827 г. были изданы нѣкоторыя постановленія для устраненія безпорядковъ въ выборахъ губерній, присоединенныхъ отъ Польши [1]). Желтухинъ спрашивалъ, допускать ли ему къ дворянскимъ выборамъ тѣхъ дворянъ Кіевской губ., которые находятся подъ секретнымъ надзоромъ полиціи, за прикосновенность къ происшествіямъ 14 дек. 1825 г., или находятся въ близкихъ связяхъ и родствѣ съ лицами, участвовавшими въ заговорѣ, открытомъ въ ц. Польскомъ. «Особый духъ свободомыслія, дерзость сужденій о правительствѣ, распространенія неблагопріятныхъ слуховъ о войнѣ (1828—29 гг.), безпрерывные и даже нѣсколько скрытные переѣзды изъ одного мѣста

---

[1]) Второе П. С. закон., II, № 1174. Ср. Варадиновъ, Ист. мин. вн. дѣлъ, III, кн. I, с. 135, 425.

въ другое, частыя между собою свиданія»—характеризовали, по его словамъ, поведеніе этихъ дворянъ. Самъ Желтухинъ и мин. вн. дѣлъ полагали, что этихъ дворянъ не слѣдуетъ допускать до выборовъ, тѣмъ болѣе, что можно было опасаться, какъ бы эти именно лица не были выбраны въ должности. Комитетъ находилъ, что лишить дворянина участвовать въ выборахъ можно только по приговору суда; во-вторыхъ, за этими лицами учрежденъ секретный надзоръ, слѣдовательно не допустить ихъ къ выборамъ,—значитъ огласить надзоръ; затѣмъ мѣра эта была бы противна жалов. грамотѣ дворянства и другимъ высоч. указамъ; наконецъ, всѣ дѣла по происшествіямъ 14 дек. окончены и участь лицъ, прикосновенныхъ къ нимъ, разрѣшена уже приговоромъ верх. угол. суда. Государь рѣшилъ дѣло согласно съ представленіемъ воен. губернатора: «тѣхъ, которые были изобличены въ участіи сего дѣла, допускать къ выборамъ отнюдь не должно» [1]). Но и въ 1833 г. дворянства Полтавской, Черниговской, Кіевской и Бѣлорусскихъ губ. просили о подтвержденіи и расширеніи своихъ правъ и права участія въ земскомъ управленіи [2]).

Почти одновременно (1828) возникло слѣдующее характерное дѣло. Рядъ городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, обратились къ правительству съ ходатайствомъ объ утвержденіи ихъ правъ и привелегій; а малороссійскіе города просили прислать имъ и экземпляръ этого права на русскомъ языкѣ. Какъ видно, просьба эта подтверждаетъ существующее мнѣніе, что города, пользовавшіеся магд. правомъ, не вполнѣ были освѣдомлены въ немъ. Отчасти мы видѣли это и на примѣрѣ столкновенія кіев. магистрата съ канцел. ген. губернатора во 2-й пол. XVIII стол. Въ Петербургѣ, въ архивѣ Сената нашелся одинъ, и то не полный, экземпляръ перевода съ польскаго, неизвѣстно кѣмъ и когда исполненный. Мин. юстиціи предложилъ поручить коллегіи ин. дѣлъ сдѣлать переводъ съ оригинала и отпечатать этотъ переводъ въ 600 экз.; но оказалось, что во II отд. Е. И. В. канц.

1) Середонинъ, Ист. Комит. мин., II, ч. I, с. 55—57.
2) Ibid., I, 427.

есть полный переводъ, сдѣланный въ 1732—35 гг. Комитетъ мин. положилъ отпечатать этотъ послѣдній; но государемъ дѣло передано было Сперанскому, съ тѣмъ, чтобы онъ собралъ обстоятельныя свѣдѣнія и переговорилъ съ мин. юстиціи, если изданіе будетъ признано необходимымъ [1]).

Постойная повинность всегда тяжело ложилась на бюджетъ городовъ. Поэтому даже болѣе состоятельные и значительные города просили для себя разныхъ привилегій и ссудъ, иногда весьма значительныхъ по размѣру. Въ 1828 г. Кіевъ ходатайствовалъ объ отпускѣ суммы въ 1 мил. р. на постройку казармъ. Комитетъ мин. сначала нашелъ неудобнымъ разрѣшать ее въ военное время; обыватели мало будутъ облегчены въ квартирной повинности; притомъ, по плану обороны, можетъ быть выстроена крѣпость, конечно не на счетъ города. Въ это время кіевскій гарнизонъ состоялъ изъ 516 офиц. и 7512 ниж. чиновъ, а квартирную повинность несли 3593 дома. Особый комитетъ проектировалъ постройку для части войскъ казармъ на счетъ города, а для остальныхъ—отъ казны. Комитетомъ мин. было положено сдѣлать для постройки казармъ заемъ въ 1 мил. слишкомъ, причемъ половина означеннаго расхода падала на городъ [2]). Въ томъ же году, по настоянію Желтухина, по тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, была учреждена экстра-почта между Кіевомъ и Петербургомъ (обыкновенная почта проходила путь въ 10 дней [3]).

Въ 1831 году, въ Кіевѣ возникаетъ «Коммиссія для разбора дѣлъ о мятежникахъ», порядокъ и подробности котораго были установлены въ Комитетѣ мин., а вмѣстѣ къ тѣмъ поставленъ былъ на очередь и вопросъ о положеніи шляхты [4]). Коммиссія продолжала свои дѣйствія и позже, а по открытіи заговора

---

1) Ibid., I, 322—323.

2) Ibid., I, 301.

3) К. Стар. 1904, № 2, с. 49; ср. Ист. Комит. мин., II, 169.

4) Ibid., I, 59—65.

Конарскаго (1838) усилила свою дѣятельность [1]). Возстаніе 1830 г. вызвало рядъ новыхъ мѣръ «въ согласность распоряженіямъ блаженной памяти имп. Екатерины II». Указами 30 окт. 1831 г. и 1 іюня 1832 присвоены всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ въ краѣ тѣ названія, какія существуютъ въ великороссійскихъ губ. и введенъ русскій яз. въ судопроизводство. Указ. 25 іюня 1832 г. предписано было рѣшать въ возвращенныхъ отъ Польши губ. дѣла уголовныя и слѣдственныя на основаніи польскихъ узаконеній тогда только, когда русскія оказываются недостаточными; ук. 31 мая сроки раскладки земскихъ повинностей и рекрутская повинность утверждены на общихъ въ имперіи основаніяхъ; а ук. 3 дек 1833 г. введены были въ краѣ совѣстные суды, по примѣру и устройству великорусскихъ [2]). Рядъ дѣлъ, возникшихъ на пространствѣ 1835—45 гг. въ предѣлахъ Волыни (Общество вѣры, надежды и любви, Союзъ польскаго народа, заговоръ Конарскаго, гороскопы о возстановленіи Польши—на Волыни) и обнаружившихъ ихъ вліяніе въ Кіевѣ предоставили въ распоряженіе ком. значительный матеріалъ и отразились, въ свою очередь, на дальнѣйшихъ судьбахъ края [3]).

---

[1]) Подробности разслѣдованія и положеніе дѣлъ на Волыни въ запискахъ одного изъ слѣдователей, Н. И. Мамаева (Истор. Вѣстн. 1901, №№ 9 и 10). Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ даютъ характеристику мѣстной администраціи и настроенія общества. Въ Житомирѣ поразила автора картина дворянскихъ выборовъ «Изъ толпы дворянъ, — болѣе ста человѣкъ, — отдѣлились двое и направились въ соборъ, какъ православнаго исповѣданія, всѣ же прочіе пошли въ костелъ, въ которомъ и были устроены самые выборы, т. е. были разставлены столики по уѣздамъ и одинъ общій — губернскій» (№ 9, с. 797).

[2]) См. Полн. Собр. зак. (второе).

[3]) Шульгинъ, 23—24. Объ отношеніи администраціи (ген. губ. Княжнина и Левашова) къ событіямъ 30 годовъ, духовенства, мѣстной полиціи и пр. см. «Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1831 г. въ Кіевщинѣ" О. Л. (К. Стар. 1899, № 4, с. 91—116); распоряж. 1831 г. (тамъ же 1901, №№ 6 и 9). Въ связи съ этими событіями находится усиленіе полиціи въ Кіевѣ (Второе П. С. зак., VIII, № 6084; Варадиновъ, III, ч. II, с. 504).

Между тѣмъ событія въ Кіевѣ шли своимъ чередомъ. Воен. губернаторъ Левашовъ высказывалъ опасенія, какъ бы по причинѣ льготъ, данныхъ Кременчугу, не остановился ростъ Кіева; жители его не стали переселяться въ Кременчугъ. Поэтому онъ просилъ предоставить кіевскому купечеству тѣ же льготы, какія были дарованы послѣднему, т. е. по платежу гильдейскихъ пошлинъ (новымъ обывателямъ на 5 лѣтъ полное освобожденіе отъ платежа, слѣдующія 5 лѣтъ половина платежей, а устроившіе фабрику освобождались отъ этихъ платежей на 10 лѣтъ). Мин. фин. Канкринъ находилъ опасенія ген губ. Левашова неосновательными, такъ какъ Кіевъ самъ по себѣ важный пунктъ внутренняго потребленія и всегда будетъ привлекать къ себѣ купцовъ; льготы, данныя Кіеву, принесутъ убытокъ казнѣ и сосѣднимъ городамъ, а сверхъ того послужатъ многимъ примѣромъ домогаться того-же; въ крайнемъ случаѣ онъ можетъ согласиться на предоставленіе Кіеву только половинныхъ льготъ. Комитетъ министровъ призналъ причины, выставленныя минист. финансовъ, «весьма уважительными» и высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ вообще привлекать населеніе въ города единственно собственными ихъ выгодами, а не разными льготами. Но такъ какъ теперь въ видахъ правительства усилить городъ Кіевъ, то Комитетъ прилагаетъ къ своему журналу проектъ указа сообразно съ представленіемъ минист. финансовъ. Дарованіе льготъ Кіеву ставилось въ зависимость отъ политическихъ видовъ правительства послѣ польскаго возстанія 1830—31 гг. Проектъ представленнаго указа былъ одобренъ [1]). Вслѣдъ затѣмъ Левашовъ возбудилъ другой важный вопросъ. Въ 1834 г. масса малороссійскихъ казаковъ съ семьями двинулись было на Кавказъ, но они были остановлены кн. Репнинымъ, который опасался, что имъ придется идти по неурожайнымъ мѣстамъ; по Комит. мин.,

---

[1]) Ист. дѣят. Ком. мин., II, ч. I, 306—307. Это былъ указъ 8 марта 1835 г., предоставлявшій купцамъ, поселившимся въ Кіевѣ и выстроившимъ дома, освобожденіе отъ платежа податей на 3 года, послѣ чего торговля привлекла въ городъ и нѣск. иностранцевъ.

опять согласно съ мнѣніемъ мин. фин., нашелъ еще неудобнѣе оставить ихъ въ неурожайной мѣстности, а такъ какъ было получено донесеніе, что урожай на пути ихъ слѣдованія хорошъ, то Ком. мин. положилъ, не дожидаясь согласія кавказскаго начальства, двинуть тѣхъ, кто пожелаетъ. Положенія эти были утверждены. Тогда Левашовъ представилъ на разрѣшеніе самый вопросъ о положеніи казаковъ, крайне бѣдственномъ отъ обезземеленья и другихъ, отчасти политическихъ, а отчасти экономическихъ причинъ (неправильное распредѣленіе подушной подати, недоимки, которыя взыскивались даже «жестокими мѣрами», неурожаи 1828, 1833—34 гг.; въ отеч. войну вооруженіе казакамъ стоило 40 милл., въ 1831 г.—1/2 милл., лишеніе дохода съ промысла соли, запрещеніе продажи казенныхъ земель—понизило цѣны на нихъ и т. п.). Съ своей стороны онъ рекомендовалъ лучшую организацію переселеній бѣдныхъ казаковъ (на правительственный счетъ), отмѣну общественной поруки и измѣненіе порядка сбора податей. По каждому изъ этихъ пунктовъ Канкринъ представилъ подробныя возраженія, одобряя переселеніе, но не принудительное, а поощряемое лишь пособіями и льготами съ тѣмъ, чтобы издержки на него раздѣлялись между казною и обществами. Сверхъ того, замѣчалъ Канкринъ, слѣдуетъ всегда помнить, что доколѣ у казаковъ будетъ вольная продажа вина, не поправятся до тѣхъ поръ ни казаки, ни Малороссія. Ком. мин. высказался также за переселеніе, дозволивъ его всѣмъ тѣмъ, кто захочетъ поступить въ казенные крестьяне[1]).

Уже при Левашовѣ началась перестройка Кіева въ широкихъ размѣрахъ[2]); при немъ вводились измѣненія во внутреннемъ

---

[1]) Ibid., 220—222.

[2]) Въ 1834 г. утверждено было положеніе объ учрежденіи строительнаго комитета въ Кіевѣ и о строительной его части, объ учрежденіи квартирной коммиссіи, о прибавкѣ 6-й полиц. части и пр. (Второе П. С. зак., т. IX, №№ 6704; 7525; 7562; 7451; Варадиновъ, III, кн. I, 613); планъ города (ib., кн. II, 312); о замощеніи улицъ (ib. 145).

бытѣ края, съ бо́льшей системой и настойчивостью проводившіяся при Бибиковѣ; при немъ же открытъ (учр. 14 дек. 1832) былъ Кіев. учеб. округъ, а затѣмъ и университетъ; по настояніямъ фонъ-Брадке и при поддержкѣ гр. Левашова, которому такъ не сочувствовалъ его кратковременный преемникъ (гр. Гурьевъ), «ненавидѣвшій всѣ университеты», по выраженію фонъ-Брадке [1]). Преемникъ же Гурьева пожелалъ въ самомъ началѣ стать и попечителемъ округа (какъ утверждаетъ тотъ же фонъ-Брадке), что́ случилось уже позже. При Левашовѣ, въ 1834 г. образовалось въ Кіевѣ акціонерное Общество приготовленія искусственныхъ минеральныхъ водъ [2]). Въ 1835 г. разрѣшено было въ Кіевѣ держать постоянную русскую труппу подъ управленіемъ особой дирекціи съ пособіемъ отъ города [3]) и тогда же положено было начало постоянному дворянскому собранію; по объ этихъ явленіяхъ, имѣющихъ тѣсную связь съ общественной жизнію города, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Предпріимчивый кіевскій войтъ (бывшій) надв. сов. Киселевскій просилъ въ 1835 г. ген. губ. принять подъ свое покровительство учреждаемую имъ, по выс. утвержденному положенію Комит. мин-овъ, «Контору первоначальнаго заведенія дилижансовъ и транспортовъ». Послѣдніе направлялись (два раза въ недѣлю) изъ Кіева на Москву (ц. 125—75 р. ассигн.) и изъ Кіева на Петербургъ (ц. 213—90 р. ассигн.), о чемъ ген.-губ. увѣдомилъ губернаторовъ кіевскаго, черниговскаго и полтавскаго [4]).

---

[1]) Автобіогр. записки (Р. Арх. 1875, I, 281—82). Гр. Бутурлинъ называетъ его «тяжелослогимъ» (Р. Арх. 1897, № 8, с. 571). Кіевляне лишь помнятъ его дѣйствія, если при проѣздѣ экипажей не держались правой стороны, за что сурово доставалось отъ полиціймейстера—нѣмца (К. Стар. 1882, III, 64).

[2]) Оно помѣщалось сначала въ оставшемся отъ пожара (1819 г.) дворца флигелѣ, а потомъ въ отдѣльномъ заведеніи, также выстроенномъ въ Царскомъ саду. Въ другомъ флигелѣ въ 1835 г. находилась гостиница (Зап. Бутурлина, Р. Арх. 1897, № 8, с. 596).

[3]) Закревскій, 833.

[4]) Кіев. Стар. 1903, № 12, с. 134.

XVI.

Въ 1829 г. (23—25 іюня) послѣ коронаціи въ Варшавѣ и смотра въ Тульчинѣ императоръ Николай посѣтилъ въ первый разъ (послѣ 1816 г.) Кіевъ [1]), вмѣстѣ съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ, осматривалъ городъ и древности Софійскаго собора [2]). Въ это время въ Кіевѣ было получено извѣстіе о взятіи (18 іюня) крѣпости Силистріи. «Желая сохранить городу Кіеву памятникъ сего важнаго событія, читаемъ въ рескриптѣ на имя военнаго губернатора П. Ѳ. Желтухина (1827—1830) назначаю оному одинъ изъ ключей покоренной крѣпости и три знамени, изъ числа взятыхъ при семъ случаѣ храбрыми нашими войсками, повелѣвая хранить сіи трофеи побѣды въ соборномъ храмѣ св. Софіи» [3]). И въ тотъ же день (25 іюня), осматривая крѣпостныя работы, производимыя плѣнными турками, императоръ далъ повелѣніе: избрать изъ числа ихъ 200 человѣкъ старшихъ и имѣющихъ семейства и отправить ихъ на родину [4]).

Вслѣдъ за тѣмъ императоръ Николай посѣтилъ Кіевъ въ 1830 г. (31 мая—2 іюня). По поводу настоящаго его пребыванія современникъ пишетъ: «1-го іюня слушалъ обѣдню въ

---

[1]) Онъ останавливался въ ген.-губ. домѣ.

[2]) Записки Бенкендорфа (Шильдеръ, II, 235—38). Нѣсколько ранѣе (17—20 сент. 1828), проѣздомъ изъ Одессы черезъ Кіевскую губ. посѣтила Кіевъ имп. Александра Ѳеодоровна съ вел. кн. Маріей Николаевной и подробно осматривала городъ и его святыни (см. двѣ записки объ этомъ, одна—оффиц., а другая, сост. митр. Евгеніемъ, Кіев. Стар. 1902, №№ 7—8, с. 15—20). Въ томъ же году была въ Кіевѣ и вел. кн. Елена Павловна (Отеч. Зап. 1830, т. XLI, 491).

[3]) По поводу этого дара въ современныхъ кіев. записяхъ читаемъ: «церемоніально были возимы (6 авг.) по всему городу городскою реестровою гвардіею, взявши оныя (ключъ и знамена) изъ крѣпости (арсенала) и доставлены въ соборъ» (Кіев. Стар. 1884, VIII, 692), гдѣ они находятся и до сихъ поръ (Опис. Кіево-Соф. собора, пр. П. Л., 50).

[4]) Митр. Евгеній, Опис. Кіево-Печерской лавры, стр. 95 и д.; Закревскій, 123.

Софійскомъ соборѣ, вечеромъ посѣтилъ балъ, данный дворянствомъ и гражданами въ контрактовомъ домѣ» [1]). Въ этотъ пріѣздъ государь повелѣлъ гражданамъ перемѣнить польскіе мундиры на обыкновенные гражданскіе, присвоенные дворянскимъ чиновникамъ [2]). Посѣщенія эти несомнѣнно оказали вліяніе на приведеніе въ порядокъ города и усиленіе его военнаго значенія. Мы видѣли, что еще въ 1816 г. предполагалось въ Кіевѣ построить сильную крѣпость, но мысль эта тогда была оставлена. Вскорѣ же по окончаніи турецкой войны, а именно въ 1830 г., началось возведеніе громаднаго укрѣпленія изъ прекраснаго кіевскаго кирпича въ Печерской части города, состоящееe изъ нѣсколькихъ цитаделей, закончившееся только въ 1852 г. А такъ какъ крѣпость дожна была занять многія мѣста, застроенныя домами жителей, то, по уплатѣ за каждое строеніе и мѣсто, послѣднимъ отведены были свободныя мѣста по рѣкѣ Лыбеди, положившія начало новой части города, получившей названіе Новаго строенія [3])—это такъ называемый потомъ латинскій кварталъ г. Кіева, гдѣ сосредоточивались долгое время квартиры большинства учащихъ

---

[1]) Въ то время находили это помѣщеніе для бала обширнымъ. Предварительно, на пути въ Кіевъ, онъ посѣтилъ въ Б. Церкви гр. Браницкую (К. Стар. 1896, № 10, с. 10).

[2]) Кіев. Стар. 1884, VIII, 692. Состоялось это при представленіи 1 іюня воен-губ. Княжнинымъ членовъ кіев. магистрата. По этому случаю Е. В. выс. повелѣть соизволилъ: «Костюмъ или мундиръ, издревле членами магистрата сего употребляемый, стараго польскаго покроя, отмѣнить, а употреблять онымъ членамъ мундиръ россійскій», о чемъ войтъ предложилъ магистрату для должнаго исполненія, а магистратъ почтеннѣйше донесъ о томъ воен. губ-ру, подписывая такъ: «Е. И. В. прародительской Отчины Богомъ хранима града Кіева бургомистры: Пав. Рожнятовскій, Ант. Лакерда; ратсгеры: Ром. Барскій и Коробкинъ» (К. Стар. 1901, №№ 7—8, сс. 15—16).

[3]) Вблизи него находилась мѣстность Паньковщина, принадлежавшая Софійскому собору и состоявшая въ вѣдѣніи митр. намѣстниковъ Паньковъ (въ XVI в. о нихъ упоминается въ актахъ), съ которыми приходилось тягаться изъ-за земли Михайловскому и Никольскому мон. (Закревскій, 233, 349, 384, 514, 567).

и учащихся; а передъ второй турецкой войной (1853—55) зданіе присутственныхъ мѣстъ, находившееся въ виду крѣпости (гдѣ нынѣ Александровскій скверъ), было срыто и заложено (15 іюля 1854) новое на площади между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ, по плану архитектора Скаржинскаго,—это обширное каменное зданіе, частью въ 3, а частью въ 4 этажа, представляющее соединеніе нѣсколькихъ корпусовъ и стоившее казнѣ до 400000 руб. (оно оконч. было въ 1857 г. [1]). Въ томъ же году заложенъ былъ каменный театръ, построен. на площади по Владимірской ул., по плану архит. Штрома, стоимостью въ 130000 руб., неоднократно подвергавшійся потомъ передѣлкамъ и сгорѣвшій въ 1896 году [2]).

Почти одновременно съ основаніемъ новой крѣпости состоялось окончательное перемѣщеніе изъ Могилева главной квартиры первой арміи (1830), состоявшей подъ начальствомъ кн. Остенъ-Сакена, въ связи съ чѣмъ находится прибытіе въ Кіевъ главнаго штаба, генералитета, индендантства, аудиторіата и другихъ военныхъ коммиссій [3]); а размѣщеніе въ городѣ военныхъ управленій и значительнаго числа войскъ вызвало постройку новаго (1835—45) обширнаго (на мѣстѣ прежнихъ деревянныхъ зданій) каменнаго госпиталя, состоящаго изъ трехъ огромныхъ корпусовъ на 1800 чел. больныхъ, съ значительнымъ при немъ штатомъ служащихъ и прислуги [4]).

---

[1]) Закревскій, 125—26, 382—83, 432; 743: Мѣсто, занятое нынѣ присут. мѣстами, представляло совершенный пустырь, на которомъ росла трава и стояли первобытныя кузницы, въ виду Михайловскаго мон. и Софійскаго собора.

[2]) Закревскій, 833. Прежній театръ на Крещатикѣ былъ срытъ въ 50-хъ годахъ и застроенъ усадьбою Гудимъ-Левковича, въ которой открылась Европейская гост., сущ. по настоящее время. До отстройки новаго театра представленія давались на Подолѣ въ зданіи, занятомъ потомъ арест. ротами, а затѣмъ приспособленномъ для Александровскаго ремесл. училища, по завѣщанію купца Котляревскаго.

[3]) Закревскій, 123.

[4]) Ibidem, 274. Уже въ 1857—58 г. возведены еще два каменныхъ въ два этажа корпуса—казармы и три огромныя круг-

Изъ лицъ жившихъ въ Кіевѣ, говоритъ фонъ-Брадке, особенно замѣчательны были 80-лѣтній слишкомъ фельдм. кн. Сакенъ (Фаб. Вильг.) и нач. его штаба ген. лейт. Муравьевъ (Ник. Ник., потомъ Карсскій). Сакенъ былъ не женатъ, но имѣлъ много незаконныхъ дѣтей и былъ въ правахъ своихъ вообще грязноватъ... Впрочемъ онъ былъ человѣкъ большого ума и отличныхъ военныхъ познаній [1])... Муравьевъ впослѣдствіи кавказскій намѣстникъ, человѣкъ вел. духа и отличныхъ военныхъ способностей. Онъ зналъ нѣсколько европейскихъ и восточныхъ языковъ, читалъ много и основательно. Онъ былъ горячо преданъ своему исповѣданію и строгъ въ правилахъ [2]), но высокомѣренъ, причудливъ и рѣзкаго нрава... Позднѣе его постигли большія непріятности по службѣ, къ которымъ онъ отнесся чрезвычайно раздражительно, просилъ отставки, дожидался ея въ Кіевѣ и дѣйствительно получилъ [3]). Ему пришлось на первыхъ порахъ столкнуться съ крупными злоупотребленіями по интендантской части. Фельдмаршалъ, по словамъ Муравьева, находился въ рукахъ трехъ лицъ (ген. Красовскаго и Карпова) и главнымъ образомъ правителя своей канцеляріи (Квиста). Послѣдній дѣйствовалъ даже посредствомъ женщинъ, къ которымъ фельдмаршалъ при старости своей имѣлъ еще непомѣрную слабость. «Въ бытность мою въ Кіевѣ, говоритъ Муравьевъ, я составилъ записку, въ которой изложилъ горестное состояніе, въ какомъ находятся войска въ нравственномъ отношеніи. Въ запискѣ сей были показаны причины упадка духа арміи, побѣговъ, слабости

лыя башни. Въ одномъ изъ первыхъ помѣщено было училище кантонистовъ, а потомъ (съ 1859) Военное училище (Закревскій, 337).

[1]) Онъ жилъ въ соб. домѣ, нынѣшнемъ губернаторскомъ (Закревскій, 124). Н. Н. Муравьевъ также хвалитъ его способности и дарованія (Р. Арх. 1894, III, 165).

[2]) Въ Кіевѣ онъ принялся было за обращеніе гр. Бутурлиной, перешедшей въ католизмъ (Р. Арх. 1897, № 8, стр. 594). Извѣстный церковный писатель А. Н. Муравьевъ—его родной братъ.

[3]) Рус. Арх. 1875, I, 282—283. Записки его (Муравьева) помѣщены въ Р. Арх. 1894 г. (№ 10). Мѣсто его занялъ П. С. Кайсаровъ (Р. Арх. 1897, № 574, 588—89).

людей, заключающіяся большею частію въ непомѣрныхъ требованіяхъ начальства, частыхъ смотрахъ, поспѣшности, съ коей старались образовать молодыхъ солдатъ и, наконецъ, въ равнодушіи ближайшихъ начальниковъ къ благосостоянію людей имъ ввѣренныхъ». Записка эта была представлена, но результатовъ не имѣла... «Государь хотѣлъ заблуждаться на счетъ войскъ, и трудно было увѣрить его въ противномъ, когда онъ самъ, видя войска, какъ бы искалъ утѣшить себя мнимыми совершенствами, упуская изъ вида то, что составляетъ самое важное» [1], замѣчаетъ Муравьевъ.

При Левашовѣ началось распланироваіе бывшаго урочища Кловъ (Липки), назначены были мѣста подъ постройку частныхъ домовъ и вскорѣ явились здѣсь деревянныя постройки, хотя это обстоятельство заставляло кіевлянъ сожалѣть о старинной липовой рощѣ, бывшей нѣкогда украшеніемъ города [2]). Вотъ любопытный разговоръ, происходившій между имп. Николаемъ I и Н. Н. Муравьевымъ (Карсскимъ) въ 1835 г., свидѣтельствующій о вниманіи государя къ устройству Кіева: «Укрѣпляется-ли у васъ Кіевъ? спросилъ государь.—Есть новыя строенія; но за то лучшее украшеніе города, цѣлыя ряды тополей, срубаются.—Зачѣмъ это? Гдѣ эти тополи были? Я ихъ не помню.—Тополи были по улицамъ около домовъ, а рубятъ ихъ, чтобы спрямить улицы.—Гдѣ ихъ спрямляютъ? [3]). Въ разныхъ мѣстахъ

---

[1]) Р. Арх. 1894, № 10, стр. 181—184, 192—195.

[2]) Рус. Архивъ 1894, III, 198.

[3]) Въ 20-хъ годахъ лучшею частью на Печерскѣ считалась «Липки», названная такъ по аллеѣ великолѣпныхъ липъ, обращенной потомъ въ бульваръ (Кіев. Стар. 1882, IV, 615, 617). Въ 1833 г. Кловская липовая роща была истреблена (Закревскій, 388). Другой свидѣтель называетъ это дѣло «вандализмомъ» и прибавляетъ: «Во фронтовомъ своемъ рвеніи соблюдать, елико возможно, прямую линію, Левашовъ выровнялъ бугроватые откосы одной изъ гористыхъ улицъ, и работа эта исполнена была столь поспѣшно и повидимому неожиданно, что въ одномъ мѣстѣ, какъ передано было мнѣ, одинъ несчастный аптекарь лишился будто бы всякаго приступу къ своему

и между прочимъ близъ сада.—Какъ торговля въ Кіевѣ? Улучшается ли?— Не полагаю Ваше Величество; купцы тамъ болѣе пріѣзжіе, а съ уничтоженіемъ главной квартиры они очень обѣднѣють: ибо мы тамъ издерживали до милліона рублей въ годъ. —Если перевести Бердичевскую ярмарку? [1]). Но я полагаю сіе невозможнымъ. Какъ ты думаешъ о семъ?—Я думаю, Государь, что ярмарки учреждаются безусловно по обстоятельствамъ и надобностямъ народа, а потому и полагаю, что правительство не можетъ назначать и переводить ихъ, какъ равно и торговыя дороги.—Подвигаются-ли крѣпостныя работы? Подвигаются и отдѣлка каменныхъ стѣнъ очень чистая.—Какъ идетъ университетъ?—Это одно изъ лучшихъ заведеній въ Кіевѣ.—Тамъ Брадке управляетъ имъ (съ 1834 г.), онъ человѣкъ знающій», прибавилъ государь [2]).

Между тѣмъ у фельдмаршала возникли большія несогласія съ Левашовымъ, перешедшія въ болѣе острыя отношенія, окончившіяся отозваніемъ (1836) послѣдняго [3]), впрочемъ уже не задолго до смерти Остенъ-Сакена (7 апр. 1837 [4]). Предпринятая перестройка города была завершена при Бибиковѣ.

Еще въ 1834 г. (7 янв.) утверждено было положеніе объ устройствѣ Кіева, имѣвшее цѣлью украшеніе города правильными и прочными зданіями, исправнымъ содержаніемъ домовъ, заборовъ, мостовъ, публичныхъ зданій, садовъ и т. п. [5]). Много

дому, потому что обрывъ горы подходилъ къ самому его крыльцу» (Записки гр. М. Д. Бутурлина, Р. Арх. 1897, № 8, стр. 595).

[1]) Политическая сторона этого вопроса выяснится далѣе.

[2]) Рус. Архивъ, 1894, III (№ 10), стр. 289--290.

[3]) Фонъ-Брадке, стр. 281. «Гдѣ его заслуги, говорилъ за обѣдомъ Сакенъ? Я 69 лѣтъ служу вѣрно государю; а онъ что дѣлаетъ? Рубитъ деревья въ Кіевѣ, да дома ломаетъ, и что онъ больше умѣетъ дѣлать? Пора его отсюда вонъ; онъ не радѣетъ объ общемъ благѣ» (Р. Арх. 1894, № 10, стр. 198—206—исторія ссоры).

[4]) Р. Стар. 1904, № 9, стр. 652. Названная впослѣдствіи Левашовская ул. въ Липкахъ носила прежде названіе Шелковичной.

[5]) Закревскій, I, 101.

содѣйствовали также улучшенію города частыя посѣщенія импер. Николаемъ Кіева (1832[1]), 1835, 1837[2]), 1840[3]), 1843[4]), 1844, 1845, 1847, 1852[5]), въ устройствѣ котораго онъ принималъ близкое участіе, руководствуясь то военными, то археологическими соображеніями[6]). Послѣднихъ мы коснемся далѣе, въ своемъ мѣстѣ. Въ 1837—1848 гг. планированіе распространилось и на древніе валы Стараго Кіева, гдѣ проведены новыя улицы (Владимірская, Михайловская, Житомирская и др.[7]), вслѣдствіе чего эта часть города совершенно измѣнилась. Въ свою очередь, наводненія, происходившія отъ разлива Днѣпра и чрезвычайныхъ дождей, которымъ весьма часто подвергался Кіевъ (1826, 1839, 1844, 1845, 1848, 1849, 1853), заставили обратить вниманіе на укрѣпленіе его горъ и предохраненіе жителей отъ возможныхъ случайностей[8]). Поэтому въ теченіе 1839—49 гг. произведена была обдѣлка Александровской горы, укрѣплена часть откосовъ Андреевской горы, требовавшей, однако, постояннаго вниманія, по причинѣ своего грунта, кіево-подольскій каналъ (въ просторѣчіи наз. канавою) возобновленъ, вымощенъ по дну камнемъ, берега уложены дерномъ и обнесены перилами, а по сторонамъ его засажены въ два ряда деревья. Бульваръ этотъ долгое время слу-

---

1) Ж. М. Н. Пр. 1836, № 11, с. 265.

2) В. Я. Шульгинъ, Ист. унив. св. Владиміра, 226 (въ 1837 г. посѣтилъ Кіевъ и наслѣд. цес. Александръ Николаевичъ); о пребыв. въ 1837—въ зап. Бенкендорфа, о постройкѣ крѣпости и моста. Имп. Николай сказалъ: «открытый мною камень лучше мрамора» (Ист. Вѣст. 1903, № 2, стр. 454). Вторично наслѣд. цесаревичъ былъ въ 1852 г.

3) Владимірскій-Будановъ. Ист. унив. св. Владиміра, 254, 265, 288, 299; Записки П. Д. Селецкаго (К. Стар. 1884, VIII, 285—290).

4) Барсуковъ, Погодинъ, VII, 271.

5) Закревскій, стр. 121—127.

6) Послѣдняя прежде называлась Навозною (Москвит. 1843, № 3, стр. 258). Таково было состояніе Стараго города! Припомнимъ отзывъ м. Самуила.

7) Закревскій, 124, 378.

8) Тамъ-же, 124—127, 271.

жилъ мѣстомъ прогулокъ для подолянъ, пока не былъ снова запущенъ [1]).

Часть Подола за канавою съ 1814 г. была распланирована, расчищена и застроена. Наводненіе 1845 г. побудило многихъ жителей Подола и Плоской части переселиться на прилежащія къ нимъ возвышенности отъ Житомирской дороги до Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній [2]). Въ то же время произведены были нѣкоторыя сооруженія, содѣйствовавшія благоустройству города и улучшенію его сношеній. Еще въ 1843 г. началась отдѣлка Михайловской горы и Александровскаго спуска съ Печерска на Подолъ, законченная въ 1849 г., и работы по устройству набережной отъ Цѣпного моста вдоль Подола, приведенныя къ концу въ 1860 г., и стоившія нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Въ 1848—1853 г. построенъ былъ Цѣпной мостъ черезъ Днѣпръ (вмѣсто временно наводившагося со времени Петра В.), по проектамъ и планамъ англійскаго инженера Шарля де-Виньоля, который былъ и строителемъ его [3]). Стоимость этого моста полагаютъ въ 2350000, а число работавшихъ при немъ простиралось свыше 2000 чел. Въ 1855 г. устроена набережная дорога отъ Неводницкой пристани къ Выдубецкому монастырю. Въ то же время (1852—1860) начались работы по отдѣлкѣ спуска (Панкратьевскаго), отъ Военнаго собора къ Цѣпному мосту и набережной отъ

---

[1]) Перечень замѣч. событій, новостей и пр. о Кіевѣ (Москвит. 1843, № 3, стр. 258—259). Смывши постепенно нижнюю часть косы и поглотивъ р. Почайну, Днѣпръ сталъ отмывать материкъ Подола, уничтоживъ постепенно до 300 домовъ, пока не положенъ этому предѣлъ устройствомъ по всему его протяженію отъ канавы до крещатицкаго источника ок. 1840 г набережной изъ туровъ и фашинника (К. Стар., 1884, т. X, 252).

[2]) Опис. Кіев. губ., изд. Фундуклеемъ, (Журавскаго), I, 329; Закревскій, I, 382; Кіевъ въ 1843 г., К., 1846.

[3]) Къ постройкѣ этого моста относятъ легенду, разсказанную бытописателемъ Лѣсковымъ, въ повѣсти «Запечатлѣнный ангелъ», но такое толкованіе было отвергнуто самимъ авторомъ (К. Стар. 1883, V, 707—708). Ср. еще зам. о мостѣ (ib. 1884, т. IX, № 6, с. 345). Подр. опис. работъ (Москвитян. 1852, № 1, вн. изв., 17—21; Фундуклей, III, 223—233).

него вдоль Подола. Одновременно съ мостомъ въ 1853 г. былъ освященъ брюнзовый памятникъ св. Владиміра, работы бар. Клодта, выдвинутый на уступѣ Михайловской горы, откуда открывается живописный видъ почти на весь Подолъ и Заднѣпровье [1]).

Повидимому вопросъ о мостовыхъ составлялъ всегда больное мѣсто въ кіевскомъ городскомъ хозяйствѣ [2]). Въ 1844 г. глав. управленіе путей сообщенія предписало произвести въ Кіевѣ опыты устройства искусственнаго «шоссе изъ обоженной глины», въ виду недостатка во многихъ мѣстахъ пригоднаго для дорожныхъ работъ камня. Пробное шоссе было устроено отъ съѣзжаго дома Дворцовой части до квартиры начальника губерніи; но 8 мая 1845 г. строительная коммиссія донесла ген.-губ., что отъ безпрестанной по оному шоссе ѣзды экипажами, а при сухой погодѣ отъ настланнаго кирпича, происходитъ несносная пыль, покрывающая толстымъ слоемъ стѣны и крыши домовъ; а такъ какъ въ этомъ участкѣ улицы предполагалось квартированіе вел. кн. Константина Николаевича, то администрація распорядилась замѣнить шоссе попрежнему мостовой. Однако, изъ сообщенія главноуправл. путями сообщенія (Клейнмихиля) узнаемъ, что подобный же опытъ въ Екатеринославѣ, въ противность кіевскому (!), увѣнчался полнымъ успѣхомъ, почему онъ просилъ вторично испытать новый типъ шоссе. Округъ распорядился замостить участокъ на Лютеранской ул. и отъ Шелковичной (Левашовской) до Университетскаго спуска и по спуску, но въ окт. 1860 г. кирпичныя шоссе признаны негодными и отъ дальнѣйшихъ съ нимъ опытовъ отказались [3]). Между тѣмъ, въ 1855 г. и. д. губернатора писалъ: «Во многихъ улицахъ города вымащиваютъ мостовыя весьма недобросовѣстно. Я не техникъ, но не могъ

---

[1]) Журавскій, III, 222—223; Закревскій, 126—128, 223—425, 551—553.

[2]) Въ 1835 г. были устроены мѣстные комитеты для изысканія мѣръ о постепенномъ вымощеніи всѣхъ губерн. городовъ и Кіевъ стоялъ на первой очереди (Варадиновъ, ч. III, кн. II, 145).

[3]) Кіев. Стар., 1901, т. LXXII, № 3, с. 155.

этого не замѣтить». И онъ приписывалъ это отсутствію всякаго надзора со стороны тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ [1]).

XVII.

Въ выс. указѣ отъ 23 ноября 1835 г., данномъ Правит. Сенату, было выражено: «Въ особенномъ Нашемъ вниманіи къ благосостоянію г. Кіева, желая всемѣрно способствовать успѣхамъ населенія его и промышленности, признали нужнымъ обозрѣть въ подробности настоящій порядокъ его управленія. Изъ свѣдѣній, по сему Намъ представленныхъ и въ Государственномъ Совѣтѣ подробно разсмотрѣнныхъ, удостовѣрясь, что сей порядокъ несоотвѣтствуетъ существеннымъ выгодамъ города и что права, нѣкогда ему данныя *и на первый случай* впредь до усмотрѣнія подтвержденныя, одни давно уже сами собою прекратились, другія же въ теченіи времени и съ перемѣною мѣстныхъ обстоятельствъ, измѣнясь въ ихъ дѣйствіи, обратились во вредъ и отягощеніе цѣлому составу городскаго общества, признали Мы за благо, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, постановить: 1) для управленія городскихъ хозяйственныхъ дѣлъ учредить въ г. Кіевѣ, по примѣру другихъ городовъ, на основаніи городоваго положенія Городскую думу; затѣмъ упразднить городскую коммиссію и передать ея дѣла въ думу; 2) присвоить магистрату Кіева въ отношеніи губернскаго начальства и судебныхъ мѣстъ всѣ права и обязанности, какія присвоены прочимъ магистратамъ [2]); 3) освободить городское общество отъ содержанія городской стражи (2000 чел. пѣхоты и 500 конницы, съ артиллеріей), какъ отъ повинности для благоустройства города по настоящему его положенію безполезной; 4) распространить рекрутскую повинность на всѣхъ мѣщанъ, приписанныхъ къ городу послѣ ревизіи 1782 г., а со старожилыхъ

---

[1]) Ibid, 1903, т. LXXXIII, № 11, с. 60.

[2]) Подробнѣе о положеніи магистрата въ связи съ перемѣнами въ городскомъ управленіи, см. И. М. Каманинъ, Послѣдніе годы самоуправл. Кіева по магдеб. праву (Кіев. Стар. 1888, № 9, стран. 597—621).

взыскивать по 1 т. руб. за каждаго слѣдуемаго съ нихъ рекрута; 5) подчинить мѣщанъ въ ихъ искахъ о безчестіи общимъ законамъ; тѣмъ же, которые пользовались въ такихъ искахъ шляхетскимъ правомъ, назначить вознагражденіе вчетверо больше, сравнительно съ простыми мѣщанами»[1]). Такимъ образомъ, въ 1835 г. (при ген.-губ. Левашовѣ) въ Кіевѣ отмѣнено было магдебургское право, пожалованное ему въ концѣ XV в. и просуществовавшее нѣсколько столѣтій.

По словамъ одного современника, кіевскіе граждане весьма кичились своими шляхетскими правами и чуть не при каждомъ словѣ повторяли: «мы тоже польскіе шляхтичи». «Городская милиція представляла собою вооруженную силу. Сила эта была не велика численностью, но велика своимъ воодушевленіемъ. Но поляки этого не понимали или не хотѣли понять» (1830—31 г.[2]). Во время польскаго возстанія 1830—31 г. кіевскіе граждане снова снарядили свою милицію, состоявшую на этотъ разъ изъ 1000 чел. пѣхоты и 400 чел. конницы, въ теченіе полугода охраняли Кіевъ и Кіевскій уѣздъ отъ вторженія непріятеля и получили за то высоч. благодарность. Милиція эта снаряжена была съ разрѣшенія ген. губ. Княжнина, по постановленію магистрата 1 мая 1831 г. Начальникомъ отряда былъ избранъ ратсгеръ магистрата Ив. Гавр. Мажный, тогда уже 60-лѣтній старикъ, команд. имъ до уничтоженія милиціи въ 1835 г., заявившій себя уже по завѣдыванію разныхъ порученій отъ губ. де-Санти (1812) «къ охраненію города отъ опасности». Ближайшимъ помощн. его состоялъ «полковникъ» Ив. Петр. Романовскій, также ратсгеръ маг-та, имѣвшій подъ своимъ нач. «адъютанта»—гражд. Хотяновскаго. Сформированная на военную ногу, милиція эта ограничилась лишь поддержаніемъ порядка внутри города, съ «строгимъ соблюденіемъ правилъ военной дисциплины», по признанію правительства при вторично выраженной благодарности. Старожилы, оче-

---

[1]) П. С. Р. З., т. X, отд. 2-е, прибавл., стр. 47, № 7694, а.

[2]) Записки Чайковскаго (Садыкъ-паши). Рус. Стар. 1896 г., т. LXXXV, № 6, с. 634—35.

видцы бывшихъ церемоній, краснорѣчиво повѣствуютъ о гордой осанкѣ, воинственномъ видѣ послѣдняго командира вооруженнаго корпуса—Мажнаго, его блестящемъ костюмѣ, дорогомъ конѣ, богатой сбруѣ, величественной командѣ[1]).

Между тѣмъ въ польскихъ кругахъ существовало другое мнѣніе. «Здѣсь (въ Кіевѣ) допускали возможность возстанія, говоритъ современникъ, хлопотали о томъ, чтобы столковаться, прійти къ соглашенію; это настроеніе было особенно замѣтно среди кіевскихъ горожанъ». Называя фамиліи тогдашнихъ представителей кіевскаго гражданства (Киселевскіе, Балабухи), онъ продолжаетъ: «Въ то время я зналъ только двухъ людей, которые, преслѣдуя политическія цѣли, старались сблизиться съ кіевскими мѣщанами. То были Іос. Залѣскій и Эдм. Росцишевскій; прочіе сторонились какъ отъ помѣщиковъ изъ Заднѣпровья, которыхъ съѣхалось на контракты очень много, такъ и отъ кіевскихъ мѣщанъ. Среди жителей Кіева царствовало такое оживленіе, какого мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть... Народъ съ восторгомъ вспоминалъ времена казачества и гетманства»[2]). Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же авторъ ставитъ въ зависимость съ этимъ движеніемъ и уничтоженіе самой милиціи. «Въ Кіевѣ, говоритъ онъ, начались аресты и высылки, а въ результатѣ готовность, высказанная кіевлянами, примкнуть къ возстанію, была причиною

---

[1]) Кіев. представительство (К. Стар. 1882, II, 191). Насколько эта служба цѣнилась, видно изъ слѣдующаго факта: Антонъ Лакерда обратился въ 1842 г. въ магистратъ о выдачѣ ему свидѣтельства о его службѣ, какъ гражданина и члена магистрата, и о правѣ его на высоч. благоволеніе за охрану Кіева въ 1831; а въ 1833 г. войтъ Киселевскій былъ награжденъ орд. Анны 3-й ст. при рескриптѣ, весьма вѣроятно, за ту же службу (Кіев. Старина 1882, № 7, стран. 186—87). Въ 1815 г. онъ получилъ золотую медаль на Алекс. лентѣ за исправное содержаніе на почтовыхъ станціяхъ курьерскихъ лошадей. Съ 1823—1826 г. состоялъ регментаремъ и т. д. (ib. 1888, № 5, с. 159).

[2]) Зап. Мих. Чайковскаго (Рус. Стар. 1896, т. LXXXV, № 3, стр. 633—35).

окончательнаго распущенія мѣстной милиціи, созданной двумя Болеславами (авторъ полагаетъ, что кіевляне связывали свои привилегіи съ именами двухъ королей этого имени), а Голсевскому, за полезный совѣтъ, который онъ далъ Іос. Залѣскому (см. выше), простили вину и онъ избѣгъ висѣлицы» [1]).

Подобные слухи вѣроятно послужили основаніемъ для другой легенды. По одному семейному преданію, кіевляне, сформировавъ отрядъ, вскорѣ были поражены внезапнымъ изъ Петербурга распоряженіемъ, по которому они устранялись отъ исполненія гарнизонной службы по г. Кіеву и въ то же время самъ войтъ (Г. И. Киселевскій) былъ вытребованъ черезъ фельдъ-егеря въ столицу. Оказалось, что въ польскихъ газетахъ было напечатано, будто-бы войтъ, занявъ своими войсками кіевскую цитадель, водрузилъ на валахъ ея польское знамя и ждетъ прихода поляковъ. Конечно, слухи эти были опровергнуты [2]).

Приговоръ надъ живыми совершился; но оставались еще мертвые участники. Уже, осенью 1836 г. 2-й гильдіи купецъ Сергѣй Тереховъ обратился къ гр. Чернышеву (воен. мин.) съ просьбою исходатайствовать высоч. соизволеніе на принятіе подносимыхъ имъ двухъ однокалиберныхъ чугунныхъ орудій, отлитыхъ якобы въ 1371 г., принадлежавшихъ Кіевской думѣ и ею только-что проданныхъ съ публичнаго торга. Императоръ Николай, какъ цѣнитель древности, повелѣлъ мѣстному начальству выяснить, насколько въ дѣйствительности древни орудія, о которыхъ идетъ рѣчь, почему принадлежали они думѣ и нѣтъ ли въ распоряженіи городскаго управленія какихъ либо другихъ рѣдкостей, которыя

---

[1]) Рус. Стар. 1896, № 8, с 376. Голсевскій, быв. гусар. офицеръ полка Тулинскаго, сидѣлъ, въ кіевской крѣпости за жестокое обращеніе со своими крестьянами. Тотъ же авторъ прибавляетъ, что «это былъ энергичный офицеръ, но онъ не былъ ни хорошимъ человѣкомъ, ни хорошимъ полякомъ (Р. Стар. 1896, № 3, стр. 634).

[2]) Разсказъ объ этомъ былъ напеч. внукомъ войта Ив. Ник. Киселевскимъ въ кіев. газетѣ «Заря», 1882, № 115; ср. Кіев. Стар. 1882, III, № 7, стр. 186—188 (Послѣдняя самозащита г. Кіева, И. М. Каманина).

также предназначались бы къ продажѣ. Ген. губ. гр. Гурьевъ потребовалъ доставить свѣдѣнія, изъ которыхъ выяснилось слѣдующее. Когда въ 1811 г., стоявшій на Подолѣ, общественный домъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ сгорѣлъ, то на пепелищѣ, среди желѣзнаго лома, отысканы были двѣ пушки, одинъ необыкновенной длины ружейный стволъ и 600 старыхъ, къ употребленію негодныхъ, пикъ: послѣднія изготовлены въ 1806 г. для милиціонеровъ. Сверхъ того, въ домѣ быв. войта хранились уже извѣстные намъ фигура архист. Михаила, статуя богини правосудія и гербъ двухглаваго орла. Свѣдѣнія о нихъ въ магистратскомъ архивѣ не оказалось, такъ какъ онъ тогда же сгорѣлъ. Въ 1836 г. дума постановила гербъ города съ вѣсами правосудія и ружейный стволъ, по очевидной древности, оставить безъ продажи, а пушки и пики продать: первыя изъ-нихъ пошли за 14 руб., а вторыя куплены евреямъ Гребенемъ за 12 р. Почему оружіе своевременно не сдано въ архивъ ни дума, ни магистратъ объяснить не могли. По уплатѣ израсходованныхъ денегъ Терехову, пушки и пищаль были переданы въ арсеналъ; пики оставлены у покупщика, а гербъ и вѣсы правосудія опредѣлено было хранить. Терехову выражено было монаршее благоволеніе [1]). Пушка съ надписью 1371 (отлита въ XVIII в.), очевидно, была доставлена въ Петербургъ и хранится тамъ въ кронверкскомъ музеѣ, а другая и по настоящее время находится въ кіев. артиллерійск. складѣ. Но кромѣ означенныхъ орудій, съ 1831 г. въ арсеналѣ хранилось семь пушекъ (1757, 1768), четыре единорога (надпись: «города Кіева Общей думы», 1790) и одна гаубица (ломъ), «изъ коихъ два раза въ годъ кіевское купечество и мѣщанство, составляя вооруженный строй, 6 янв. слѣдовало за духовною процессіею къ Іордани, а 1-го авг. на церковномъ парадѣ, производило холостую пальбу». Сообщая объ этомъ инспектору арсеналовъ (1836), командиръ кіев. арсенала писалъ, что, согласно высоч. волѣ, объявленной г. мин. воен. дѣлъ, таковое шествіе отмѣнено

[1]) Кіев. Стар. 1901, № 3, стр. 155—157 (Кіев. магистр. пушки, съ описаніемъ ихъ).

и уповательно оныя орудія въ магистратъ обращены не будутъ, то имѣетъ онъ честь покорнѣйше просить записать мѣдныя орудія въ ломъ мѣди, а гаубицу передать въ гарнизонъ въ ломъ чугуна». Однако инсп. арсеналовъ предписалъ: «орудія хранить, выдавая таковыя магистрату для всѣхъ церемоній, при коихъ употребленіе орудій было въ обычаѣ». Впрочемъ, въ томъ же году часть ихъ поступила въ артил. складъ въ Петербургѣ для украшенія залы, а другія, какъ полагаютъ, въ разное время переданы были въ кронверкскій музей [1]).

Такимъ образомъ, по выраженію одного изъ историковъ этихъ событій, «прародительская его импер. велич. вотчина, богоспасаемый городъ Кіевъ, лишился своего готическаго, средневѣковаго устройства: прежній магистратъ, подчиненный непосредственно Сенату, переименованъ былъ въ городскую думу, поставленную въ зависимость отъ мѣстныхъ губернскихъ властей; мѣсто непремѣннаго войта заступилъ городской голова; исчезли старые ратманы, шафаръ, лавникъ и инстигаторъ; исчезли товарищи золотой корогвы, вмѣстѣ съ цеховой милиціей; исчезли богоявленскій и маккавейскій парады, въ которыхъ эта милиція въ послѣднее время цвѣтными кунтушами, да холостыми выстрѣлами изъ пушекъ и пищалей все еще проявляла свою старую воинственность. Давно уже погибло содержаніе, оставалась одна старая, довольно невиная форма, имѣвшая значеніе историческаго антика, по которой еще долго тосковали вполнѣ преданные правительству старожилые граждане» [2]). Отмѣна означенныхъ привилегій состоялись при особенной обстановкѣ. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней чрезъ полицію созвали все городское представительство,—командировъ и нижнихъ чиновъ, на мѣстѣ, гдѣ происходили ихъ военныя эволюціи, выстроили въ ряды и объявили имъ царскую волю. Магистратъ переименованъ былъ въ думу, а вмѣсто войта велѣно избрать голову—изъ купцовъ, на три года.

---

[1]) Кіев. Стар. 1901, № 5, с. 084—085.

[2]) Юго-Западный Край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова, проф. В. Я. Шульгина (Древн. и Нов. Россія, 1879, II, 116—117).

Сожалѣніе и своего рода плачъ по утерянным старинныхъ правамъ выразились въ современномъ стихотворномъ произведеніи, написанномъ магистратскимъ писаремъ, въ которомъ отразились и мотивы этой печали, и борьба двухъ означенныхъ теченій [1]).

Любопытно, однако, что въ средѣ, близкой къ происшедшимъ событіямъ (магистратской) неясно представляли себѣ основную причину или источникъ этой перемѣны. Въ ней готовы были винить то воен. губ. Левашова (въ стихотвореніи фамиліи воспроизведены вполнѣ), то Кравченка, одного изъ недовольныхъ по поводу бывшихъ выборовъ въ ремесленной управѣ и причинившаго, какъ увидимъ, много бѣдъ представителямъ стараго порядка своими жалобами, но авторъ произведенія тутъ же обѣляетъ его отъ подозрѣнія; то, наконецъ, самого послѣдняго войта Киселевскаго, на котораго, кажется, больше всего падало это подозрѣніе, быть можетъ вслѣдствіе близости его къ властямъ. По крайней мѣрѣ онъ дважды упоминается здѣсь въ такомъ именно смыслѣ [2]). Названное произведеніе писано уже послѣ совершившихся событій и потому авторъ ясно указываетъ, что теперь въ новомъ учрежденіи верхъ взяла партія великороссійская («москаль буде панувать»). Вождями послѣдней являются два лица, бывшія потомъ го-

---

[1]) Скорбь кіевлянъ о потерѣ магдебурскаго права (Кіев. Стар. 1882, II, 352—357).

[2]) Да и въ церкви у недилю
Такъ Призенко (Призъ) говорывъ,
Заблудывшы писля хмилю,
Що се Кисиль натворывъ.
Се винъ натантаривъ,
Левашову щось сказавъ,
Мусывъ той ёму повирыть
Да ввесь городъ расчухравъ
. . . .
Пропылы права не вдяку,
Кисиль въ карты прогулявъ,
Чы пройилы на кульбаку
Да й самыхъ ихъ дидько взявъ.

родскими головами, представители капитала, первый изъ которыхъ (Дехтеревъ) притомъ былъ раскольникъ (пилипонъ, т. е. Филиппова согласія), какъ замѣчаетъ тотъ же авторъ съ неудовольствіемъ [1]).

Въ сущности происшедшая перемѣна въ жизни Кіева была результатомъ постепенно совершавшагося процесса объединенія Ю. З. края съ коренными частями Имперіи, причемъ событія 1830—31 гг., коснувшіяся города, не могли не оказать своего вліянія на общій ходъ этого сліянія. Однако, съ воспоминаніемъ объ отмѣнѣ магдебургскаго права соединяется обыкновенно неясное представленіе о какомъ-то чрезвычайномъ обстоятельствѣ, послужившемъ поводомъ къ отмѣнѣ стараго порядка и оставшемся для насъ неизвѣстнымъ. Одну версію этого необычайнаго событія мы указали выше. Она создалась на политической почвѣ края. Другая, ближе стоящая къ дѣлу, но затемненная, благодаря прежнему порядку судопроизводства, въ настоящее время вы-

[1]) Преемникомъ войта кол. ас. Рыбальскаго (1797—1813; см. Опис. Соф.соб., 280; К. Стар., XI, 440, 445) были: и. д. войта Ф. И. Лакерда (1813—1814; К. Стар. 1888, т. XXI, 155, 162); затѣмъ слѣдовали: Мих. Ив. Григоренко, ремесломъ мѣдникъ (1814—1826; ibid., т. VIII, 691; т. XXI, 162) и послѣдній Г. И. Киселевскій, содержатель конной почты и участникъ въ винномъ откупѣ, послѣ отца; въ 1826 г. онъ присутствовалъ на коронаціи имп. Николая I (ibid., т. XXI, № 5, с. 158—159). Город. гол. по екатер. город. полож. 1785 г. были: бунчук. тов. Вас. Копыстенскій (Матер., изд. Андріевскимъ, II, 9); а затѣмъ Евѳ. Митюкъ (упом. въ сент. 1786 г. и 1787 г. ibid., I. 133—135; Кіев. Стар. 1889, т. XXV, с. 382; тамъ же, 1892, т. XXXVIII, 425) и Григорій Радзицкій (1790, Матеріалы, I, 135; К. Стр. 1888, XXII, № 9, 607). Съ 1835 состояли Парѳ. Мих. Дехтеревъ; Елисеевъ; И. И. Ходуновъ (Закревскій 442, Маркевичъ 25), Бухтѣевъ (1903, № 211, с. 82). Домъ послѣдняго войта, на Подолѣ, въ которомъ вовремя контрактовъ помѣщались лучшіе изъ магазиновъ (вблизи контракт. дома), въ послѣднее время перешелъ въ руки коммерсанта-еврея Sic transit gloria mundi!

яснена по изученіи архивныхъ дѣлъ [1]), изъ которыхъ узнаемъ о широкихъ злоупотребленіяхъ членовъ кіевскаго магистрата, постепенно накоплявшихся и кончившихся для нихъ отрѣшеніемъ по указу Сената 10 авг. 1834 г. отъ всѣхъ занимаемыхъ ими должностей, какъ лицъ состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ,—указу, исполненіе котораго во многомъ зависѣло отъ замѣны шестигласной думой кіевскихъ городскихъ учрежденій, основанныхъ на магдебурскомъ правѣ, и хотя уже подчинявшихся извѣстному контролю, но значительно служившихъ помѣхою для наблюденія администраціи надъ городской автономіей.

Какъ часто случается, означенное дѣло возникло на почвѣ личныхъ столкновеній и неудовольствій, но, вслѣдствіе неотразимыхъ обстоятельствъ, приняло, можно сказать, грандіозные размѣры [2]). Поводомъ же къ тому послужили выборы ремесленнаго головы, происходившіе въ магистратѣ 8 января 1821 г. Выборы производились голосами, а не шарами (очевидно здѣсь сказалась разница стараго и новаго порядка, раньше примѣненнаго), въ присутствіи впрочемъ полиційместера (Дурова). Недовольный ихъ исходомъ мѣщ. В. Н. Кравченко вступилъ въ споръ и вызвалъ возраженіе со стороны войта Григоренка и бургом. Лакерды. Присутствовавшіе раздѣлились на партіи и, повидимому, сильнѣйшая изъ нихъ составила опредѣленіе объ исключеніи виновника смуты, какъ человѣка безпокойнаго, изъ мѣщанскаго общества. Попытка къ примиренію не нашла себѣ поддержки. Тогда отъ Кравченка послѣдовалъ рядъ жалобъ и прошеній въ

---

[1]) Дѣло это находится нынѣ въ Кіев. центр. арх. при унив. св. Владиміра. На немъ основанъ очеркъ И. М. Каманина: «Послѣдніе—годы самоуправленія Кіева по магдеб. праву» (Кіев. Стар. 1888, №№ 5 8, 9), которымъ мы и пользуемся въ краткой передачѣ.

[2]) Напомнимъ, что и въ 1786 г. вновь образовавшаяся шестигласная дума потребовала отъ магистрата (въ которомъ бургом. сидѣлъ Як. Гудимъ) выдачи выморочнаго имущества лѣкаря Некиша въ 1500 руб. и капиталъ этотъ съ трудомъ былъ возвращенъ городу (К. Стар., 1889, т. XXV, №№ 5—6, с. 384—385). Быть можетъ здѣсь выразилось соперничество стараго и новаго учрежденій.

разныя правительственныя учрежденія и къ высшимъ сановникамъ о неправильныхъ (подушныхъ) сборахъ, о незаконности произведенныхъ выборовъ и т. п., и губерн. правленіе, признавъ правильность послѣднихъ, не утвердило избранныхъ лицъ, по имѣвшимся о нихъ данныхъ. Тогда возникаетъ весьма неприглядная картина объ отсутствіи росписокъ на пріемъ денегъ, о неправильномъ веденіи счетовъ за много лѣтъ, о невзносѣ значительной суммы въ казначейство изъ собранныхъ денегъ (слѣд. ком. опредѣлила растрату въ 67325 руб., а казенная палата потомъ возвысила до 68557 руб.); расходы магистрата оказались неоправданными документами (тогда является подписка до 650 лицъ объ извѣстности имъ расходовъ); далѣе, по новымъ указаніямъ того же жалобщика, обнаружилось исчезновеніе значительной суммы упомянутаго нами прежде частнаго банка—«общественной коммисіи», располагавшей до пожара 1811 г. капиталомъ въ 600000 р. (сост. изъ частныхъ вкладовъ, вѣроятно, въ к. XVIII стол., на осн. город. положенія 1785 г. [1]), изъ которыхъ 200000 р. были отданы въ оборотъ питейному откупу, но которые будто бы были «скрыты» во время пожара тѣми же лицами, а коммиссія опредѣляла сумму въ 300000 р. и т. п. Когда же дѣло это протянулось до 1828 г., то магистратъ присоединилъ къ нимъ еще нѣсколько лицъ (А. Барскаго, К. Балабуху, Ив. Киселевскаго, А. Лакерду, Н. Болотина, В. Тохая, П. Романовскаго и др.), но почти всѣ они оказались умершими. Дѣйствія, ознаменовавшія эту городскую пертурбацію, сопровождались то сборомъ подписей (650), то собраніемъ членовъ отъ цеховъ (до 200 человѣкъ) и т. п., которые, однако, вызывали новые протесты, какъ сопровождавшіеся обычнымъ принужденіемъ. Въ концѣ концовъ (лишь въ 1842 г.) былъ признанъ безпорядокъ въ веденіи отчетности, однако, въ силу милостивыхъ указовъ 1826 и 1841 гг., отвѣтственность съ членовъ магистрата и ремесленной управы была снята. Съ суммою общест-

---

[1]) Должниками были по преимуществу мѣщане и купцы—домовладѣльцы Кіева, а вкладчиками, кромѣ коренныхъ жителей, лица другихъ сословій и мѣстностей.

венной коммисіи дѣло стояло иначе. Оказалось, что и здѣсь главными распорядителями были назв. лица (бургом. и др.), а въ моментъ пожара 1811 г. векселя и книги находились въ вѣдѣніи у кассира Филипповича (но столъ вынесли на улицу, отлучились, пропалъ безслѣдно)- такова показная сторона. Все это давало удобное положеніе привлеченнымъ къ отвѣтственности для уменьшенія капитала, оттягиванія, непризнанія требованій законными и пр.; но и по старымъ дѣламъ сумма коммиссіи была установлена въ 405486 р. (а по другимъ показаніямъ въ 700000 р.). Дѣло это тянулось до 1827 г. и, по опредѣленію казен. палаты, растрата вычислена была въ 428335 р. Независимо отъ того, были обнаружены злоупотребленія по винному откупу (лица, ѣздившія въ 1811 г. хлопотать о предоставленіи откупа городу, получили изъ суммъ коммиссіи 50000 р., а откупъ взяли на свое имя); а послѣ ревизіи начетъ въ пользу города по откупу былъ сдѣланъ въ 134775 р., и не было, можно сказать, такой доходной статьи, которую не использовали бы въ своихъ интересахъ представители городского общества (пожарная, посаженная, театральная, содержаніе музыки, постройка гостинаго двора и т. п.), по которымъ общую сумму гражд. судъ опредѣлялъ (съ указанной выше) въ 363672 р., не говоря о болѣе мелкихъ (какъ постройка кузницъ, вскорѣ разрушенныхъ горою, по опекѣ, по пріему свиты имп. Николая, во время пріѣзда въ 1832 г. [1]), по пересылкѣ денегъ, церковныя, по выдачѣ свидѣтельствъ, по контрабандѣ, обнаруженной въ лавкахъ), не считая частныхъ подношеній (какъ покупка коровы войту Григоренку, угощеніе ремесленнаго головы Бугаевскаго и т. п.). Милостивые манифесты 1826 и 1841 гг. покрыли бо́льшую часть виновныхъ относительно ихъ личной отвѣтственности, другіе подверглись начетамъ, иные отсиживали въ тюрьмѣ и лишились правъ по выборамъ; нѣкоторые должны были продать дома съ торговъ для удовлетворенія претензій казны, причемъ, однако, продажа ихъ

---

[1]) Подр. вѣдомость закупленныхъ продуктовъ и друг. расходовъ указываетъ на потребности того времени (К. Стар. 1888, № 8, стр. 183—185).

оказалась довольно фиктивною на дѣлѣ. Въ общемъ этотъ обширный процессъ, такъ неожиданно явившійся на свѣтъ наканунѣ отмѣны прежняго порядка, представляетъ растрату въ 1400000 р. ассигн., а по нынѣш. цѣнамъ почти равную такому же количеству руб. серебромъ, т. е. въ девять разъ превышаетъ (на 1829 г.) годовой доходъ города.

Процессъ этотъ заслуживаетъ вниманія и въ другомъ отношеніи. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ немъ, видно, что распорядителями въ городскихъ дѣлахъ являлись преимущественно однѣ и тѣ же фамиліи, связанныя родствомъ и другими тѣсными узами, что должности весьма часто наслѣдовались, а съ повышеніемъ старшихъ членовъ семьи передавались младшимъ, которые также успѣшно двигались по чиновной лѣстницѣ магистратской службы, что́, при пожизненности послѣдней, содѣйствовало образованію прочной городской олигархіи. Между общимъ достояніемъ и частнымъ имуществомъ не существовало строгаго различія, а за стремленіемъ къ увеличенію этого послѣдняго забывались общественные интересы, которые обыкновенно замыкались въ тѣсномъ кругѣ только извѣстной части городского персонала [1]). Разсмотрѣнное

---

[1]) Объясняя Сенату заявленную цифру лицъ, одобрившихъ дѣйствія магистрата (до 650), послѣдній говоритъ, что изъ общей цифры полноправныхъ гражданъ (6000 чел.), подписавшіеся составляютъ почетнѣйшее общество, которому одному подлежитъ вѣдать городскія нужды; остальные же или находятся подъ судомъ, или въ безвѣстной отлучкѣ, или сосланы въ Сибирь, или принадлежатъ къ малолѣткамъ, больнымъ, калѣкамъ, старцамъ, умершимъ и пр., и пр.; къ числу же лицъ, лишенныхъ довѣрія, отнесъ онъ и жалобщика Кравченка (№ 5, с. 153). Впрочемъ, такая цифра составилась принудительно, а въ дѣйствительности избирателей было гораздо меньше. Изъ 5517 душъ, числившихся (по ревизіи) въ 1813 г. (старожиловъ—3608 и новоприписныхъ 1909 д.) въ избирательные списки было внесено всего 166 д. (3%), а на выборы явилось лишь 104. Выборы производились шарами, а не голосами —прецедентъ для Кравченка. (К. Стар. 1888, № 9, 607—608). По означенному выше дѣлу можно видѣть весь составъ фимилій, принимавшихъ участіе въ управленіи и дѣлахъ города, прямо или косвенно.

дѣло представляетъ, конечно, выдающееся явленіе по своимъ подробностямъ и характеру. Однако не слѣдуетъ думать, что общественное управленіе въ другихъ городахъ стояло гораздо выше и что новые порядки исцѣлили старые недуги. На пространствѣ 1820—40-хъ годовъ мы имѣемъ заявленія о полномъ упадкѣ думскаго управленія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, не исключая и столицъ; о неизвѣстности имъ своихъ капиталовъ и доходовъ [1]); о томъ, что существенною причиною косности городскаго управленія признаются обособленность и крайній эгоизмъ торгово-промышленнаго класса, завѣдывающаго городскими дѣлами [2]); а на стремленіе къ ихъ улучшенію и расширенію правъ другихъ жителей, представители торговаго сословія отвѣчали обычными угрозами о безпорядкахъ и замѣшательствахъ отъ того могущихъ послѣдовать, просьбами о недопущеніи прочихъ сословій и заявленіями о возможности полной анархіи, вслѣдствіе «совокупленія дворянъ съ другими низшими классами по степени ихъ образованности», и когда состоялась крайне ограниченная реформа петербургской думы, то они же настаивали на возстановленіи прежняго порядка, какъ единственнаго спасительнаго, обвиняя реформу въ опасномъ подражаніи Англіи и Франціи! [3]).

Какъ извѣстно, магистратъ и ратуша завѣдывали теперь въ городахъ судебными дѣлами, составляя первую инстанцію Въ 1837 г. мин. вн. дѣлъ Блудовъ предложилъ присоединить ихъ къ дѣламъ уѣздныхъ судовъ. Государь велѣлъ спросить купеческія и мѣщанскія общества, желаютъ ли они такой перемѣны? Только 95 городовъ и мѣстечекъ изъявили на то согласіе и къ 1849 г. составлены были Госуд. Совѣтомъ правила этой реформы. Имп. Николай дозволилъ ввести ее, въ видѣ опыта, въ одномъ городѣ; а такъ какъ первымъ, изъявившимъ на нее согласіе, былъ Житоміръ, то Комитетъ мин. и положилъ упразднить въ Житомирѣ городовой магистратъ. Такимъ обр., Кіевъ еще на нѣкоторое время

[1]) Дитятинъ, Устройство городовъ, II. 253, 272.

[2]) Ibidem, 279, 281, 281, 332, 334, 370—71.

[3]) Ibidem, 379—81, 395, 397.

удержалъ этотъ остатокъ своего прежняго устройства, напоминавшаго его только своимъ именемъ [1]).

Но реформа въ интересахъ объединенія Ю.-З. края съ остальными частями Имперіи не ограничилась городскимъ устройствомъ; мы указали выше на измѣненія, коснувшіяся суда и управленія вообще (указы 1831—33 гг.). Вслѣдствіе всего этого законодательство въ Ю.-З. краѣ представляло нѣчто не законченное и по разнымъ планамъ строившееся: статьи Свода законовъ шли рядомъ со статьями Литовскаго статута и съ опредѣленіями магдебургскаго права. Отмѣна этого права для Кіева составляетъ дальнѣйшій шагъ на пути указаннаго объединенія. Но гораздо серьезнѣе была и глубже касалась основного отличія мѣра, принятая въ 1840 году,—это уничтоженіе въ западныхъ губерніяхъ Литовскаго статута и подчиненіе ихъ силѣ и дѣйствію общихъ русскихъ гражданскихъ законовъ.

Литовскій статутъ въ Бѣлоруссіи былъ отмѣненъ въ 1831 г., но въ Кіевской, Волынской и Подольской, а также въ Литовскихъ губерніяхъ онъ сохранялъ силу до 1840 г. Входя съ представленіемъ объ отмѣнѣ его, тогдашній начальникъ Юго-Западнаго края (Д. Г. Бибиковъ) почиталъ мѣру эту самымъ дѣйствительнымъ средствомъ не только къ сближенію западныхъ губерній съ великороссійскими, но и къ водворенію благоденствія въ краѣ. Мотивами для введенія этой мѣры послужили слѣдующія основанія: 1) только единство въ законахъ и судопроизводствѣ сплавляетъ въ крѣпкую массу народы, составляющіе обширныя государства; 2) мѣра эта не можетъ встрѣтить въ исполненіи своемъ никакихъ препятствій, тѣмъ болѣе, что она приготовлялась въ теченіе почти 10 лѣтъ: введеніемъ русскаго процесса и русскихъ узаконеній въ дѣлахъ уголовныхъ и слѣдственныхъ, введеніемъ русскаго языка (который узаконенъ въ дѣлопроизводствѣ еще конституціею 1589 г. по Волынскому воеводству), уничтоженіемъ наименованія должностей старо-польскими названіями, преобразованіемъ главныхъ и повѣтовыхъ судовъ въ гражданскія палаты

---

[1]) Ист. Комит. мин., II, кн. I, 323—24.

и уѣздные суды, кіевскаго магистрата въ городскую думу, по общему городовому положенію, давнимъ сравненіемъ юго-западныхъ дворянъ съ дворянствомъ русскимъ и т. п.; 3) устарѣлостью Статута; 4) смѣшеніемъ его дѣйствія съ дѣйствіемъ общихъ постановленій; 5) признаніемъ, что дѣйствіе его въ здѣшнихъ губерніяхъ является вопіющею несправедливостію въ отношеніи къ массѣ населенія, ибо польскіе законы во всемъ, даже въ процедурѣ судопроизводства, покровительствуютъ сильнаго и богатаго, что́ было въ духѣ бывшей республики [1]; наконецъ 6) медленностью дѣлопроизводства и связанными съ нею другими недостатками [2].

Уже въ 1852, оставляя постъ генералъ-губернатора въ Кіевѣ, Бибиковъ такъ объяснилъ свой взглядъ на значеніе этой реформы: «Государь хочетъ, чтобы западныя губерніи были душою и тѣломъ возсоединены съ Россіею и потому введено въ этотъ край русское законодательство. Нѣкоторые хвалили Статутъ литовскій, а многіе ли изъ васъ читали его? Нѣкоторые помѣщики мнѣ признавались, что никогда не читали, и никто не знаетъ, какія въ немъ законоположенія, которыя, при нестройномъ смѣшеніи со множествомъ, противорѣчащихъ себѣ, конституцій, устарѣли, неудобопримѣнимы къ настоящимъ гражданскимъ отношеніямъ и дѣламъ, замедляютъ ихъ, равно и умножаютъ до безконечности... Да и отыскать его очень трудно: я досталъ въ оригиналѣ два только экземпляра» [3].

---

[1]) Даниловичъ говоритъ: «Статутъ былъ приспособленъ исключительно къ интересамъ мѣстной дворянской жизни» (О Литовскомъ статутѣ, Юрид. Зап., изд. Рѣдкинымъ, т. I).

[2]) Члены уѣздныхъ судовъ безпрестанно уклонялись отъ своихъ должностей, такъ что въ 1838 и 1839 гг., не смотря на самыя строгія подтвержденія, по тремъ губерніямъ болѣе 100 членовъ судовъ замѣчены были въ самовольныхъ отлучкахъ отъ должностей (Древ. и Нов. Россія 1897, II, 17).

[3]) Рѣчь Бибикова къ дворянству Юго-Западнаго края 1852 г. (Кіев. Стар. 1884, II, 533—534).

Не менѣе важною мѣрою въ исторіи края представляется учрежденіе въ Кіевѣ конторы коммерческаго банка. Въ 1836 г. состоялось закрытіе, по политическимъ соображеніямъ, секціи (агенція) *польскаго банка* въ Бердичевѣ, вслѣдствіе обнаружившихся ранѣе сношеній и операцій съ заграничными участниками движенія 1830—31 гг., а также значительныхъ вкладовъ, внесенныхъ въ банкъ (обор. св. $2^1/_2$ мил.). Но контора Варшав. банка пріучила жителей къ благодѣтельнымъ результатамъ кредита. Съ уничтоженіемъ ея, она потребовала возвращенія своихъ ссудъ, а деньги, полученныя ею для храненія, перешли въ польскій банкъ и такимъ образомъ всѣ почти капиталы были отняты у мѣстной торговли и промышленности [1]). Съ большими усиліями удалось однако мѣстной администраціи склонить министерство финансовъ открыть контору государственнаго коммерческаго банка въ Кіевѣ по образцу одесской, и хотя уставъ ея былъ утвержденъ 24 мая 1839 г., но свою дѣятельность она открыла лишь въ февралѣ 1840 г. [2]).

---

[1]) Шульгинъ, 18—19; Варадиновъ, III, 406. Въ 1844 г. м. Бердичевъ присоединено къ Кіев. губ., а въ 1845 г. обращено въ городъ.

[2]) Количество вкладовъ въ контору банка было слѣдующее:

Въ 1-ый годъ существованія ея было внесено .	2415139 р.	8 к.
Во 2-ой	3062314 р.	8 к.
Въ 3-ій	6660503 р.	20 к.
Въ 12-ый (1852).	10113753 р.	50 к.

Первоначально (со 2 сент. 1839 г.) контора помѣщалась на Александровской ул., противъ Царскаго сада, въ д. фонъ-Юнка (съ платой по 6000 р, ассиг. въ годъ), а въ 1845 г. пріобрѣтенъ (съ землею въ 2830 саж. за 44890 р.) для нея вновь отстроенный каменный домъ дворянской коммиссіи (на мѣстѣ прежняго деревяннаго), который былъ приспособленъ (съ пристройкой флигеля), стоившаго 43080 р. для конторы банка, и она перемѣстилась сюда въ 1847 г. Въ 1862 г., она преобразована въ Контору государственнаго банка. Въ 1864, для устройства складовъ, разрѣшено было пріобрѣсть у Института (жен.) за 5000 р. сосѣднее съ конторой мѣсто ок. 800 кв. саж., а когда, послѣ постройки Кіево-брест. и Кіево-курской жел. дорогъ, склады оказались ненужными, то это мѣсто, а также собранные 28000 р. были съ высоч. соизв. безвозмездно отданы (12 іюня 1870) Кіев. бирж. купеч. для устройства зданія биржи, а бирж. общ. уступило это мѣсто Кіев. зем. банку (подробности намъ сообщены).

Выходя въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по устройству края преимущественно изъ политическихъ соображеній, Бибиковъ не могъ не обратить вниманія на отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, которыя, въ силу вѣковой національной и религіозной борьбы, представлялись крайне враждебными и даже опасными.—«Не смотря на всѣ мѣры, писалъ онъ въ докладѣ 1844 г., дотолѣ нельзя ручаться за будущее спокойствіе края и его безопасность, доколѣ положеніе крестьянъ не будетъ улучшено и обезпечено мѣрами, исходящими прямо отъ вашего величества» [1]). Первая изъ предположенныхъ имъ мѣръ—увольненіе казенныхъ крестьянъ па оброкъ была уже осуществлена въ 1845 г., причемъ Бибиковъ успѣлъ получить одобреніе на то, чтобы переводъ казенныхъ крестьянъ на оброкъ совершился подъ непосредственнымъ его завѣдываніемъ, сообразно съ общею системою дѣйствій, принятыхъ имъ въ краѣ: а спустя 3 года (26 мая, 1847 г.), послѣ нѣкоторыхъ колебаній, были утверждены составленныя имъ инвентарныя правила для Юго-Западнаго края, которыми опредѣлялись права постояннаго пользованія крестьянами землею; порядокъ отбыванія повинностей на помѣщика, сверхъ которыхъ остальныя работы подлежали оплатѣ по установленной таксѣ; возрастъ рабочаго, свойство работы мужской и женской, празд-

---

[1]) 2 іюля 1840 г. онъ разослалъ уѣздн. предводителямъ двор. Ю. З. края секретный циркуляръ, въ которомъ ставилъ на видъ, что помѣщичьи кресгьяне слишкомъ стѣснены своими владѣльцами, которые сплошь да рядомъ заботятся лишь о томъ, какъ бы извлечь изъ крѣпостныхъ наибольшую для себя выгоду. Замѣчено, что наказанія, примѣняемыя въ экономіяхъ, нерѣдко слишкомъ жестоки; для истязанія крестьянъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ заведены были деревянныя колодки и кандалы; въ наказаніе крестьянамъ перебривались головы... «Съ крайнимъ сожалѣніемъ я побуждаюсь довести до свѣдѣнія господъ предводителей, что въ теченіи управленія моего ввѣренными мнѣ губерніями, въ 2 года и 5 мѣсяцевъ, было болѣе 500 крестьянъ, посягнувшихъ на жизнь свою» (К. Стар. 1901. № 5, стр. 82—83). И онъ напоминалъ предводителямъ объ обязанностяхъ по наблюденію за отношеніемъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, возложенныхъ на нихъ рескр. 6 сент. 1826 г.

ничные дни, а всѣ вещественные сборы и косвенные налоги съ крестьянъ въ пользу помѣщика совсѣмъ отмѣнялись; затѣмъ сдѣланы были ограниченія помѣщичьяго произвола относительно крестьянскихъ браковъ, права отдавать въ рекруты и высылки въ Сибирь. Въ результатѣ правила сказались въ пріобрѣтеніи крестьянамы значительной доли мірской земли въ неизмѣнное и неприкосновенноэ пользованіе и въ полученіи задѣльной платы за опредѣленную помѣщикомъ работу; въ сокращеніи числа высылаемыхъ крестьянъ и извѣстной категоріи преступности, въ увольненіи значительнаго числа крестьянъ на оброкъ и т. п. [1]). Общественное мнѣніе просвѣщенной части общества Кіевской губ., по свидѣтельству Самарина, служившаго здѣсь въ 1849—52 г., было въ пользу инвентарей; а въ 1863 г. онъ говорилъ: «Съ точки зрѣнія научной проектъ правилъ Бибиковв не выдерживалъ критики. Это была работа самая грубая и топорная, но она имѣла то огромное достоинство, что содержала въ себѣ два или три положенія простыхъ, всѣмъ понятныхъ, которыя должны были немедленно улучшить бытъ крестьянъ, и, по своей общности и опредѣлительности никакъ не могли быть перетолкованы или искажены исполнителями дѣла». Несомнѣнно, что инвентари ограждали въ извѣстной степени личность и собственность крестьянина отъ безконтрольной власти помѣщиковъ и послужили переходною мѣрою къ освобожденію крестьянъ. Ревизія дворянскихъ правъ въ Ю. З. краѣ (1836—1845), значительно сократившая контингентъ дворянскаго сословія [2]), и отмѣна аренды на земли (проектъ невыполненный) должны были довершить эту реформу [3]).

---

[1]) «Нужно помнить, что это все-таки была самая энергичная мѣра въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ изъ всего, что было сдѣлано для нихъ въ эпоху имп. Николая». (Семевскій, II, 504).

[2]) Въ Бердичевѣ существовала фабрика дворянскихъ документовъ, (Шульгинъ, 109).

[3]) В. Я. Шульгинъ, Ю. З. край (Древ. и Нов. Россіи, 501—502); Обозр. Кіев., Под. и Волын. губ. 1838—1850 (Р. Арх. 1884, III, 1—12); Семевскій (Крест. вопр. въ Россіи, II, 481—513); Фундуклей

Въ 1852 г. во время дворянскихъ выборовъ, Бибиковъ обратился къ дворянамъ 3-хъ губерній съ слѣдующими словами: «Въ прошедшіе выборы я имѣлъ честь вамъ сказать, что на мѣста, зависящія отъ выборовъ дворянства, нынѣ замѣщенныя чиновниками отъ правительства, будутъ выбираемы дворяне по вашему усмотрѣнію, когда они ознакомятся съ русскимъ языкомъ, и тѣмъ не менѣе я въ настоящую минуту поставленъ въ невозможность не назначить на эти мѣста чиновниковъ, по опредѣленію отъ правительства; но это перемѣнится, и для этой цѣли я посылаю молодыхъ людей въ должности стряпчихъ, чтобы они, привыкнувъ практически къ производству, могли быть впослѣдствіи полезны при дворянскихъ выборахъ, и тогда уже всѣ мѣста, согласно коренному закону, будутъ замѣщены дворянами, по выбору дворянства» [1]).

Одновременно съ тѣмъ шли распоряженія, коснувшіяся еврейскаго населенія, значительнаго по своей численности и вліянію въ Юго-Западномъ краѣ. Еще въ 1827 г. послѣдовало воспрещеніе евреямъ постояннаго жительства въ Кіевѣ [2]), нѣсколько ограниченное потомъ. Однако, въ 1830 г., воен. губ. Княжнинъ возбудилъ вопросъ о необходимости воспретить евреямъ дальнѣйшее пребываніе ихъ въ казенныхъ и помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ Кіевской губ., по водвореніи ихъ въ городахъ и мѣстечкахъ. Государь одобрилъ эту мысль и поручилъ составить на мѣстѣ комитетъ для разсмотрѣнія его, составить планъ переселенія и, наконецъ, осуществить самое переселеніе; но вспыхнувшій мятежъ и холера въ краѣ побудили самого Княжнина ходатайство-

---

(Журавскій, II, 353—365). «Уроки, опредѣленные инвентарными правилами довольно, близки къ среднимъ, такъ что были имѣнія въ которыхъ, на основаніи новаго закона, они должны были значительно уменьшиться; увеличивать прежніе уроки было запрещено». (ib). «Произволъ крѣпостного права былъ фактически ограниченъ строгими взысканіями за злоупотребленія властію» (Зап. Селецкаго, К. Ст., X, 88).

[1]) Кіев. Стар. 1882, II, 534..

[2]) Второе П. С. Зак., II, № 1115; Варадиновъ, Ш, ч. II, 133. 139. Кіевская губ. принадлежала къ наиболѣе населеннымъ евреями. Ср. ч. III, 156, 474.

вать о пріостановкѣ переселенія [1]). Въ свою очередь губ. правл. указывало, что евреи особенно охотно занимались мѣной денегъ. Съ этой цѣлью они ставили противъ домовъ и лавокъ столики, за которые уплачивали по 12 р. въ годъ въ пользу города; а жители жаловались, что евреи за промѣнъ брали процентъ свыше существующаго курса. Правленіе признало жалобы основательными и полагало считать взиманіе процентовъ свыше курса лихвою, воспретить евреямъ заниматься исключительно мѣною денегъ, но обязать ихъ производить вмѣстѣ съ тѣмъ и торговлю; воспретить мѣнять деньги на особыхъ столахъ и разрѣшить промѣнъ только въ лавкахъ, гдѣ евреи производили торговлю. Однако съ этимъ мнѣніемъ не согласились ни казенная палата, ни мин. вн. дѣлъ и финансовъ, ни Сенатъ, которые, по разсмотрѣніи вопроса, нашли, что не было никакихъ основаній стѣснять промыселъ, принадлежащій къ обыкновеннымъ, торговымъ дѣламъ. И Сенатъ предписалъ кіев. губ. правленію и всѣмъ губернаторамъ наблюдать за правальностью торговли и не допускать въ ней злоупотребленій и несправедливаго обложенія мѣнялъ другимъ сборомъ, кромѣ платимаго ими по званію купеческому или мѣщанскому [2])

Между тѣмъ, комитетъ, учрежденный еще въ 1825 г. для составленія положенія о евреяхъ, окончилъ возложенное на него порученіе, которое, по разсмотрѣніи его въ Госуд. Совѣтѣ, было утверждено въ 1835 г. [3]). Положеніе это обнимало всѣ отноше-

---

[1]) Кіев. Стар. 1902, № 2, с. 92.

[2]) Варадиновъ, Ист. Мин. вн. дѣлъ, ч. III, кн. III, 557—558.

[3]) Слухи о предполагавшихся льготахъ для евреевъ очевидно не понравились гражданамъ Кіева; такъ какъ въ записяхъ одного изъ нихъ (Миславскаго) читаемъ: «1833 г., 14 іюня кіевскій лавникъ Миславскій съ И. И. Ходуновымъ выѣхали въ С.-Петербургъ отъ имени кіевскаго общества ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о недозволеніи евреямъ селиться въ г. Кіевѣ на жительство по силѣ указа. Прибыли 24 іюня, выѣхали 4, а прибыли 14 августа *съ пріятнымъ окончаніемъ въ пользу общества*» (Кіев. Стар. 1884, VIII, 692).

нія еврейскаго быта отъ мѣста жительства до дѣлъ, касавшихся вѣры и обрядовъ. Въ районъ поселеній евреевъ входила и Кіевская губ., но кромѣ г. Кіева; а живущіе изъ нихъ въ городахъ и умѣющіе читать и писать порусски допускались къ избранію въ члены городскихъ думъ, магистратовъ и ратушъ [1]); однако, затѣмъ прибавлено опять (1836): «исключая городовъ Кіева и Вильны» [2]). Тѣмъ не менѣе переселеніе евреевъ изъ селъ и деревень, встрѣтило большія затрудненія, и было тогда же остановлено [3]).

Съ своей стороны, въ 1839—40 гг. Д. Г. Бибиковъ предложилъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію племенной исключительности евреевъ, которыя были разсмотрѣны въ особомъ комитетѣ и съ 1843—46 г. появился рядъ постановленій, которыми кагалы были уничтожены, особая одежда евреевъ отмѣнена, отъ шинкарства въ селахъ и деревняхъ они совершенно удалены; издано положеніе о евреяхъ-земледѣльцахъ, а также о еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ, для устройства которыхъ опредѣленъ особый свѣчной сборъ [4]).

Замѣчательно впечатлѣніе, произведенное на самихъ евреевъ указомъ о введеніи общей одежды. Молодое поколѣніе съ явнымъ увлеченіемъ бросились переодѣваться, для того, чтобы уничтожить внѣшнія особенночти, которыя, потерявъ свое древнее значеніе, оставались для нихъ позорнымъ знакомъ отличія. Особенно были рады молодыя женщины отмѣнѣ бритья головы при выходѣ въ замужество и необходимости носить парики, которые нерѣдко переходили изъ поколѣнія къ поколѣнію и употреблялись не смотря на различіе цвѣта волосъ; но фанатики, по словамъ современниковъ, приняли указъ за посягательство на ихъ религіозную свободу, и охотно платили акцизъ за право носить старинную

---

[1]) Второе П. С. Законовъ, т. X, отд. I, № 8054; Варадиновъ, т. III, ч. II, 132—134.

[2]) Второе П. С. Зак., № 9226.

[3]) Варадиновъ, ibid. 135—139.

[4]) Юго-Западный край, 96—104, 117—123; Кіев. Стар. 1882 г. II, 532—533; т. III, 61—80; Варадиновъ, III, 139.

одежду и длинные волосы [1]). Вѣроятно подъ вліяніемъ такъ тяжелыхъ испытаній, въ 30-хъ годахъ въ Россіи и особенно въ западной распространились воззванія сіонистовъ, за подписью L. S. Siegfrid Justus I, освободителя и искупителя Израиля, посланняго Богомъ для сооруженія храма въ Іерусалимѣ, съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ и выдачей дипломовъ на завоеваніе Палестины [2]).

В. Иконниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Шульгинъ (Древ. и Нов. Рос., 1879, II).

[2]) Изъ арх. Кіев. ген.-губ. (Русск. Стар. 1901, № 7, стр. 150). Въ началѣ XIX в. Наполеону приписывали намѣреніе переселить евреевъ въ Обѣтованную землю (Р. Мысль, 1893, № 8, с. 155; ср. П. С. Зак., № 22394); а въ Военно-ученомъ архивѣ Главнаго штаба хранится дѣло съ двумя письмами еврея Плонскаго, совершившаго путешествіе въ Іерусалимъ съ цѣлью возстановленія Іудейскаго царства (Катал. Военно-учен. арх. Гл. штаба, III, с. 53).

Заботы князя Н. Г. Репнина о полтавскомъ театрѣ и о выкупѣ артиста Щепкина.

Театръ въ Полтавѣ былъ построенъ въ 1818 г. при генералъ-губернаторѣ кн. Я. И. Лобановѣ-Ростовскомъ. Помѣщался онъ около Нѣмецкой колоніи, за нынѣшнимъ женскимъ епархіальнымъ училищемъ. Это было трехъ-этажное каменное зданіе, крытое дранью. Построенъ онъ на городскія средства, и постройка обошлась около 20 тыс. асс. Въ 1852 г., за ветхостью, онъ былъ проданъ на сносъ. О театрѣ много заботился преемникъ кн. Лобанова-Ростовскаго, кн. Н. Г. Репнинъ, бывшій любитель сцены и музыки. Въ 1818 г. кн. Репнинъ пригласилъ въ Полтаву драматическую труппу Штейна изъ Харькова; въ этой труппѣ началъ свою артистическую дѣятельность знаменитый впослѣдствіи артистъ М. С. Щепкинъ (р. 6 ноября 1788, † 11 авг. 1863). Директорами театра при кн. Репнинѣ были: А. Ѳ. Имберхъ [1]), довѣренное его лицо, занимавшее должность правителя канцеляріи, и И. П. Котляревскій, извѣстный малорусскій писатель. Щепкину Репнинъ покровительствовалъ. Игра его очень нравилась всѣмъ, особенно восхищалъ онъ публику игрою своею въ пьесѣ «Жидовская корчма», гдѣ, въ главной роли еврея, онъ копировалъ тогдашняго полтавскаго городского голову А. Зеленскаго, происходившаго изъ евреевъ. Послѣднему это очень не

---

[1]) Скончался въ Петербургѣ, въ чинѣ дѣйств. статск. сов. въ 1864 году.

нравилось и онъ обѣщалъ платить ежегодно труппѣ по 2 тысячи, если только пьеса будетъ снята съ репертуара, на что артисты согласились. Но кн. Репнинъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ возможно чаще ставить эту пьесу, и Зеленскій, чтобы не навлечь гнѣвъ начальства края, долженъ былъ посѣщать театръ. Репертуаръ труппы былъ слѣдующій: играли пьесы «Рекрутскій наборъ», «Несчастные», «Подводный камень», «Военная тюрьма», «Побѣгъ отъ долговъ», «Примиреніе двухъ братьевъ», «Русскій солдатъ», «Наталья, боярская дочь», «Попугай», «Клеветники», «Дуракъ и шуты», «Уѣздный городокъ», «Женихъ», «Любовная ссора», «Серебряная свадьба», «Школа злословія», «Недоросль» Фонъ-Визина, «Ябеда» гр. Капниста и др.

Жалованья Щепкинъ получалъ 1500 р. Помимо Щепкина, лучшими артистами были Барсовъ, Угаровъ, а изъ женскаго персонала примадонна Пряженковская и Медвѣдева. Цѣны мѣстамъ были слѣдующія: кресло 4 р., партеръ 2 р., галлерея—1 р., табуретъ—5 р., ложи нижнія (нынѣшній бенуаръ)—16 р., верхнія (бель этажъ)—12 р.

Въ афишахъ не указывали номеровъ. Интересно, что спектакли начинались въ 6 часовъ и потому не кончались далеко за полночь, какъ это бываетъ въ настоящее время.

Кн. Репнинъ, признавая за Щепкинымъ сценическій талантъ, началъ хлопотать у владѣлицы его, помѣщицы курской губерніи А. А. Волькенштейнъ, о вольной для него.

Надо сказать, что Щепкинъ былъ сынъ камердинера этой помѣщицы, впослѣдствіи ея управляющаго. Въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія сохранилась переписка, которая рисуетъ заботы Репнина о знаменитомъ артистѣ; переписка, доселѣ неизвѣстная, хотя изъ біографіи покойнаго артиста извѣстно, что онъ получилъ вольную, благодаря стараніямъ князя Репнина. Вотъ что писалъ Репнинъ А. А. Волькенштейнъ.

М. Г. Графиня Анна Абрамовна!

Человѣкъ вашъ, Михайло Щепкинъ, находящійся на условіи при полтавскомъ театрѣ, отправляется нынѣ къ вашему сіятельству, вслѣдствіе приказанія вашего; я пользуюсь симъ случаемъ, считаю долгомъ свидѣтельствовать вамъ о хорошихъ

свойствахъ его и что онъ, отличаясь всегда чрезвычайнымъ талантомъ въ представленіи назначаемыхъ ему ролей, доставляетъ тѣмъ пріятнѣйшее удовольствіе всей полтавской публикѣ, почему я и убѣждаюсь покорнѣйше просить васъ, М. Г., позволить ему, Щепкину, возвратиться къ своей обязанности дней за десять до Пасхи; вы тѣмъ чувствительнѣйше обязать изволите имѣющаго честь быть въ совершенномъ почтеніи и проч.

Хотя нѣтъ даты на этомъ мѣстѣ, но, несомнѣнно, оно писано въ 1818 г., такъ какъ въ мартѣ того же года былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ отъ графини:

М. Г. Сіятельнѣйшій князь!

Письмо вашего сіятельства отъ 4 марта я имѣла удовольствіе получить; изъ котораго усматриваю, что Щепкинъ своими малыми талантами доставляетъ удовольствіе полтавской публикѣ, что вашему сіятельству угодно, чтобы онъ передъ наступающимъ праздникомъ возвратился въ Полтаву. Хотя сей человѣкъ, по своимъ познаніямъ въ землемѣрной наукѣ, мнѣ крайне нуженъ, но, желая вашему сіятельству, какъ мною почитаемой особѣ, услужить, увольняю его къ вашему сіятельству, съ покорнѣйшею моею просьбою, что, когда онъ, Щепкинъ, мнѣ необходимъ будетъ, то чтобъ тогда отпустить его ко мнѣ. Впрочемъ, препоручая себя въ продолженіе благорасположенія вашего сіятельства, честь имѣю пребыть съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Анна Волькенштейнъ.

Марта 29, 1818 г. Курскъ.

Въ томъ же году, въ маѣ мѣсяцѣ, самъ Щепкинъ получилъ письмо отъ брата графини. Письмо это интересно; оно показываетъ, какъ Щепкинъ мало былъ расположенъ вернуться къ своей владѣлицѣ, а съ другой—оно дало поводъ кн. Куракину хлопотать передъ графиней о вольной для него. Вотъ что писалъ братъ владѣлицы, П. Анненковъ:

«Миша Щепкинъ! Такъ какъ ты, видно, не хочешь быть слугою и видно не расположенъ быть благодарнымъ за все то, что твой отецъ пріобрѣлъ, бывши у графа, за воспитаніе, данное тобѣ, то графиня желаетъ всѣмъ вамъ дать вольную, т. е. вашей

фамиліи—отцу твоему со всѣмъ семействомъ за 8 тысячъ, ибо семейство ваше весьма значительно. Ежели ты хочешь оное получить, пріѣзжай поскорѣе, такъ ты получишь; не теряй времени.

П. Анненковъ.

2 мая, 1818 г.

Кн. Репнинъ, узнавъ объ этомъ письмѣ, тотчасъ же написалъ графинѣ слѣдующее:

М. Г. Графиня Анна Абрамовна!

Съ искреннею признательностью принявъ согласіе вашего сіятельства на увольненіе человѣка вашего Щепкина на полтавскій театръ, я приношу вамъ благодарность какъ отъ себя, такъ и отъ публики полтавской, пользующейся удовольствіемъ, доставляемымъ его талантомъ. Нынѣ же, видя изъ письма братца вашего Петра Абрамовича къ нему, Щепкину, что ваше сіятельство соизволите оказать ему и семейству его милость, предоставляя ему право воспользоваться свободою черезъ взносъ 8000 рублей, я вновь обращаюсь къ вашему сіятельству и прежде всего хочу увѣрить васъ, что свойства и поведеніе Щепкина суть лучшими его достоинствами; благодарность его къ милостямъ вашимъ обратила прежде всего на него мое вниманіе, но, дѣйствительно, талантъ его заслуживаетъ ободренія, предоставленія ему всѣхъ способовъ образовать и усовершенствовать оный, къ чему совершенно преграждается возможность, если онъ не будетъ свободнымъ. Убѣждаясь истиною онаго, я совершенно полагаюсь на благороднѣйшій образъ мыслей вашихъ и то великодушіе, которое вы доказываете, являя доселѣ неограниченныя ваши Щепкину милости; прошу ваше сіятельство довершить начатое вами благодѣяніе ему и услугу, смѣю сказать, обществу, предоставить ему и его семейству свободу и снизойти на умѣренный о немъ взносъ за право, ему съ семействомъ предоставленное. И какъ семейство его состоитъ изъ четырехъ мужскаго пола душъ, въ числѣ коихъ одинъ старый отецъ, а другой—малолѣтній сынъ его, то я полагалъ бы достаточнымъ 4000 или 5000 рублей. Снисхожденіе вашего сіятельства, въ семъ случаѣ оказанное, я пріиму большимъ для себя одолженіемъ и то, что слѣдовать будетъ Щепкину

взнесть къ удовлетворенію вашему, дирекція полтавскаго театра пріиметъ на себя. Примите! [1]) и проч.

Репнинъ.

Графиня не пожелала сдѣлать уступку. Для сбора этой суммы 26 іюля 1818 года въ полтавскомъ театрѣ былъ устроенъ спектакль «въ награду таланта актера Щепкина для основанія его участи». Помимо обычнаго сбора за мѣста, была открыта подписка на этотъ спектакль среди состоятельныхъ гражданъ и помѣщиковъ. У Имберха сохранился этотъ подписной листъ, изъ котораго видно, что Репнинъ заплатилъ за кресло 300 р., Потемкинъ—700 р., тесть Репнина, гр. А. Разумовскій—300 руб. Одинъ помѣщикъ пожертвовалъ деньги въ суммѣ 1992 р., должныя ему за карточную игру полтавскимъ полиціймейстеромъ Кищенковымъ. Подписка и спектакль дали 7207 р. [2]). Недостающую сумму уплатилъ самъ Репнинъ изъ собственныхъ средствъ. Такъ, заботами Репнина, былъ освобожденъ отъ крѣпостной зависимости одинъ изъ видныхъ сценичныхъ дѣятелей прошлаго вѣка. Обо всемъ этомъ, о перепискѣ съ графиней, кн. Репнинъ сообщилъ И. П. Котляревскому, какъ директору театра. Послѣдній писалъ князю въ октябрѣ 1818 г. о впечатлѣніи, какое произвели на Щепкина заботы о немъ князя. Письмо это интересно и въ томъ отношеніи, что оно рисуетъ состояніе театра въ то время. Письмо князю писано изъ Полтавы, вѣроятно, въ Яготинъ, гдѣ Репнинъ очень часто проживалъ.

Сіятельнѣйшій князь, Милостивый Государь!

Письмо вашего сіятельства, которымъ угодно было меня удостоить, и условіе господина Анненкова о выкупѣ Щепкина, я сему послѣднему показывалъ; онъ принялъ таковое вашего сіятельства благодареніе со слезами признательности и вѣчной благодарности.

[1]) Арх. П. Г. Правл. 1818 по описи № 156, л. 67, 95, 96, 97.

[2]) Рус. Старина 1875. Май, 152—154. У Имберха сумма выкупа 10 тыс., но это невѣрно, что видно изъ письма П. Анненкова.

Алексѣя Осиповича Имберха нѣтъ въ Полтавѣ и не знаю, гдѣ его искать, а потому и деньги остаются невысланными къ вашему сіятельству.

Въ ожиданіи разрѣшенія о поѣздкѣ въ Черниговъ, я велѣлъ починять экипажи театральные. Зборы по театру здѣсь такъ малы, что жалованья за сентябрь не всѣмъ еще актерамъ выдано. Въ одинъ вечеръ въ театръ пришли только четыре зрителя, взносу сдѣлали 14 р., и я принужденнымъ нашелся отказать въ спектаклѣ. Теперь еще у насъ и погода прекрасная, хотя съ холоднымъ вѣтромъ; что же будетъ съ нашимъ театромъ, когда сдѣлается ненастье?.. Г. главный директоръ пріѣзжалъ въ Полтаву для полученія 40 тыс. изъ казенной палаты за поставку сукна, но, не получивъ денегъ, отъѣхалъ обратно, не удостоивъ театра и посѣщеніемъ.

Г. Горбовскій [1]) нѣсколько дней уже боленъ (но не опасно), простудившись въ банѣ у отца архимандрита.

Сего же числа выѣзжаетъ изъ города г. генералъ-адъютантъ графъ Ламбертъ [2]) съ супругой проѣздомъ въ Одессу; впрочемъ въ Полтавѣ все по старому.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и вѣчной преданностью къ особѣ Вашего Сіятельства и проч. Иванъ Котляревскій.

Октября 15, 1818 г., Полтава.

Кн. Репнинъ много заботился о труппѣ. Самъ всегда бывая въ Черниговѣ на дворянскихъ выборахъ, онъ отправлялъ туда и полтавскую труппу. Интересно, что заботы объ устройствѣ сцены онъ поручалъ губернатору и прокурору. Вотъ что онъ писалъ губернатору черниговскому, А. Н. Жукову.

«Отправляя въ декабрѣ 1817 г. декоратора для написанія декорацій и устроенія сцены для театра къ выборамъ черниговскимъ, я прошу ваше прев-во на потребные расходы приказать

---

1) Полтавскій прокуроръ.

2) Ламбертъ Карлъ Осиповичъ, помѣщикъ Константиногр. уѣзда, извѣстный воинъ, сражавшійся при Мацѣевицахъ, при взятіи Праги, принимавшій участіе въ войнѣ съ Наполеономъ. Скончался въ 1849 г. (Циглеровка) См. о немъ "Рус. Стар. 1874. 12.: В. Экц. Лексиконъ 1844 года, № 13.

отпустить изъ суммъ городскихъ доходовъ черниговскому прокурору пятьсотъ рублей; деньги сіи въ свое время возвращены будутъ. Я увѣренъ, что и ваше прево-во не откажите всѣмъ отъ васъ зависящимъ вспомоществовать къ лучшему устроенію въ Черниговѣ театра, который послужитъ пріятнымъ удовольствіемъ имѣющему собраться въ городѣ Черниговѣ тамошнему дворянству [1]).

Полтавская труппа весьма нерѣдко выѣзжала въ сосѣдніе города: Харьковъ, Кременчугъ, Ромны, когда въ послѣднемъ бывала Ильинская ярмарка. Въ Харьковѣ эту труппу принялъ подъ свое покровительство извѣстный малорусскій поэтъ Г. Ѳ. Квитка, котораго Репнинъ благодарилъ за его содѣйствіе успѣху актеровъ слѣдующимъ письмомъ въ февралѣ 1819 г.:

«Попеченія ваши о театрѣ полтавскомъ, во время бытности его въ Харьковѣ, были для него весьма полезны, ибо сборы превзошли ожиданія, а порядокъ во все время сохраненный удостовѣряетъ меня въ справедливости заслуженнаго отъ всѣхъ довѣрія и оправдываетъ, что все, состоящее подъ такимъ выраженіемъ (?) всеобщимъ, находится въ лучшемъ устройствѣ. Пріймите искреннюю благодарность мою за принятый вами трудъ и попеченіе, вами оказанное: я надѣюсь, что и харьковская публика не менѣе вамъ за сіе обязана, ибо вы много содѣйствовали ея удовольствію. Я бы очень желалъ, чтобъ и другіе могли встрѣтиться случаи, которые насъ съ вами болѣе еще сблизили бы. Весьма для меня пріятно было бы видѣть васъ въ Полтавѣ и лично увѣрить въ томъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь» и проч. [2]).

Въ 1819 г. полтавская труппа ѣздила опять въ Харьковъ. О содѣйствіи ей кн. Репнинъ просилъ В. Г. Муратова, поручая ему привлечь къ тому же и Квитку [3]). А въ 1820 году самъ Муратовъ проситъ князя разрѣшить труппѣ прибыть въ Харьковъ во время крещенской ярмарки. Но затѣмъ Муратовъ пишетъ князю письмо, гдѣ говоритъ о неудобности быть въ Харьковѣ труппѣ во время ярмарки, въ виду дворянскихъ выборовъ, что противорѣчило взглядамъ самого Репнина. Репнинъ, наоборотъ, всегда старался о предоставле-

[1]) Арх. Полт. губ. Правленія по описи № 156, л. 21, 1818 года.

[2]) Арх. Полт. г. Правл. 1819 по описи № 322.

[3]) Арх. П. губ. Прав. 1818 по описи № 59.

ніи съѣхавшимся на выборы дворянамъ всевозможныхъ развлеченій, не исключая и драматическихъ представленій. Вотъ письмо Муратова.

М. Г. Князь Николай Григорьевичъ!

Подноситель сего, г. Климовъ, доставилъ мнѣ почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства, коимъ изволите вы извѣщать меня, что намѣрены отпустить на Харьковскую Крещенскую ярмарку полтавскую труппу актеровъ. Принося Вашему с-у покорнѣйшую благодарность мою за доставленіе симъ удовольствія здѣшней публикѣ, я вмѣню себѣ въ пріятнѣйшую обязанность оказывать всякое зависящее отъ меня содѣйствіе къ доставленію здѣсь актерамъ всевозможныхъ выгодъ. Между тѣмъ долгомъ поставляю донести вамъ, М. Г., что такъ какъ во время ярмарки предполагаются здѣсь быть еще и благородныя собранія, представленія театральныя не должны уже имѣть мѣста, почему не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству приказать предварительно дать знать о семъ труппѣ актеровъ. Въ прочемъ съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и проч. Василій Муратовъ.

Харьковъ, 30 декабря 1830 г.

На это письмо кн. Репнинъ отвѣтилъ: «Принося вашему превосходительству благодарность мою за готовность вашу доставлять въ Харьковѣ полтавскимъ актерамъ возможныя выгоды, усугубляю просьбу о позволеніи имъ играть на театрѣ въ тѣ вечера, когда будутъ и благородныя собранія. По моему мнѣнію, сіи два увеселенія публики не могутъ дѣлать одно другому подрыва, ибо каждый посѣщаетъ то и другое по своему вкусу, а сверхъ сего на ярмаркѣ большая часть людей бываетъ такого состоянія, кои не имѣютъ права входить въ благородныя собранія, слѣдовательно жалко будетъ ихъ лишать любимаго увеселенія. Я увѣренъ, что ваше пр—во не оставите просьбы моей по сему предмету безъ уваженія, равно какъ и того, чтобы бенефисъ въ пользу инвалидовъ отложить до Успенской ярмарки. По причинѣ испортившейся дороги, компанія актеровъ поздно прибудетъ въ Харьковъ, а безъ снисхожденія вашего превосходительства она останется въ накладѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч...

Сохранилось еще письмо кн. Репнина къ Г. Ѳ. Квиткѣ.

М. Г. мой Григорій Ѳеодоровичъ.!

По приближеніи Успенской ярмарки, я приказалъ дирекціи театральной отправить изъ Ромна въ Харьковъ театральную труппу подъ непосредственное распоряженіе ваше, а нынѣ предварительно посылаю живописца для составленія декорацій и всего нужнаго. Извѣщая о семъ васъ, я въ полной увѣренности нахожусь, что вы уважите просьбу мою въ принятіи на себя званіе директора и, оказавъ уже успѣшную готовность вашу содѣйствовать пользѣ сего полезнаго и пріятнаго учрежденія, нынѣ примете труппу полтавскаго театра вновь въ свое покровительство, по производству оной въ Харьковѣ, въ непосредственное ваше распоряженіе, о чемъ васъ покорнѣйше буду просить и ожидать, по окончаніи ярмарки, о послѣдствіяхъ вашего увѣдомленія. Труппа же, по окончаніи Успенской ярмарки, должна отправиться въ Кременчугъ къ тамошней, называемой Семеновской. Я надѣюсь, что харьковское общество приметъ съ удовольствіемъ представленіе полтавской театральной труппы, и потому, если вы найдете удобнымъ сдѣлать вновь съ Сердюковымъ условіе на взятіе въ годовое содержаніе его театра, то и по тому буду ожидать отъ васъ увѣдомленія. Впрочемъ все вами учиненное принявъ въ доводы усердія вашего ко всему полезному для общества и особеннаго расположенія вамъ ко мнѣ, я увѣрить васъ могу въ искреннемъ» и и проч. [1]).

Кн. Репнинъ.

При отъѣздахъ труппы изъ Полтавы, ей выдавалась казенная подорожная. Репнинъ былъ большимъ покровителемъ всѣхъ государственныхъ артистовъ. Въ 1825 году посѣтила Полтаву извѣстная въ то время въ Россіи балерина Баньковская, воспитанница танцмейстера Виріонда. Ея гастроль совпала съ дворянскимъ съѣздомъ. Она очень понравилась полтавской публикѣ. Изъ Полтавы она отправилась въ Кіевъ, и кн. Репнинъ пишетъ въ Кіевъ И. Г. Ковалеву письмо съ просьбой оказать ей содѣйствіе.

[1]) Арх. П. Г. Правл. по описи № 59.

И въ такомъ родѣ мы встрѣтили не мало данныхъ въ архивѣ. Репнинымъ при театрѣ былъ организованъ оркестръ изъ 23 чел. Это были крѣпостные помѣщика Райковича (вѣроятно, Раковича. богатаго помѣщика прилук. уѣзда). Надо сказать, что въ то время у многихъ помѣщиковъ были оркестры или, какъ тогда назывались они, «капеллами». Оркестръ былъ на жалованьи отъ дирекціи. Многіе изъ музыкантовъ были женаты, но семьи ихъ жили въ деревнѣ. Послѣ смерти владѣльца ихъ, наслѣдники лишили эти семьи содержанія, но Репнинъ, узнавъ объ этомъ, принялъ мѣры въ улучшеніи ихъ положенія.

И. Фр. Павловскій.

Украиньськи запыси Порфирія Мартиновича.

Россоха Тымохвій.

Запорóзьци.

Булы колысь запорозьци, а теперъ нú; не тé вже, не на тý стáть. Теперъ уже воны перевелысь. Перевелы́сь уже. Воны й тýтъ булы—Запорожжа; а теперъ уже й прошлó. Гатьманьци булы, запорозьци. Роскóшный народъ. Гатьманьци булы таки, шо жылы́—въ однимъ мисти Запорожжа, а тутъ гатьманьци: такъ сказать, шо мы волосты тыú, а ти тыú—гатьманьци.

Запорозьци теперъ за Билою ричкою[1]), де теплы воды: тамъ недалеко коло Азовського моря, тамъ и дальше и блыжче. Позагóнылы теперъ ихъ, Боже мой!

Разъ одынъ булы мы тамъ; одынъ разъ и булы тилько. А тó въ Крымú булы, на Гнылій булы, на Кóсахъ булы.

Бачъ, запорозьци яки булы: отакú штаны́ вшыршкы—о-ó, Боже мой! Роскошный народъ. Вýсы такú, шо и за вýхо заклада. Ахъ, Боже нашъ мы́лостывый! Въ чупрынахъ. Чупрыны таки, шо дьвичи, трычи за вухо заклада, ше й вы́сыть отáкъ. Рукава у сорочкы отакъ у шыршкы: въ дви пилкы. Якъ побачышъ, такъ прямы́й запорожецъ!

Тоди далеко булы (воны), а теперъ ихъ позагóнылы ще дальше. А прежде, говорять; шо тутъ воны булы.

На ихъ—чорни штаны й кытаéви тамъ. Чорни, зелени и всякыхъ матерій, а въ билыхъ не ходылы. А на молодыхъ червони. Матьня по колина. Найбильшъ чорныхъ штанúвъ. Чоботы сапьянóви: съ чорного сапьяну и съ червоного, якъ молоди,—тожъ и съ червоного, якъ молóдижъ. На йхъ було подывувáться. Боже мой, якъ подумаешъ!

---

[1]) Била ричка вона тамъ за Кубанью, де теплы воды.

Шапкы́ булы гостри и зъ верхамы булы [2]). Красывый народъ такы булы, Боже мій мылостывый! Жупаны прежде булы такъ халаты: такъ халатамы й шы́лысь. Курткы зъ голубого сукна, съ чорного сукна. Пры оружіяхъ: шабля и пистолетъ. Сыни поясы булы шыроки, зелени и червони. Жупаны на молодыхъ червони, повышывани золотомъ коло комыри́въ. О-о, Боже, народъ бравый! Теперъ уже нихто й не скаже, чы ихъ ше́ дали позагонылы, чы Богъ е́го зна.

Доводылось у слободи у ихній буть: та́къ, переходылы. Та такъ: чы напо́ять, чы кусокъ хлиба страннымъ дають: воны люде славни.

Перехо́дылы тико станыцю. Станыци звуться Петрыки́вка, Мыха́йлова—ото дви, третю переходылы Вознесеньську. Вознесеньська—третю переходылы. Ото тилко... ото тилко ихъ и бачылы. У Вознесеньській са́ми вже настоящіи.

Петрыкивку переходылы утромъ. Черезъ базарь йихалы весною, такъ якъ хлибъ посіялы посьли Мыколая. Выда́лы и малыхъ, и старыхъ, и жинокъ. Одлышный народъ. Одлышный народъ Запоро́жжа. Диты одити по и́хъ одежи. Бабы одиваютъся такъ одлышно: сорочкы такъ понашывано червонымъ. Платьтя хороше, Господы! Въ запаскахъ не ходять такъ, якъ мужычкы,—въ спидныцяхъ: сказать по мища́ньскій лыніи. Юпкы таки: парчеви называютьця.

Переходылы за два дьни ти станыци, а третій день Петрыкивку перейшлы и бильше не бачылы запорозцивъ. Ато́ то грекы, то верме́ны, то...

Шапкы булы и ковпакы червони на мужчынахъ, отакъ якъ Аглычане: и ше й съ кытыцямы ковпакы.

Воны тоже торгують тамъ, хлибъ продають, соль продають, о́вошъ тамъ же тоже. И до́ма торгують тоже, якъ и мы́.

Воны до нашыхъ ни Боже мой! Пытають:—«дале́ки люде? яко́и губерніи»?—«Полтавськои; отакого то, Костянтыньського въизда. Э-э-э, далека сторона́». Росказують, шо «наши батькы́, диды́, прадиды булы тамъ, де вы жывете́». А теперъ ихъ позаганялы. Теперъ ихъ позаганялы.

(Якъ ихъ бачывъ я),—давня ричъ: годъ до шестыдесяты: я ще молодымъ бувъ.

[2]) А то булы гостри таки, якъ на черкесахъ, изъ вершкамы.

Позганялы ихъ за то, шо бунтувать сталы, розорять сталы, такъ йхъ черезъ то позганялы. Воны воины булы крипко. Никóго жъ воны,—одного Бога Мылосердного, а тó воны не боялысь никого, такъ йхъ боялысь хуже зьвира малоросіянъ! Не хотилы óвсимъ схóдыть нсъ сіи земьлй; схóдыть не хотйлы.

Ше ходылы по рыбу, такъ Запорожжа було и тамъ. У Дону ше булы. У Дону булы. У Кóсахъ. На Кóсахъ це сказать: на Билій Косй сáме бачылы тамъ ихъ; тó вже на Гнылій; це по тыхъ городахъ, по тыхъ мистахъ, шо Бýды и Марнополь; це на Кóсахъ, такъ се блыжче, а тó дальше: то сотъ пьять верстъ, сказать. А теперъ уже ихъ за тысячу верстъ, за пивторы, туды ихъ позагóнылы—ажъ тáмъ де черкесъ, такъ ажъ туды. Теперъ нема. То прежже: якъ булы (мы) молоди, то булы тутъ,— теперъ нема. На Кóсахъ—ото значыть, де рыбу ловлять, такъ Кóсы звалысь: то Била коса, а тó Сыня Коса; такъ знáчыть воны рыболовлею занималысь, котори, значыть, бидни. А теперъ нема ихъ тамъ. Тýтъ на заробиткахъ, такъ булы безъ жинóкъ... У заброди. Дé чоловика два, а де пьять у забродахъ, а дé тры тилько. Одлышный народъ. Теперъ нема; шé дальше ихъ позагонылы! Тó воны булы блыжче. Теперъ позаганялы.

Булы кошовй отáманы, отаманьня. Боже мой,—Боже мой! А всé те мынулось—все то пройшло! Де й подивалось! Росказують, шо булы кошовй отаманы, отаманьня.

Доводылось у слободи у ихній буть: то тáкъ чы напойть, чы кусокъ хлиба страннымъ дать,—воны люде славни.

Якъ истрйнеся, такъ грубивствóмъ такымъ очынытьця, шо .. грубивствóмъ такымъ, розбоемъ! Ёго нихто не побидыть окроме козакá.

Тико йдеть ше до людей: «зворочá-й! козакъ иде»!—тамъ ужé й звертай: потому шо винъ козáкъ. Звертають. Звертають. А якъ бижыть конемъ, такъ и земля дрижыть. Сыльни воины булы колысь. Эй, Боже нашъ Мылостывый!

«Зворочай! Шобъ ты знавъ козакá Запорозького. Шобъ ты знавъ козака Залынійського. А тó и не згадаете», говорыть. А ёго боятьця. „Отъ сучій сынъ: о, бачъ якый!" Розбойныкы тай годи. Та ше такъ кажы, шобъ винъ не чувъ... А винъ осьмихнеться и бильше ничóго. Осьмихнеться, оглянеться „ну", каже „козакови звертай!" Пойиде. Й пойихавъ. Винъ не зверта николы: хочъ йиде, хочъ и пишкы,— на тé есть козакъ залынійській. Якъ тильки йиде, то „зворочай" каже. Ёго боялысь такъ, якъ звира. И прежде якъ чумакувалы,— и намъ було тоже по первáхъ.

У трёхъ мистахъ булы запорозьци оци: въ Дону́ за Ростовомъ, сказать де Гнылá—на Гнылій. Одъ Ростова Гнылá пьять верстъ, якъ витциля йидешъ на Ростовъ; такъ Ростовъ остаетьця у ливій руци, а Гнылá у прáвій; на Гнылій и на Кóсахъ и на Билосарáйци. Билосарáйка тоже надъ моремъ; це сюды сотъ чотыри верстъ одъ насъ, а туды сотъ висимъ—до тысячи верстъ.

Ци́ хоть и въ роботныкахъ воны,—якъ на празныкъ повдигаютьця,—якъ купци ходять; якъ купци, шельмы. Жылы воны нащотъ тáкъ, якъ у хазяина въ роботныкахъ. На хазяинáхъ, якъ подывысься, такъ одежи такои й чортмá, якъ у и́хъ. Вусани́ таки, шо ó-о Боже мой! Одежа: халатъ, такъ сукно такé, шо ó Боже мой! На дру́гому суконный, а на другому плысовый. Чупрыны—куды́ вáмъ; безъ чупрыны такъ чортмá ихъ и одного: и стари́ и молоди́.

Шапкы́ сыви, высоки и чорни, зъ вершкáмы и зъ червоными и зъ зелéнымы й зъ голубы́мы. О-хъ козакы́, матери ёго ч.....! Та ще й шапкы плескóвати. Грóмки въ ихъ речи.

А тико такъ якъ глянешъ на ихъ, такъ наче сердытый чоловикъ,—злó на ихъ есть, якъ гляне. Скверного чоловика и не бачывъ: тáкъ шобъ худощáвый, а все здорóви, все здорóви.

Бачывъ я тыхъ, шо въ заброди, такъ тамъ мы на Гнылій булы [1], рыбу бралы; шыбкый народъ.

Тыхъ, шо въ станыцяхъ, бачывъ тыхъ разъ одынъ:—перехóдылы черезъ станы́ци, а цыхъ такъ разивъ пьять бачывъ.

Воно Запорожжа, воно, бачыте, такъ жывуть по станыцяхъ, а якый убогый,—де піймавъ: ото въ забродъ, де заробíткы почують; де піймавъ. (Хаты булы у дру́гыхъ, а то въ другыхъ и землянкы булы ще.)

Осаву́лы вже якъ наварять тамъ, якъ наварять обидать, такъ кажуть на чумаки́въ: „а чогó жъ вы, вражéнни сыны́! Иди́ть обидать, чы полу́днувать; шó, просы́ть будемъ!?“ То йды́, а тó налáе. Отó до вози́въ якъ уже идемó, ото: „а чого жъ вы, вражéнни сыны?!“ ото на забродьчыкивъ. „укынь имъ на кашу тамъ рыбы.“ (Накыда тамъ возивъ зъ два). Въ запи́лъ укынешъ на кашу тамъ таранухы. То винъ накыда десяткивъ по два намъ.

---

[1]) Туды ныжче отуды на западъ изъ Лыныи, такъ ныжче на западъ соньця.

Осавулъ здорóвый чоловикъ. Отáманъ тамъ: якъ отáманъ, сказать; осавýлъ—хазяинъ; вонý въ рощотній у ихъ; комý тамъ треба чы грошей, чы чобитъ, чы на чумарку.

Осавулъ одитый... на ёму, сказать, такъ якъ каптанъ (на мисто каптана.) Штаны плысови на ёму. Осавулъ саме найстаршій, а отаманъ уже осавула слуха.

Оце якъ тыхо днемъ витеръ, оцеще ситокъ не кыдають ше, не кыдають на море, тó якъ гра; а якъ оце шо втыхне, стане сонце сидать на море, то закыне ситкы, та всé вкось и тягне, и тягне, и тягне.

Запорозьцивъ позсылалы. То вже посьли булы мы по заводахъ, такъ ужé ихъ не стало; чы вонó, сказать, шо по йхъ желанію, чы йхъ óвсимъ не по йхъ желанію. Должнó по йхъ желáнію. Не стало дохóдивъ тыхъ шо булы: отáкъ.

Отó вже нащотъ осавула,—отó вже хазяинъ у городи вже якый нанима заводы, тамъ чы купець, чы мищанынъ багатый, такъ ото въ ёго прыкажчыкы отаманы, або осавулъ—тó вже сáмый найстаршый.

Тихъ шо въ Петрыкúвци (бачылы). Мы давнúше булы, годивъ пьятнадьцять булы уперед́ъ въ тихъ, шо у Гаймáнахъ. Та въ Петрыкивьци. У цыхъ булы разивъ пьять, такъ у цыхъ булы годъ черезъ пьятнадьцять.

Та кажúть шо хочете, шо забродчыкивъ одъ и тú (!) на запорозьку одежу ходять: якый хто пожелае. У запорозьцивъ били сорочкы, рукава шыроки-шыроки, та страсть одна; ну и рукы дебéли, ну прямú запорóзьци.

Обидать не выпустять изрóду вже. А якъ будешъ одмагаться:—„скýрвый сыну! бáчъ якый! Сказáлы разъ,—у дрýге не будемъ казать“. Ото й иды. Отó й иды, сидай. Хлиба-сóлы, вже хлибомъ солью накорме—Боже мой! Отó заразъ рыбу уперед́ъ варену; такъ оце шобъ не перекипáла, такъ ваганы велúки—и кажному-кажному и стúльчыкъ и стульчыкъ кажному. Коло стóлыка чоловика восимнадьцять и двадьцять, а якъ съ прыходнúмы, такъ чоловика и двадьцять пьять. Чоловúка трú насъ, чотúри,—усú сидáй, усú у мúсто. Силы—„давай“—якось и называють кашовара,—„давай лышень намъ трáпезы, хлопче!“ Ото рыбы попойилы,—тоди кашу изъ жыромъ, о Бóже! Тоди рыбы жаренои поставе: нажáре й рыбы,—батечку мій! А паляныци булы пшенышни, якъ паскы.

Подавалы обидать чепурно. А въ дру́гыхъ, якъ мала́ ватага, то и се́ е: якъ выверне казанъ рыбы на стилъ (шобъ йилы), такъ и юшка й бижыть,—такъ рукавамы й ма́тлають.

Це́ якъ не́видъ закыдають, то по стака́ну выпьють по восьму́шному, повечеряють.—Якъ уже піймають рыбы, такъ отоди́!..

Чумакы́ якъ пидхо́дять, такъ „на щасьтя". Та́къ шо „якъ вытягнете, братьця, на мое щасьтя, такъ пивъ видра горилкы вамъ". А дру́гый каже: „якъ вытягнете на мое щасьтя, такъ видро горилкы". Тамъ якъ вытягнуть, такъ ви́зъ на пьятдесятъ, а иноди та́къ шо й на сотню. Якъ табуна́ [1]) не захватять де, такъ и шабашъ. Сулы́, ка́мбулы, билю́гу одну якъ вытяглы,—аршынъ чотыри билюга, такъ якъ товаряка яка. О-о Боже Мы́лостывый! На вози везуть, а воно ше й хвостомъ до долу высыть. (Красна рыба ота, о-о, Боже, Боже!)

Такъ ото вже попьютьця вже могорыча́, ото вже попьютьця, ве́же такъ шо ой-ой! «Ашо братьця, по запорозькій чи якъ?» А другый «эге!—Запорозьци!" Якъ пиднимуть пи́сни [2])! ой батечку мій! Наче въ мори ревуть. Наче море реве, то та́къ воны. Вы коло моря булы́? Якъ на пого́ду, такъ реве́, реве, о-о, Боже мій Мылостывый!.. Оце якъ почуе на погоду,—за двое сутокъ реве, якъ росколы́шеться. Боже мой, Боже мой! А въ мори не останетьця—грошъ укынь, такъ вы́кыне, тряпку вкынь,—не буде нищо́. Утопленыкы пото́нуть,—повыкыда море! Повыкыда́ море.

—

Ну вамъ слы́шно, шо козака́мы оцы Лы́ніи ризалы. Говорять,—козака́мы. Боже мой, Боже мой! О Боже, де вона дилась та гора? вона була крупни́ше ще. Що́ тамъ хатъ було состроеныхъ! Ото жъ запыралыся воны.

Знатныкы́.

Знатныкы́ булы таки, шо не дай Богъ. Воны й померли ходылы, не ту́тъ ихъ згадуючы. Зъ запорозьцивъ найбильше знатныки́въ, найбильше. То́ винъ не своимъ духомъ уже. И дознавалы. И дознава́лы, шо отамъ то ходять. Такъ, говорять, ныць лежыть. Говорылы люды. Богъ съ нымы, я ихъ не бачывъ уже.

---

[1]) Табуна рыбы.

[2]) Чумацькыхъ, запорозькыхъ.

Винъ умреть, а потомъ ходыть до своеи симьи́. Такъ и́хъ откóпувалы,—говорять наши предкы.

—

Видьмы́ булы. Видьмы́ булы. Та хай Господь мылуе. Теперъ ихъ нема.

—

Та бу́въ розбой... тамъ Стéшынъ бридъ. На Орéлы. Стéха. Вона жинка була, а зави́дувала розбóйныкамы. Стеха якá-то була на Орéлы. Розбойныкивъ чолòвика трыдьцять-сорокъ, а вона розбой держала,—такъ отó и Стешынъ бридъ черезъ тó.

—

Знатныкы булы таки шо знають .. Тó вже ходылы воны, не ту́тъ згадуючы. Тó вже таки́ ходылы. Тó вже таки́ ходылы.

—

А тó по рыбу пишлы: и двá ихъ. Два чумаки́въ по рыбу ходять, двá ихъ. И народъ пры здоровью; диды́ пры здоровью. Ну, ось одынъ кони пасе—погнавъ кони, тамъ далеко, чы блызько погнавъ кони, а одному́ калаву́рыть возивъ. Та взявъ, та буркою накрывъ, тымъ, шо вкрывають: сказать опанчá. Одежду и шапку выстромывъ съ опанчи, «будьто я лежу». И прыходе розбóйныкъ. А самъ сажéнь тры у комыши лежыть геть óсторонь отъ вози́въ (комыши́ колысь булы увъ аршынъ) и не спыть.

И прыйшовъ розбойныкъ зъ ножемъ: нижъ уже наготовывъ и ды́выться—лежыть будьто чумакъ: „оце жъ чумакъ“. Сюды-туды гулькъ, будто ничого; оцé жъ и шапка вы́стромлена. Той (розбойныкъ) мóстыться уже впасты на ёго, а тóй лизеть комышемъ, уже блыжче пидлазе сюды до ёго, до того опанчи, де лежыть чумакъ:[1]) будьто чумакъ, а винъ накрывъ. Якъ упáвъ той на опанчу, тай ножéмъ зáразъ тáкъ якъ будьто пикою шырнувъ у груды: „óсь я ёго й заколовъ!“ Тай опанчу и одежу пробывъ и одежу пробывъ и прыслухаетьця:—заколовъ, каже, я заколовъ“. А цей вже пидлизь якъ é. Той туды лежыть очыма, а сюды плечыма, а цей изъ-за плечей кый за собою волочé; прыволикъ, уже зъ-за плечей съ кыемъ. Той прыслухаетьця чы задавывъ того, а цéй ёго кы́емъ якъ свы́снувъ, такъ винъ не схватывсь и на ногы, та якъ блы́снувъ у друге, такъ и захри́пъ:

---

[1]) Це було за насъ уже.

выбывъ усе зъ ёго. Та якъ блы́снувъ у дру́ге, такъ уже ёго й не чуть,—убывъ. Зъ одного разу вбывъ; вдру́ге ударывъ уже нежывого. Ота́къ солодять. Такъ ви́нъ ёго зволи́къ зъ одежи (та́къ и пышить), та за но́гы ёго, та въ комышъ одволикъ саже́нь пьятнадцять. А тоди ше й серебро було. такъ ви́нъ огляди́въ ёго по карманахъ, де знавъ глядивъ уже; такъ у ёго,—тоди ше червонци булы,—найшовъ у ёго со́бственно двадьцять,—це́ за на́съ уже було,—въ одни́мъ мисьти, а въ другимъ трыдьцять карбованьцивъ найшовъ серебра; и тоди прыйшовъ до обо́зу и гука: „товарышу мій! подго́нь кони сюды поблыжче: розбой“! Такъ то́й зразу сюды кони гоне и злякавсь, крипко злякавсь. „Шо́ ты, каже, гукаешъ? Шо́ тутъ зробылось“?—„Не бійсь“, каже, „ничого: бо вже“, каже, „одного вге́павъ“. А цей пытае ёго, и ко́ней ше не роспутувалы: „Де́ жъ ты е́го ди́въ, якъ уге́павъ?“— „У самій бильшій комышъ одволи́къ? А той пытаетьця: „шо жъ“, каже, „робыты?“—„Роспутувать кони, та давай тикаты“. А того́ й не каже, шо копытала пьятдесятъ цилковыхъ уже въ кармани.

Позапрягалы кони, пойихалы. Йихалы довго-ко́ротко. А колы́сь люды булы ви́рьни яки—а Боже мой!—шо одынъ другому росказуе шо́ я зробывъ, шо́ й получывъ. Йидуть умисьти. „Шожъ ты“, каже „уге́пать уге́павъ, тай не поглядивъ, шо́ въ ёго тамъ було по карманахъ?“ „Ось Богъ дасть сьвитъ буде, такъ пощытаемъ“. Бачъ, колысь люде яки булы. Ось Богъ давъ сьвитъ; сталы воны на роспашп, пощыталы де́ньги—пьятдесятъ рубли́въ. „Шо́,“ каже, „брате, чы дилы́тьсся будемъ?“—цей, шо погубывъ. А то́й говорыть, шо коло коней бувъ: „братьня го́лово! це“, каже, „твое щасьтя, шо ты вге́павъ! Хто вге́павъ,—того́ й копыталъ“. Такъ ти́лько оглядалыся,—такъ тоди́ давни́шъ бачь якъ було,—такъ ти́лько оглядалыся одни́ суткы, а то́ бильше й не оглядалысь. Колысь було якъ то малолю́дно було—охъ Боже нашъ!.. Не сталы боятьця и ны пужатьця... Богу помолылысь—той пропавъ тамъ, а воны...

А той думавъ те—винъ уже настояше думавъ, шо и надумавъ и заколо́въ и задавывъ, а ту́тъ ёго зверху и ге́пнувъ. Це́жъ усе за на́съ було.

Мо́жеть у Харькивъ вы йихалы?—такъ та́мъ Бида́ жывъ. Ото́ шо це́рква у лиску́ мане́нька, такъ ото́ й Бида́. Такъ ви́нъ би́дный бувъ,—такъ черезъ то́ ёго й прозваные Бида. Такъ ви́нъ йиздывъ зъ горшкамы, возывъ горшкы; то́жъ и Бида, шо бидно жывъ. Боже мой!..

Повизъ винъ у Каторнославеську губернію. И выйихавъ у лисъ; и йиде,—ниде спать дорогою. А винъ пры здоровью чоловикъ бувъ. Йиде, й йиде, й йиде, ось уже и повдня йиде лисомъ, и стоить хата: хатёнка та́къ чорзна яка. Ось винъ конячку свою—конячка погана!—бросывъ на дорози: „а пиду я подывлюсь, що́ воно таке тутъ жыве́". Колы ввійшовъ,—ажъ ди́дъ одынъ забисо́ваный тамъ. Винъ тико ускочывъ у ту хатёнку, така́ шо тилько бокомъ лизты. „Здоровъ. Де бъ я", каже, „де бъ мени выйихать?—що́ воно тутъ це за лисъ?" А винъ каже: „де жъ конячка?"—„Та ото", каже, „на дорози; та до то́го доййихавсь, що ни сюды, ни туды". А винъ схватывсь, та до ёго. А розбой у ро́зйиздь. Такъ ёму Господь давъ:—у розйиздь,—дида тико бросывъ. И вхватылысь бороться. Онъ ба́чъ, яка ёму бида була; ёму бида була. Такъ ви́нъ ди́выться, що бида. . Винъ росказувавъ, такъ ёго „Бидо́ю" заразъ и вхватылы: „Э-э, тоби бида́", каже, „була!" То ви́нъ якъ перевернувсь,—чере́кнувъ ёго чепурне́нько, та якъ ударывъ ёго головою объ вищо то такъ: объ каминь, чы объ лаву, та и голову розбывъ ёму. Ёму бида була бидному; та каже: „чого тоби тутъ хотилось?"—„Де твои гроши?"—„Ото", каже, „ото, панебрате, возьмы: тоби пожываты, а мене не добывай; ото", каже, „одынъ бочонокъ, а то", каже, „другый, а то третій", каже, „це золото". Такъ и ти́ выдно, що воны невелычки... А такы того дида доглекавъ: угрю́кавъ, добывъ, та тоди й пойихавъ. Такы Господь, усе́ Господь! Господь ёго й вынисъ. Та тоди ти бочонкы забравъ: одынъ пидъ мышку, сюды одынъ, а цей пидъ другу, а третій у по́лу, та й вынисъ до повозкы. И не дывывсь, чы подавляться горшкы, чы ни́,—такъ и повкыдавъ ихъ у горшкы, у кошиль [1]) такъ и кынувъ; зрадивъ крипко.

Мени ганчари́ росказувалы Водола́зьци; я зъ нымы часто тамъ горшкы продаю. Такъ ото́ жъ ему й бида була. Та, ба́чъ, усе Господь дае,—побидывъ. Такъ ви́нъ, каже, съ тымы́ горшка́мы якъ пойихавъ. пойихавъ, та все́ Богу мо́лытьця, все Богу молытьця, все Бога просе. Господь давъ—выйихавъ. И пойихавъ, и пойихавъ, и пойихавъ Забу́въ уже й горшки́въ: то продававъ, а то́ якый розбывъ, якый покынувъ, якый покынувъ, якый подарывъ, та утикъ до дому чымъ дужъ и съ тымы гри́шмы. А шкапи́чка була така, що тры карбованьци цина усёго.

Прыйихавъ и ставъ вурушы́ться, ставъ вурушы́ться; купывъ соби заразъ другу коняку; купывъ пару быки́въ; купывъ корову, купывъ

[1]) У кошиль той що на горшкы загородывъ; загороженый, высокый.

Ще такъ спе́рвоначалу купывъ пьять овець... дальше билше... Жыве годъ, жыве й два, жыве й тры.—Черезъ тры годы уже й плугъ воливъ! Шо́ зъ гришмы, Боже мой! А безъ грошей ничо́го!

И сталы люде допытувать ёго: „шо жъ се", каже, „чи не отаке? де жъ ты горшкивъ на дорожне́ту на таку возывъ, що"... Такъ ви́нъ и ставъ росказувать: „Э-й, господа!" каже: „я, каже, горшкы возывъ, такъ мени бида була." Та то́ Бида́ й ста́въ. Тай росказуе було нашымъ батькамъ и плаче: „що мени ма́лось буть само́му смерть; са́мъ изйихавъ на розбой".

Якъ пойихавъ я самъ на Лынію, та йиду-йиду, та якъ пойихавъ я посли Мыколая зъ двора, та перейихавъ я Ростовъ и прыйихавъ до Та́нбы. И перейихавъ Та́нбу: значыть, море, сказать—по тому мисту́; и перейихавъ Донъ и въ ливу руку идеть дорога на Чорноморію, а въ ли́ву руку на Лынію, сказать—на Лынію идеть вамъ дорога на Ста́врополь городъ. И йиду я день; тра́плятьця чумакы—стою́ надъ дорогою, не траплятьця чумакы, нитъ нико́го—йиду я зъ дорогы за верству миста, за пивторы у сторону. А не одйидешъ, такъ опасно ставать надъ дорогою—розбой. На ву́тро встаешъ, Богу помолысься й йидешъ упьять на дорогу. Йидешъ—тоже тамъ на обидъ стаешъ. Трапляютьця чумакы—стаю́ я зъ нымы, ночу́ю надъ дорогою; нема́ чумакивъ—йиду въ сторону. А, Боже мій! Йиду въ Ставропо́льську губернію. А Боже мій—тамъ розбой, не дай Богъ. Йидешъ дорогою—гукать нильзя. Коняка прысне, тай то́ души́ нема, що прысне коняка: у сторону вже пойидешъ зъ дорогы. Упьять на утро встаешъ, упьять йидешъ на дорогу. Такъ йидешъ до оби́дъ, або до полудня: трапытьця чумакъ—станешъ надъ дорогою, а не то́—въ сторону йидешъ, верству—у пивторы одйидешъ зъ дорогы. Степъ—о-о! Боже Мылостывый! Ота́мъ степъ! Станыци нема; все й степъ, и степъ, и степъ: все́ й цилы́нный, все́ й цилынный! Отта́мъ ше можна пожы́ть.

Комыша́мы йидешъ,—у сторону звертай.

Стривайте, я вамъ оце́ роскажу шо́ було: запыши́ть, ій-Богу запыши́ть на ту́ штуку.

Значыть, колысь салдаты ходылы въ такыхъ ша́почкахъ, якъ со́яшныкы.—Це́ на степу́ було, а мы́ воливъ па́слы: уже́ тыхъ людей нема на свити, съ кымъ па́слы. Тры́ насъ. И обложы́лы волы, напаслы, значыть, ихъ, и самы поморени-то булы и поснулы. Та́мъ,

довго-кóротко, óсь кы́нувсь одынъ—немá воливъ; а тéмно поночи; нема воливъ; ну шóжъ казать? «Иды́ жъ ты у сторону, туды на Глобу́» (хутиръ, значыть: на хутиръ), тáкъ сказать якъ на схóдъ соньця; а дру́гый тáкъ якъ на обидъ, а третій такъ якъ на западъ соньця Пишлы мы. Такъ иды́ та гукай. Якъ найдешъ волы, якый найде, такъ гукай». И пишлы: тóй туды, той туды, а я пишовъ тóжъ. Ишовъ, ишóвъ, ишовъ—нечу́ть; нечу́ть ничóго. А це тáкъ, прыслу́хався, такъ будьто гукнуло отъ у той край на западъ соньця, будьто гукнуло, а я собі́ гукнувъ. Пereждавъ, гукнувъ я, а воно переждавшы й соби гукну́ло, впьять уже блыжче. Гукну́ло! Ищé блыжче; я впьять гукнувъ и соби. Ось дывлюсь, ажъ уже ось коло мéне. Одногó звалы Мыхайломъ, а другого Якымомъ. Ті́ въ сирякáхъ. Це ты́, Якыме? Лапнувъ за шенéлю. А винъ каже «а кавó тоби нáда?» Якъ ухвате мене за сирякъ, а я молодый бувъ порськы́й; здоровьячко було. Я повернувсь сюды-туды, а я той ы́стыкъ та схватывъ, та хóда!—а винъ за мною; та бі́гъ, бигъ, бигъ, утикавъ-утикавъ. А воно на тому жъ бóрозны та купья тоже; та на ку́пыну якъ спиткнувся, якъ полетивъ—упавъ! А винъ на мене якъ набигъ, та не вдержався, та черезъ мéне; я схватывсь, та éго ы́стыкомъ—та впьять хóда. О Боже, переляклвсь!.. А винъ: упьять! упьять! Та якъ догнавъ у друге! Такъ я ёго якъ пры́снувъ уже! Ищé разъ! Та колі́номъ ёго! Та колиномъ якъ прыдавывъ, такъ ві́нъ якъ схватывсь, та давай хóда уже й рачкы. Такъ ві́нъ оставсь, то я вже рáчкы утикавъ; лизъ я рачкы, шобъ загубы́ться. Богъ помигъ мени. Оставсь у комыші́, загубывсь уже. А винъ—щó? Хоти́въ сирякъ..... «А-хъ», каже, догадлывый! Мени бъ», каже, «не треба; мени сиряка тилько треба. Мени тико», каже, «сиряка та шапкы твоеи треба». Такъ не подоли́въ; а якъ бы подоливъ, такъ поотнимавъ бы. А що налякáвъ, такъ не дáй Богъ.

А тó биглецъ бувъ. Убигалы съ службы: биглéць, значыть; такъ ві́нъ бы, якъ бы достáвъ де сиряка та шапкы, такъ ві́нъ де забереться до панивъ у клуню; тóжъ воны годъ по пьять у панивъ жывуть таки биглеци, бурлашня. Такъ я зайшовъ до своихъ и волы зайшлы. Шó вамъ, кажу, ничóго не булó? «Ничóго. Шó жъ воно?» Якъ роспыталы, а тó биглецъ; тáкъ воно на ту лынію й выйшло. А нóччу никóлы не гукай, Боже сохраны. Стари́ши люде, ше постарше насъ, такъ кáжуть—ноччу, якъ волы́ пасешъ, такъ не гукай, бо непрыятеля соби выклычешъ.

—

Якъ бу́въ на службі ще дидъ, якъ бу́въ у пикине́рахъ дидусь и служывъ у пикине́рахъ; пикине́рсъка служба була; жона́тымъ узялы въ службу. Такъ якъ хто не ба́чывъ ну́жды, такъ и не побаче й добра. И дида взялы́ на службу, а вона́ оста́лася. Такъ якъ пи́де полоть по шагу,—по шагу́ въ де́нь, такъ заро́быть гро́шъ той. (Ще мені́ доводылось по тры копійкы косы́ть, що теперъ грывня: де́нь якы́й, а я дубасю по грывни въ день.) «Заро́бышъ», ка, «той грошъ, та йду исъ того двора. Выйду зъ багатого, зъ багатырського двора, та на смиття пиду, та найду латочку, тай запащы́ну налатаю тымъ же самымъ. Выдыте що: яка бидность була.

Такъ ви́нъ, якъ завоювалы, якого то шведа завоювалы, тай йиде полкъ (воны у конныци служылы), и йиде генералъ на кони упередъ усихъ и въ бокы взявся, а пи́сельныкы пи́сьни пиють, гуляють по тому по городу. Ви́нъ и затайвся у хати. А хаты такі: викна круглі: и виконечко отсунувъ, та ружжа позаряжувавъ. Ти́лько полкъ дойшовъ напротивъ тіи землянкы, такъ ви́нъ якъ хлопнувъ, такъ ви́нъ тико ка́вкнувъ, тай годи; и впьять тико дымъ пишовъ виттиля и впьять вертытьця, заряжа. Такъ воны якъ хваты́лыся—полковныкы закрычалы, що «ступайте, шобъ узять ёго: жыво́го взять». Шо наткну́тьця,—дверя розбылы, такъ не можуть узять: на сме́рть выдющу ицы́ть—Боже мой! Та́къ брать ёго, убылы бъ и землянку бъ ту розорылы, такъ жывого шобъ узять хотять. Подойшло чоловика трыдьцять, чы й сорокъ, чы й сто чоловика: «ну, ступайте вперёдъ, бери́ть ёго. Берить, значыть, шобъ жывого взять, такъ не мо́жуть. А въ ёго и шапка, и кынджалъ, и ружжа: та́къ и вертыть усимъ оружіямъ. Такъ тры́: трёмъ далы выпыть добре и зъ намире́ніемъ, зъ намиреніемъ. Звисно, начальство велыке прыказуе, такъ якъ царь, шобъ узять ёго. А ви́нъ сыдыть—одно́ поверта́ тико, одно поверта́. Такъ ви́нъ якъ грякнувъ! Напротивъ ёго груди,—убывъ. Дру́гый хватывся,—руку пересикъ; а третій хватывсь,—захватывъ ёго уже значалу. Такъ ёго вы́тяглы и звъязалы ему рукы назадъ чы ногы, чы закувалы, чы якъ то просторъ далы́, не о́всимъ; и зачалы казныть тоди, и казны́лы та́къ: одрижуть пивъ пальця—пидо́ждуть; одрижуть ище и палець, и цилый—пидождуть; одрижуть и третій. Охъ, Боже мой! Боже мой! Боже мой! Боже мой! Уси пальци ризалы тоже такъ и потимъ вуха ризалы и потимъ носъ ризалы и потимъ—жывый,—ти́ло ризалы по кускахъ. И то вже ёго обдыралы кускамы—жывый. И потимъ лупылы якъ собаку. Посли того наклалы костеръ дровъ и ёго на костеръ, и спалылы и попилъ перевіялы. Конець.

Прыйшовъ ись службы... Воны на двадцять пьять годъ прысягалы; такъ якъ побидылы, такъ ихъ по домахъ роспустылы, якъ побидылы. Пикинерьську службу служылы харашо; ихъ роспустылы. Такъ отó якъ по городахъ, такъ воны пылы и гулялы по тыхъ городахъ и по селахъ: всячыны бралы по лавкахъ и чого не було; хтó шо хотúвъ бравъ, такъ воны́ не бралы ничого, окрóме грошей. Серебро важкé,—золото легкé. Брáвъ хто и серебро, бравъ хто хотивъ. Такъ добувъ дидъ тáкъ, шо прынисъ череску́: на ногахъ пó два черескы червонци, и на рукахъ позашы́вани червонци у черескахъ, и на пóяси, тоже саме, червонци.

Та каже, якъ сядуть сьпиваты, та якъ просьпивають разивъ и два и тры и пьять, та якъ сядуть плакаты; такъ слёзы такъ якъ горохъ... Мабуть тамъ де служылы, такъ не добрó було, та Господь давъ, якé добро заслужывъ посли ёго.

Воны дóма ходылы у пикинерьській одежи: червони штаны шыроки-шыроки! Цé вже дидусь пóмеръ, такъ наёмцыкамъ продавъ уже батько ти штаны. А у чóботихъ ходывъ у жовтыхъ, у зеленыхъ; воны такú: зелени й халявы. И червони чоботы; ниску́ гострювáти, гостри таки осюды, тáкъ якъ нóсыкъ у куркы отакъ сказать; пидъ зáвидь. Такъ вúнъ чумакувавъ: повóзокъ двадцять по рыбу йде. Та якъ прыйде зъ рыбою, такъ недиль за дви одъ моря повертаеться, онъ бáчъ яки съ службы повстають. Онъ бáчъ яки съ службы повертають. Це колы спросúть кого, такъ я вамъ не брешу. Багáчъ бувъ на всю слóбоду.

Киньмы чумакувалы, а тó й воламы: дванадьцять визъ солы прывозе. Овець було сотня и череда своя; коней косякъ свій. Боже мой, Боже мой, дé воно подивалось? Такъ якъ увъ огни погорилы. И бугуну́ булы тоже такъ якъ въ овчынныка,—такъ тáкъ у ёго на всúмъ двори: якъ прыйде зъ рыбою, такъ заразъ роскыда зъ усихъ возивъ по тыхъ бугунáхъ; вы́вьялытьця вона вже, значыть высохне, такъ тоди вже скыда въ ынбарь [1]), а то сыта була безъ чысла, такъ загріетьця, покы зъ дорогы прыйде. Цежъ не дурно воно сказано, шо коней четверо бере зайвынá: якъ прыстáне, такъ бросе. Отó кому трапытьця, свою собственну, а сáмъ иде. Перепизъ грошей бувъ милочи: тáкъ якъ на зéрно, сказать; такъ зъ допцокъ збывъ виттиля й

[1]) Викна въ ёго комори булы таки, шо лядою прогонычомъ унызъ отчыпялысь. То це якъ увійде винъ, то штовхъ у виконыцю!

виттиля. Прыйде солы купувать, прыйде рыбы купувать,—туды жъ у перeризъ гроши та́къ и скыда́, якъ зерно́. У ярмарокъ поййде, повезе соли, повезе рыбу:—прывезе оклу́нокъ грошей; по мишку́ торгувавъ: тоди ми́лочъ була; серебра тоди мало було. Оттакі́ багачі́ булы, що не въ скрыняхъ гроши держалы, а въ пере́ризахъ. И кузьня своя, бонда́рьня своя, слесари свои».

Веде́ть мене у кузьни; наваре чумацькои каши,—и казанокъ несе, и мене веде. Разъ убуе у чоботы въ червони, а на другу недилю у жовти обуе. Любува́вcь. (Ходылы у червоныхъ и жовтыхъ чо́ботихъ багачи; багачі́ ходылы). То я возьму съ пере́риза грошей у руку, возьму двое, а трое—не бильшъ—тыхъ грывень велыкыхъ; не бу́де нічо́го казать: «йды йды! вже́, враже́ный сыне, ца́пнувъ». Звалы ёго Давы́ло. Даныло Пылы́повычъ Россо́ха.

(То) лева́ду о́бчество одвело, де було россошыно мисто: тамъ десятынъ пьятнадьцять; теперъ хазяинивъ двадьцять на тимъ мисти, на тій усадьби. Такъ отакі́ багачі́ булы. Чотыри мельныци було.

Тры сыны було: Даныло самый старшій, а середульшій Мусій, а са́ме найменьшій, батько мій, Степанъ.

Сына женывъ—узявъ у секретаря дочку у городи въ Косьтянты́ни; бу́въ у Черні́гови попервахъ... то чы бу́въ тутъ секретаремъ чы ні́, а то́ у Чернигови бувъ годъ десять, а вньять же перейшовъ сюда, вньять бувъ секретаремъ тутъ; вньять бувъ, на ми́сти вньять бувъ, са́мій Петривській бувъ. Бачъ, заслужували благоро́жа, заслужувалы; тоди мало було людей. (Звать его Буравлёвъ Кырыло Дмытровычъ).

Маты моя грамотни булы; воны пысать моглы и чытать, такъ росказують було. Боже мой, якого добра було всячыны у Россохы. Ше дидивъ обохъ я знаю. (Буравлёвъ довго жывъ: уже я бувъ отакъ годъ шиснадьцять, якъ Буравлёвъ жывый бувъ. Все́ поме́рло, все померло. Буравлёвъ литъ девяносто жывъ: старый, старый уже бувъ: до ста́... ні́, литъ девьяносто жывъ).

А браты́ ёго бидно жылы, дидусе́ви, Россошыны (Даныла Пылыповыча); по лю́дихъ робылы. Такъ бидно жывъ Хведиръ сей, дидусивъ братъ. Тай прыйде сюды, якъ гости, якъ панивъ понайизды́ть, купцивъ понайиздыть, а на ёму, звисно, одежа плоха, такъ винъ не прызнае ёго за брата, та́къ якъ того Лазура той братъ багачъ не прынимаеть, то такъ винъ ёго. А тикы Хведиръ одно́ рыбу ловывъ, одно рыбу ловывъ.

У дида тры браты було; одынъ Иванъ бувъ: того я добре знавъ,— такъ Ивашкó, Ивашкó. То ще й я знаю; було прыйде, кабаны коле дидусеви. И то вбогій бувъ: пры биднosты жылы. Третій братъ такъ тóй грамотный бувъ. Той грамотный бувъ. И вúнъ жывъ у городи у нашимъ паштыліономъ.

Хведиръ однó рыбу ловывъ, однó рыбу ловывъ... Булы колысь очеретá, та болота, та таке, що не дійдешъ до сагы́ [1],— скотыну не заженешъ, а теперъ уже нема ничого... Такъ вúнъ той, що ловывъ ёго братъ рыбу, такъ диждалы уже Велыкóдной Суботы передъ празныкомъ; ну, такъ якъ мьясы́ва нема и тамъ къ празныку може купывъ тамъ кусочокъ сальця и къ Велыкодню, а сáмъ узявъ вьятерú, пишовъ у Велыкодну Суботу, поставывъ вьятерú,—а тоди рыба ловылася, такъ отакá! А сáмъ жывъ недалеко одъ Берестовóи на лужкý. Ну, поставывъ вьятерú и пóтимъ пишовъ у свій домъ. И пóтимъ дума, шобъ питы рáно; рано шобъ питы́, шобъ покы́ то на Вдыяныи стоять, такъ пиду, дума, ще зъ вéчера, такъ пидý,та рыбу заберу въ вьятеряхъ, а тó паску несты вже треба освьящáть. Ось заснувъ и кы́нувся. Кы́нувся—ще й нá сьвитъ не благословы́ться. Умывсь, Богу помолывся, вхватывъ весло и побигъ. У ёго жъ човенъ тамъ е.

Кажуть,—противъ празныка оказуетьця: Господь дававъ людямъ И пишовъ...

Прыходе до сагы—перейшовъ; прыходе до другои—перейшовъ; прыходе до третёи—перейшовъ. Ось уже й очеретъ. Колысь не косылося!... Значыть прошлогодній очеретъ; колысь воно ни косылось, ни жалось: народъ роскошно жывъ колысь! Стежечка одна, де винъ ходе. И рыбалокъ тоди було може два чы тры всихъ. Идеть стежкою вже въ очеретъ. Увійшовъ; будьто оказалося—свичка впереди. Доходыть блыжче,—потухло. Прыходе ще блыжче,—дывытьця, шось маяче коло стежкы такъ блызько,—ажъ черкнувсь... ажъ черкнувсь; тико не на стежечци. Винъ облапавъ,—ажъ бочоночокъ. Винъ перехрестывсь, попробувавъ ёго, а такъ якъ пудивъ тры: такъ тико понесты;— тико поднять та понесты. Пудивъ тры такы якъ-небудь. Ну шожъ? Перехрестывъ ёго и дума: «ну шожъ! И ятери недалеко! Питы довидатьця, чы е шо въ ятеряхъ, чы нема». А ось и сьвитае вже. «Ни,

[1]) Сага половоддя йшла: такъ трясовыны, шо неможно туды скотыны нагнать,—такъ стежку тико зробе. Та стежку зробе, шо низя скота нагнать... Сагы—одна сага, тамъ друга, тамъ третя.

побижу». Перехрестывъ ёго, трошкы посунувъ далше, очеретыну переломывъ: значыть, якъ прыйде, такъ шобъ дознать, и пишовъ.

Пишовъ, на човенъ сивъ—тамъ човенъ уже зна де—и пойихавъ. Прыйиздыть до ятеривъ; якій не пидниме ятирь —повнисинькый рыбы! Набылось. Посадывъ винъ туды, де й бувъ; значыть пиднявъ наверхъ, а рыбы повнисинькый ятерь; такъ винъ до третёго вже й не сахавсь. Поставывъ такъ, якъ и булы, шо «треба вже мни оте несты. Треба до грошей иты. Пойихавъ човномъ. Прыйиздыть до тыи стежкы. Уставъ, выйшовъ на стежку, пишовъ. Прыходе до бочоночка,—стоить, слава Богу. А на празныкъ хто иде? Винъ одынъ вырвавсь, мабуть пишовъ. Винъ заразъ съ себе поясъ скынувъ, перевьязавъ, питсунувся до ёго хорошенько: такъ же не можно до ёго, шобъ пидсунувсь, тай взявъ такъ же шамко, шобъ схватыть ёго, а пидлизь пидъ ёго; насылу. вставъ пиднять ёго. И пишовъ.

Прыходыть до-дому; трычи, каже, оддыхавъ, сидавъ, оддыхавъ, покы дотаскавъ. Ось уже, каже, розвыдняетця. Прыйшовъ уже до дому; та не йшовъ у хату, та прямо въ комору, та роскыпувъ рогожку-—вышлетена зъ рогозъ,—поставывъ на рогожи. И набытый шалізнымы обручамы. Винъ до хазяйкы не йшовъ; тамъ наче спала въ хати, чы лежала. Узявъ сокыру—бачъ, якъ прежде було, шо гроши выходылы, вы жъ слышалы, шо выходылы? Избывъ обручъ шализный, избывъ и другый; одиднувъ дно—колы воно, якъ е, подгребло у щерДь сами карбованьці серебро (гроши). У щердь повно. Бачъ якъ Господь пославъ Мылосердный! То Господь усе дае. Винъ ёго взявъ, рогожкою накрывъ. Накрывъ рогожкою, дно заднывъ, тамъ якъ-небудь ёго залаштувавъ, взявъ мишокъ и пишовъ по рыбу. Побигъ уже. Побигъ, побигъ, побигъ: побигъ уже. Прыйшовъ до ятеривъ. Такъ одынъ ятеръ пиднявъ, такъ забравъ саме старшу: а воно лыны та щукы; а ту дрибнишу у сажъ повкыдавъ,—тамъ и сажъ у ёго е. Прыйшовъ до другого—и въ другому такъ. И въ третьему такъ. Ну, ту дрибнишу въ сажъ повкыдавъ, а ту въ мишокъ забравъ—тамъ пудивъ коло двохъ—и пойихавъ до берега. Прыйихавъ до берега, —човенъ поставывъ, прытопывъ: уставъ и пишовъ стежкою до-дому. Прыходе до-дому-—сонечко зійшло вже. „Ну, на-жъ тоби, хазяйка, сю рыбу, росчыняй и жарь“. Потимъ узявъ паску—пишовъ до церквы. Удигся—пишовъ, до церквы понисъ святыть. Потимъ съ церквы выйшлы—пишовъ до дому.

Розговилысь. Пообидавъ якъ должно; спочывъ трохы и пишовъ до брата у госьти. И неклыканый. Вбогого не клычуть. Прыходыть до ёго: похрыстосавсь. Винъ ёго прынявъ уже тамъ такъ якъ... Госьти булы—вже пойихалы зяти тамъ, проччи. Винъ ему каже тоди: „брате! пойидьмо до мене въ госьти; я до тебе прыйшовъ,—пойидьмо до мене". А винъ ёму отвича: „чого я до тебе, брате, пойиду? Чимъ ты будешь мене гостыты?" Онъ бачъ що! Боже мой. Боже мой! А винъ уже цилковаго узявъ,—уже горилкы прынисъ пивъ видра. „Пойидьмо", каже, „стара. пойидьмо! чимъ винъ буде насъ гостыть". А вона рыбы нажарыла,—тамъ уже прыгостыть... А винъ прыйихавъ:—ниде и коня прывьязать—обхидчаста хатка. „Ходимъ же, брате", каже, „въ хату". Бабуся покойна пишла вперёдъ, тамъ може взяла паляныцю, понесла до зовыци. А воны два ихъ идуть: у синьци ввійшлы, а винъ: „иды. брате у комору напередъ, а тоди въ хату пидемъ". Увійшлы въ комору: „шожъ туть", каже. „таке?"—„Та пидожды". Взявъ рогожку, роскынувъ, пиднявъ той бочонокъ; якъ черехнувъ! якъ брязнувъ тымы гришмы, такъ и заславъ усю рогожку! „Шо це", каже, „брате, таке?"— „Богъ давъ", каже. Ото, значыть, братови похвалывся, шобъ полюбопыствовавъ и братъ. „Пожывай", каже „брате! якъ тоби Богъ давъ;— въ мене", каже, „бильше е!" Хе-э! Це настояще такъ! Не то, що я васъ дурю—чорзна що прыставлявъ. Якъ чорзна що кажы,—чорзна що й буде. „Пожывай," каже, „брате! Въ мене наче билше е". Потимъ пойихалы. Винъ оставсь у доми. И потимъ, Богъ давъ, святкы проводылы, и давай нымы ворушыть! давай ворушить—купывъ десятокъ овець. Дывлятьця люде!—А сынъ у ёго бувъ такый—литъ пьятнадьцяты одынъ одынмъ, одынъ одынмъ и бувъ тико.

Давай жыть, давай жыть, давай жыть тымы гришмы. Впьять другого ярмарку диждавъ, третёго—другу пару воливъ купывъ; хазяинъ уже ставъ. Дворыкъ обгородывъ, сарайчыкы построивъ. Уже ось годъ выходе—уже плугъ воливъ!—Уже своимъ плугомъ оре. Дывлятьця люде—уже багачъ, уже такый, що слава тоби Господы!—Пры якій бидносты жывъ,—уже теперь жыве гей якъ уже. Тры пары воливъ, уже й скотына, уже й вивци и хлибъ и всячына вже! Мелныцю справывъ водяну, де тамъ ричка була коло ёго, бачъ що!

Дождалы посту. Не дождавъ и празныка—померъ. Осталась вона вдовою. Туже, плаче по ёму... Зажурылася, зажурылася, запечалылась. Пожыла два годы ще съ сыномъ безъ ёго,—стало ему висимнадьцять годъ. И сына оженыла. Ну, сынъ ставъ хазяинувать тожъ; худоба

таки не вменьчалась, —е; и гришмы давай орудувать, —вона прыдавыла ти гроши. И сына звалы Владымаремъ. И начавъ сынъ тымы гришмы коннетовать (орудовать тымы гришмы). Померъ и сынъ. Ставъ ворушыть тымы деньгамы—померъ и сынъ. Осталась упьять удовою. А то гроши найшовъ „головьяни!". Головьяни! Шо воно закопувало ихъ. такъ и заложыло: головьяни называютьця. Померъ хазяинъ и сынъ: и вона вньять давай орудовать, давай орудовать, и сама вмерла. Померла й вона!

„Головьяни",—значыть на голову закладалысь воны: такый-то бувъ, такъ закладавъ ихъ.

Та бачъ що головьяни: и пожыть не пожылы! И пожыть не пожылы! Кажуть, де не трудовне—прахъ, попилъ; не трудовне! Шо трудамы своимы заробе чоловикъ, то ото наше. То не наше!... Шо то гроши! Шо то гроши! Шо то гроши!

И хазяйство перевелось. А то гроши головьяни. Бачте, то сучій сынъ, що на голову закладавъ. На шобъ такъ? На шобъ такъ? На шобъ на голову закладаты?!

А потимъ то дядько Мусій. Сынивъ не було въ ёго и передався винъ у Мыколай—городъ: що й теперъ есть тамъ, тожъ коло моря туды ныжче: отамъ. Отамъ винъ и померъ. Дочкы булы сами; дочкы булы. Та Богъ ёго зна, чы воны жыви, чы й дочкы померлы. Богъ ёго зна.

Батько (мій) по первахъ чумакувалы, потимъ пысарювалы. А я одынъ бувъ. А то булы померлы меньчи. Я самый старшій.

Росказують (батько), що тоди дешевше все було: тоди повозку рыбы набрать за пивтора карбованьци, за два карбованьци паровыцю. Тоди дешевше все було; малолюдно було. Теперъ уже мыру набылось. (Упосьли рыба була: набрать повозку—карбованьцивъ двадцять пьять. якъ коло моря. Теперъ за сотьню, на пуды теперъ, а колысь на щотъ була). Та говорять дешевинъ усе було. О Боже Мылостывый! Тоди чумака було жменя, а покупателивъ тоже.

Боже Мылостывый! яжъ кажу, яки теперъ люде сталы. Яки люде сталы!.. Теперъ люде сталы неловки. Неловки теперъ сталы люде! Яки то мысли не ти въ людей совсимъ. Тоди наче люды булы лучши, то и имъ Господь дававъ. А теперъ сталы, о-о лышечко тяжке!... Одынъ Господь баче тико. Тай въ ёго нема; и голый, и босый, и простоволосый. Гайдаръ! И йисты ничого!

Та яки не жылы багачи, все й умерлы, все й умерлы! Все й нема, все й нема! (то така служба була, а то така, а то пикинерська).

(Попивськи люде) захожи було зъ-за Повтавы. А тико розсказують, шо Россохы прежни жытели поповськи: кажуть якъ ише Поповка заселялась, такъ воны ише прежде засилы.

У Попивци третя часть була козачыхъ—третя доля козачыхъ.

Воны й то военни поселяны наши, а то козачи; и подать була мала: два рубли усій подати було.

Росказують, шо ихъ служба була труднїй цихъ военныхъ поселянъ. Богъ ёго зна якъ, шо ихъ царь облегчывъ, а и службою козакивъ. А потимъ перевернулы: одни вже сталы.

Козача служба була; воны по гряныцяхъ служылы; по гряныцяхъ ихъ служба була, а то вже, бачьте, зъ ихъ поколиння «козачи» й «козачи». А воно козакы таки .. козакы таки вже—дрянни, дрянни. И начальныкы ихъ булы въ Ряськїй. У Ряськїй, въ Нехворощи, сюды, було, выйиздять. Сюды було выйиздыть въ Попивку ихнїй начальныкъ. Боже нашъ!...

Староста бувъ козацькый, зборщыкъ бувъ козацькый, одокромно козачїй. А теперъ уже не стало. Теперъ уже не стало. Теперъ уже огрянычылы. Одни вже... одни вже.

Прыйиздывъ ихнїй начальныкъ до козакивъ. Йизде було часто, часто, часто; часто и густо. Сидый, сидый бувъ; такъ середньёго росту. Козацькїй начальныкъ. Прыйиздывъ козацькый начальныкъ зъ Ряськои у Попивку. Такъ ёго госьтять, госьтять, Боже,—госьтять, такъ якъ царя, тай годи! Недилю цилу, покуда зборъ зберуть, уже весь якъ е...ото винъ у казну збере и везе. Выпывавъ було: здорово пье горилку съ козакамы. И козакы ёго боялысь, боялысь, якъ старшыны теперъ. У чуби. Пидголюеться було отуть нидъ чубомъ скрозь; вусы здорови; старый-старый, волосы сиди вже,—такъ то теперъ на насъ. Такъ бувъ старычокъ запроста, тико зъ ихнеи лынїи козакивъ. Чекминь сынїй, у шапци чорнїй; такъ сказать шо тико козацького поведенія, а такъ якъ мужыкъ; такъ якъ старшына, якъ ходе въ одежи по старыковськїй.

Ратыще у хыжи стоитъ у куточку. Теперъ нема й зазолу; ниде й не почуешъ. Ше й сидла булы козацьки, говорять, прежде у дидивъ, а то вже у батькивъ и сидель не стало. Боже нашъ Мылостывїй, тай годи! Шабля въ хыжи на крючку, напротывъ печи, шо топыться.

такъ напротивъ печи туды дальше. Рушныця на тій же стини, де й шабля: и шабля высыть и рушныця опрошно на крючку тутъ же коло неи, на тый же стини на одній. Пистоль высыть тожъ тутъ же вмисти на тій стини, тилько ныжче. Шабля.

Де прыйдешъ до козака, такъ выдавъ пистолетъ, ружжа, шабля и ратыще. Бачъ, яки воны воины булы. У Шавкунивъ було все; воны не Шавкуны, а Сыдоренкы; у Сыдоренкивъ було: це ще у ихъ батькивъ ще. Ото ще въ другого у Коньтя була, у Мыкыты ще. Ще була у Черненка, отъ, дай Богъ памьять, у старого, у старого ще у Грыгорія. Воны Черненкы тико по вулышному, а воны Шосьти. Отожъ той Сыдоренко высокый бувъ чоловикъ; винъ умеръ оце въ пистъ писля Благовищення; винъ бувъ пидтытáрымъ. Померъ—Степаномъ звалы. У первыхъ браття ихъ батькивъ, такъ ридни булы Шавкуны.

У чупрынахъ и тутъ ходылы люде; уже я бувъ литъ восимнадьцяты, або двадьцяты, такъ чупрыны—закруте за вухо разивъ тры, такъ ше й высыть отакъ; а теперъ уже й вывелысь. На козацьку лынію жылы колысь, а теперъ уже нема.

Очипкы сторчови, высоки булы очипкы. Старухы ходылы въ намиткахъ. Свыты били булы зъ вусамы.

Въ кыбалкахъ бабы наши ходылы. Наша бабуся ше ходыла въ кыбальци: намиткою накыда, зъ вусамы свыта... До церквы. Кунтушъ надивае, якъ иде до церквы, вусы съ сухозлотыци. Кунтуши сыни и зелени булы и червони булы на молодыхъ и парчеви булы на багачкахъ. Ще я оженывсь, парчевый очипокъ бувъ высокый, сторчовый.

Петривка и Попивка. Попивъ хутиръ бувъ. Якыйсь пипъ бувъ. Говорять ше наши предкы: заштатный чы що. Попивка й Попивка.

Петривка давнишъ отъ Попивкы далеко.

Съ Крыму й у Крымъ (ходыть)—шисть недиль, симъ недиль. Тоди комыши булы таки, шо Боже Мылостывый! Комыши яки булы. Оце и по той бикъ моря и по сей бикъ моря трава—комыши.

Тоди було добре пасты. По рыбу ходывъ (я) разивъ тры, по силь разивъ тры.

Це на Маріуполь; по рыбу на Гнылу, а въ Крымъ такъ ныжче-ныжче, туды будьто такъ назадъ. О, батечку мій! Видъ усихъ слободъ

якъ выйидуть, такъ и земли важко! Теперъ де воно дилось?—скажить. Де воно дилось! Де воно дилось! Така сыла шо...

А до татаръ якъ прыйидуть... Теперь ихъ позганялы. Такъ кобкамы воду тягають [1]), волы напувають. Колодязи сажень по трыдьцять глыбыны.

Платять за те шо напувають. Винъ своимъ конемъ и тяга. Якъ побачуть наши татаръ: „татаръ иде, татаръ иде“. А воно гарба рыпыть: не може ничого; не може николы ничого.

Чумака сыла: за водоной заведутьця чы за траву, отъ и забунгуються. Чумака жъ сыла! Було такъ, шо и убывають. А попадеться татарынъ,—такъ татарамъ ще й хуже укыпа. Бьють: якъ на самоти, то набывають у смерть. Убывають. У смерть убывають. Чумакы отнимають и бьють; уже тоже и ёго бьють. Хрестивъ багацько е надъ дорогою; отожъ наши поховани, хрыстыяне. Ото якъ убьють, то вже хрыстыяне хоронять; и хрестъ исъ каминя. То вже хрестъ исъ каминя зроблять. Есть такъ, шо въ комыши найдуть, заволочуть ёго къ лыхій годыни, заволочуть ёго въ комышъ. Татары найдуть: «Ала-ла, ала-ла!» Якъ хошь. Такъ якъ хошь тамъ алалакай.

То вже шкоду зроблять: або каминь переверпуть, шо ставлять замисто хрестивъ, то кáбыщъ яку-небудь зроблять.

Татары побачуть, то ругаються. Бьють. Бьють хоть и нашыхъ, такъ якъ кого й добрыхъ бьють...

—

А то ише прадиды наши, прежде насъ, якъ ше мы тилько родылысь, такъ отци наши було росказують, шо яки чумакы булы. Шо якъ доходыть до города, паръ по шисть воливъ, по висимъ було, такъ наклада на передни волы золоти рогы. И выходять купци, мищаны, и ославляють чумака такого-то. И ославляють и дарять. И дарять. Бачъ якъ було прежде колысь. Гришмы (дарять), шо прославывсь чумакъ отакый то.

Отъ чумакы прежде якъ булы, такъ якъ идуть до города, якъ главни тико, такъ мищане и купци такъ выпровожають ажъ за городъ. Ото самый главный чумакъ.

Золоти рогы у вози у скрыньку хоронять.

То прежде ше булы; то расказують ше наши предкы, диды наши, шо нашъ чоловикъ попивській такъ чумакувавъ. Чумакувавъ

---

[1]) Зъ вола кобка велыка.

винъ. И прозывався Хведиръ. И я ёго знаю, такъ якъ оце й васъ; и мы молоди булы, а винъ уже старый, старый! Такъ у ёго золоти рогы булы. Ото чумакъ бувъ, а теперъ чумакы дрянни. А тико золоти рогы, и наклада ти чотыри рогы. А та хата й доси стоить... тамъ така хатёнка... й доси стоить; тамъ така, шо въ землю вже ввійшла. А пидъ тымъ домомъ булы лёхы и була горилка. Горилку продававъ тоже, шынкувавъ. Его тилько стари знають и я знаю.

Такъ уже бидность, бидность була, ныщота стала, (значыть) куска хлиба не имивъ; а то чумакъ бувъ преогромный бувъ такый, шо Боже мой!

И прыйде зъ дорогы було оть оцёго времья: шо нема травъ ничого, а въ насъ же пискы; а по писку хто выкосыть за день?— Трудно косыть—шо дурно махать: у трави лехше десятерыцею. И ото якъ выкосыть день цилый, такъ ото видро горилкы выносыть и поштуе.

У старыну булы люде прости. Прости якось. Прости якось. дурнишъ якось. Теперъ розумнишъ люды сталы.

Зъ женьцямы йихавъ у поле Буря Семенъ и бочку воды женьцямъ вывизъ: не бочонокъ, а бочку. Женьцямъ воды вывизъ. И сталы на ныви. Дощъ зъ утра, дощъ и до обидъ и писля обидъ. «Идить», каже, «скотымъ бочку, та йдить до дому: чы буде годына,—выйидемъ и выйдемъ». Прыйшлы воны симейство свое и ти звалылы бочку пидъ копамы и пойихалы и пишлы до дому. Прыйихалы до дому,—немае бочкы,—тико земля мокра. А винъ и каже: «э-э, розумный сучій сынъ! Се винъ воду выпустывъ, тай самъ положывъ бочку, а я думавъ чоловика чи шисть сюды наткнеться, шобъ скотыть сюды бочку на визъ; ажъ винъ и самъ положывъ».

Такъ усе було люде поносять Бурю: хто небудь тамъ шо небудь забуде тамъ чого небудь, то було й кажуть; «э-эй и ты такъ якъ Буря! Не покотывъ бы бочкы?» Годъ двадьцять пьять було поносять и трыдьцять, покы жыви булы старыкы ти.

А винъ воду выточывъ, тай одынъ покотывъ.

Сагá.

Сага—ричка, значыть; зъ Берестовы значыть. Якъ половодь иде, такъ одынъ ривчакъ прорызавъ, и другый ривчакъ прорызавъ, и третій. И воно було бизодьня таке, шо якъ скотына загрузне,—якъ ускоросты було не вытягнешъ воламы, такъ и пропала скотына. Глыбыни такъ шо неможно сказать ёму, тай годи; хоть будеть чы тры сажени, чы пьять саженей, скилькы у прогній не проганяй тычынъ, такъ усе йде, усе йде. Такъ якъ сажень два було пробувано, такъ одно йде. А пробувалы такъ де на велыкій сази. А теперъ нема того ничого. Теперъ де дилось воно, нема. Забылося, Боже мой, позабывалось. Де дивалось? Теперъ немае, тико сагы знаты, шо сагы: и скотына переходе, и люде перейижджають. А теперъ нема; пролетило усе. Боже мой—Боже мой, де воно подивалось? де воно подивалось!?

Воны е, и вода такъ есть кой-де, тилько не загрузне скотына и воды вже такъ—по кисточкы, по колина воды. Одна сага и друга и третя.

Очерета де дилысь, шо було зимуються? Та ни скосыты, та ни звозыты!—Теперъ чагарнычокъ отакый.

—

Росказують було, борьци яки булы; хай лышъ роскажу.

Борецъ.

Бувъ борець упередъ у Мыколаевци, бувъ у Зачепыливци,—зборовъ; а це въ Попивку перебравсь. И въ Попивци жывъ тыждень, жывъ и дви недили.

Винъ якъ зборе, такъ не выженуть, а вже якъ ёго зборять, такъ тоди вже батогамы проженуть. А прыдовольствіе давай. Курей рижуть, индыкивъ рижуть, качокъ рижуть, гусей рижуть, крашанкы несуть; не палянымцямы, а бублыкамы годують. Бояться жъ ёго, Боже мой! Боялыся! Винъ тикы ходе такъ, якъ бугай ото мырській, то такъ винъ. Робыть не хоче, а такъ тико напьетьця, найистьця, покы вбьють и его. Кватырю ему дають. Якъ увійшовъ, заспива. Его вже гласъ чують. И пытаетьця: «де ваша росправа?» Ото вже й дають кватырю. Тамъ той покорме день хазяинъ, застаые, а то вже говорять, загадують, шобъ неслы ему. Другый хазяинъ, третій хазяинъ, четвертый хазяинъ. А

празныка дижде,—зганяють обчество и выклыкають борця; выклыка винъ самъ: «выходь». То выклыкають, выклыкають оце въ недилю... Боятьця. Выклыкають выклыкають,—боятьця. Пожывъ недилю—боятьця: пожывъ и другу—боятьця. Хоть и е й народъ здоровый, та боятьця, выдюща смерть страшна. Якъ борютьця,—одежу геть, а въ сорочкахъ отъ самыхъ; въ слободи коло росправы, тамъ де ёго кватыря. Боже Мылостывый, такъ отъ воля була! Чы вбье,—пропавъ, закопалы якъ собаку. Слобидського якъ убье, такъ тамъ сыны жъ е, то хоть помына такы. Ну, жыве й третій тыждень,—немае борьця. Уже тры недили. И такъ уже вуха обйивъ, що щó зъ нымъ казаты! Боже Мылостывый, хоть бы найшлась така людына, щобъ зборола,—пора вже прогнать ёго.

Жывъ тыждень, жывъ и дви недили, жывъ и тры. И обчество що зженуть,—посоваютьця, посоваютьця, тай пиде. Отъ прыйшло уже тры недили; розійшлысь. Отъ прыйшовъ празныкъ середъ тыжня. Зганяють обчество вньять. Уже обрыдъ, уже обрыдъ уже кой кому. Выйшлы. Нема охотныка.

А одна жинка уже тыждень думала. Нема охотныка. Выклыкáлы и другый разъ и третій. Нема. „На лыщъ“, каже, „чоловиче, дытыну“. (А той чоловикъ дума: „може“, каже, „дума, що той...“). А вона й выходе; наперадъ выйшла, наперадъ, (тай) поясъ исъ себе:—пидперезуетьця потуже, пидперезалася, пидсмыкалась, пидтыкалась. „Ну“, каже, „йды поблыжче; иды“, каже, „поблыжче“.—„Ану, враженна бабо“. Ухватылыся. Вхватылыся—Богу помолылыся. „Ну! Ану“, „бабо, кыдай же!..“—„Кыдай“, каже, „ты, хлопче!“ Ну, винъ тутъ дожыдать вже ничого; колы вже то, такъ!—Якъ надувся, якъ поверне іи ту бабу. Хотивъ такъ: думавъ іи окружать коло себе, тай черехнуты; й якъ повернувъ іи, а вона тилько на друге мисто перемистыла ногы, тай годи: тилько не на тимъ мисти. Здвыгнулась тай годи! „Ну ты“, каже... „Ну вже“, каже, „це жъ мени черга“, каже той, „тоби вже кыдаты“. Якъ повернулася, якъ двынула, якъ двынула ёго сюды й туды, якъ опереже ёго объ землю! ажъ запьяткы въ чоботяхъ поодлиталы; изъ носа й зъ рота кровъ пишла. Отакъ оперезала баба и не вдержала и въ рукахъ ёго, выпрыснувъ изъ рукъ къ лыхій годыни.

Тоди прыйшла, дытыну взяла. А той чоловикъ и вмеръ,—зажурывся... „Оце-жъ“, каже, „погыбель буде“. А тут ій награда! Награда: дарують іи гришмы! Господь опроставъ людей—дарують іи:

хто грывеныкъ, хто копышныкъ, хто семыгрывеныкъ, хто копу, и горилкы видро. А ёго батогамы прогналы къ бисовому батькови. Уставъ. Уставъ. Заривъ якъ бугай, тай пишовъ.

Прыйшлы чоловикъ зъ жинкою до-дому. Ось переночувалы; заходывсь винъ соби сумку шыты. Исшывъ сумку, склада сухарьци туды. „Куды ты, чоловиче, вбыраесься?"—„Эй, жинко", каже, „пиду вже, куды мени", каже, „Господь дасть". „Чого-жъ, чоловиче?"—„Та того", каже, „що ты, якъ розсердюсь, ударю чы не вдарю, то ты мене", каже, „зразу вбьешъ. Жывы", каже, „зъ диткамы, якъ Господь давъ, Богъ съ тобою". „Ой слухай, чоловиче, не йды! Не йды! Ты такы за дило мене и побый—я тоби повынюся, и полай—я тоби повынюся, а безъ дила тильки мене не обижай". Такъ винъ скынувъ исъ себе сумку... скынувъ сумку съ себе и облышывъ иты. И жылы й жылы такъ що...

Наёмщыкы.

А що за наёмщыкы?—оце ще вамъ сторію роскажу. Вы ихъ не знаете? Оце ще вамъ сторію роскажу—опысь изробімо. Наймалы багачи: Попивци, Петривци такъ по первій часты, тай первому ще й званію. Бачъ, спасыби, що вы нагадалы,—теперъ буду росказувать. Це було настояще. По первій часты та й первому ще званію. Ще сказать, я такый бувъ, що годъ пьять, або й чотыри. Матуся росказувалы. Такъ, бачъ, люды яки булы! По первыхъ дилахъ, такъ диды. Це ше маты росказувалы. Такъ служывъ робитныкъ такъ: Кошовымъ ёго прозваныя. Кошовый. Кошовый Оврамъ.

Такъ, по первахъ, я вамъ скажу. То самый, що за ёго ходывъ наёмщыкомъ, такъ якъ ще не наймавсь винъ, такъ чудеса булы, Боже мой!.. Чудеса, кажу, яки булы, якъ розсказувать вамъ.

Такъ мого тестя батько—мени дидъ доводыться винъ: Россоха, такъ якъ и мы Россохы.—Хома. Такъ за Хомыного сына служывъ,—за Петра ходывъ. А мій тесть Петро. Хома той самый каже: „Овраме!" Винъ у мого дида въ багача служе: кони пасъ тамъ, скотыну пасъ въ мого дида. А той иде вулыцею, чы тамъ винъ йихавъ виткиля, або що робогныкъ съ хазяйськымъ, хазяйське може визъ сино, або може що друге визъ, а може йшовъ, а винъ ёго стривъ на дорози. Цей до хазяина иде, а той до-дому иде. Каже, „Овраме!"—„Чого?"

А винъ такый бувъ, шо въ грошахъ рощоту не знае. И не одынъ винъ такый бувъ и не два. Ото такъ якъ ото розсказувавъ, шо бочку покынувъ зъ водою... „Овраме“, каже, „наймысь“, каже, „за моихъ сынивъ у салдаты“. А винъ ёму и отвича: „А шо ты мени дасы, Хомо, за те, шо я пиду на двадьцять пьять годъ служыты?“ Отвича ёму: „шо я“, каже, „тоби дамъ, Овраме? Пивтораста рубливъ!“ (на осигнаціи). А винъ и отвича ёму: „а хытрый“, каже, „Хомо—пивтораста рубливъ! А сотенькы бъ ты не давъ?“ Той хазяинъ хряпъ по рукамъ—прыбывъ руки.

Пишовъ до хазяина, одежу повдягавъ. Сынъ поскыдавъ и чоботы; не поскыдавъ, а празныкови булы. Штаны таки, шо отъ хоть и не червони, а парусови: парусына ото була! (Теперъ уже ихъ на штанихъ мало; и червоныхъ мало було, въ мужыкивъ мало й есть. То тилько въ нашого дида купылы запорозьки). Все, все надивъ; шыю завьязавъ; хочъ яка жара, и шыю платкомъ завьязуе: голубымъ, червонымъ. Винъ изъ невисткы стягне самый первишый, самый первый: „одмыкай скрыню, давай мени якый полюбыться“. Шыю (платкомъ) завьязуе и киньци высять съ платкомъ исверху жупана; винъ же здоровый платокъ, такъ двичи обійдетьця коло шыи. Жупанъ вдягне, одынъ бувъ—и той стягне съ хазяина: „Отакъ! Давай съ прыдовольствіямъ!“

Такъ винъ за сотню нанявся. Такъ избоку люде: оце я одынъ, другый, третій: „шо ты, Овраме, зробывъ такы?! Шо дешево нанявсь! Дай, Хомо, ёму хоть пьятдесятъ на прогуляньня!“ Такъ Хома давъ пьятдесятъ на прогуляньня. И пишовъ служыть за пивтораста. Ти прогулявъ, а за сотьню пишовъ. За сотьню пишовъ, а пьятдесятъ прогулявъ. А сто рубливъ скилько? Трыдьцять карбованьцивъ. А Боже мій Мылостывый!...

Жупанъ вдягне, поясомъ червонымъ пидпережетьця. Музыкы тожъ рижуть-рижуть. Музыкъ тры найме на цилу недилю, та рижуть-рижуть, рижуть-рижуть! Жонатый,—такъ и жинка гуля. Жинка гуля и родня тамъ, яка е,—и то гуля; таньцюе. Спиваютъ. Крыкъ такый, галасъ, Боже мой, день и ничъ, день и ничъ!

У лавку прыйде, орихы бере, озюмъ бере, прости орихы и волоськи и крендели! Шобъ не попаде—бере. И выно бере, и зъ бутыль водку бере, и просту и хранцуську; шобъ не попаде бере. О Боже, Боже! Такъ умота хазяина, шо... У шынокъ иде,—горилку бере, рыбу бере, налывку бере, тоди ще вына не було. Бублыкы бере у базари,

усе що попадеться. Усе бере, а хазяинъ платы. Отъ якъ було, Боже мій Мылостывый! Отаки булы Россохы!

Тай мука жъ имъ була. Ихъ убывалы. Це за Мыколая ще. Убывалы на смерть. Шо ихъ побылы, Боже Мылостывый!

Та шо имъ було на служби?! Имъ бида була: „Эй ты", каже, „продай-душа, сукынъ сынъ!" Було имъ, Боже мой! А то, було, платылы по пьятсотъ, по шиссотъ уже за нашои бытносты. Такъ мало наёмщыкивъ и выходыло до-дому. Мало й выходыло; ридко-ридко выходыло.

Оце якъ иде вже, якъ у городи йдеть, оце прымиръ сказать, та схоче позгнущуваться надъ хазяиномъ, якъ имъ не вгонобыть, то побье ёго ще до оддачи, а ще чы пиде, чы ни. Оце, сказать, кáбыщъ изробе: оце иде позъ дёготь—у дёготь устромыть ногы исъ штаньмы, а хазяинъ уже платыть, винъ скаже, за шкоду платыть. Боже мой!--Непрыятели булы. У калъ покачаетьця, ляже тай ниveче одежу. А хазяинъ пидводе, просе. Одежа хочъ яка—пониveче. Викно розибье. Прыйде, кулакомъ вдаре,—розбывъ, а хазяинъ ходе та отвича. Хоть батько, хоть сыны ходять и отвичають. О, Боже, капость робылы. Такъ шо небудь оце такъ шо небудь скаже, шо небудь накрыво, якъ тамъ грубко шо небудь скаже,—вылае, тай телесне. А хазяинъ уже було отвича. А якъ не возьмуть уже, то хазяйськи сыны бьють. О!—бьють було, до смерты бьють!

Инчій часныку найистьця; часныку найився, тай незгодывся. Инчій часныку найисьтьця, та выступе гостець--не возьмуть ёго. О, Боже, пранкы давалы. Одежу постягають зъ ёго. Давалы такои пранкы, шо Боже Мылостывый.

За сотьню пиповъ, а пьятдесятъ прогулявъ. А сто рубливъ стико? Трыдьцять карбованьцивъ. А-а, Боже мій Мылостывый!

Шо втрачалыся тоди люде, о Боже, о Боже, о Боже!.. Сыны на заробиткы ходылы черезъ наёмщыкивъ. Та шожъ вы думаете?--худобу продасть батько, а сынамъ треба йты.

А-то попье, погуляе; а-то тамъ начальство: може тамъ наростъ якый? Або може ты чимъ боленъ, або що?—„Нѣтъ", каже, „я желаю служыть Богу й царю". Отаки булы праводушни! А падлеци й тоди булы. А падлеци й тоди булы. Якый, хоть винъ и гулявъ, такъ и правду робывъ (тамъ хоть). А другый напывся, найився, тай жыве въ хазяина. И те було. А другый напывся, найився такого, шо не

треба, тай гостець выступе. То нема ничого, а то... А шо бьють уже!.. У прыёмъ иты, а винъ налупытьця зъ медомъ часныку.

—

Батько мій продавъ червони штаны дида мого наёмщыкови. Тожъ пожелавъ, значыть, шо почувъ, побачывъ штаны, та „купы мени червони штаны“.

Э, куды на свити! И очи бере,—таки хороши! Та скажить, чы воно матерія крипка?—Ше дидусь стико ходылы,—ще цили булы. Цили. Суконни, таки шо и очи бере. Та червони. Отакъ холоши. Очкуръ якъ шо́вковый. Такъ сказать, якъ шовковый. Хороший очкуръ. Хороший очкуръ. Теперъ и не побачышъ ниде. Теперъ ниде й не побачышъ.

Значыть пидъ ту лынію,—будто запорозьци. Воны пикинеръ; а на козацьку лынію, значыть, ходывъ. Красни штаны, красни чоботы. Жовти чоботы и зелени. Теперъ нема.

—

Отъ шо: запышить ще кативъ; ката—отъ шо: оце якъ ярмаркы.—Ярмарокъ уже и той Провидьськый, и на Петра и на Пречысту; по ярмарку ходе съ салдатомъ катъ. Съ салдатомъ. И салдатъ одъ ёго и не одступа. Ой страшне, Боже! Й то, Господы, страшне! Оце й иде ярмаркою,—стане. Заразъ отъ краю зайшовъ; оце чоловикъ тамъ чы стоить, чы сыдыть на вози; сыдыть, чы стоить, а прыйшовъ: „дай кату плату“. А винъ выймай грошъ и давай. А грошъ тоди дви копійки бувъ (отой). Якъ не давъ, шо оце не давъ уже оце,—шо сыдыть, шо стоить, якъ не давъ, то отакъ тико: трр-ахъ! Страмъ. А другый позыче тутъ, дывыться... тай отдасть.

Я захватывъ. У ярмарокъ йиздывъ. Такъ батько: „це“, каже, „катъ иде“. Хлопцемъ бувъ. Та зъ ярмарку, не знаю, куды-бъ я й забигъ. О Боже, страшне, якъ сказалы, шо це катъ. Хлопцемъ такъ бувъ годъ дванадьцяты.

Катъ—исъ такыхъ винъ, шо душогубець. Такъ ото выклыкають: „Хто схоче буть?“ (катомъ). Отъ винъ и отзываеться: „Я“, каже. Та выслуже терьмить, такъ якъ салдатъ двадьцять пьять литъ, та тоди вже й выхрыщуеться, якъ схоче выхрыстыться.

—

Якъ дощу не було, такъ видёмъ топылы. Та якыхъ видёмъ?—Жинокъ, якыхъ попало. А воны ховаються шельмы; а воны ховаються видьмы. Съ колодязя воду беруть, у ричци разъ-у-разъ, разъ-у-разъ!

А не то, такъ у рицци къ лыхій годыни! Не то—въ рицци ихъ потопляють къ лыхій годыни. (Абы не втопла). Теперъ уже ихъ нема. Воны е, та ридко. Потопляють такъ: зъ головою. Такы такъ: чоловика чотыри іи схватять у сороцци и въ запасци; спробують: „а яка ты е? а-а, чы ты видьма, чы шо ты таке? Сюды, сюды, сюды ходы, не тикай, голубочка,—сюды". И Богъ дасть дощъ. Рукамы разъ потоплять и друге зъ очипкомъ совсимъ къ чортовій матери (абы не втопла). А инша лаеться. „Чорты твого беры батька, лайся". Якъ празныкы, такъ коло колодязя шаплыкъ воды насыплять;—яка бъ не піймалася, яка бъ не піймалася, та туды. Такъ и теперъ. Ще й я бувъ молодымъ, то такъ було; и литъ шистьдесятъ мени було, то такъ було; будьте вирни.

Имъ полезно коровы доиты чужи; якъ дощъ, такъ имъ не здорово.

Видьмачи́.

Видьмачи́ е́: съ хвостамы ше́льмы. Купавсь одынъ чоловикъ, тай побачылы. Та ловлять; ловлять ёго за хвистъ. Хвистъ та́къ якъ пу́пъ, каже. Та́къ, каже, стремы́ть, якъ лопу́цёкъ у шерсты́.

Це сусида була видьма. Такъ бсь що: просе жинка тамъ, що „навчы мене видьмыты". Жинка тамъ жыве коло насъ недалеко черезъ вулыцю, а та́ черезъ ба́лку тико. Чвертку горилкы ій купыла и на другый день напувала, и „се́стро, навчы мене видьмыты, бо я й ви́къ прожыла́ бидно: ни вареничка николы не покушту́ешъ, сьвятого молочка николы не покуштуешъ"... Та́ й навчыла стара сука. А якъ навчыла? „Гляды-жъ", каже: „диждешъ ты Суботы, шо оце завтра Сьвята Недиля"—передъ Сьвято́ю, значыть: „такъ ты́", каже, „оце́-жъ тоби росказую, а ты́ гляды понимай: та́ не проспы́"; каже: „за́снешъ первый сонъ, то шобъ и пивни не сьпивалы. Роса якъ впаде зъ вечера, то ты́ й засядь, якъ смеркне, та возьмы свытку"—а тоді́ въ бі́лыхъ свыткахъ ходылы - „и помахай, помахай, поросы́; поросы́-поросы́-поросы́, шобъ мо́кра була; и повись на ве́рхъ на клю́чку, шо на верси ключка, и пидставляй, шо въ тебе буде: и горшкы, и макитры́, и видра: все́, все́, все́".

Поросы́ла ота́къ, помахала середыною, середыною—не лыце́мъ, а выворотомъ; пови́сыла на ключку. Такъ це́, собственно, сама́ росказувала. Тоди пидставляла вже и горшкы́ и видра и макитры́. Якъ побигло молоко съ тыи свы́ткы, такъ не ті́лько зъ усіи Попи́вкы, а й зъ усіи Петри́вкы! Тилько дзюррр... (такъ и дзюры́ть). Вона пидставляла вже и горшкы́, и видра, и макитры́, и горшчыкы, шо булы́ съ пе́рвого до пусьли́дьнёго; а воно́ бижы́ть, а воно́ бижыть. Вона́ вже й юпку хвачувала, а воно бижы́ть изъ юпкы. Потягла́ лыха лычына; потягла́ тварь нечесты́ва! Тоди́ вже ни́чого пидставляты, та бижыть въ сины, та каже: „цуръ ёму, пе́къ ёму мому́ молоци́“. А молоко бижыть вже по ки́сточкы въ сі́няхъ. А вона́ потягла зъ усіи слободкы́. Отака́ въ насъ Гры́пка була. Не да́й, Бо́гъ, та́къ вчытьця.— Цу́ръ ёму пе́къ! Побигла. Бросыла.

Прыби́гла до не́и, тай каже: „Кума! Кума! Шо́ мени казаты“?— „А шо́ тамъ таке?“ „Вже́“, каже, „пидставляла; повни сины“, каже, „вже молока набигло“.—„Це́ я забула тоби сказаты, шо́ зробыты; бижы до дому“, каже—„вже перестане“. Такъ я прыбигла: уже воно не бижыть; уже вона спыны́ла. Покы прыбигла, а воно выще кисточокъ уже молока; повни сины вже. Глянула тико, якъ прыбі́гла одъ неи, такъ ажъ зъ души́ верне. Такъ я блюва́ты, блюва́ты, такъ я“, ка́же, „те молоко усе повысыпа́ла пидъ ты́нъ. Цу́ръ тоби, пе́къ зъ молокомъ совси́мъ“! Та то́ молоко́ не то́ зъ усіи Попи́вкы, а вона́ й съ Петри́вкы, ма́буть, потягла́. О Боже Мылостывый!..

Та́ са́ма-жъ жинка росказувала: та́ жъ са́ма, що вчыла вона. Ходы́лы й по те́ренъ у ли́съ изъ моею хазяйкою, та пла́че; каже, ажъ заплакала: „цу́ръ ёму пе́къ ёму“, каже.

—

Опырякы ото́ жъ все одно, та́къ, якъ и видьма и нечыстый духъ воно. Перекыда́еться свынею, собакою.

—

Була въ чоловика жинка така: якъ чоловикъ изъ дому, такъ вона й въ шынокъ. Якъ пойихавъ чы сіяты, чы ораты—и такъ вона въ шынокъ. Прыйде до-дому—диты голодни и самъ голодный. Прыйиздыть: „де, диты, маты?“—„Въ шынку“, каже. „А, матери твоій врагъ“! Уже й бывся и що не робывъ; а то пишовъ у шынокъ. и заньнявъ іи. Идуть до-дому и надумавъ: „що тоби робыть? Прывьязать тебе до дубка“. Лужкомъ идуть и въ лиску палыцю оту взявъ. „Роздягайся“! Вона й роздяглась. Скынула свытку. Такъ винъ взявъ

іи, скынувъ запащыну, а тымъ поясомъ, шо вона пидперезувалась прывьязавъ іи назадъ рукы до дубка. И пишовъ до-дому, тай заснувъ. Наморывся, натомывся, тай заснувъ. „Нехай іи посцуть такы комари, — то вона покаетьця“. Колы якъ заснувъ! Колы кынувсь, ажъ свитъ. Схватывсь и побигъ. Побигъ іи розвьязать. Прыбига до жинкы, а жинка голову схылыла; не жыва уже. Розвьязуваты іи—дума, шо вона схылыла голову дурно. Винъ дума, шо вона дуре ёго,—голову схылыла. Колы розвьязавъ, а вона й упала. Колы розвыднилось, — ажъ у неи комаря повыще кисточокъ самого комаря кровъ. Повыще кисточокъ. Самого комаря. Засцуть. Засцуть. Боже сохраны! Воны зъ усёго лиса мабудь злетилысь. Отакъ! Пропала жинка дурно. Пропала дурно. Отутъ недалеко. Недалеко тутъ було. Не дуже давно.

—

У насъ отутъ опасно жыть у цимъ краи, а тамъ жыть опасно, о-о Боже Мылостывый! — у симъ краи, въ ставропольскій губерніи, на Лыніи и въ Чорноморіи. Ну тамъ ще не такъ у козакивъ, тамъ люды якось звычайниши, строгость наблюдають: у перве выбьють, а вдруге посадять, голодомъ и холодомъ стощать такъ, шо умыраеть. Заниве-чать тай годи. Ото якъ не покаетьця въ другый разъ, а за третій разъ повисять. Ото ёму картаные все. Ото и встанова така у Чорноморіи у козакивъ. Тамъ козакы.

Значыть ворившиво изъ млынивъ, изъ ынбаривъ. Провирчують ынбары и выточують хлибъ. Такъ въ одного чоловика обиbрано. Тамъ Жукова е село, воно мистечко теперъ; такъ не то въ ёго, а въ дру-гыхъ. Такъ гострыть зубы, „шо якъ бы ёго“, каже, „то...“ И въ друге обикрало. Такъ винъ у трете: „давай“, каже, „буду ходыть за-сидаты“. А зимою морозы, холодъ! Такъ винъ удився у кожухъ и въ другый кожухъ и сирякъ узявъ. Сирякы зъ видлогамы (тожъ) здорови. То вже на ничъ—такъ хоть и спать, такъ не холодно. И пишовъ у млынъ. Пишовъ и засунувся на ничъ съ топоромъ. Топоръ узявъ и пишовъ. И лигъ у млыни. Ну, лигъ у млыни и заснувъ. Нема. Ту ничъ нема. Винъ на другу ничъ вньять пишовъ. Не було. Винъ на третю ничъ пишовъ. „Уже жъ такы прыйде може“. Уже надіеться, шо може те вже помáрнычавъ, попродавъ, або пойивъ, то уже скоро буде вньять. Ось прыйихалы два. Ось на третю ничъ пишовъ: воны й прыйихалы такъ якъ у глупу ничъ. А въ ёго, якъ на млынъ злизе, такъ на стини у дошкахъ дирка така, шо тико рука туды влизе: а

побиля стины замокъ зроблено, такъ выдовбано, та туды ключъ устромля и отсовуе. Такъ винъ ключъ прыбравъ туды такый, якъ и въ хазяина. А цей тыхенько вставъ, тай прыцилывся до рукы: „оце жъ вона“,—тай навивъ сокыру, та якъ замахнувъ зъ-за плеча, та якъ сикнувъ!—такъ рука тамъ и осталась!—Зразу одсикъ... Такъ винъ якъ закрычавъ, та зъ млына—стовбуна! Кынувся той, хотивъ одбыть двери, а той, що въ млыни, та на горище, тай скрычавъ: „Хто въ Бога вируе—ратуйте!“ Такъ воны дывлятьця, що людей покгвалтувавъ уже, та на санкы того болного (того), що руку одрубалы, тай помчалы—втеклы.

Отъ до млына посходылысь, позбигалысь мужыкы—що-жъ казать? Ниччу не шукать. Такъ воны пишлы. Переночувалы по домахъ. И пишовъ у росправу той самый зъ рукою, руку взявъ, ту що въ млыни осталась, и пишовъ. Обжалився старости тамъ чы голови: „а прызнавайте, господа, чыя це рука?“ той самый, що одрубавъ руку. Начальство й каже: „що-жъ? посылать теперъ десятныкивъ, соцькыхъ по такыхъ людяхъ по замиченыхъ; яки замичени, значыть, у воровстви“. Послалы. Того дома нема, а той у заробиткахъ, а той пидъ хуру пойихавъ,—тожъ нема. Такъ воны—„ходимъ ище до такого-то“. Пишлы. Колы винъ у рядни лежыть. „А вставай, хлопче“.—„Та-а хво-рый!“—це вже вона—„такый хворый, такый хворый, Боже Мылостывый, це вже другый день... лежыть“. „Та вставай!“ Кынулысь до ёго,—колы и рядно все въ криви. Колы далше, ажъ рукы въ ёго нема, а суремя одна. Такъ воны ёго взялы въ росправу. Колы ажъ ёго рука! Отакъ сучій сынъ докрався. Тры дни пожывъ—померъ. Отакъ! Ото ёму вси—и караніе все. А за те ёму ничого не було; хоть бы голову—и голову одрубавъ.

—

Прыйшлы до хазяина розбойныкы-воры, сучи сыны; тоже въ тимъ краи на Лыніи. Низя добыться, низя дойты ніякъ за собакамы. Такъ воны два рогы коровьячыхъ прыготовылы, значыть, съ собою прынеслы; насыпалы ихъ масломъ, тай позакубрювалы, тай кынулы собакамъ; а собакъ тамъ шисть чы симъ. Воны кынулысь—ажъ грызуться тамъ, ти рогы захваталы тай грызе-грызе-грызе и ничого не зроблять. А воны, що хотилы, то те й робылы: комору порозбывалы, гроши забралы, дорогоцинну одежу забралы; що хотилы, забралы. Що хотилы бралы, що хотилы,—те й робылы: и вына по-

напывалыся, и такъ було усячыны добра понабиралы, и ноччу ввойшлы.

Хватылысь на утро хазяины—благополушни и собакы, и не побыти, и не потруени, грызуть рогы, та масло въ рогахъ. А добро все забрате. Отаки сучи сыны тамъ. Шукай витра въ поли. Шукалы, щукалы—пропало. Отаки тамъ люде.

А все въ тимъ краи, все въ тимъ краи, въ ставропольськіи губерніи; ниде розбою нема такого, якъ у тимъ краи. Не дай Богъ.

25-го мая, 1891 года. У пьятныцю.

Переписка М. А. Максимовича съ П. Г. Лебединцевымъ.

(Продолженіе [1]).

1868 годъ.

Въ этомъ году переписка между обоими корреспондентами прошла довольно вяло, хотя, казалось-бы, условія для нея были подходящія: Максимовичъ, собиравшійся было на зиму 1868—69 года переѣхать на житье въ Кіевъ, почувствовалъ себя осенью недугующимъ и остался зимовать на своей Михайловой Горѣ, а слѣдовательно, сидя въ одиночествѣ, долженъ былъ-бы интересоваться корреспонденціей съ друзьями. Объяснить причину сравнительно рѣдкаго корреспондированія со стороны Максимовича можно только тѣмъ, что въ этомъ году слабо было литературное участіе его въ «Кіев. Епарх. Вѣдомост.», такъ-какъ онъ больше всего писалъ въ «Русскомъ» Погодина, въ результатѣ чего и получилось какъ-бы нѣкоторое уменьшеніе интереса у обоихъ корреспондентовъ другъ другомъ. Впрочемъ, это нисколько не повліяло на ихъ личную пріязнь, что сказывается во всѣхъ письмахъ за этотъ годъ.

Первымъ отозвался въ 1868 году Максимовичъ, написавшій 13 января слѣдующее письмо въ отвѣтъ на полученное привѣтствіе съ новымъ годомъ [2]).

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 10.

[2]) См. № 10, стр. 144.

Почтеннѣйшій и дражайшій Петръ Гавриловичъ!

Сейчасъ былъ у меня о. Чайковскій и доставилъ мнѣ пріятнѣйшее письмо Ваше отъ 25 дек. Благодарю Васъ за него; полагаю, что и мое, современное ему, Вы уже получили. Если буду въ мысляхъ свободнѣе, то постараюсь хоть небольшой листъ написать о Евгеніѣ для Епархіальныхъ Вѣдомостей; хотя повторяю сказанное въ прежнемъ письмѣ, что у Васъ—слово отца Ѳаворова такой превосходный пролегоменъ къ дальнѣйшимъ воспоминаніямъ о Евгеніѣ, которыхъ г. Пономаревъ, конечно, набралъ уже вдоволь, что моя страница пригодится развѣ въ послѣсловіе [1]). Къ тому-же все это время я что-то очень смущенъ головою; была всѣ святки больна жена моя; да и самъ я таскаю ноги черезъ силу. А къ тому еще прислали мнѣ два большихъ тома Описанія Кіева Закревскаго, и я до того утомился ихъ чтеніемъ, до того голова набита вся этимъ грузомъ, что едва-ли сквозь него пройдетъ что нибудь свѣтлое и живое, пока хоть немного не вытрушу на бумагу той *Кіевомахіи*... Впрочемъ, до половины февраля еще далеко, и Богъ дастъ просвѣтлѣетъ въ головѣ, и послѣ отписокъ новогоднихъ, мнѣ предлежащихъ, буду досужнѣе. Сегодня настрочилъ для Погодинскаго «Русскаго» некрологъ о нашемъ Яковѣ Иван. Осиповскомъ, обезумѣвшемъ отъ соперничества съ Иваномъ Борисовымъ, во время академическаго ихъ студентства [2]).

Сегодня же, прежде всего, читалъ № 1 Вашихъ Вѣдомостей и въ моей статейкѣ встрѣтилъ важную опечатку на стран. 9, строкѣ 2: напечатано *апостоловъ*—вмѣсто: *апостатовъ*!! Кажется, надо поскорѣе поправить эту ошибку—и въ Вашихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и въ особыхъ оттискахъ—зане она въ изреченіи Петра Могилы, и наши апостаты могутъ имъ воспользоваться...

А между тѣмъ—да хранитъ Васъ Господь въ добромъ здоровьи и бодромъ духѣ!

Преданный Вамъ М. Максимовичъ.

1868 г. 13 генв. М. Гора.

---

[1]) Объ этомъ см. тамъ-же. стр. 144—147.

[2]) Напечат. подъ заглавіемъ „Сельскіе некрологи" (1868 г. л. 9 и 10). Я. И. Осиповскій былъ товарищемъ по академіи преосв. Иннокентія (Ивана) Борисова.

P. S. Поминкою о Евгеніѣ, черезъ шесть недѣль послѣ его кончины, началось мое надгробное *Слово* Сакену [1]); но у меня нѣтъ его, нѣтъ давно и моей московской рѣчи о *Русскомъ Просвѣщеніи* [2]). Не попадутся-ли случайно Вамъ на глаза эти двѣ штучки, и тогда благоволите ихъ притяжать для меня. Хочу собрать подъ конецъ вѣку свои писанія и хоть разъ взглянуть на нихъ и вспомянуть по нимъ мои минувшіе годы.

Вскорѣ послѣ этого письма была послана Максимовичемъ замѣтка о митр. Евгеніѣ для «Епархіальн. Вѣдомостей» [3]). Съ слѣдующей же почтой Максимовичъ пишетъ Лебединцеву, прося его сдѣлать нѣкоторыя поправки въ этой замѣткѣ, а также устроить печатаніе его «Букваря» [4]).

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

На прошлой почтѣ я послалъ къ Вамъ *письмо о м. Евгеніѣ*, какое случилось написать. Въ немъ надо въ концѣ поставить такъ: *его преемникомъ*, *Филаретомъ Кіевскимъ* (см. *Временникъ 1854*. Кн. 19), а въ помѣтѣ—сегоднишній день суботній—*10 февр.*

На случай, по какому либо обстоятельству, Вамъ неудобнымъ покажется печатать это письмо съ означеніемъ вашего имени, въ такомъ разѣ поставьте: *къ М. П. Погодину*—и тогда въ началѣ такъ: *Сегодня пишу тебѣ...* но подъ впечатлѣніемъ *не совсѣмъ пріятнымъ*.

Не мѣшало бы и къ *Хроникѣ* И. М. Скворцова означить: см. *Кіев. Епарх. Вѣдомости...* годъ и нумеръ.

Если бы какое выраженіе въ томъ скороспѣшномъ письмѣ оказалось неловкимъ, прошу Васъ покорно исправить по своему

[1]) Рѣчь надъ гробомъ генералъ-фельдмаршала князя Ф. В. фонъ-деръ-Остенъ-Сакена. Кіевъ, 1837 г. (Перепеч. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1838 г., ч. 14, а также во многихъ тогдашнихъ газетахъ).

[2]) Рѣчь о русскомъ просвѣщеніи, сказанная Максимовичемъ 12 янв. 1832 г. во время университет. акта въ Москвѣ, напечатана въ „Телескопѣ" 1832 г., ч. VII, № 2; (вышла и отдѣльно).

[3]) Письмо о м. Евгеніѣ къ прот. П. Г. Лебединцеву (Кіев. Епарх. Вѣд. 1868 г. № 5; перепечатано и въ „Русскомъ" (Погодина) 1868 г., № 40).

[4]) Краткій букварь для русскаго народа, вышедшій четырьмя изданіями: 1859 г. Москва, 1865, 1868 и 1869 гг. Кіевъ.

усмотрѣнію. Я и свою душу, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ страшно волнуемую и мучимую, предалъ бы Вамъ на утѣшеніе и исцѣленіе, если бы находился въ Кіевѣ; но тамъ Господь спасаетъ меня отъ этой невзгоды...

Покорнѣйше прошу передать прилагаемое при семъ письмецо къ г. Андріяшеву и переговорить съ нимъ, и рѣшить съ нимъ *условіе* о моемъ *Краткомъ Букварь*, съ тою же ко мнѣ благосклонностію, съ какою Вы были къ предпослѣднему изданію моего *Наума*.

Я желалъ бы, чтобы напечатано было Букваря тысячи три или ужъ не менѣе двухъ—на плотной бумагѣ, и чтобы всѣ экземпляры были непремѣнно *сшиты* и въ цвѣтной плотной обверткѣ. Цѣну ему можно назначить *пять* копѣекъ: и въ такомъ разѣ мнѣ получить здѣсь за тысячу *30 рублей* серебромъ; а за вторую тысячу *33 рубля* вручить Е. В. Галагановой отъ моего имени къ сроку, въ приходъ Острожскаго Братства.

Печатать же славянскій текстъ, по Вашему совѣту, лично мнѣ въ Кіевѣ сказанному, надо безъ титлъ, съ разверстаніемъ въ полный складъ молитвъ и проч.

Сдѣлайте одолженіе, примите на свою опеку мой Букварь новаго изданія, во всемъ вышеозначенномъ, и рѣшите все то, какъ Вы положите въ переговорѣ и договорѣ съ почтеннымъ директоромъ-книгораспространителемъ.

Вообразите, я только теперь получилъ отъ Погодина письмо къ нему графа о моемъ Наумѣ, писанное еще въ прошломъ году 1-го апрѣля!... Я бы лѣтомъ получилъ за 10000. А теперь получу развѣ къ концу этого года! ибо напечатано было, по неизвѣстности, 5 или 6 тыс.

Въ отвѣтъ на это письмо Лебединцевъ откликнулся 4 апрѣля первымъ своимъ письмомъ въ этомъ году, начинающимся поздравленіемъ съ Свѣтлымъ праздникомъ.

Кіевъ, 4-е апрѣля 1868 г.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Христосъ воскресе!

Привѣтствую Васъ свѣтлымъ праздникомъ съ мыслью, что ради воскресшаго Господа Вы простите мнѣ и мое промедленіе отвѣтомъ

на послѣднее Ваше письмо. А признаться и писать нечего было послѣ бесѣды съ А. Ѳ. Андріяшевымъ. Разсчитавши, онъ нашелъ невозможнымъ за 20 руб. отпечатать 1000 экз. букваря, и еще труднѣе будто разсчитывать на сбытъ букварей нынѣ, когда ежегодно выпускаются ихъ десятки тысячъ, и притомъ съ усовершенными на разные манеры складами. По симъ причинамъ отказался взять на себя это дѣло.

За письмо о м. Евгеніѣ приношу глубокую Вамъ благодарность отъ себя и отъ всѣхъ чтителей его памяти. Вы уже видѣли его въ печати. Нужно было бы мнѣ при этомъ справиться съ рукописью Иринея Фальковскаго, да некогда было ходить за нею. Отзывъ о м. Евгеніи писанъ не Филаретомъ кіев., а Я. К. Амфитеатровымъ и только сообщенъ Филаретомъ кіевскимъ.

Н. В. Закревскій прислалъ и мнѣ свои томы описанія Кіева. Сборникъ великъ, трудовъ много, но критики нѣтъ. Положивши эту канву подъ руку, не удосужились ли бы Вы хотя лѣтомъ сообщить редакціи Еп. В. драгоцѣнныя для исторіи Ваши замѣтки на нѣкоторыя статьи этой книги? Это былъ бы большой подарокъ для насъ и самый близкій.

Съ удовольствіемъ прочиталъ я и Ваши воспоминанія о преосв. Иннокентіи, напечатанныя въ Русскомъ. Вы придали имъ новую и весьма приличную форму. Богъ да поможетъ Вамъ во всякомъ трудѣ, который, какъ бы ни былъ малъ, всегда дастъ что-нибудь новое для исторіи.

Какъ Ваше здоровье и какъ Богъ вообще Васъ милуетъ нынѣ? Вотъ и красная весна; утромъ уже раздается свистокъ съ парохода. Не подвинетесь ли посѣтить Богоспасаемый градъ Кіевъ? Богъ да укрѣпитъ Ваши силы къ утѣшенію всѣхъ почитателей Вашихъ.

А сегодня отпѣли мы, соборне съ преосвящ. Порфиріемъ, старушку Катерину Вас. Галаганъ [1]), скончавшуюся въ 1-й день Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ 8-мъ часу утра. Отпѣваніе совершено въ Георгіев. церкви, и здѣсь въ подвальномъ склепу поставленъ ея гробъ до исправленія дорогъ въ Сокиринцы.

Вѣчный покой ея праведной душѣ, и намъ даруй Боже еще пожить на семъ свѣтѣ.

Душевно желая Вамъ здоровья и мира душевнаго, остаюсь глубоко почитающій Васъ и искренно преданный П. Лебединцевъ.

[1]) Мать Григ. Павл. Галагана.

Не получивши еще этого письма, Максимовичъ въ свою очередь пишетъ привѣтственное письмо съ Свѣтлымъ праздникомъ и посылаетъ свою *писанку*, статью о *Синопсисѣ* [1]). Черезъ нѣсколько дней послѣ этого письма онъ отправилъ измѣненный конецъ статьи о синопсисѣ при коротенькой записочкѣ.

Христосъ Воскресъ!

Привѣтствую васъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, съ великоднымъ святомъ и прошу принять благосклонно только-что доконченную *писанку* мою о Кіевскомъ синопсисѣ, для вашихъ епархіальныхъ вѣдомостей.

Какъ же вы возмогаете о Господѣ?.. Я уже соскучился крѣпко и даже посѣтовалъ, что въ нынѣшнемъ 1868 году еще ни разу вы не подарили меня своею грамоткою, которая всякій разъ мнѣ приносила и новое удовольствіе для сердца, и новыя вѣсти для знанія. Что за немилость; или я передъ вами чѣмъ-либо провинился, хотя ей-ей не сознаю за собою никакой вины передъ вами; а впрочемъ, зная многосложность вашего быта кіевскаго, я не пеняю, а только напоминаю о томъ, что есть... Я люблю Кіевъ, гдѣ между немногими вы первый—и совсѣмъ разнакомился съ Кіевомъ въ нынѣшнемъ году, ибо сквалыга Шульгинъ уже и *Кіевлянина* своего не высылаетъ мнѣ въ этомъ году, а *Другъ народа* [2]) хуже врага докучаетъ своимъ Ильей Муромцемъ, еще недоконченнымъ и въ нынѣшнемъ году!... Разоритесь на время—а подпишитесь: на имя Марьи Васильевны Максимовичевой въ Золотоношу—на треть или на половину сего года, въ конторѣ Кіевлянина, на эту неблагодарную ко мнѣ газету; ибо я намѣренъ прибыть къ вамъ въ исходѣ мая, такъ не мѣшаетъ хоть въ началѣ того мѣсяца пробѣжать, что дѣялось въ Кіевѣ за генварскую треть года.

Прилагаю при семъ печатное объявленіе, присланное мнѣ отъ Погодина, чтобы я передалъ его для напечатанія въ кіевскихъ газетахъ: Бога ради, напечатайте, гдѣ знаете и возможете.

Когда будете видѣться въ первый разъ съ г. Андріяшевымъ, прошу сказать ему отъ меня, что я не получилъ обѣщаннаго имъ ака-

---

[1]) О Кіевскомъ синопсисѣ. Письмо П. Г. Лебединцеву (Кіев. Епарх. Вѣд. 1868 г., № 9; перепечат. въ „Русскомъ“ 1868 г. № 43 и вошедшее потомъ въ книжку „Письма о Кіевѣ“, Спб. 1871 г.).

[2]) Газета, издававшаяся А. Андріяшевымъ.

демическаго календаря на 1868 годъ, и что я имѣлъ право ожидать отъ него, на какихъ же условіяхъ онъ желалъ-бы напечатать новое изданіе моего *Букваря*. Уважая его ревность къ распространенію народныхъ книгъ, прошу васъ разрѣшить ему напечатать мой букварь въ какомъ ему угодно числѣ и на какихъ ему угодно условіяхъ!.. Кажется не обидно будетъ ему, если онъ черезъ годъ по напечатаніи заплатитъ мнѣ половину барыша. Сумма такъ маловажна, что намъ съ нимъ считаться и торговаться не подобаетъ.

Если, по случаю его несогласія на предложенное прежде ему условіе, не взнесена та сумма въ Острожское Братство, о которой извѣщалъ я васъ, то попрошу васъ теперь взнести ее въ счетъ моего вамъ заработка. У меня есть деньги въ Золотоношѣ, да я не знаю, когда соберусь за ними съѣздить, ибо и сегодня еще продолжается Свѣтло-седмичный дождь, нагрязнившій крѣпко дорогу, а къ тому же не имамъ крытаго экипажа (старую коляску, возившую Богородскаго, Иванишева, его преемника, и, наконецъ меня, въ Москву и Кіевъ, я, наконецъ, продалъ, за ея изветшалостью, жиду-ковалю за 25 карбованцевъ). Мнѣ совѣстно и сознаться, что та вписная книжечка, которую получилъ я отъ Е. В. Галаганъ, завалилась гдѣ-то, такъ что я не могу вамъ сообщить и списка подписавшихся въ ней на Братство Острожское. Но я на этой недѣлѣ предприму обыскъ повальный въ моемъ книжно-бумажномъ хламу, перерою всѣ мышиныя норки и конечно отыщу ту книжечку и доставлю тогда вамъ, яко блюстителю Кіевскому Братства Острожскаго. Я даже позабылъ, сколько я написалъ вамъ собрано мною: сорокъ съ чѣмъ-то, или около того.

Вотъ нѣсколько разъ уже въ этотъ Ѳоминъ понедѣльникъ непогода мѣшаетъ мнѣ отслужить привычную панихиду на могилахъ дѣда и отца на сосѣднемъ съ Михайловой горою кладбищѣ. Однако дождь уже перестать и какъ будто разгуливается. Уже 11 часовъ и блеснула надежда быть тамъ... А въ 1845 году въ этотъ поминальный день, бывшій тогда въ Юрьевъ день, за отысканіе на Скавикѣ прадѣда моего могилы и отслуженную на ней панихиду, я поплатился возобновленіемъ моей прежней болѣзни ревматической, подорвавшей тогда мои дотолѣ исправные финансы, такъ что я и донынѣ не налажу ихъ на первоначальную стать. Но Богъ милостивъ—такъ сякъ, а все таки не напрасно копчу небо своимъ непристойнымъ воскуреніемъ табачнаго зелья.

Отъ всей души обнимаю васъ и прошу передать мой привѣтъ о. Ѳаворову, о. Подвысоцкому и его подружію—доброй заступницѣ моей въ послѣдній день мой въ Кіевѣ, когда она заступилась за меня отъ притязаній какого-то полицейскаго молокососа, не пускавшаго меня и Солнцева ступить и шагу впередъ дальше золоченаго ангела надъ тою катедрою, съ которой провѣщалъ любезный супругъ ея о судьбахъ Андреевской церкви и о ея попечителѣ, отъ него же послѣ обѣда мы пѣшеходствовали съ вами и простились на Софіевской площади—до радостнаго будущаго утра...

Вашъ М. Максимовичъ

8 апр. 1868 г. Михайлова Гора.

Не забудьте велѣть оттиснуть мнѣ моего письма къ вамъ о Кіев. Синоп.—Жаль, что нѣтъ оттисковъ письма о Евгеніѣ.

—

Я имѣлъ удовольствіе получить свѣтлопраздничное письмо ваше, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ! Но отлагая впредь письменную бесѣду, поспѣшаю отправить теперь новый конецъ моего письма о К. Синопсисѣ, которымъ прошу васъ покорнѣйше замѣнить прежній конецъ, тамъ находящійся. Продолженіе, вами желаемое будетъ, будетъ.

Вашъ М. Максимовичъ.

15 апр. 1868. М. Г.

Какъ видно изъ только-что напечатаннаго письма, Максимовичъ лѣтомъ собирался пожить въ Кіевѣ, что, вѣроятно, и осуществилось, такъ-какъ въ лѣтніе мѣсяцы не оказывается ни одного письма отъ обоихъ корреспондентовъ, и только въ сентябрѣ отозвался опять Максимовичъ съ своей Михайловой Горы двумя письмами, въ первомъ изъ которыхъ онъ извѣщаетъ о своемъ намѣреніи зимовать въ Кіевѣ, а во второмъ сообщаетъ, что «почувствовалъ себя такъ немощнымъ, что не рѣшился на переѣздъ».

Сердечно порадовался я, узнавъ о назначеніи васъ, дражайшій и многоуважаемый Петръ Гавриловичъ, въ катедральные протоіереи Софійскаго храма, и не разъ уже привѣтствовалъ васъ мысленно, желая отъ всей души вамъ благоденствовать и благовѣствовать тамъ долгое время, и чтобы вашъ подвигъ увѣнчался такъ-же, какъ и достойныхъ предмѣстниковъ вашихъ, двухъ соименныхъ Іоанновъ!..

Въ срединѣ сентября, или во второй половинѣ его, надѣюсь видѣть и слышать васъ въ Кіевѣ; а теперь пока-что отгуливаюсь на

Михайловой-Горѣ моей, воротясь изъ Золотоношскаго земскаго собранія порядочно простуженнымъ: плохая подготовка на зиму... Да ужъ такъ видно суждено мнѣ быть безвыходнымъ домосѣдомъ зимою, не только здѣсь, но и въ Кіевѣ. Когда-бы только попалась квартира мнѣ съ большою одною комнатою, гдѣ бы можно ходить просторно; а впрочемъ и для ума тоже пріятенъ просторъ... Засѣвъ на полгода въ вашемъ святомъ градѣ, быть можетъ успѣю и написать о немъ что нибудь путное...

До пріятнаго свиданія остаюсь душевно преданный вамъ М. Максимовичъ.

1 сент. 1868 г. М. Г.

---

28 сент. 1868 г. М.-Гора.

Поклонъ и привѣтъ мой задушевный вамъ, дорогой Петръ Гавриловичъ! Подъ конецъ сентября, при сборахъ на зимовникъ кіевскій, я почувствовалъ себя такъ немощнымъ, что не рѣшился на переѣздъ и принужденъ невольнымъ благоразуміемъ—остаться здѣсь на всю осень и предстоящую зиму. . Легко сказать: на полгода; но кто считаетъ себѣ уже 65-й, тому *полгода* неважность какая... пролетятъ незамѣтно! А останется-ли слѣдъ ихъ на моемъ привычномъ книжномъ полѣ, о томъ напередъ и себѣ сказать не могу,—кромѣ, развѣ, обѣщаннаго вамъ сказанія о монастыряхъ Подканевскомъ, Святопокровскомъ!.. [1]) Богъ дастъ дотяну до весны, такъ въ маѣ увижу Кіевъ и васъ въ немъ. Да хранитъ васъ Господь и святая Софія; а вы помолитесь обо мнѣ и припасите мнѣ, въ благословеніе моей Махайлогорской хаты—храмовой образъ Премудрости Божіей создавшей себѣ столповъ седмь. У меня былъ онъ, да я отдалъ его въ благословеніе покойной сестрѣ моей Еленѣ, и не разъ желалъ опять видѣть его у себя на горѣ, возлѣ образа Нерушимой стѣны.

А вотъ и другая просьба. О. Іосифъ Желтоножскій, въ прошломъ годѣ, обѣщалъ мнѣ написать, наконецъ, два образа—*св. Ольги* изъ ц. Десятинной, и *Богоматери* изъ придѣла Софійскаго, что при входѣ. Если они уже готовы, то да благоволитъ ихъ отправить по слѣдую-

---

[1]) Вѣроятно, предположеніе не осуществилось: такой статьи М-ча мы въ печати не знаемъ.

щему адресу: *Ея превосх. Ольгѣ Ѳедоровнѣ Кошелевой—въ Москву, на Поварской въ собственномъ домѣ.*

Гдѣ вы зимуете: тамъ же, или во дворѣ Софійскомъ?

Передайте поклонъ мой о. Ѳаворову и о. Подвысоцкому.

Душевно преданный вашъ М. Максимовичъ.

Послѣ долгаго молчанія Лебединцевъ, уже въ декабрѣ мѣсяцѣ, написалъ письмо къ Максимовичу съ извиненіями и съ просьбами сообщить что-нибудь о себѣ.

Высокопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Считаю себя повиннымъ предъ Вами за мое молчаніе. И грѣхъ тяготитъ душу и грустно, что въ Кіевѣ отъ Васъ ничего не слышно. Посему простите насъ и сообщите вѣсточку о себѣ для всѣхъ вашихъ почитателей, отъ нихъ же первый есмь азъ. Какъ Богъ хранитъ васъ и милуетъ? и что подѣлываете вы въ краткіе зимніе дни и въ длинныя эти ночи? Объ Вашей фермѣ хлопоталъ я и протоколъ составили мы съ Самчевскимъ, но когда спросилъ я Юзефовича, доложилъ ли онъ Безаку, то получилъ въ отвѣтъ: это будетъ отправлено къ нему въ С.-Петербургъ. Что это значитъ,—нужно объясниться съ нимъ наединѣ.

Власти наши выѣхали изъ Кіева въ Петербургъ; вѣстей отъ нихъ, кромѣ увѣдомленія о благополучномъ прибытіи. нѣтъ еще. Мож. б. Владыка нашъ отправился хоронить и виленскаго митрополита Сѣмашку, скончавшагося 23 ноября.

На зиму еще 15 сентября, перешелъ я въ Соф. дворъ, устроившись здѣсь довольно удобно, а чтобы хата не была пусткою, я выписалъ сестру вдову съ двумя малыми дѣтьми. Так. образомъ, я начинаю жизнь нѣсколько иначе. Въ Соф. дворѣ я отпраздновалъ Софію 8-го сент. и 10-го ноября освященіе Богословскаго на хорахъ придѣла,—что теперь теплый соборъ Душевно сожалѣлъ при томъ, что между моими гостьми не было Васъ. На хоры теперь идутъ съ двухъ угловъ юго-западному и сѣверо-западному. Желается еще открыть малые ходы въ западной стѣнѣ, по обѣ стороны главнаго входа, которые когда то закладены и зрятъ нынѣ въ остатки западной галлереи; да, кромѣ того, открыть окна въ малыхъ, что надъ хорами куполахъ, передѣлавъ для сего часть скрывшей ихъ крыши. Но для этого нужно испросить раз-

рѣшеніе Св. Синода. Евгеніевскій теплый соборъ, бывшую монастыр. трапезу, предполагаю обратить съ весны въ соборную библіотеку. Овіи хвалятъ меня за кое-что, овіи же бранятъ, называя реформаторомъ; но я не увлекаюсь ни тѣмъ, ни другимъ, а дѣлаю свое дѣло, возстановляя старину и уклоняясь новшествъ смоленскихъ и другихъ. Положеніе мое хлопотливое при антагонизмѣ господина одного, мостившагося на мое мѣсто; но Богъ дастъ какъ нибудь обойдутся дѣла, а чтобы лучше обошлось, я вытребовалъ Евгеніевскую инструкцію собору и отпечаталъ для общаго свѣдѣнія. Помолитесь и Вы обо мнѣ.

Иконы Кошелевой отправлены о. Іосифомъ въ октябрѣ по адресу въ Москву. Образъ Премудрости Божіей для Васъ будетъ изготовленъ.

На праздникъ Рождества Христова жду къ себѣ брата Ѳеофана, котораго несчастье не покидаетъ: 22-го ноября онъ лишился и 2-го своего сына, умершаго отъ горячки; остался одинъ меньшій, хилый и болѣзненный. Тяжкое его горе!...

Кіево-Курская дорога открывается между 9 и 14 декабря. Я уже проѣхалъ по ней съ Владыкой отъ Днѣпра до Броваровъ. Хочется мнѣ въ маѣ проѣхать и дальше до Москвы и Петербурга—свѣта побачить. Дай Богъ дождать...

Душевно преданный Вамъ П. Лебединцевъ.

4-е декабря 1868 г.—день св. Варвары, обѣдъ у преосв. Порфирія. *Кіевъ.*

Этимъ и заканчивается переписка 1868 года, хотя есть вѣроятность, что одно письмо Максимовича, а можетъ быть и больше, не сохранилось, такъ-какъ, во 1-хъ, не могъ онъ не отвѣтить на только-что приведенное письмо Лебединцева, а во 2-хъ, первое письмо 1869 года, написанное тоже Лебединцевымъ, свидѣтельствуетъ, что были Максимовичемъ посланы даже статьи для Епарх Вѣдомостей.

1869 г.

Въ перепискѣ за этотъ годъ, очевидно, утеряно много писемъ М. А. Максимовича, такъ-какъ имѣется на лицо всего два письма его, а между тѣмъ писемъ къ нему П. Г. Лебединцева

сохранилось пять. Лучшимъ доказательствомъ того, что письма отъ Максимовича были, служитъ содержаніе писемъ Лебединцева, а особенно перваго—отъ 1 марта 1869 г. Здѣсь Лебединцевъ проситъ простить за промедленіе отвѣтомъ и благодаритъ за присланныя статьи. Статьи эти, конечно, «Объяснительные параграфы о Кіевѣ» (по поводу книги Закревскаго «Описаніе Кіева»), напечатанныя въ «Кіев. Епарх. Вѣдом» 1869 г. №№ 2, 3 и 4.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Время покаянія требуетъ очистить мою совѣсть и предъ Вами. Покорнѣйше прошу прощенія за промедленіе отвѣтомъ и повторяю глубокую благодарность за Ваши статьи, которымъ эпитетовъ не смѣю подбирать. Оттиски ихъ сдѣланы; но полагаю, что Вы сами приплывете въ Кіевъ за ними по раннему открытію весны и пароходства.

Отъ Федорова получилъ я тюкъ, адресованный на Ваше имя изъ Москвы. Въ немъ письмо къ Вамъ А. Котляревскаго [1]), «стрѣлы», оттиски Вашей статьи о стрѣлахъ—изъ Археолог. Вѣстника—100 экз., книжка—о погребальн. обычаяхъ языческихъ славянъ,—Котляревскаго; разборъ сочиненія Аѳанасьева: Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу; книжка Археолог. Вѣстника за соединенные ноябрь и декабрь. Это книжное добро остается у меня впредь до Вашего востребованія.

М. В. Юзефовичъ медомъ мазалъ, но съ того меду квасу не будетъ. По выѣздѣ Безака говорилъ, что протоколъ объ Васъ пойдетъ въ Петербургъ; а теперь, по смерти Безака, говоритъ: Безакъ никакого отвѣта не далъ на словесное предувѣдомленіе о семъ докладѣ, а потому я не рѣшился и посылать. Вотъ и все.

Теперь ѣдутъ къ намъ *князи;* сегодня около 2-хъ часовъ по полудни ожидается прибытіе Дундука [2]). Это сынъ засѣдавшаго въ Академіи наукъ, но говорятъ, что онъ умный человѣкъ—у нихъ чрезъ поколѣніе, тоже какъ и въ родѣ Меньшиковыхъ...

Академія Кіевская 28 сентября готовитъ веліе торжество юбилейное [3]): Синодъ распорядился призвать на оное 10-ть архіереевъ—

[1]) А. А. Котляревскій—извѣстный ученый славистъ.

[2]) Кн. Дундуковъ-Корсаковъ, назначен. Кіевск. Генералъ-Губернаторомъ.

[3]) 50-тилѣтняя годовщина.

Димитрія Одесскаго, Макарія Литовскаго, Антонія Казанскаго, Нектарія нынѣ Харьковскаго, и проч..., да своихъ 3, да Академія еще пригласитъ 2-хъ, итого 15-ть архіеревъ Кіевъ увидитъ въ одно время—соборъ великъ, какого здѣ и не бывало, кажется; кромѣ того будутъ представители отъ 14-ти семинарій бывшаго Кіев. учеб. округа. Наканунѣ 28-го будетъ совершена панихида по всѣмъ усопшимъ членамъ славной нѣкогда Академіи.

Въ началѣ іюля ожидаемъ пріѣза въ Кіевъ Государыни Императрицы по пути въ Крымъ. Предполагался онъ въ началѣ апрѣля, но задерживаетъ Дагмара, намѣревающаяся въ маѣ сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ возношеніи именъ царств. дома на эктеніи.

Подѣлюсь съ Вами еще моимъ наблюденіемъ: называемое надгробіе в. кн. Ярослава есть не надгробіе, а самый *гробъ*, состоящій изъ двухъ цѣльныхъ кусковъ мрамора: нижней—гроба и верхней—крыши въ видѣ двускатной кровли; цементомъ замазана только щель, гдѣ крыша неплотно прилегаетъ къ гробу. Если бы рычагомъ приподнять крышку массивную (д. быть пудовъ 100), то увидѣли бы остатки Ярослава Владиміровича. Придѣлъ Георгіевскій освященъ уже, а что Ярославъ погребенъ въ Георгіевскомъ придѣлѣ—свидѣтельство лѣтописей вѣрно, ибо стѣнка у гроба Ярослава, отдѣляющая его отъ Георгіевскаго придѣла, есть заложенная дверь, которою проходили изъ Георгіев. придѣла въ Владимірскій присѣнокъ—гдѣ престола при Ярославѣ не было.

Кланяюсь Вамъ усердно и низко. Вешніе деньки да укрѣпятъ Васъ къ Велыкодню.

Васъ истинно почитающій и преданный слуга протоіерей П. Лебединцевъ.

1-е марта 1869 г. Кіевъ.

На это письмо Максимовичъ отвѣчалъ черезъ нѣсколько недѣль, причину чего и объясняетъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, въ догонку за которымъ, при оказіи, послалъ и второе письмо.

Почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Письмо ваше отъ 1 марта я имѣлъ удовольствіе получить, но пока сбирался отвѣчать подробно—простудился, разболѣлся глазами, а къ вящшему горю—вчера нечаянно изломались мои читальные очки, и пока исправлюсь очами и очками, попрошу Васъ на сей разъ объ

одномъ дѣлѣ: снимите съ меня братчиковскій долгъ и изъ заработанныхъ мною по вашей редакціи денегъ передайте Екатеринѣ Васильевнѣ Галаганъ мой сборъ, вписанный въ полученную отъ нея книжицу:

за 1867 годъ—34 р. 25 коп.
» 1868 » 18 » 75 »

а всего 53 рубля.

Прошу васъ очень поспѣшить этимъ дѣльцомъ, чтобы не опоздать къ отчету. Передайте мой поклонъ всѣмъ братчикамъ Острожскимъ—Кіевскимъ, и предсѣдателю новому Свято-Владимірскаго, и купно съ нимъ вспомяните меня въ вашихъ молитвахъ.

Къ Вамъ въ Кіевъ предполагаю и думаю прибыть уже послѣ Великодня, когда станетъ совсѣмъ тепло по весеннему. Моихъ брошюръ благоволите прислать мнѣ сюда хоть по десятку; а прочія пусть у васъ меня дожидаютъ.

За извѣстіе о Ярославовой гробницѣ весьма благодарю и думаю, что вамъ подобаетъ приняться за новое описаніе Софійскаго храма и всей его исторіи. Поможи вамъ Боже и на сіе и на всякое дѣло.

Григорію Павловичу мой особенный и повинный поклонъ и просьба, чтобы, пока-что съ тѣмъ памятникомъ передъ лаврскою трапезою, поставить бы хоть временную рѣшстку: будучи на Антоніевъ день въ лаврѣ, только что подхожу къ бѣдному камню Кочубея и Искры, какъ на встрѣчу мнѣ якійсь богомолецъ по немъ такъ и човгае подковами, що у мене ажъ на серцѣ защемѣло, и я пожурилъ его съ сердцемъ за попираніе старины,—и мало-ли такихъ ногъ кованныхъ прошло еще послѣ того, сглаживая дорогую памятную надпись все болѣе... Но уже разболѣлась голова моя.

Остаюся душевно преданный вамъ Михаилъ Максимовичъ.

23 марта, 1869 г. М.-Гора.

—

Сейчасъ представилась оказія изъ нашего села въ Кіевъ, и пользуюсь ею, чтобы передать Вамъ мой поклонъ, многоуважаемый Петръ Гавриловичъ! Я недавно писалъ къ Вамъ о разрушеніи моихъ привычныхъ читальныхъ очковъ, безъ которыхъ бѣдствую; а въ ночь подъ Благовѣщеніе и совсѣмъ опѣшился: два жидка, какъ видно по ихъ слѣдамъ, выкрали моихъ коней съ упряжью и нетычанкою, разобравъ частоколъ задняго двора и—пиши пропало! Такъ уже пришлась неудачна мнѣ вторая половина нынѣшняго марта.

На случай мои брошюры еще не посланы, то ихъ передайте въ квартиру Васил. Никол. Максимовича и онѣ дойдутъ съ обратною подводою. Да приложите кстати, если есть подъ рукою, календарь 1869 г.; Андріяшева просилъ выслать, да онъ забылъ вѣрно, а безъ календаря скучно; а въ *хозяйственомъ* Симонтовскаго перепутаны на весь годъ лунные квадры, за что достается ему немало лайки отъ здѣшнихъ хозяевъ.

Желаю Вамъ здравія крѣпкаго на предстоящія седмицы, въ которыя помолитесь и обо мнѣ, и моемъ Алексѣйкѣ, да вразумлюсь, куда его пристроить на ученіе; ибо уже пора—съ 22 февраля пошелъ десятый годъ, и мальчикъ славный.

Остаюсь душевно преданный и уважающій васъ М. Максимовичъ.

29 марта 1869 г. М. Гора.

Екат. Вас. Галаганъ пришлю отчетъ по Братству; болѣли все глаза, да и донынѣ еще не совсѣмъ оздоровѣли; впрочемъ для Братства нужнѣе деньги, о которыхъ я просилъ въ предыдущемъ письмѣ моемъ.

До слѣдующаго письма или до свиданія послѣ Великодня, если Господь тому поможетъ.

Остальныя письма этого года принадлежатъ Лебединцеву. Ихъ четыре; но только первое находится въ отвѣтной связи съ только-что приведенными двумя письмами Максимовича. Второе письмо есть отвѣтъ на привѣтствіе съ Свѣтлымъ праздникомъ, но это привѣтствіе не сохранилось. Третье—есть записочка, писанная въ то время, когда Максимовичъ въ маѣ мѣсяцѣ жилъ уже въ Кіевѣ. Четвертое-же письмо, писанное въ декабрѣ, вѣроятно, явилось не отвѣтнымъ, а написаннымъ Лебединцевымъ для возобновленія письменныхъ сношеній послѣ того, какъ съ отъѣздомъ Максимовича на зиму къ себѣ на Михайлову Гору, прекратились личныя общенія.

Высокопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Душевно сожалѣю о Вашемъ горѣ—и порчѣ очекъ и потерѣ коней; вспоминаю по послѣднему обстоятельству, какое было горе, когда крали коней у моего батюшки и не на чемъ было сынкамъ доѣхать до Кіева, и купить было не на что. Хоть бы позвонить на безголовье ворамъ, да на Михайловой Горѣ и того нельзя сдѣлать.

Присланныя изъ Москвы книги при семъ посылаю. Вашихъ статей оттиски еще не сброшюрованы, а потому будутъ отправлены уже при слѣд. случаѣ.

31-го марта совершили мы соборнѣ поминовенiе годичное старушки доброй Катерины В. Галаганъ и были на утѣшенiи у Григорiя Павловича. Здѣсь при Юзефовичѣ я предлагалъ ему устроить рѣшетку къ памятнику Кочубея прежде памятника, но онъ отвѣчалъ, что лучше не дѣлать сего, ибо тогда на одной рѣшеткѣ и дѣло можетъ кончиться.—Деньги по Вашимъ реестрамъ, на Вашъ счетъ, мною давно уже въ Братство Острожское чрезъ Григорiя Павловича уплачены.

Вы что то послали, кажется, на Археологическiй съѣздъ, а Кiевъ отправилъ отъ Академiи Лашкарева, а отъ университета увѣдомленiе, что университетъ не имѣетъ нынѣ лицъ, занимающихся археологiей. Писанiе это съ улыбкой показывали Лашкареву на съѣздѣ.

Юзефовичъ уже соглашается дѣлать раскопки въ Вышгородѣ. Новое описанiе Соф. собора дѣйствительно необходимо; но не снабдите ли Вы еще какими замѣтками Евгенiев. Описанiе? Statum quo нетрудно описать, а хорошо бы пробѣлить—промыть что-нибудь и въ исторiи нашей Софiи.

Въ надеждѣ скораго свиданiя остаюсь душевно преданный Вамъ и уважающiй пр. Петръ Лебединцевъ.

3-го апрѣля 1869 года Кiевъ.

—

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Воистину воскресе Христосъ!

Приношу Вамъ душевную благодарность и за пасхальное привѣтствiе и за Ваши письма печатныя. Завтра 1-го мая, въ день памяти святителя Макарiя, вручу экземпляры преосв. Викарiю и о. ректору Академiи. За память о Соф. библiотекѣ тѣмъ большее спасибо, что въ сокровищницу ея ничего не вложено изъ Вашихъ трудовъ. Посылаю при семъ статью [1]) и 195 экз. объяс. параграфовъ о Кiевѣ, выдѣливъ изъ нихъ 5-ть экз. для тѣхъ же библiотекъ и для себя.

---

[1]) Статья М. А. Максимовича „Украинскiя стрѣлы", напеч. въ „Археологич. Вѣстн." 1868 г. вып. 5. Были и отдѣльн. оттиски, присланные автору черезъ Лебединцева (см. письмо Лебедин. 1 марта).

Прилагаю и изданную мною выдержку изъ писемъ А. Н. Муравьева. Пока я соберусь составить новое описаніе Соф. собора, весьма полезенъ будетъ для богомольцевъ граціозный очеркъ Софіи, нарисованный художеств. рукою нашего Паломника, да и въ послѣдствіи онъ пригодится.

Григорія П. Галагана постигло неописанное горе, какого онъ и представить не могъ: 27 апрѣля скончался его сынъ единородный Павлусь отъ тифа, полученнаго на пути изъ Кіева въ деревню, куда Галаганы отправились на 3-й день Пасхи. Сегодня похороны. Въ великій четвергъ—этотъ отрокъ, свѣжій, румяный, исповѣдывался у меня. и увы—это была предсмертная его исповѣдь. Вотъ ужъ тутъ нужно терпѣніе Іовле! Григорій Павловичъ такъ пораженъ этимъ горемъ, что слегъ въ постель и Мерингъ находится при немъ.

До радостнаго свиданія. Надѣюсь, что Ваше прибытіе въ Кіевъ совпадетъ съ пріѣздомъ сюда же Өеофана брата.

Владыку нашего ждемъ около 15-го мая, а 29 мая онъ выѣзжаетъ по епархіи на 2 недѣли.

Душевно преданный Вамъ пр. Петръ Лебединцевъ.

Н. Д. Иванишевъ вчера выѣхалъ изъ Кіева въ Парижъ.

30 апрѣля 1869 г. Кіевъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

По обстоятельствамъ нѣкоторымъ мнѣ, мож. б., не придется быть дома въ обѣденное время, и даже обѣдать дома. Потому мое приглашеніе покорнѣйше прошу перенести на завтрашній день, т. е. понедѣльникъ къ 2-мъ часамъ.

Сегодня—хиротонія Өеоктиста въ епископа Старорусскаго.

Съ глубокимъ почтеніемъ Вамъ преданный П. Лебединцевъ.

25-е мая 1869 года.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Въ семъ году мы разстались не простившись, что вѣроятно произошло отъ моей неусидчивости въ квартирѣ, дурной погоды и слабости Вашего здоровья предъ отбытіемъ изъ Кіева. Порученное Вамъ особое дѣло лишаетъ нашу редакцію и Вашего сотрудничества. Но тѣмъ

не менѣе душа моя съ Вами и желаетъ быть въ прежнемъ общеніи съ Вами, интересуясь знать о Вашемъ здоровьи и Вашихъ трудахъ. Богъ да укрѣпитъ Васъ и поможетъ Вамъ совершить предположенное дѣло.

Меня обезпокоили предположеніемъ вызвать съ Ѳаворовымъ въ Петербургъ въ комитетъ по преобразованію духовно-суд. части. Запросъ послѣдовалъ о неимѣніи препятствій въ началѣ ноября, но указа ѣхать еще нѣтъ. На время моего отсутствія редактировать Еп. Вѣдомости будетъ Степанъ Ив. Пономаревъ, ибо преподобный оскудѣ. Извѣстіе о моемъ выѣздѣ, аще случится, будетъ приложено въ № 1-мъ 1870 года.

Прошу тогда, если что понадобится, адресовать въ Петербургъ: *Старшему Дѣлопроизводителю Военно-Кодификаціоннаго Комитета—Даніилу Гавр. Лебединцеву.* А аще останемся дома, то на Соф. дворъ—прислать вѣсточку о себѣ.

При семъ прилагается книга для чтенія, доставленная для Вашего Алексійка графинею Антониною Д. Блудовой, которая теперь уже въ Петербургѣ.

Власти наши и Владыка въ Петербургѣ. Впрочемъ, мы сидимъ смирно, а потому и они могутъ быть покойны.

М. П. Погодинъ присылалъ мнѣ вопросы о Ярославовомъ гробѣ, на которые я отвѣтилъ уже. Не думаетъ ли онъ хлопотать объ освидѣтельствованіи?..

Маевскій, по моему указанію, искалъ фундамента обрушившейся передней галлереи Соф. собора, но вмѣсто стараго оказался фундаментъ не старый, вѣроятно устроенный подъ бывшую рѣшетку. Цоколь фундамента самаго собора освидѣтельствовали: онъ на глубинѣ почти двухъ аршинъ. Осмотръ прочаго оставленъ до весны.

Кланяясь Вамъ яко Корнилій сотникъ Ап. Петру, остаюсь искренно преданный и почитающій Васъ душевно П. Лебединцевъ.

12-е дек. 1864 г. Кіевъ.

1870 г.

Первымъ письмомъ этого года является отвѣтное маленькое письмо Максимовича на послѣднее письмо Лебединцева въ минувшемъ году. Такъ какъ Лебединцевъ сказалъ, что объ отъѣздѣ

его въ Петербургъ, буде это состоится, объявлено будетъ въ № 1-мъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей», то Максимовичъ, не зная куда направлять свой отвѣтъ, все поджидалъ полученія этого 1-го номера, но не дождавшись, послалъ 10 января слѣдующее письмецо.

1870 г. 10 янв. Михайлова Гора.

Сердечно благодарю Васъ, почтеннѣйшій и дражайшій Петръ Гавриловичъ, за Вашъ дружескій листъ отъ 12 декабря. Въ отвѣтъ на него я давно надиктовалъ бы вамъ нарочито-длинную эпистолію; но поджидаемый оный *первый* нумеръ К. Е. В. доселѣ ко мнѣ не явился, а потому не знаю, куда направить мои къ Вамъ мысли и рѣчи, и только словами поэта, съ дѣтства моего мнѣ милыми, могу сказать:

— Гдѣ ты, милый? Что съ тобою... И лишь узнаю, *гдѣ* Вы нынѣ, не премину провести пріятный часъ въ письменной бесѣдѣ съ Вами; а до того часу, какъ и до скончанія вѣку моего—остаюсь преданный Вамъ и почитающій Васъ М. Максимовичъ.

Весь декабрь и первые дни января я былъ съ такою тяжелою головою, и слабымъ зрѣніемъ, и скукою въ душѣ, что и вспоминать скучно.

Такъ какъ отъѣздъ Лебединцева въ Петербургъ состоялся позже, чѣмъ онъ ожидалъ, то Максимовичъ получилъ отъ него еще изъ Кіева въ февралѣ мѣсяцѣ письмо, извѣщавшее между прочимъ о скорой поѣздкѣ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Привѣтствуя Васъ съ новымъ годомъ, еще разъ желаю обновляться Вамъ юностію орлею, чтобы задуманный Вами птенецъ [1]) появился благовременно и въ силѣ Вашей на свѣтъ.

А мнѣ нужны ужъ крилѣ голубинѣ не для летанія, когда есть желѣзные пути до Петрограда отъ Кіева, но чтобы пройти невредимо Сциллу и Харибду, среди которой попаду я съ Н. Антоновичемъ [2]);

---

[1]) Кн. Дундуковъ-Корсаковъ, кіев. генер.-губерн., предложилъ Максимовичу приготовить трудъ по исторіи Кіева и юго-западн. края. (См. намекъ на эту работу въ письмѣ Лебединц. отъ 12 дек. 1869 г., а болѣе подробное объясненіе Максимовича въ письмѣ отъ 29 іюля 1870 г.).

[2]) Н. А. Ѳаворовъ, вмѣстѣ съ котор. Лебединцевъ былъ назначенъ въ комитетъ по преобразованію духовно-судебной части.

впрочемъ, при состояніи нашихъ путей, не мѣшаетъ имѣть въ запасѣ крилѣ голубинѣ и для того, чтобы унести цѣлыми свои кости съ желѣзной дороги.

Первый № Еп. Вѣдомостей оказался безъ адреса моего жительства, ибо оно еще не перемѣнено; ожидается на сихъ дняхъ указъ о нашемъ выѣздѣ, по увѣдомленію отъ Петер. брата моего.

Лучше бы сидѣть въ теплѣ и продолжать старое дѣло, чѣмъ пускаться въ великое житейское море, называемое столицей, но велятъ, да признаюсь—у меня таки самого есть сильное желаніе посмотрѣть рѣдкости столицы, да и столицы самыя, чтобы не оставаться далѣе въ невѣдѣніи о главизнахъ нашего отечества.

Москву вѣрно только мелькомъ узримъ теперь, а если задержатъ дальше Пасхи въ Питерѣ, на Пасху буду проситься въ Москву, къ которой и противъ которой я имѣю нѣчто.

Недавно было у насъ засѣданіе Слав. Комитета, въ послѣдствіе котораго отправлена газетѣ «Слово» субсидія въ 200 руб. сер., о которой умолялъ Дѣдицкій чрезъ Өеофана Гавриловича.

Прочее у насъ по старому, и по старому съ уваженіемъ и любовію всѣ воспоминаютъ Васъ, а во первыхъ, я нижеподписавшійся Вамъ душевно преданный пр. П. Лебединцевъ.

Писаніе это составлено въ м. январѣ и лежало на столѣ, чтобы приписать извѣщеніе о времени моего отъѣзда въ Петербургъ по ожидаемому вызову. Но никакого вызова и доселѣ не послѣдовало, хотя составъ комитета Высочайше утвержденъ и объявленъ св. Синоду 14 января. Вѣроятно задержали и открытіе нашего Комитета, чтобы пустить впередъ Комитетъ о духов. Цензурѣ, вызываемый связью этого вопроса съ Комитетомъ, состоящимъ подъ предсѣдательствомъ князя Урусова. И такъ не знаемъ, до Пасхи или по Пасхѣ будемъ въ Петербургѣ, а потому пускаю сіе писаніе, чтобы поздравить Васъ съ св. четыредесятицей и пожелать Вамъ мира и душевнаго спасенія.

Читали Вы, какъ Костомаровъ отвергаетъ преданія о св. Андреѣ, крещеніи Ольги въ Царьградѣ и Владиміра въ Херсонесѣ,—преданія, обратившіяся въ св. вѣрованіе рус. народа? Хоть бы Вы вступились за преп. Нестора и его лѣтопись и просвѣтили скептиковъ. Вамъ бы было великое спасибо.

Преосв. Порфирій въ В. Постъ даетъ въ Унив. залѣ духов.-музык. утро, на которомъ прочтетъ двѣ публ. лекціи въ пользу Славянъ—о Византіи въ 9 вѣкѣ и Фотіи.

Вамъ душевно преданный Петръ Лебединцевъ.

17 февр. 1870 года.

Успѣли и еще обмѣняться оба корреспондента письмами до отъѣзда Лебединцева въ Петербургъ.

6 апр. 1870 г. Мих. Гора.

Кланяюсь Вамъ, достопочтеннѣйшій и дорогой Петръ Гаврииловичъ, и привѣтствую Васъ съ наступающимъ Свѣтлымъ Праздникомъ! А гдѣ Вы встрѣтите и проведете его, того не знаю и не вижу изъ К. Е. Вѣдомостей... Я же все здѣсь, въ своей хатѣ, и все еще немощный, съ головою, одолѣнною ревматизмомъ и набитою чтеніемъ, но неспособною еще на писательство. Давно уже не было такой безплодной мнѣ зимы! Жду не дождусь наступленія мая, чтобы переѣхать въ Кіевъ и тамъ уже водвориться постоянно... Но какъ и гдѣ, то еще для меня невѣдомо.

Сегодня дѣвица Мироновичева отправляется въ Кіевъ на пароходѣ, вслѣдствіе сильнаго ея желанія быть тамъ на праздникахъ. Я отпускаю ее съ миромъ, заплативъ ей сполна за $5^1/_2$ мѣсяцевъ ея пребыванія у меня, въ совершенномъ здравіи.

Статей Костомарова, о которыхъ Вы упоминали въ своемъ письмѣ, не вѣдаю; но по пріѣздѣ въ Кіевъ полюбопытствую посмотрѣть, что тамъ за погудка на новый ладъ. Если Вы въ Петербургѣ, то прошу Васъ достать для Кіева ту книгу Срезневскаго, гдѣ помѣщена его статья о *Зарубскомъ* монастырѣ, которую мнѣ желательно знать. Не забудьте!

А о Погодинѣ я получилъ недавно грустное извѣстіе, что онъ былъ опасно боленъ. Помоги ему Богъ поскорѣе возстановиться въ силахъ и докончить свою древнерусскую исторію. Нашъ Славянинъ простудился въ день св. Первоучителей Славянскихъ! Православному русскому міру надобны такіе старики-подвижники, какъ Погодинъ: и съ убылью ихъ—какъ будто убываетъ богатырская русская сила... Такъ сдается, по крайней мѣрѣ, мнѣ старику, душевно преданному Вамъ Максимовичу.

P. S. Прошу Васъ передать мой поклонъ братьямъ Вашимъ, Ѳеофану Г. и Данилу Г., а также милому намъ обоимъ Наз. Ант. Господь да хранитъ Васъ на всякомъ мѣстѣ владычества своего! — Вспомяните меня при наступленіи Великодня!

—

Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Христосъ воскресе!

Душевно благодарю Васъ за пасхальное привѣтствіе и взаимно привѣтствую. Пока я еще въ Кіевѣ, и въ среду Свѣтлыя Седмицы предполагаю выѣхать въ Петербургъ, въ оный духовно-судный комитетъ. Собирался вмѣстѣ съ Назаріемъ Антоновичемъ, но ему дѣлаетъ препятствіе производство экзаменовъ, и какъ онъ это уладитъ, не знаю; по крайней мѣрѣ трудно успѣть ему до 1-го мая, а экзамена требуетъ министръ. Вѣроятно пребываніе мое продолжится до іюня въ Петроградѣ.

Если Вы будете затрудняться въ квартирѣ для себя, то прошу располагать моей квартирой и подгонять моего племянника къ усидчивости за дѣломъ.

Если позволитъ время, то я забѣгу въ Москвѣ къ Погодину сдѣлать свой и передать Вашъ поклонъ.

О Зарубскомъ монастырѣ похлопочу.

Если будетъ милость Ваша написать что мнѣ въ Петербургъ, то прошу адресовать: Е. В. *Даніилу Гавр. Лебединцеву, старшему дѣлопроизводителю военно-кодификаціоннаго комитета* для передачи... Благотворное вліяніе весны да укрѣпитъ Ваши силы и препроводитъ въ Кіевъ здрава и благополучна.

Искренно преданный Вамъ съ глубокимъ уваженіемъ Петръ Лебединцевъ.

11 апрѣля 1840 года Кіевъ.

Съ мая мѣсяца началась переписка Максимовича уже по Петербургскому адресу, при чемъ въ этомъ первомъ письмѣ опять съ грустью говоритъ онъ о своемъ тяжеломъ положеніи какъ по части здоровья, такъ и по части финансовой. Отвѣтное письмо Лебединцева интересно между прочимъ и потому, что въ немъ раскрывается, какъ приготовлялась та матеріальная поддержка,

которая оказана была Максимовичу въ 1871 году, во время празднованія его 50-лѣтняго юбилея ученой дѣятельности.

Привѣтъ и поклонъ Вамъ, дорогой Петръ Гавриловичъ, съ береговъ Днѣпра и пустынно-цвѣтущей Михайловой Горы—на берега невскіе, въ громадныя вѣчношумныя твердыни Петроградскія! Благополучно ли Васъ домчала паровозная сила по желѣзнымъ путямъ?.. Отъ всей души желаю Вамъ здоровья и успѣха въ призваніи Вашемъ, и благополучнаго возвращенія къ св. Софіи кіевской!

Когда я увижу богоспасаемый нашъ градъ—самъ не знаю. Только-что освѣжился было немного животворнымъ дыханіемъ во второй половинѣ апрѣля,—въ которую здѣсь и небо и земля была необычайно прекрасны,—какъ передъ Правою Середою вздумалось мнѣ омыться послѣ полугодоваго заключенія во фланели: но прохладная ванна въ 23° неожиданно, вмѣсто ободренія моего скудельнаго состава, пробудила въ немъ давняго врага моего—ревматизмъ, который и гуляетъ теперь по мнѣ отъ головы и до ногъ... А тутъ еще—все та-же скудость денежная, съ которою хотя я и свыкся отъ юности моея, но въ исходящіе годы моего вѣку, при возрастающихъ цѣнахъ и потребностяхъ, становится она иногда до того тяготящею и смущающею, что и крылья и душа опускается, и рука не порывается къ перу.. Вамъ, какъ духовному другу моему, повѣряю прискорбіе мое въ эти послѣдніе дни, майскіе дни, когда бы только радоваться, любуясь зеленью и цвѣтеніемъ обновленной весной природы... Въ раздорѣ мысленныхъ стремленій и житейскихъ печалей и задержекъ, беру псалтирь—что откроется?.. Псаломъ 118-й, на 70-тыхъ стихахъ.—Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ: благъ мнѣ законъ устъ Твоихъ паче тысящъ злата и сребра. Руцѣ Твои сотвориста и создаста мя; вразуми мя и научуся заповѣдемъ Твоимъ. Вотъ что открылось мнѣ—среди письменной бесѣды съ Вами, въ день святыхъ Первоучителей Славянскихъ. Да будетъ же надъ нами ихъ благословеніе и молитва!

Отъ всей души обнимаю Васъ, и брата Вашего Даніила Г.,—и нашего любезнаго кіянина Назарія А.[1]) Любящій и уважающій Васъ Михаилъ Максимовичъ.

Если узрите тамъ, въ Петроградѣ, графиню А. Д. [2]), передайте ей мое живѣйшее воспоминаніе о ней,—въ нынѣшній день

---

[1]) Н. А. Ѳаворовъ.
[2]) Ант. Д. Блудова.

Въ началѣ мая я просилъ Н. П. Барсукова достать намъ для Кіева—должно быть любопытный *Дневникъ Эриха Лассоты,* бывшаго въ Кіевѣ 1592 года. Если видаетесь съ нимъ, т. е. съ библіотекаремъ синодальнымъ,—то попросите его вручить эту нѣмецкую книжицу Вамъ, коли она есть на лицо;—а если надо еще выписывать ее, то все таки пусть на имя Ваше онъ вышлетъ ее въ Кіевъ, а Вы придержите ее у себя, до нашего свиданія.—О статьѣ про *Зарубскій* монастырь не забудьте. Не отыщется ли въ синодальномъ архивѣ стариннаго списка Ѳеофановыхъ грамотъ Богоявленскому Братству?—А о грамотѣ п. Іереміи я не чаю: такъ увѣренъ, что ее не было.

Если встрѣчаете И. С. Сербиновича, - засвидѣтельствуйте ему мое незабытое къ нему почтеніе.

А нашему достопочтенному Владыкѣ кіевскому я повседневно кланяюсь мысленно, глядя на его фотографическій снимокъ, сдѣланный Кордышемъ.

До свиданія!

11 мая, 1870 г. Михайлова Гора.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Подъ конецъ только Петривки отвѣчаю Вамъ на письмо Ваше, адресованное ко мнѣ въ Петербургъ. Причиной сего не недостатокъ времени, котораго у меня здѣсь изобильно, не недостатокъ усердія, которое не охладѣло и на хладномъ сѣверѣ, а желаніе покончить здѣсь нѣкоторые разговоры о Вашихъ трудахъ на пользу общую. Самымъ усерднымъ почитателемъ Вашимъ сталъ Н. П. Барсуковъ и трубитъ вездѣ о несправедливости въ отношеніи къ Вашимъ заслугамъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что Мухановъ уже докладывалъ о необходимости возвысить Вашъ пенсіонъ, но министръ народ. просвѣщенія указалъ на министра финансовъ. Съ Барсуковымъ перебрали мы разные способы и рѣшили покончить разговоръ нашъ у А. Ф. Бычкова, удостоившаго меня приглашеніемъ къ себѣ. Бычковъ весьма уважаетъ Ваши труды, желалъ бы сдѣлать что доброе для Васъ, но говоритъ—нужно придраться къ какому-либо случаю. Барсуковъ указалъ на приближающееся 50-лѣтіе Вашей литературн. дѣятельности, но при семъ добавилъ, что Вы полагаете ее не въ 1871, а въ 1873 году, т. е. считая начало не съ перевода, а съ своего произведенія перваго. Я предложилъ, что такъ какъ нельзя поступать противъ желанія и мнѣнія са-

мого юбиляра, ждать же 1873 года еще долгенько, то нельзя-ли interim дать будущему юбиляру кусочекъ земли, водворивъ его на кіевской землѣ, имъ обслѣдованной исторически. Бычковъ, совершенно соглашаясь съ этимъ, обѣщалъ осенью, когда соберутся сильные, подумать, чрезъ кого-бы сильнѣе предложить о семъ князю Дундукову. Жаль, что я едва захватилъ въ Петербургѣ графиню Антонину Дмитріевну. Съ ней можно было бы придумать что-нибудь скорѣе. Теперь она въ своемъ Острогѣ.

Дневникъ Лясоты Вы имѣете; пріобрѣлъ и я, увлекаясь желаніемъ узнать что-нибудь новое о святынѣ кіевской. О козачествѣ здѣсь довольно, но о Кіевѣ мало. Что же здѣсь новаго? Таинств. зеркало; башня-вежа, бывшая еще въ эти дни; гробница Ольги, гробница царской дочери (?), гробница Иліи Муромца... Въ гробѣ Ярослава лежитъ и его супруга (?) А извѣстно ли Вамъ, что гробница Ярослава была вскрывана въ 1820 году и находящееся въ ней не только видѣно, но и срисовано? Ѳ. Г. Солнцевъ имѣетъ рисунокъ.

Пожелаете знать, что мы подѣлываемъ въ своемъ Комитетѣ? Прибылъ я сюда 20 апрѣля, Комитетъ открылся 3-го мая, сдѣлали 6-ть засѣданій и 1-го іюня разъѣхались до 1-го сентября, образовавъ маленькій комитетецъ, вмѣсто 19 изъ 5-ти членовъ, для подготовки дѣла. Въ семъ комитетцѣ и я, а Назарій Антоновичъ ускакалъ въ Кіевъ 1-го іюня. Въ маломъ дѣло не дѣло, и ѣхать нельзя; между дѣлами только и хорошаго дѣлалъ, что съѣздилъ на Валаамъ по бурному Ладожскому озеру. Желалъ бы я хотя теперь уѣхать въ Кіевъ, заглянувши по пути въ Новгородъ, но кажется не придется; вѣрно—здѣсь лѣто и осень пройдутъ.

Барсуковъ рисуетъ Вамъ копію вида лавр. церкви съ Патерика Гизелева. Это тоже, что въ Тератургимѣ и у Гербинія, но крупнѣе, ибо Гизель сообщилъ этотъ рисунокъ Гербинію вмѣстѣ съ планомъ пещеръ.

Простите и наслаждайтесь благоухающей природой Малороссіи и благодатными струями Днѣпра. Богъ да хранитъ Васъ и Ваше семейство въ добромъ здоровьи.

Съ глубокимъ уваженіемъ Вамъ искренно преданный пр. П. Лебединцевъ.

28 іюня 1870 г. Петроградъ.

Тѣ хлопоты, которыя началъ П. Г. Лебединцевъ въ Петербургѣ объ улучшеніи матеріальнаго положенія М. А. Максимовича, стали служить теперь въ перепискѣ обоихъ корреспондентовъ одной изъ видныхъ темъ, что обнаруживается въ двухъ послѣдовательно написанныхъ Максимовичемъ письмахъ въ іюлѣ и августѣ.

29 іюля 1870 г. Мих. Гора.

На ваше Петербургское письмо, почтеннѣйшій и дорогой Петръ Гавриловичъ, отзываюсь нынѣ—сердечною благодарностью, что вы и тамъ продолжаете свою дружескую обо мнѣ заботу... Но знаете ли что?... Мнѣ, примѣтно ослабѣвающему головой и тѣломъ на исходѣ 66-го года жизни, была бы полезна такая субсидія, которая не заботила бы меня собою и не отвлекала бы меня отъ привычныхъ и желанныхъ занятій книжнымъ дѣломъ. Вотъ, если бы можно было испросить для меня то, чѣмъ покойный Безакъ улучшилъ бытъ нашего предсѣдателя Временной Коммисіи, почтеннаго друга моего Ю. [1]), т. е. аренду. Но это несбыточно, особенно въ нынѣшнее время, когда поднялась на Западѣ заверюха военная. Что же касается до предполагаемаго вами мнѣ землевладѣнія на правой сторонѣ Днѣпра, то о немъ была уже рѣчь и въ исходѣ прошлаго года, и чуть-ли еще не другая, въ началѣ нынѣшняго, къ князю Дондукову,—и болѣе уже не должна быть повторяема ни отъ кого,—тѣмъ болѣе, что я передъ нашимъ *ласковымъ княземъ* кіевскимъ оказываюсь несостоятельнымъ человѣкомъ, взявшись за предложенное имъ дѣло, казавшееся какъ разъ по мнѣ, но превысившее мои одряхлѣвшія рабочія силы—и я ничего почти доселѣ не сдѣлалъ, хотя и не бѣгалъ отъ дѣла [2])... Истинно говорю, что порою бываютъ со мною такіе отливы жизненныхъ силъ, что, ложась послѣ вечерней молитвы на свою постель, думаю, ужъ не послѣдній ли день кончаю на этомъ свѣтѣ!—Но Господь даетъ еще мнѣ новые дни, а мнѣ хотѣлось бы проводить ихъ возможно спокойнѣе и безпечальнѣе, не удручая себя новыми тяготами житейскими. А предполагаемый надѣлъ меня участкомъ земли Кіевской съ обязательною за него выплатою, будетъ для меня непремѣнно тя-

---

[1]) М. В. Юзефовичъ.

[2]) См. объ этомъ выше въ примѣчаніи.

гостною обузою, безполезною и для самой земли Кіевской. Вѣдь я самъ не буду тамъ жить и хозяйничать;—моимъ участкомъ ея будутъ орудовать все тѣ же *олондари*, жиды или «безбожныи ляхове», и можетъ послѣ меня статься, что на выплату наслѣдники мои будутъ лишаться нѣкоторой части готоваго для нихъ моего пенсіона... Мнѣ становится уже не въ mоготу попеченіе и иждивеніе даже и на мою Михайлову Гору, мною насажденную и устроенную на песчанистомъ пустырѣ; и не будь очи родиною моего единороднаго сынка Алексѣйка,—я сбылъ бы ее съ своихъ плечъ для какой-нибудь хатки съ садикомъ въ Кіевѣ, чтобы въ ней дожить свой вѣкъ, на родинѣ моего рода, и тамъ написать давно желанную *книгу о Кіевѣ*.

Прошу васъ засвидѣтельствовать мое искреннее почтеніе и благодареніе Аѳанасію Ѳеодоровичу [1]) за его доброе ко мнѣ вниманіе и участіе,—и пересказать или даже прочесть ему вышеписанное нежеланіе мое обратиться изъ мелкопомѣстнаго владѣльца Михайловой Горы золотоношскаго уѣзда—въ помѣщика или обывателя губерніи Кіевской.

Передайте мой поклонъ и Николаю Платоновичу [2]) и скажите ему, что если и была за мною нѣкоторая *заслуга* научная, то она слишкомъ уже вознаграждена мнѣ дипломами отъ многихъ ученыхъ обществъ, а, наконецъ, и отъ университета и отъ академіи Кіевской, удостоившихъ меня въ концѣ прошлаго года избраніемъ въ свои почетные члены.

Когда перемѣщусь въ Кіевъ, самъ еще не знаю. При посредствѣ П. А. Мухянова, графъ Дм. Андр. [3]) благоволилъ принять въ собственность Мин. Нар. Пр. мою *книгу Наума*, и еще 24 іюня получилъ я письмо его, что за то мнѣ опредѣлена съ Высочайшаго соизволенія *тысяча* рублей; и я въ тотъ же Ивановъ день отвѣчалъ благодарнымъ письмомъ Его Сіятельству; и на первые дни іюля, по страшной духотѣ и пыли, отправился въ Золотоношу, чтобы написать нотаріальный актъ на передачу М. Н. Пр. моихъ правъ на мою *книгу Наума*, и тотъ актъ 3-го іюля отправилъ директору Полтавскому, въ надеждѣ, что отъ него скоро пришлется Золотоношскому штатному смотрителю и ассигновка на оную тысячу. Но директоръ уѣхалъ изъ Полтавы:

---

[1]) А. Ѳ. Бычковъ.

[2]) Н. П. Барсуковъ.

[3]) Толстой, Мин. Нар. Просвѣщ.

смотрителя, какъ вчера мнѣ сказали, тоже нѣтъ на мѣстѣ... Ну, для чего, скажите, такая формалистика? Для чего эта лишняя инстанція— директоръ? Развѣ не могъ департаментъ послать ассигновки прямо золотоношскому смотрителю, предписавъ, чтобъ онъ сперва истребовалъ отъ меня нотаріальный документъ. Тогда бы еще 3 іюля я получилъ деньги и былъ бы давно въ Кіевѣ. А теперь опять надо ѣхать въ Золотоношу на 3-е августа за тою несчастною тысячею,— протомясь изъ-за нея цѣлый іюль... Вотъ это ужъ подлинно... Да можетъ быть и не найду тамъ ни смотрителя, ни ассигновки, и возвращусь на свою горемычную гору только съ пенсіономъ своимъ за іюль мѣсяцъ, съ 62 р., за вычетомъ на поѣздку и дневку; а здоровья то и спокойствія душевнаго опять убудетъ на столькоже, сколько убыло ихъ послѣ тѣхъ первыхъ дней іюля... Потому то и сказалъ я, что не знаю самъ еще, когда выберусь отсюда въ Кіевъ.

«За днями дни идутъ, идутъ—
Напрасно...»

Да и въ Кіевѣ то, я привыкъ уже, что, по переѣздѣ съ парохода въ гостинницу, тотчасъ отправляюсь къ вамъ на бесѣду, къ св. Софіи Кіевской.—А когда знаю теперь, что вы привитаете еще тамъ, на водахъ Невы,—если и успѣю хоть къ половинѣ августа достичь Богоспасаемаго града, мнѣ при видѣ его съ Днѣпра, придется сказать: «Благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи!» Мысленно обнимаю васъ—любящій и уважающій васъ М. Максимовичъ.

P. S. Что же вы не прислали мнѣ статьи Срезневскаго о монастырѣ *Зарубскомъ?* Мнѣ она очень нужна. Перечитавъ эти 5 страничекъ, мною вамъ сегодня написанныя, я попрошу васъ прочесть ихъ—и достопочтенному Аѳ. Ѳ., и достолюбезному Ник. Пл., да вѣдаютъ они, каково мнѣ, старому украинцу, живется здѣсь на Побережьи днѣпровскомъ; а въ дополненіе къ тому скажу великорусской пословицей: «Не корми меня тѣмъ, чего я не ѣмъ».

—

17 авг. 1870 г. Мих. Гора.

Въ концѣ іюля я писалъ къ вамъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ въ Питеръ,—но вчера вечеромъ вернулась изъ Кіева жена моя, отвезшая туда моего Алексѣйка, и сказала, что видѣла васъ слу-

жащаго въ Софійскомъ храмѣ... Привѣтствую возвращеніе ваше въ Богохранимый градъ! Имѣю надежду, что я прибуду туда въ первые дни сентября, ибо вчера получилъ отъ золотоношскаго штатнаго смотрителя увѣдомленіе, что полтавскій директоръ 8 августа, наконецъ, распорядился о переводѣ оной Наумовской суммы изъ Полтавы въ мой родимый городокъ... Туда и потрясусь я завтра или послѣзавтра, вѣроятно уже въ послѣдній разъ.

Гдѣ найду пріютъ себѣ въ Кіевѣ на зиму?.. Возвратится ли ко мнѣ головная сила и настроенность на писаніе и занятіе книжное?.. Какъ уладится тамъ въ эти дни принятіе въ первую гимназію моего возлюбленнаго Михайлогорскаго нéука, о которомъ что то сильно щемитъ у меня на сердцѣ?.. Какъ оставить тутъ жену на маленькомъ хозяйствѣ моемъ, при ненадежныхъ наемникахъ, повседневно смущающихъ мирное житіе наше своими неисправностями?.. Все это вопросы, бременящіе нынѣ мою утомленную, устарѣвшую голову, тогда именно, когда имъ надобны полное освобожденіе отъ тяготы и заботы житейской, чтобы прійти въ себя... Ахъ, когда бы уже скорѣе очутиться въ Кіевѣ, и тамъ отговѣться, ибо я здѣсь не говѣлъ еще въ нынѣшнемъ году и о томъ скорблю душевно.—Радъ буду обнять васъ въ первый день моего прибытія.

Душевно преданный вамъ М. Максимовичъ.

Заверщу это письмо четверостишіемъ, набѣжавшимъ въ письмѣ къ Погодину, озвавшемуся ко мнѣ по возвращеніи изъ Іерусалима:

Въ глуши томлюся я безлюдной,
Неся тяжелый мой яремъ,
И подвигъ жизни многотрудной
Кончается почти ничѣмъ.

Послѣ долгаго перерыва въ перепискѣ, отозвался въ декабрѣ мѣсяцѣ Лебединцевъ изъ Петербурга, но Максимовичъ еще раньше полученія этого письма, въ свою очередь, откликнулся къ нему изъ Кіева, гдѣ онъ проводилъ зиму, такъ что оба эти письма не составляютъ отвѣта одно на другое.

10 дек. 1870 года, Петроградъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ.

Часто здѣсь идетъ у меня бесѣда объ Васъ съ Николаемъ Пл. Барсуковымъ, но еще не обращалась она прямо къ Вамъ отъ меня

изъ столицы. Не припишите это моему разсѣянію въ столицѣ или забвенію о васъ. Николай Плат. такъ усердно пишетъ Вамъ о всемъ, что, при неимѣніи ничего особеннаго, я и не трогалъ своего гусинаго оружія. Но вѣсть прямая отъ Васъ все же ближе сердцу, да и я боюсь разучиться бесѣдовать съ Вами, когда мое пребываніе въ Петроградѣ такъ затягивается.

Мнѣ всего интереснѣе знать о Вашемъ здоровьѣ, такъ какъ по письмамъ Вашимъ Николаю Плат. оно не совсѣмъ удовлетворительно. 5-го дек. Васъ видѣли путешествующимъ по Кіеву, значитъ Вы стали ужъ крѣпче, хотя можетъ быть Вы сдѣлали и усиліе надъ собою, чтобы воздать послѣдній долгъ несчастному Александру Дмитричу [1]), кончившему свой мирный вѣкъ отъ руки злодѣя. Ужасно, когда и дома, среди семьи, нельзя быть безопаснымъ; ужасно, что это случилось надъ добрѣйшимъ человѣкомъ. Богъ да хранитъ всѣхъ насъ отъ подобной участи, къ прискорбію въ Петербургѣ составляющей нынѣ нерѣдкое явленіе.

Нововоспроизведенную книжицу Вашихъ писемъ о Кіевѣ видѣлъ я уже, хотя не совсѣмъ еще готовую къ выпуску въ свѣтъ,—коафюра не готова. Бумага и печать приличная—по столичному. Николай Пл. поусердствовалъ даже на особомъ листкѣ выставить мой адресъ предъ Вашими письмами ко мнѣ. Что дѣлать? не просить же, чтобъ вырвали. Пусть лучъ Вашъ отразится и на моей камилавкѣ... Николай Плат. не меньше усердствуетъ, знакомя меня съ порядочными людьми. 6-го дек. на именинахъ у него видѣлъ я 2-хъ Майковыхъ, редактора Зари—Страхова, проф. русск. исторіи—Замысловскаго, полковника Кропотова, и Вашего ученика Гордѣева. Хочетъ познакомить меня съ Савваитовымъ и даже Мухановымъ. Съ графомъ Уваровымъ познакомился я для Малышевскаго и принятъ имъ весьма благосклонно. Между прочимъ онъ спросилъ, какъ я нахожу описаніе Кіева—Закревскаго. Забывши, что это Уваровское изданіе, я отвѣчалъ—«да—это порядочный сборникъ». Затѣмъ онъ еще упомянулъ, что Вы—М. А. нападаете очень на Закревскаго. Графъ интересовался знать о Вашихъ нынѣшнихъ занятіяхъ, Вашихъ лѣтахъ, Вашемъ здоровьѣ, Вашемъ мѣстопребываніи. Предлагалъ мнѣ и такой вопросъ—нельзя ли устроить въ Кіевѣ Археолог. общество. Я

---

[1]) А. Д. Иванишевъ, братъ профессора, былъ убитъ своимъ слугой.

затруднялся дать какой-нибудь отвѣтъ опредѣленный отъ себя, упомянувши только, что это была мысль Ваша и покойнаго Иннокентія. Графъ сидитъ въ квартирѣ страдая рожей. Такъ какъ у него рожа, то о впечатлѣніи его лица лучше умолчать; но человѣкъ простой и весьма пріятный. Просилъ вечеромъ къ себѣ. Скажите Ваше слово о Кіевск. Археолог. обществѣ, и я отправлюсь передать его графу.

Изданіе св. Софіи Кіевской подготовляется, а планами Маевскаго весьма доволенъ кн. Гагаринъ. Въ Вѣстникѣ Европы помѣщенную статью Пыпина: «Умственное движеніе въ Россіи при Александрѣ I-мъ» заарестовали было, но дѣло окончилось вырѣзкой конституціи декабристовъ, позаимствованной изъ какого то аглицкаго изданія; нарушенный счетъ страницъ дополнили кое-чѣмъ о нѣмецкихъ конституціяхъ.

Иванъ Игн. Малышевскій читалъ у васъ Вашу статью, приготовленную для Кіев. Епарх. Вѣдомостей, но о чемъ—не прописалъ. Приношу глубокую благодарность за вашу память о сиротствующей редакціи нашей.

Съ Н. Плат. Барсуковымъ, читая корректуру Рус. Старины, я упомянулъ о имѣющихся у Васъ письмахъ Надеждина, Хомякова и другихъ под. лицъ, въ которыхъ заключается немалый историко-литературный интересъ. Барсуковъ увѣрялъ меня, что Бартеневъ—его родственникъ—весьма радъ былъ бы этому матеріалу и напечаталъ бы его съ выдачей вознагражденія, а Николай Платонычъ принялъ бы на себя весьма охотно трудъ переписать какъ письма для печати, такъ и возможныя Ваши къ нимъ примѣчанія. Передаю нашъ разговоръ на Ваше усмотрѣніе, и душевно желая Вамъ встрѣтить праздникъ Рожд. Христова въ добромъ здоровьѣ, остаюсь съ всегдашнимъ глубокимъ уваженіемъ, искренно преданный Вамъ П. Лебединцевъ.

Завчера вспоминали о Васъ у графини Антонины Дмитріевны Она приготовила краткую статью—о князьяхъ Острожскихъ; нынѣ готовитъ пространную, да не знаетъ, гдѣ найти статью Дубровскаго о князьяхъ Острожскихъ.

—

1870 г. 13 дек. Кіевъ.

Давно сбираюсь озваться къ Вамъ непосредственно, дражайшій Петръ Гавриловичъ,—и вотъ сегодня такъ свѣтло свѣтитъ съ самаго утра солнце, повернувшее вчера *на лѣто*, что и у меня на душѣ посвѣтлѣло,—и я поспѣшаю въ эти часы сказать Вамъ мой душевный

привѣтъ и сердечное желаніе—здравія, благоуспѣянія въ дѣлахъ и подвигахъ—тамъ на царственномъ сѣверѣ! Но сѣверъ и климатически надвигается съ каждымъ годомъ сильнѣе на кіевскую землю. Здѣсь, и особенно съ 7 декабря морозы, и мятели, и преизобильные снѣга, наперерывъ соревнуя другъ другу, напоминаютъ мнѣ живо хуртовину, въ концѣ 1837 года бывшую, и заставляютъ меня ожидать, что будетъ и нынѣ, какъ тогда, хоть и не великое землетрясеніе, а что будетъ великая вода въ Днѣпрѣ на весну, то уже почти навѣрное сказать можно.

Съ 7-го декабря началось и для меня извѣстное вамъ зимнее мое заточеніе. Правду сказать, и до того дня не велики были мои ходы по Кіеву, не далѣе Коломійскаго дома [1]) въ одинъ конецъ, и 1-й гимназіи въ другой; послѣ 15 сентября не поднимался на Печерскъ; а на Подолъ спускался 5 дек., по извѣстному случаю съ несчастнымъ братомъ Иванишева,—гдѣ увидалъ, наконецъ, и Назарія А., невидѣннаго мною съ прошлогодняго юбилея. Но зимнее отшельничество мнѣ уже давно привычно; а то необычайно мнѣ, что четвертый мѣсяцъ уже я въ Кіевѣ, а не пришла еще бывалая охота и способность писать—ни о Кіевѣ, ни о Юго-западномъ краѣ. Что это за планида нашла на меня въ 1870 году, самъ не знаю, и боюсь разгадывать... Останавливаюсь чаще на той мысли, что въ 47 лѣтъ моей сочинительской дѣятельности, проходившей въ частыхъ недугахъ и постоянной скудости, и премногихъ неудовлетвореніяхъ душевныхъ и житейскихъ, я пришелъ въ изнеможеніе рабочихъ силъ умственныхъ и тѣлесныхъ. Боюсь насиловать себя на 67 году, хотя и не лишаю себя упованія, что еще не пришелъ конецъ,—что съ новымъ годомъ прійдетъ еще былое настроеніе, при новыхъ условіяхъ жизни... А теперь они не завидные: что-бъ было чѣмъ зимовать мнѣ здѣсь, а женѣ на Михайловой Горѣ, я продалъ мой послѣдній дворъ, въ Прохоровкѣ, за 400 р. жиду Аарону; ибо пансіономъ моимъ теперь уже не прокормишься; половина его уходитъ на наемъ и содержаніе служителей и работниковъ Михайлогорскихъ; а всего-то пенсіона 2 р. въ сутки!—Жаль мнѣ разстаться съ Михайловой Горой, моимъ теплымъ гнѣздомъ, гдѣ ожилъ я послѣ отставки на новое, богоданное тридцатилѣтіе жизни;

[1]) Домъ Коломійцевыхъ былъ на углу Крещатика и Бибик. бульвара, а Максимовичъ въ ту зиму квартировалъ по сосѣдству съ этимъ домомъ.

но и тамъ уже такъ трудно и скудно стало жить мнѣ, что горе, да и только. Кіевское житье не пріютно для ослабѣвшаго старика, готоваго сказать, наконецъ: не покидать было Москвы и ботаническаго сада за Сухаревой башней, когда и Уваровъ не хотѣлъ тебя изъ нея выпустить (не давъ ни подъемныхъ, ни даже прогонныхъ до Кіева)! Но видно была воля Божія, чтобы вторая половина жизни моей посвящена была родинѣ моего рода, Кіеву,—и я пеняю себя каждый разъ, когда срывается съ языка или пера сожалѣніе, что промѣнялъ Москву на Кіевъ... Но я запѣлъ варіацію на извѣстную вамъ старую пѣсню. Лучше вотъ-что скажу. Въ концѣ прошлаго мѣсяца, во исполненіе Вашего желанія, переданнаго мнѣ Пономаревымъ, настрочилъ я статейку для К. Еп Вѣд.; то была проба пера и чернила, какова въ нихъ сила [1]). Между тѣмъ, пока вы въ Питерѣ, потрудитесь, черезъ гг. Григоровича и Барсукова навести справку, нѣтъ ли въ синодальномъ архивѣ извѣстія Кіевскаго отъ Рафаила Заборовскаго о достопамятномъ двухнедѣльномъ пребываніи здѣсь Елисаветы Петровны, 1744 г. Вѣдь неизвѣстно намъ тѣхъ дней, напр.—какого числа сентября заложила она ц. Андрея Первозваннаго? Вы много обяжете меня, если добудете въ Питерѣ точныя извѣстія о томъ времени, недостающія для вѣрнаго и обстоятельнаго Кіевоописанія. Господь да хранитъ васъ всюду и выну!

Преданный Вамъ М. Максимовичъ.

Кланяюсь дружески Данилу Г.

Къ концу года, по обычаю, Максимовичъ послалъ своему корресподенту привѣтственное письмо, и даже не одно, а цѣлыхъ два, на разстояніи всего 4-хъ дней одно отъ другого, при чемъ второе затрогиваетъ интересный вопросъ объ основаніи въ Кіевѣ *Историческаго Общества*, о чемъ болѣе подробно будетъ идти рѣчь въ перепискѣ дальнѣйшей.

27 дек. 1870 г. Кіевъ.

На прощанье съ этимъ кончающимся уже годомъ, пишу мой святочный привѣтъ Вамъ, вѣчно тотъ же для меня Петръ Гаврило-

[1]) Вѣроятно, статья эта—извѣстіе о книгѣ „Благоутробіе Марка Аврелія“ (Кіевск. Епарх. Вѣд. 1871 г., № 1).

вичъ, съ наступающимъ Новымъ Годомъ,—и сердечно желаю, что бы онъ былъ намъ хорошій и погожій!

Благодарю Васъ за Ваше достолюбезное письмо, дней за двѣнадцать мною полученное... Гдѣ то на чугункѣ разъѣхалось оно съ моимъ къ Вамъ писаніемъ?—Мы сочувственно, какъ вижу, другъ другу сказались, по пословицѣ русской: сердце сердцу вѣсть даетъ!

Первый нумеръ Еп. Вѣдом. Вамъ засвидѣтельствуетъ о моемъ участіи въ нихъ; а пока дойдетъ онъ къ Вамъ, посылаю корректурный отрывокъ, который прошу передать Николаю Платоновичу [1], въ его собраніе автографовъ. Хорошо, что я написалъ статейку еще нечитавши Карповской книжки, а то мое *Извѣстіе* обратилось бы грозно на эту возмутившую меня докторскую свинорыю,—и вышло бы изъ того длинное, но непріятное писаніе. Костомаровское научное франтовство и Кулишовское себѣ-на-умѣ литературное сумасбродство нашли таки себѣ созвучіе въ хрюканьѣ харьковскаго доцента, воздоеннаго щекотомъ московскаго Соловья-историка, о которомъ Погодинъ молвилъ справедливое словцо, что у него прошедшая жизнь русская представляется вверхъ ногамы. Это особенно вѣрно и мѣтко сказано относительно нашей родимой Украины козацкой.—Но, оставляя въ сторонѣ всѣ эти разномыслія, разногласія научныя и литературныя,—оставляя позади себя все бывшее доселѣ, я съ надеждою на лучшее, впереди намъ предстоящее, обнимаю Васъ дружески, дорогой Петръ Гавриловичъ, цѣлую мысленно десницу Вашу протопресвитерскую, яко же и наяву бывало не единожды, и остаюсь навсегда неизмѣнно преданный Вамъ—старый украинецъ Михайло Максимовичъ.

—

31 дек. 1870 г. Кіевъ.

На отданіе праздника Р. Х.,—на встрѣчу Новаго Года и прощанье съ 70-мъ,—мнѣ пожелалось еще разъ отозваться къ Вамъ, многоуважаемый Петръ Гавриловичъ,—да вспомянется Вамъ, тамъ на Невѣ, наша поднѣпровская сегодняшняя *щедривка:*

Щедрый вечôръ, добрый вечôръ,
Добрымъ людямъ на здоровье!

И Богъ велѣлъ бы, кажется, быть *историческому Обществу* въ древнемъ Кіевѣ... И почему бы, сдается мнѣ, не состояться ему

[1]) Барсукову.

хоть въ *1871* году! Именно: «Кіевскому Обществу Исторіи и древностей Славянорусскихъ,—какъ начертано было за тридцать лѣтъ рукою Иннокентія?..

Пусть-бы графъ Уваровъ переговорилъ объ этомъ съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, яко двигателемъ Кіева... Вѣдь состоящая при немъ Временная коммиссія, съ ея предсѣдателемъ Юзефовичемъ, есть все-таки *временная*. Мнѣ же приходитъ на мысль, что въ Кіевѣ Историческому Обществу, и при существованіи оной Коммиссіи, подобало бы состояться, подобно Московскимъ обществамъ—*при университетѣ св. Владиміра*, гдѣ есть уже и музей древностей, и неисчерпаемый центральный Архивъ, и даже особая сумма на открытіе древностей... А потому, если нашему ласковому князю Кіевскому не будетъ противна мысль объ основаніи Общества,—тогда гр. Уварову слѣдовало бы замолвить объ этомъ свое слово графу Дм. Анд. Толстому и запросить письменно здѣшняго попечителя,—такъ какъ и во время оно бывшій комитетъ древностей, по мысли стараго Уварова, состоялъ подъ предсѣдательствомъ Попечителя,—и состояніе предполагаемаго при *Университетѣ* Общества не можетъ обойти попечителя, также какъ бытіе его въ *Кіевѣ* не можетъ сбыться безъ начальника края. Такъ мнѣ представляются нынѣ первоначальные ходы къ исполненію мысли о *Кіевскомъ ученомъ Обществѣ*. Но я вѣдь устарѣлый, запоздалый въ мірѣ отшельникъ, и Вамъ виднѣе тамъ и оттолѣ, какъ бы лучше дать первый шагъ къ осуществленію этой счастливой и для меня завѣтной мысли... Я увѣренъ, что *Общество* можетъ состояться, разумѣется не подчиненное, но лишь прикосновенное къ попечителю, и въ дѣйствіяхъ своихъ самостоятельное, подобно прежним и новому въ Москвѣ, при университетѣ обрѣтающимся. Дѣятели найдутся изъ новаго поколѣнія въ академіи и университетѣ,—отчасти и изъ прежняго (наприм. Иванишевъ, здоровый еще какъ быкъ, —но какъ вицепредсѣдатель вр. ком. совершенно чуждающійся ее, по нелюбію своему къ предсѣдателю, о немъ-же не лѣть глаголати намъ съ Вами). Почнинайте рѣчь объ этомъ съ гр. Алексѣемъ Сергѣевичемъ: авось словеса Ваша обратятся въ дѣлеса! Обрадованный тѣмъ, могъ бы и я тогда,—съ боку припёка,—тряхнуть стариной по-стариковски, какъ въ пѣсняхъ нашихъ поютъ: «по-тыхéсеньку, по-малéсеньку»... Приходитъ мнѣ на память старичишка Берлинскій, - котораго два аттестата теперь у меня передъ очами: одинъ, данный ему 22-лѣтнему, *1786* года, за подписомъ академіи Кіевской ректора

архимандрита *Варлаама Мисловскаго*; другой,—данный 7 марта *1835* года, на которомъ подписался «Ректоръ Михаилъ Максимовичъ». Этотъ бывшій ректоръ вспомянулъ стараго Максима въ Москвѣ, въ началѣ 1850 года, въ засѣданіи Московскаго общ. Ист. и древн. россійскихъ, бывшемъ въ домѣ Черткова и подъ его председательствомъ [1]). А послѣ того засѣданія, былъ у него въ залѣ вечеръ, гдѣ находился и Гоголь,—и гдѣ я познакомился съ Чертковой, урожденной графиней Чернышевой, оригинальной женщиной, одѣтой по-черкески, съ кинжаломъ за кожанымъ поясомъ... И рекомендована она въ знакомство мнѣ, какъ другу Гоголя... Но все это, съ сотнями подобныхъ былей моей жизни, исчезаетъ яко дымъ,—

«Какъ обманъ, какъ упоенье,
Какъ прелестный призракъ сна»—

говоря стихами кн. П. Андр. Вяземскаго.

Сегодня я, какъ и вчера, сижу себѣ одинъ съ Алексѣйкомъ моимъ, не зная еще, прибудетъ ли съ Михайловой Горы мое подружіе... Прощайте!

Сообщ. **В. Науменко.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Статья Максимовича „Поминка о Берлинскомъ“ напечатана во „Временникѣ“ 1850 г. кн. 5-я.

БАТЬКИВЩЫНА.

I.

Нашого товарыша Опанаса Морымуху прозвалы мы ще въ гимназіи Батькивщыною,—не на честь популярнои газеты «Батьковщыны», яка тоди ще не выходыла, а зъ иншои прычыны. Винъ мавъ звычай, колы говорывъ про своёго батька, называты ёго «батькивщыною»; такъ само матиръ по-за очи называвъ «матерызною», «стрыйка», «стрыйщыною», и загаломъ любывъ жартомъ перекручуваты, або якъ винъ говорывъ, «пидилишуваты» мову. Винъ степенувавъ: добрый, липшый и липшыйшый; сылкувався напысаты цыфрамы чысло кильканадцять, мицно обстоювавъ за чысленямъ днивъ назадъ: ныни, вчора, позавчора, якось, позаякось; боровся зъ учытелямы за рижныцю мижъ словомъ повитря, яке вважавъ ривнозначнымъ зъ нимецькымъ die Pest—чума, и «повитря», що мало значыты die Luft,—однымъ словомъ, бувъ незвычайный майстеръ видъ языка. Винъ одынъ у цилій нашій гимназіи вмивъ не тильки говорыты по бойкивськы, зъ бойкивськымы словамы, формамы и акцентомъ, але знавъ характерни нюансы говору, майже кождого села въ околыци Дрогобыча. Винъ прынисъ и пустывъ у курсъ таки діялектольогични перлы мазурського говору зъ Рихтычъ, якъ «zaprzy dźwirze», що мало значыты «запры двери и «wyżeni imienie na zagumienie», що мало значыты «выжены худобу («иминя» въ пидгирськимъ діялекти

лекти) на пасовысько». Винъ бувъ добрый ученыкъ и добрый товарышъ, загально любленый за-для своёго доброго гумору, дару удавання ґрижныхъ голосивъ та висловивъ, та незличенои сылы прыказокъ та дрибныхъ оповидань и анекдотивъ, якыми въ хвыляхъ веселосты щедро пересыпувавъ свою мову.

Его батько, старый Морымуха, бувъ, якъ казалы, заможный селянынъ изъ Колодрубъ, невелычкого наддністрянського села. У насъ тамошнихъ селянъ называють «заболотеямы», бо воны жывуть на ривныни, яку часто залывае Днистеръ, середъ багонъ та болотъ, а на дорогахъ, яки ведуть черезъ ихъ села, болото, якъ кажуть, не высыхае николы. «У насъ болото святеньке,—говорывъ було Опанасъ,—якъ розчынять зъ одною паскою, то кысне ся до другои». «Заболотеи» вызначаются й своимъ строемъ: не носять гунь, ани суконныхъ свытъ, тильки довги, майже до самои земли, полотнянкы.

— У насъ якъ котрый сватъ выросте высокый,—говорывъ було Опанасъ,—а въ стани тонкый, а олягне таку полотнянку, а въ половыни перепереже вузкымъ реминцемъ, а зигнется въ двое, вытягаючы ногы зъ болота, то выглядае зовсимъ такъ, якъ ципъ: ципивно хтось держыть у руци, а быленъ кинцемъ загрузъ у болоти.

— А чы правда то, що въ васъ ти полотнянкы перуть якъ на Панталыма, то ажъ зновъ на Панталыма?—пытаемо було жартуючы.

— Не правда!—зъ комичнымъ обуреннямъ видповидае Опанасъ.—У насъ нихто не бачывъ, щобъ полотнянкы пралы. Носыть доты, докы ныжній кинець не обигные зъ болота. Тоди на колодку, видмирыть пьядь—тай сокирою цюкъ-цюкъ! И полотнянка йде на когось меншого замись новои, а бильшый дистае нову. И такъ іи все направляють, докы зъ полотнянкы не зробытся лейбыкъ. Сей дистае найстарша бабенція, що сыдыть за комыномъ и ключа пряде.

Мы бувало бокы зрываемо, регочучысь изъ тыхъ Опанасовыхъ выгадокъ, а Опанасъ байдуже соби--и не скрывытся, мовъ щырисиньку правду говорыть. Яки булы видносыны Опанаса до

батька й матеры, мы якось не моглы змиркуваты. Правда, винъ по-за очи называвъ ихъ жартуючы «батькивщына» та «материзна», але николы мы не чулы, щобъ винъ справди кпывъ изъ ныхъ, або нарикавъ на ныхъ. Тильки зъ боку зналы мы, що старый Морымуха бувъ чоловикъ заможный, але дуже скупый. У нёго не було бильше дитей: Опанасъ бувъ одынакъ. Морымуха давъ ёго до гимназіи тильки наслидкомъ зусыльного намагання священныка та вчытеля, але сылкувався надгородыты соби ту шкоду не лыше тымъ, що вышукувавъ ёму якъ найдешевшу й найпоганійшу кватыру, прывозывъ ёму скупо сухого хлиба та бульбы, або ячминныхъ крупъ безъ омасты, але навить пизнійше, колы Опанасъ зароблявъ соби прыватными лекціямы на пару гульденивъ у мисяць, не соромывся що-понедилка выпрошуваты у нёго на пару «дудкивъ», то на тютюнъ для себе, то на пачку солы, то на обаринкы для вуйчаныкивъ та титчаныкивъ дома. И Опанасъ дававъ, а для малыхъ вуйчаныкивъ та титчаныкивъ и самъ купувавъ то калачи, то цукеркы, то дешеви забавкы та передававъ до-дому.

Разъ тильки вытяглы мы въ нашого Опанаса невелычке оповидання про ёго батька, тай то треба було ёго видъ нёго, якъ то кажуть, клищамы вытягаты. То такъ було. Одного понедилка старый Морымуха чомусь не мигъ прыйихаты до Дрогобыча и передавъ цилотыжневый провіантъ для сына черезъ якогось сусида, розповившы ёму, де й якъ мае шукаты сыновои кватыры. Прыходыть сватокъ до насъ на кватыру зъ кобелею [1]) въ руци тай пытае кризь викно:

— А чы тутъ Каганцивъ Панаско?

Мы попрыходылы зи школы, а Опанаса ще не було:

— Каганцивъ?—перепытуемо.—Тутъ жыве Опанаско, але не Каганець, тильки Морымуха.

— Ну, та той, той, той самъ. У насъ ёго называють Каганець.

— Ба, та чому? Черезъ що?—пытаемо мы зацикавлени.

---

[1]) Кошель, плетеный зъ рогожи.

— Э, та то ба довго повидаты, а мени нема колы. Отъ, каже, тутъ ёму тато футрашъ [1]) передавъ. Выберить изъ кобели, бо кобеля моя.

— Та розповижте бо, чому старого Морымуху называють Каганцемъ?—налягаемо мы.

Але сусидъ уже взявъ кобелю, натыснувъ стару соломьяну крысаню на потылыцю, тай, обертаючыся йты геть, каже:

— Пытайте Панаска,—винъ вамъ скаже, а я не маю колы.

Тай пишовъ. А колы Опанасъ прыйшовъ зи школы, мы заразъ до нёго, якъ псы до дида на перелази:

— Чому твого старого называють Каганцемъ?

— А вы видкы се знаете?

— Та бувъ тутъ вашъ сусидъ, прынисъ тоби «футрашъ», то пытавъ, чы тутъ Каганцивъ Панаско?

— Ну, то було ёго пытаты, видкы мого батькивщыну прозвалы Каганцемъ.

— Мы пыталы. Винъ веливъ запытаты тебе.

— Эй, дайте мени спокій!.. Я такый голодный, якъ колы-бъ у мни дно выпало, а вамъ чортъ зна чого захочуется.

— И мы голодни. Та покы обидъ буде—говоры.

— Говорить вы, я послухаю.

— Ни, заразъ кажы, чому твого батькивщыну прозвалы Каганцемъ?

— Та чому?—нерадо мовывъ Опанасъ. То колядныкы збыточныкы. Прыйшлы колядуваты цидъ наши викна, а тато не мавъ дрибныхъ.

— А може не хотивъ даты?—втрутывъ хтось.

— А може й не хотивъ,—згодывся Опанасъ.—Досыть, уставъ зъ лавы тай стукае до викна, нибы-то не треба. А колядныкы крычать: «Татусю, тожъ то Риздво Хрыстове, разъ у рикъ свято! Годытся колядныкивъ прыйматы». А тато каже: «вже булы трои».

---

[1]) Пожыву.

— А то певно неправда була?—втрутывъ зновъ хтось зъ боку.

— Та може й неправда. Або я знаю!—згодывся Опанасъ.— А колядныкы не хочуть уступытыся. А тато до ныхъ: «А будете колядуваты за каганець вивса?» Якъ почулы колядныкы таку цину, то зразу въ смихъ, потимъ помуркотилы щось помижъ собою, а потимъ крыкнулы: будемо!—тай заколядувалы.

Опанасъ урвавъ, мовъ наразъ похопывшыся, що задалеко забигъ у своимъ оповиданню.

— Ну, якъ заколядувалы?—пытаемо.

— Або я знаю,—каже якось несмило Опанасъ.

— Знаешъ, знаешъ!—крычымо.—По носи тоби выдно, що брешешъ! Заразъ говоры, якъ заколядувалы?

— Але вы будете зъ мене кпыты.

— Ни, слово честы, що не будемо.

— Або зъ моеи батькивщыны.

— Ни, ни, говоры смило!

— Та якъ заколядувалы! Тамъ мижъ нымы бувъ такый цупкый на выгадкы, такъ той затягнувъ, а вси за нымъ, та такъ мовъ сокырою рубають:

Богъ предвичный народывся,
Прыйшовъ днесь со небесъ,
Морымуха такъ якъ песъ
Розвередывся,
    Тріе цары идуть со дары;
    Парубкы, спивакы́,
    Разъ у рикъ колядныкы́
    Колядувалы.
Тріе цари, де вы йдете?
Тай идить дали въ свитъ,
Бо у мене грошей нитъ,
Дармо ревете.
    Звизда ясна объявылася...
    А я вамъ хыба дамъ
    За колядку спивака́мъ
    Каганець вивса.

Слава Богу, вже и писни конець!
Намъ овесъ, а ты песъ,
Та вже будешъ викъ весь
И самъ Каганець.

Ну, але вже колядныкы не дожыдалы того вивса. Выбиглы до ныхъ татуню зъ палыцею, а воны лышъ по за хату злопотилы, якъ кони. И ще тои самои ночы нова колядка пишла скризь по селу, и видтоди татуня прозвалы Каганцемъ. Уже воны до попа и до війта на скаргу ходылы, та що зъ того, ще ихъ паганьбылы, а того, що имъ прылипылы зли языкы, вже до смерти ніяка людська сыла имъ не видійме..

Опанасъ розговорывся, та колы скинчывъ и замовкъ,мы моглы змиркуваты, що ёму й самому не мыло було, що такъ розбалакався. Кильки день потимъ винъ бувъ якійсь квасный та незадоволеный и на всяки пытання видповидавъ нерадо, просто кажучы, видбуркувався. Такъ и выдно було, що самъ соби вразывъ якесь болюче мисце и не мигъ даруваты соби того. Була у нёго якась тыха амбиція що разъ ображена сгорожувалася мовчанкою, особлыво колы та враза доторкала ёго улюбленои «батькивщыны».

Зъ часомъ я переконався одначе, що назвою «батькивщына» винъ обіймавъ не такъ своихъ родычивъ та свояkивъ, якъ радше щось неособове, хочъ не можно сказаты, щобъ абстрактне. Я мавъ нагоду разъ, пидчасъ вакацій, загостыты до нёго до-дому. Писля моёго ридного Пидгирья ёго ридне село, положене на болотыстій Днистровій долыни, середъ лозъ та очеретивъ, выдалося мени страшенно нецикавымъ та одноманитнымъ. Нызеньки хаты, нызеньки плоты, коряви вербы, чорни вильхы по-надъ берегамы грузькыхъ ричокъ, и ривнына-ривнына, поперетынана бездонными болотамы, стругамы, та охабамы, все те якось давыло мою душу, навивало сумъ и нудоту. А мій Опанасъ бигавъ по тій сумній околыци ожывленый, веселый, счаслывый, що я й пизнаты не мигъ того тыхого, мало говиркого та задуманого хлопця, якымъ винъ бувъ у Дрогобычи. Винъ увесь день тягавъ мене по вбогимъ садку довкола своеи батькивськои хаты, оповидавъ мени

историю кождого дерева, кождого корчыка, кождого ривчака и кождои кладкы. Винъ знавъ кожду стежку на непереглядній наддністрянській синожати, кожду баюрку и кождый закрутъ рикы, знавъ, у якимъ очерети гниздятся дыки качкы, а де можно знайты достыгли ягоды смородыны. Кожду грушку на межи, кождый корчъ жостели середъ терныны надъ ричкою, кождый кытяхъ калыновыхъ ягидъ, навыслый надъ водою, и кожду темно-багрову «павку» на очерети винъ вытавъ радиснымы окрыкамы, якъ старыхъ знаёмыхъ. И всюды винъ умивъ щось цикаве оповисты, зъ кождою дрибныцею вьязався якыйсь моментъ ёго жыття. «Оттутъ мы тои а тои осены зловылы журавля на ничлизи». «Оттутъ моя батькивщына торикъ чепыла велычезного щупака: жыдъ у коршми не торгуючыся давъ два папиркы. «Оттуда треба йты навпростець до Лукы»... «Оттутъ мени разъ трапылося те й те». Винъ не вгававъ весь часъ моёго побуту, бувъ невтомный, бигаючы зо мною скризь и оповидаючы про все, а все було цикаве-прецикаве для нёго. Сей мій невелычкый побутъ у ёго сели давъ мени ключъ до розуминня ёго вдачы, ёго тыхои и глыбокои прыстрасты, що була, можно сказаты, пануючою нотою ёго жыття. Я ще николы не бачывъ хлопця, щобъ такъ гаряче любывъ свій ридный кутокъ, такъ зжывся зъ нымъ и весь жывъ у нимъ, и мене дывувало тоди лышъ одно: якъ можно було такъ усею душею прывьязатыся до такого мизерного, сумного, однотонного та ничымъ невызначного мисця, якъ ота ёго славетна «батькивщына».

II.

Я пишовъ на университетъ двома рокамы швыдше видъ Опанаса Морымухы, тай потимъ якось не зійшовся зъ нымъ блыжче. Я знавъ лышъ, що винъ здавъ матуру [1]), на жадання своёго батька запысався до духовнои семинаріи, хочъ не почувавъ у соби ніякисинькои охоты до духовного стану, та швыдко якось

---

[1]) Испытъ до зрилосты.

выступывъ изъ семинаріи та перепысався на философію. Якось по роци я довидався прыпадково, що обое стари Марымухы померлы, такъ що Опанасъ лышывся одынокымъ спадкоемцемъ [1]) своеи батькивщыны. Швыдко потимъ я зовсимъ стратывъ зъ очей Опанаса. Винъ якось счезъ зи Львова, и нихто зъ ёго блызшыхъ знаёмыхъ, у кого я перепытувавъ за нымъ, не мигъ сказаты мени ничого про те, куды винъ подився. Въ першій хвыли я подумавъ було, що винъ покынувъ университетъ, до якого ёго ничогисинько не тягло, и пишовъ на село на батькивське господарство. Я вже збырався «на хыбывъ-трапывъ» напысаты ёму лыстъ и поздоровыты ёго зъ улюбленымъ сильскымъ жыттямъ, колы одного разу здыбавъ у Львови килькохъ селянъ изъ того села и почавъ розпытуваты ихъ про Опанаса. Воны зразу не розумилы, про кого я пытаю, а дали одынъ догадлывійшый гукнувъ:

— А, се вы про Панаска! Про Каганцёвого Панаска! Ого, зійшовъ нашъ Панаско на псы!

— Э, ни, куме,—перебывъ ёму другый.—Не ладно такъ казаты. Хто ще знае, що зъ нымъ сталося. Я гадаю, що винъ подався на пана.

— Якъ же се такъ?—запытавъ я.—Одынъ каже, що зійшовъ на псы, а другый, що подався на пана?

— Та то на одно выйде,—мовывъ першый селянынъ, очевыдно бильше жартлывои вдачы.—Бачыте, скоро вмеръ старый Каганець, Панаско прыйихавъ, и абы вамъ слово сказавъ кому, порадывся чы що, а винъ просто до жыда, тай бухъ!—продавъ всю свою батькивщыну.

— Тай ще якъ продавъ! За пивъ-дарма! Такъ якъ бы хотивъ зъ рукъ позбутыся!—зъ жалемъ крыкнувъ другый.

— Се правда. Якъ бы бувъ до насъ обизвався, мы булы бъ ёму далы безъ торгу десять тысячъ. Бо тамъ, пане, маеткы булы! А жыдъ за пьять тысячъ узявъ. А скоро гроши въ жменю, нашъ

---

[1]) Наслидныкомъ.

Панаско сивъ на ту саму жыдивську таратайку, якою прыйихавъ, тай дмухнувъ изъ села.

— Наши люде ажъ тоди довидалыся про ёго вчынокъ, якъ выйиздывъ. У сели крыкъ зчынывся. Повыбигалы зъ хатъ бабы, чоловикы, кленуть Панаска, гукають за нымъ: «Юда, Юда! Батькивщыну продавъ!» Дали молодши за грудкы, за каминци, давай шпурляты за нымъ, та все крычать: «Юда! Юда!» А стара Безкрылыха выскочыла зи свого обійстя, стала середъ дорогы передъ ёго фурою та крычыть: «Панаску! Йидешъ уже? Та чекай, иды на цвынтаръ, велы видкопаты тата та покласты по людськы, бо винъ у гроби перевернувся!» Але фурманъ-жыдъ штовхнувъ стару дышлемъ у груды, переверпувъ у снигъ, бо то зимою діялося, тай погнавъ свитамы. И видтоди вже мы не бачылы Панаска и не чулы, що сталося зъ нымъ.

— Та вже певно, що добра ёму не буде!—задумано мовывъ другый селянынъ.—Дежъ бы Панъ Бигъ мигъ благословыты такого чоловика!

Отся видомисть була для мене такою несподиванкою, що довго я по просту не мигъ отямытыся. Якъ то,—думалось мени,—той Опанасъ, що, бачылось, такъ усимъ серцемъ и всею душею прылыпъ бувъ до своеи батькивщыны, жывъ у ній думкамы и жывъ нею,—винъ мавъ бы ни зъ сёго ни зъ того продаты іи, тай ще жыдови! Видомисть була неправдоподибна, дыка, та проте сумниватыся про іи правдывисть не було ніякои можносты. Я пробувавъ вдумуватыся въ ёго мотывы, та не мигъ ничого прыдуматы. Вчынокъ Опанаса бувъ для мене загадкою, надъ якои розвьязаннямъ я мучывся досыть довго, та не догадавшыся ничого, покынувъ думаты, хочь у глыбыни души якось не важывся зъ повнымъ переконаннямъ повторыты окрыку: «Юда! продавъ батькивщыну»!

III.

Видъ того часу мынуло десять литъ. Доля кыдала мене въ рижни бокы, водыла по рижныхъ закуткахъ нашого краю и робыла зо мною всиляки експерименты, чы, якъ кажуть, держала

зо мною тверду школу. Одна іи лекція завела мене въ одынъ изъ найглухійшыхъ закуткивъ нашыхъ гиръ, до села, позбавленого всякои *комуникаціи*, доступного звычайно хиба верхы, або зимою саньмы, затесаного мижъ велыкымы лисамы, крутымы горамы и рвучою гирськoю рикою. Въ чудовій затышній долыни, обставлене темнымы стинамы лисивъ, лежало невелычке сельце, радше подибне до пустельныцького скыта, нижъ до новочасной оселі, тымъ хиба новочасне, що въ нёму невылазно гниздылася зовсимъ не идиллична биднота, брудъ, убожество та темнота. Сельце зъ невелыкою церковцею на однимъ горбыку и зъ просторою та невымовно брудною коршмою внызу пры одынокій вулыци, що заразомъ була ложыщемъ маленького гирського потока, тулылося, якъ сырота, однымъ своимъ кинцемъ до чорного бору, другымъ губылося въ яру надъ рикою. Видъ хатокъ, неотиненыхъ ніякою садовыною, кримъ вербъ та смерикъ, выбигалы дви-тры стежкы на супротылежну гору, внызу покрыту худымы вивсянымы ныввкамы, а дали обгорилымы пенькамы недавно спаленои «пасикы» [1]) та корчамы яливцю. Си стежкы—то була одынока комуныкація, що вела зъ сёго, сьвитомъ забутого, закутка дали на Бескыдъ и въ Угорщыну.

Мени доводылося йихаты зъ Угорщыны и мынуты те село не зупыняючыся. Мы йихалы верхы зъ провидныкомъ—угроруськымъ парубкомъ изъ одного погранычного села. Мы поспишалы, щобъ на вечиръ добратыся до найблызшого мисточка, та нашъ плянъ переминыла рика. Мыпулои ночы въ горахъ упавъ сыльный дощъ, и колы мы дойихалы до рикы, мы побачылы здоровый, жовто-каламутный валъ, що зи скаженымъ клекотомъ, пинячыся, бьючысь о берегы та котячы по своёму дни зъ глухымъ гуркотомъ грубе каминня, сунувся внызъ, перерываючы всяку комуныкацію нашого села зъ дальшымъ свитомъ.

---

[1]) Пасикою называють у горахъ мисце, де весною вырубано, а въ осены спалено лисъ, щобъ на весну на тому мисци засіяты «збиже», цебъ то овесъ.

Колы мы почалы зйиздыты надъ самъ берижокъ рикы, зъ однои хаты выйшовъ чоловикъ и, побачывшы насъ, почавъ махаты намъ обома рукамы и крычаты щось: хочъ и якъ недалеко було видъ насъ до нёго, але за ревомъ та клекотомъ воды мы не моглы розибраты ани одного слова.

— Що, що!—закрычавъ зъ усеи сылы мій провидныкъ.

Чоловикъ перелизъ тымчасомъ два перелазы, видчынывъ лиску и выйшовъ на вулыцю, проты насъ.

— Та куды тамъ йдете?—запытавъ винъ, не здоровкаючыся зъ намы.

— Хочемо на другый бикъ,– мовывъ провидныкъ.

— Та не выдыте, що вода велыка!

— Та выдымо. А не покажете намъ, куды тутъ перейихаты?

— Хиба перескочыте,—мовывъ чоловикъ, здвыгнувшы плечыма.

— Якъ то?—запыталы мы обыдва вразъ.

— А такъ, що броду не йе.

— А може де мистъ?

— Моста не йе.

— А може добра кладка?

— Кладкы не йе.

— Ну, а такъ перейихаты не можно?

— Каминня несе. Конямъ ногы потре.

— Ну, то щожъ намъ робыты?

— А перечекаты, ажъ вода впаде.

— А колы впаде?

— Чей завтра.

Значыть, доведется почуваты,—мовывъ я, обертаючыся до провидныка.—Не знаете. де бы тутъ перепочуваты?—додавъ я, обертаючыся до мисцевого чоловика, бачучы, що мій провидныкъ стоитъ заклопотаный та чухае потылыцю.

— Та де бы? Хиба въ коршми.

Я зырнувъ пытаючымъ окомъ на свого провидныка. Сей усе ще стоявъ, держачы за поводы пашыхъ коней, и одною свобидною рукою чухався по потылыци.

— Ну, що, Мыхайле?—запытавъ я, бачучы, що винъ не говорыть ничого.

— Та ничого, прошу пана.

— Пидемо ночуваты до коршмы?

— Якъ панъ знають. Я не пиду.

— А то чому?

— Я вже разъ ночувавъ тамъ тай заклявся не ночуваты бильше.

— А то чому?

— Тутъ, прошу пана, найкуслывійши блощыци на вси горы.

Видповидь була коротка и переконуюча; я обернувся знов до мисцевого чоловика.

— А не можно бы просытыся до вашого его мосця [1]) на ничъ?

— У насъ не йе его мосця. До насъ дойиждждаютъ що дви недили на видправу.

— А може до якого кгазды?

— Та не знаю. Може бы... Лышъ не знаю, у кого бы.— А потимъ, подумавшы хвылыну, винъ додавъ:—хиба бы у нашого навчытеля.

— У васъ хиба йе навчытель?

— А йе.

— То значыть, йе й школа?

— А йе. Вже пьять литъ маемо школу.

— А дежъ той вашъ навчытель?

— Та не далеко. Онъ тутъ за коршмою.

И винъ показавъ намъ дорогу. Було справди не далеко. По дорози, йидучи стежкою по-надъ потокомъ, що заступавъ мисце головнои сильськои вулыци, и якого дномъ провидныкъ проводывъ коней, я встыгъ розпытаты у чоловика, що ихъ навчытель молодый ще чоловикъ, жыве самъ, нежонатый, не выйиждждае майже никуды зъ села, що у нёго не бувае нихто

---

1) Священныка.

чужый и що громада досыть задоволена зъ нёго, бо вчыть «дитвакивъ» пыльно, не бье въ школи, тай и зъ людьмы людяный: у всёму порадыть и не одного й гришмы поратуе, хочъ самъ жыве бидно. Отакъ розмовляючы, мы дійшлы до «чколы», що стояла на крутому березі надъ потокомъ. Зайизду до неи не було нікого, тильки стежка горі невелычкымъ, пустымъ огородомъ. Школа була така жъ силянська хата пидъ соломою, якъ и инши, збудована хиба о стилько видминно видъ селянськихъ, що складалася зъ двохъ половынъ, передиленыхъ вузкымы синьмы. Одна половына зъ трёма викнамы до горо́да, се була шкильна зала, а друга зъ двома викнамы—помешкання вчытеля. Передъ сею половыною огородъ бувъ скопаный, засадженый ярыною [1]), зъ-мижъ якои тутъ и тамъ выросталы гарни щепкы яблунь та грушъ; плитъ отинювалы густи корчи садженои малыны, поричокъ та «веприпъ» [2]). Въ однимъ кути стала альтанка, отинена густымъ дыкымъ хмелемъ та обсаджена смеричкамы. Смеричкы, засаджени въ два ряды передъ дверыма, по пьять у кождимъ ряди, заступалы мисце кганку. Двери булы заперти, але учытеля мы засталы въ альтани. Пора була литня, вакаційна и шкильного заняття не було; винъ очевыдно порався въ своимъ огороди, а теперъ видпочывавъ у альтани та покриплявся кваснымъ молокомъ и чорнымъ, жытнимъ хлибомъ.

Я війшовъ до альтаны й поздоровывъ его. Винъ мотнувъ головою, не видповидаючы ничого на мое поздоровлення и не встаючы зъ мисця. Я попросывъ его переночуваты мене и моёго провидныка. Винъ выдывывся на мене якымось тупымъ поглядомъ и, не перестаючы жоваты, давывся досыть довго, не говорячы ани слова. Я стоявъ у входи и дывывся на нёго зъ заклопотаннемъ, не знаючы, якъ мени буты. На помичъ мени прыйшовъ селянынъ, що прыпровадывъ мене.

— Та вже, пане навчытелю, будьте ласкави! Я бы й самъ переночувавъ панычa, але знаете, въ мене тисно. А въ коршми не хочуть, бо тамъ блощыци.

---

[1]) Ярыною въ Галычыни звуть городыну.

[2]) Акгресту.

Учытель поклавъ ложку, вставъ и, не кажучы до мене ани слова, выйшовъ зъ альтаны та пишовъ до перелаза, за якымъ стоявъ мій угроруськый провиднықъ зъ парою коней.

— Ты видкы?—запытавъ винъ.

— Та зъ Воливця.

— А багато взявъ видъ паныча?

— Та два рыпцьки [1]).

— А заплатылы тоби?

— Та заплатылы.

— Ну, то сидай на коня и йидь до-дому. Ще маешъ часъ дойихаты.

— Та чому ни. До ночы дойиду до своеи граныци, а тамъ я вже якъ дома.

— Ну, то добре. На, маешъ шустку [2]) на тютюнъ. Йидь, а я вже паныча проведу, куды треба буде. Я зъ неменшымъ якъ доси зачудованнемъ слухавъ тои розмовы и дывувався, якъ се такъ панъ учытель, не розвидавшыся гараздъ, розпоряджается моимъ провидныкомъ. Я наблызывся до нёго и сказавъ:—мени бы треба до Туркы.

— Добре, добре, най винъ йиде,—видповивъ якось байдужно учытель, навить не обертаючыся до мене, и мій провидныкъ по-йихавъ. И мисцевый селянынъ поклонывшыся пишовъ соби до-дому. Мы лышылыся сами.

— Позвольте вамъ представытыся,—сказавъ я, зновъ наблыжаючыся до нёго.

Винъ усмихнувся якымось сылуванымъ смихомъ.

— Нибы я не знаю тебе! За першымъ разомъ пизнавъ. То хиба ты не пизнавъ мене.

Я прыдывывся ёму, та не мигъ пизнаты. Се бувъ чоловикъ на выдъ 35 литъ, зъ довгою, чорною бородою, трохы згорбленый, у литній полотняній блюзи и въ такыхъ самыхъ штанахъ, зъ якымось не то меланхолійнымъ, не то заляканымъ и непрытом-

---

1) Гульденъ.

2) Шустка (шистка)=десять крейцеривъ.

нымъ выдомъ. Его очы немовъ уныкалы вашого погляду, але тоди, колы винъ не чувъ на соби вашого погляду, воны спочывалы, вперти десь у одну точку, въ якусь далечинь, немовъ видсы вызыралы когось Я глядивъ та не мигъ пизнаты ёго. Винъ якось скрывывся, дали здвыгнувъ плечыма и похылывъ голову.

— Ну и не дыво. Давно мы бачылыся. А ты навить у мене въ хати бувъ. Морымуха Опанасъ—тямышъ?

— Та не може буты!—скрыкнувъ я. Опанасъ! Ни, ни за що не пизнавъ бы! Та Господь зъ тобою! Видкы ты тутъ узявся? Вчытелюешъ? И въ такимъ глухимъ закутку! И стильки литъ я не чувавъ про тебе... Ну, ходы, оповидай, що зъ тобою?..

Я засыпавъ ёго пытаннямы, та винъ похылывъ голову и якось зъ-пидъ лоба дывывся на мене, немовъ бы або не вирывъ у щыристь моёго зацикавлення, або миркувавъ надъ тымъ, якъ бы выкрутытыся видъ моихъ запытань.

. . . . . .

IV.

У вечери при лямпи мы сыдилы въ кимнати вчытеля и розмовлялы. У мене знайшовся чай та цукеръ, панъ учытель роздувъ огонь та розигривъ окрипъ, и мы згадалы старый школярськый звычай, попываючы гарячый чай та закусуючы хлибомъ та брындзою. Морымуха йивъ зъ апетытомъ, слухавъ моихъ оповиданъ, та самъ говорывъ мало. Оповидаючы про спильныхъ знаёмыхъ, учытеливъ та товарышивъ, я пыльно дывывся на нёго, сылкуючыся пизнаты давнёго Опанаса, та все щось немовъ перепынювало мени, заслонювало знаёми рысы, показувало въ прывычнимъ для мене облыччи якись чужи, незвисни мени рысы. Я мавъ таке вражиння, немовъ бы въ жыттю того чоловика пройшла якась шырока й глыбока борозна, якою видорано ёго мынуле видъ теперишнёго Кильки развивъ мени здавалося навить, що въ заляканій чы апатычній души сёго нового Опанаса ворушытся щось, блымае якыйсь огныкъ, що радъ бы освитыты сю дывну борозну, що якись пытання, якись прызнання снуются у нёго на языци, ради зирватыся та вылытыся, але

якась таемна сыла зупыняе, прогонюе ихъ назадъ у глыбыну ёго души. Я постановывъ соби допомогты тымъ боязкымъ пташкамъ зирватыся и вылетиты, постановывъ, якъ кажуть, легенько потягнуты Опанаса за языкъ.

— А я недавно бувъ у твоимъ сели,—закынувъ я несподивано.

— Въ моимъ,—зъ якоюсь дрожью въ голоси видповивъ Опанасъ. И сумно всмихаючыся, додавъ:—де тамъ у мене яке село? хиба те мое, де я теперъ.

— У твоимъ риднимъ,—поправывъ я.—Тамъ, де твоя батькивщына була.

— Мынулося, забулося!

И винъ махнувъ рукою и звисывъ голову.

— Ну, але тебе тамъ люде не забулы. Хочъ нихто не мигъ сказаты мени, куды ты подився.

— Благословляють мене?

— Не можу сказаты, щобъ такъ дуже,—мовывъ я.—А все таки не можуть выйты зъ дыва, що тоби сталося, що ты такъ ни сило, ни впало продавъ свою батькивщыну. А особлыво я здывувався. Адже я знавъ, якъ ты любывъ іи.

Опанасъ кынувся мовъ ужаленый.

— Ты знавъ!—Що ты знавъ? Ты мигъ знаты лышъ частыну. А про те...

Винъ зновъ махнувъ рукою и звисывъ голову.

— Ну, Опанасе, скажы по правди, що се зъ тобою сталося? Такъ ты якось ни зъ сёго ни зъ того счезъ изъ нашого горизонту, такъ безслидно пропавъ... А ще потимъ та нагла продажъ батькивщыны...

— Се не потимъ було, а дрибку передъ тымъ,—нервово, мовъ зачипленый за болюче, втрутывъ Опанасъ.

— Ну, то вже чы потимъ, чы передъ тымъ, а все такы загадка. Я довидався про смерть твоихъ старыхъ и думавъ, що ты пишовъ систы на грунти та господарюваты. Вже збырався пысаты тоби на село, колы якось прыпадкомъ довидався видъ селянъ, що ты продавъ усе...

— Ще до того жыдови!—додавъ винъ зъ гиркымъ усмихомъ.

— И выбрався кудысь. Зрозумієшъ и самъ, що я не знавъ, що й думаты про се.

— И щожъ ты думавъ?

— Ничого не думавъ. Зупынывся на тимъ, що тутъ якась загадка, якои самою логикою не розвьяжешъ.

— А инши товарыши що?

— Якось не доводылося ни зъ кымъ говорыты про тебе. Ты въ товарыствахъ николы не бувавъ.

— Ну, певно, забулы!—мовывъ Опанасъ.—И добре такъ.

— Але скажы́, що таке тоби сталося? Йшовъ у одынъ бикъ и раптомъ звернувъ зъ дорогы, тай гатьтя! Немовъ якась киценька перебигла тоби дорогу.

Опанасъ ажъ пидкынувся, мовъ ужаленый.

— Киценька! Ты тямышъ іи?

— Кого?

— Адже ты отсе згадавъ про неи. Значыть знаешъ щось. Догадався! Чы може чувъ що видъ когось? А може вона сама?..

И винъ зъ жахомъ вперъ въ мене очи.

— Выбачай, Опанасе, але я бигме не розумію тебе. Про кого я згадавъ? Хто такый вона сама?

— Киценька.

— Що за киценька?

— Якъ то? Не тямышъ Киценькы? И не знаешъ моеи історіи?

— Та ничогисинько жъ. И про яку се ты киценьку?

— Не тямышъ? А, правда, ты не бувавъ у Суберлёвои.

— Бувъ пару разивъ.

— Ну, то може прыгадаешъ. А въ тимъ...

Я прыгадавъ соби кавярню Суберлёвои, що була на рози вулыць Вирменьськои и Гродзицькыхъ. Се була нична кавярня зъ дамською обслугою, своёго часу ославлене мисце гуляпокъ золотои молодижы. Я заходывъ туды ридко и то лыше въ день, тому й не дыво, що назва Киценькы не сказала мени ничого.

— Тамъ була одна панна,—мовывъ якось нехотя Опанасъ.— Свого часу славна була. Іи звалы Киценькою. Брунетка, зъ рос-

кишнымъ волоссямъ, зъ чорнымы, блыскучымы очыма. Лыце—кровъ зъ молокомъ. Зубы чудови. На устахъ усмихъ такый, що ажъ за серце хапавъ. Голосъ—у розмови, не въ спиви, бо вона мало спивала—але такого голосу я не чувъ николы. Тай загаломъ уся вона, кождый іи рухъ, кожда рысочка, кожде слово, кождый позыркъ іи очей—усе въ неи було таке, що я видъ першои хвыли забувъ себе, все въ неи мени выдавалося невыданымъ и нечуванымъ, такымъ, якому нема пары въ свити. Не даромъ кажуть, що закохання—слабисть, манія; колы я побачывъ іи, почувъ іи голосъ и усмихъ, на мене найшла така хороба и то въ такимъ сыльнимъ степени, що я навить здуматы не мигъ того, щобъ ій опертыся. Знаешъ, що я звычайно не бувъ ласый до жиноцтва, ани надто чутлывый. Але тоди се наскочыло на мене раптомъ, зъ такою сылою, що я цилкомъ стратывъ застанову. Такъ мовъ бы зъ лисовои гущавыны наразъ выйшовъ на лисову пожежу. И я станувъ безъ власнои воли, безъ сылы, безъ тямы. Чувъ, що судьба заглянула мени въ очи и що не втечу видъ неи.

Опанасъ зупынывся. Винъ ажъ задыхався, наговорывшы стилько однымъ духомъ. На ёго блидому лыци запалавъ гарячый румьянець, мовъ и справди выпеченый пожежою. Винъ говорывъ зъ очыма, втупленымы въ землю, немовъ углыблявся въ свое внутришне життя и боявся глянуты мени въ очи, щобъ я кризь ныхъ не заглянувъ ёму въ душу. Помовчавшы трохы та сёрбнувшы чаю, винъ заговорывъ зновъ, проты свого звычаю, скваппо, урывано, немовъ ловлячы образы, що неслыся по овыди ёго души мовъ дощови хмары.

— Я не бувъ частымъ гостемъ у Суберлёвои. Але разъ засыдився до пизнёго вечера. Сыджу за газетою, колы пидвивъ очи, побачывъ іи. Вытрищывъ очи, мовъ самъ соби не вирывъ. Зачудовання—се було перше, найсыльнійше чуття, яке опанувало мою душу. «Невже»! «Чы справди»!—Таки пытання вертилыся въ моій голови, мовъ сухе лыстя въ осиннёму витри. Я сыдивъ и дывывся на неи. Колы вона проходыла помижъ столамы, мои очи бигалы за нею, якъ вирни собакы за паномъ. Колы наблы-

жалася до мене, мене кыдало въ жаръ, пробигало дрожью. Колы вона счезала, я сыдивъ мовъ оглушеный и ждавъ іи. Мынала годына за годыною; у мене навить не ворушылася думка въ голови, щобъ йты кудысь. Йты? Куды йты, колы тутъ бувъ увесь свитъ, було сонце, було жыття. Десь коло одынадцятои прыйшлы де-яки товарыши, вже добре пидпыти, зъ голоснымъ реготомъ, весели, спивучи. Воны позасидалы пры двохъ столахъ, замовылы цилу масу коньяквъ, а побачывшы мене, прытяглы мене до себе. Вона війшла, несучы замовлени коньякы.

— А, Киценька!—закрычалы воны и почалы тиснутыся до неи.—Servus, Кицю! Якъ ся маешъ? Здорова була! Wie gehts?

Десяткы рукъ простягалыся до неи, одни бралы чаркы зъ коньякомъ, инши тяслыся до іи грудей, рукъ, плечей, стану, доторкалыся іи, щыпалы іи. Я весь тремтивъ, стоявъ мовъ обсыпаный прыскомъ, у мене въ голови шумило, немовъ мене оглушено довбнею. А вона йшла спокійно, байдужна на вси безсоромни рухы, дотыкы та окрыкы. На іи лыци грала якась маестатычна усмишка, немовъ увесь отой пьяный гармидеръ не досягавъ до іи пьятъ, не мигъ доторкнутыся до неи, ани тымъ менше опоганыты іи. Я также узявъ чарку зъ іи рукъ и почувъ пры тимъ, якъ іи очи спочылы на мени. Я затремтивъ увесь, кровъ ударыла мени до головы, и та чарка коньяку полылася въ мое нутро мовъ огненна течія. Я якось безтямно зажадавъ ще однои «колійки», а дали не тямлю, що діялося зи мною. Знаю лыше, що у мене въ кышени було двадцять гульденивъ, изъ якыхъ я другого дня не знайшовъ ани цента, що мы ревлы писень и перекыдалыся цынизнымы жартами, що вона сыдила у мене на колинахъ и торгала мене за вуха, а я плакавъ, цилувавъ іи рукы и безтямно белькотавъ:—Киценько! Жытте мое! Киценько!

Хто, колы й якъ завивъ мене до-дому, роздягъ и поклавъ до лижка, я й досы не знаю. Я прокынувся другого дня ажъ десь надъ вечеромъ зъ трискучымъ болемъ головы. Въ горли щось пекло, въ ухахъ шумило и я не мигъ отямытыся, де я и що було зо мною. Та колы нарешти я зволикся зъ лижка

и вымочывъ голову въ води, мени почала вертаты памьять прожытои ночи. Я не почувавъ ни сорому, ни жалю, не миркувавъ ни про що, хиба про те, що у мене нема грошей, щобъ и сеи ночи бачыты іи, буты зъ нею. Та се була не велыка ще турбота. Я однымъ позыркомъ обмиркувавъ, що зъ моеи гардеробы можно продаты, щобъ добуты гроши. Кныжкы, розуміется, безъ ніякого миркованя пишлы заразъ «на гебраику». Пишовъ и годынныкъ. О десятій я вже сыдивъ у кавярни и зновъ мучывся: и горивъ, и тремтивъ, дывлячыся на неи. Вона ходыла по-887мижъ столамы гарна, маестатычна; ани слиду втомы, перепою, невыспаннои ночы не було выдно на іи непорочно-чыстимъ, дытячо-невынним лыци. На мене вона якось не дывылася, а може тильки робыла такый выдъ, немовъ не бачыть, не пизнае мене. Я просыдивъ отакъ мовчкы до першои годыны, пывъ одну чарку по другій и не осмилювався заговорыты до неи, тай вона не чипала мене, хочъ тутъ то тамъ поблызу мене лунавъ іи сриблыстый смихъ, колы до неи заговорювалы або зачипалы іи знаёми панычи. По першій я выйшовъ зъ кавярни и пишовъ до-дому.

Почалося для мене жыття видъ ночы до ночы. Я покынувъ ходыты на универсытетъ, покынувъ думаты про себе, про свою будущыну, жывъ тильки тымъ, що бачывъ іи, ловывъ вухомъ іи смихъ та іи слова, думавъ про неи. Писля тои першои ночы я не пробувавъ заговорыты до неи, тай вона, бачучы, що я не пью и не сыплю гришмы, не цикавылася мною и немовъ и зовсимъ не добачала мене. Та мени було про се байдуже. Я не бувъ заздрисный, колы инши жартувалы зъ нею, обіймалы, щыпалы або цилувалы іи. Я, бачылось, навить не любывъ іи такъ, якъ люблять закохани. Я тильки почувавъ невидхыльну потребу що дня бачыты іи, такъ якъ почуваемо потребу свитла та повитря.

V.

Мы допылы чай, але спаты намъ не хотилося. Мени цикаво було дослухаты до кинця Опанасову драму, въ якій для мене выявлялася чымъ разъ яркійше вся ёго тыха, та глыбоко прыстрасна натура. А Опанасъ очевыдячкы радъ бувъ, що може передъ кымось высповидатыся, що знайшовъ слухача, якый розуміе ёго и сымпатызуе зъ нымъ. Винъ потеръ долонею чоло, поглядивъ на мене якыйсь часъ недовирлыво, немовъ боявся моёго осуду, але, не бачучы на моимъ лыци ничого такого, що могло-бъ знеохотыты ёго, видвернувся зновъ очыма до кута и почавъ тыхымъ голосомъ:

— Сказаты тоби по-правди, все те, що дали сталося зи мною, се бувъ якыйсь такый чортивськый танець, що я й досы не прыберу ёму назвы. Иноди мени здается, що то бувъ сонъ, що я видтоди й доси сплю и ось-ось прокынуся такымъ самымъ студентомъ, якымъ бувъ тоди, якымъ побачывъ Киценьку. А иншымъ разомъ я готовъ вирыты въ чудо, въ прызначення, въ чары, въ що хочешъ, такъ неправдоподибнымъ выдается мени все те, що тоди сталося зи мною. Зрозуміешъ, що й оповисты тоби всю отсю исторію не зумію докладно. Мабуть не одно важне дило шмыгало поузъ мене, а я й не завважувавъ ёго, и навпакы, моя увага не разъ середъ того шаленого выру подій зупынялася на маловажныхъ дрибныцяхъ, на прывыдахъ, изъ якыхъ потимъ годи було злипыты щось циле та прыродне.

Почалося зъ того, що одного дня я одержавъ изъ дому телеграму. «Прыйиздждай заразъ. Твій тато». Щось немовъ торкнуло мене въ души, колы я прочытавъ ти слова. Але телеграму я одержавъ о девятій годыни вечеромъ, саме колы выбырався до кавярни Суберлёвои, щобъ пасты свои очи выдомъ Киценькы. У мене тремтилы рукы. Я кынувъ телеграму на стилъ, не думаючы про неи, натыснувъ шапку на вуха, бо на двори ревла та свыстила хуртовына и была въ очи снигомъ, и побигъ вулыцямы. У мене було ще въ кышени килька гульденивъ, одержа-

ныхъ за продажъ годынныка. За пивъ годыны я сыдивъ уже въ кавярни середъ клубивъ дыму та пьяного гамору, пывъ чорну каву, чытавъ газеты, а властыво чытавъ иноди очыма надруковани сторинкы, а самъ ненастанно глядивъ на двери, якымы мала вiйты вона. Але мынула десята—вона не прыходыла, мынула одынадцята—iи не було, мынула дванадцята—Киценькы ни слуху ни духу. Я сыдивъ мовъ у горячци, пывъ одну чарку за другою, въ голови у мене шумило, передъ очыма скакалы друковани буквы зъ газетъ, яки я державъ у рукахъ, та думка не клеилася въ моiй голови. Нарешти по важкiй боротьби зъ самымъ собою я зважывся запытаты у однои зъ тыхъ панночокъ, яки услугувалы сёгодни, що сталося зъ Киценькою?

— О, вона вже не прыйде сюды!—весело видповила панна, сидаючы биля мене и дмухаючы мени дымъ изъ своеи папироскы просто въ очи.

— А то чому!

— А вамъ цикаво знаты?

— А вже-жъ цикаво.

— А мени нецикаво оповидаты.

— А чого треба, щобъ васъ зацикавыты?

— Го, го багато де-чого треба. А попередъ усёго два келишкы коньяку, щобъ добре бесидувалося.

Я веливъ прынесты два келишкы коньяку. Вона стукнулася зи мною, прыгубыла свою чарку, а решту вылыла на тацку. Я такожъ лыше прыгубывъ и не пывъ.

— Отже що сталося зъ Киценькою?

— Нема iи.

— А дежъ вона?

— А на що вамъ знаты?

— Треба.

— А по-що треба? Такъ вамъ вона сподобалася?

— Та вже чы сподобалася, чы ни, а треба.

— Э ни, я на таке не пышуся. Кажить, подобалася вамъ, чы ни?

— А вже-жъ сподобалася.

— И вы закохани?

— Смертельно.

Мои уста сміялыся, а за серце стыскало щось мовъ клищамы.

— А, колы смертельно... Але пыйте! Чому не пьете!

Я выпывъ.

— Ще два коньяки!—гукнула вона кельнерови.

— Панъ велять?—запытавъ мене кельнеръ, не дывлячыся на неи.

— Такъ!—сказавъ я машынально, не зводячы зъ неи очей.

Вона знов дмухнула мени дымомъ изъ своеи цыгаретки просто въ очи.

— Смертельно! Бидный хлопчына! И за що властыво? Ну, скажы, за що ты любышъ іи?

— Або я знаю! Такъ якось трапылося. Але де вона?

— Може дома.

— Чомъ не прыйшла сюды?

— Бо іи видправлено. А може й сама выступыла. Сёго не знаю.

— А де вона жыве?

— Тутъ же на другимъ поверси.

Мене мовъ штовхнуло щось. Я хотивъ бувъ у тій самій хвыли видипхнуты свою розмивныцю, зирватыся зъ мисця и безъ тямы бигты кудысь, бигты до неи, щобъ лышъ побачыты іи, буты на хвыльку блызько неи. Та все такы я перемигъ себе, зробывъ байдужне лыце, поклыкавъ кельнера, заплатывъ и выйшовъ. Опынывшыся на вулыци, я мымохитно обтеръ соби питъ изъ чола и важко видитхнувъ, мовъ вырвався зъ-пидъ тяжкого тягару. Потимъ я пишовъ вулыцею навмання, сылкуючыся змиркуваты, що властыво сталося и що значыть для мене ся новына? Вона покынула службу въ кавярни. Чому? Ну, се байдуже. Але вона безъ службы. Може въ прыкримъ становыщи? Може іи прогнано, скрывджено пры выплати? Може у неи стара маты, дрибни сестры та браты, якыхъ вона мусыть удержуваты? Мени набигалы на умъ рижни сытуаціи, де дивчына, нибы то пропаща, являлася

героинею, що жертвувала свою дивочу честь для удержання своеи ридни. Я постановывъ соби навидатыся до неи, розпытаты у сторожа про іи обставыны, виддаты все, щобъ допомогты ій. Я укладавъ соби рижни пляны, якъ доступыты до неи, сблызытыся до неи, здобуты іи довирья, и зъ тою постановою зайшовъ додому, розибрався на-потемкы и лигъ спаты.

И спавъ твердо десь до другои по-полудни. Мене збудыло сыльне стукання до дверей. Лыстокъ изъ телеграмою. Я видчынывъ, пидпысавъ рецеписъ, машынально розирвавъ телеграму, прочытавъ. «Прыйиздҗай заразъ. Твій тато!» Я здывувався. Що се таке? Я-жъ уже дыставъ таку телеграму. Чы се та сама нadана черезъ помылку другый разъ? У насъ почтаръ иноди напьется та перепутае высылку. А колы ни, що се значыть? Чого два разы те саме телеграфують? Чого прыйиздҗаты теперъ, зымою, въ таку фугу? Зализныча станція у насъ мала, видъ неи чотыры мыли дорогы саньмы, у мене нема й одежи такои, щобъ можно було пускатыся въ таку дорогу. Що се може значыты? Я теръ долонею чоло, мучывся думкамы, напывся воды и заснувъ. А колы прокынувся десь коло пьятои, одынокою моею думкою була Киценька. Що зъ нею? Якъ добратыся до неи? Де здыбаты іи? Про телеграму я й не думавъ. Зибрався, замкнувъ покій и выбигъ на мисто. Пообидавшы, я побигъ на Вирмяньску и почавъ ходыты попередъ камьяныцею, надіючыся здыбаты Киценьку, колы буде входыты або выходыты зъ брамы, а тоди вже,—що тоди буде, я й не брався думаты, але чувъ у своій души якусь незломну постанову, якусь непохытну певнисть, що тоди здобудуся на якыйсь ришучый крокъ.

Десь коло сёмои вона выйшла, гарно одягнена, въ барвыстимъ капелюси зъ велыкымъ струсячымъ перомъ. У мене завмерло серце. Я поклонывся ій, але пидійты до неи, заговорыты не було ани думкы. Вона злегка кывнула мени головою и пишла гордо выпрямлена вулыцею. Я йшовъ за нею въ виддаленню якыхъ двадцятёхъ крокивъ. Я не зводывъ очей зъ іи капелюха. мовъ морякъ изъ полярнои звизды. Мене потручували, мени ставалы на ногы, снигъ замитавъ мени очи, та я не зважавъ ни

на що. А вона озиркнулася разъ, озиркнулася другый разъ и очевыдно все пизнавала мене. Що діялося въ моій души въ ту пору—страшно подуматы. Одынока думка: не вже вона *така?* Ся думка така, натуральна въ даннимъ становыщи, выстарчала для мене за циле пекло. Я бигъ за нею, весь тремтячы, задыханый, безтямный, а вона, здавалося, йшла все швыдше, виддалялася видъ мене все бильше, выбырала сами найлюднійши вулыци, потимъ выйшла на рынокъ, пройшла однымъ бокомъ, выйшла на Трыбунальську. Іи капелюхъ чымъ разъ частійше тонувъ у потоци чужыхъ темныхъ постатей и наразъ счезъ зовсимъ. И я побигъ напередъ, кынувся сюды й туды—нема Киценькы. Мовъ шаленый бигавъ я по всихъ сумежныхъ вулыцяхъ, довкола рынку, по Галыцькій, по Маріяцькій площади,—ниде не було іи. Счезла, мовъ парою розвіялась. Снигъ липывъ чымъ разъ дужчый. Коло десятои почалы вулыци пуститы. Я ще якыйсь часъ ходывъ, мовъ вартовый передъ брамою тои камьяныци, де жыла вона, але даремно ходывъ: Киценькы не було ани слиду. Мабуть вернула до-дому швыдше. А може знайшла де-инный обовьязокъ, що зупынявъ іи всю ничъ? Але де? Ничныхъ кавярень такыхъ, якъ Суберлёвои, у Львови не було. Я даремно ломавъ соби голову и по дванадцятій, весь розбытый, утомленый, мокрый и зиприлый, вернувъ до-дому. Сторожъ, видчыняючы мени браму, набурчавъ на мене, що разъ-у-разъ волочуся такъ до пизна, а тутъ телеграфный писланець розбигався зымою. Що за лыхо зъ тымы телеграмамы?—подумавъ я и махнувъ рукою, мовъ обганяючыся видъ влазлывои мухы. Але вдумуватыся въ сытуацію моеи батьківщыны я не мавъ ани часу, ани охоты, ани сылы. Я роздягся, весь продрогъ у нетопленій хати и, обвынувшыся ковдрою та накынувшы ще на ковдру все мое мокре убраня, я лежавъ, дзвонячы зубамы та трясучыся мовъ у пропасныци, покы важкый сонъ не налигъ на мои повикы.

Рано я прокынувся зъ сыльнымъ болемъ головы. Я мавъ таке чуття, що хтось довбнею бье мене по тимью. Важко стогнучы, я пидвивъ голову и тилькы по хвыли розибравъ, що хтось сердыто стукае до моихъ дверей. Я зволикся зъ лижка, босымы

ногамы пишовъ до дверей и видчынывъ. У клубахъ морознои пары, що бухнула до покою, стоявъ возный видъ телеграфу.

— Я вже думавъ, чы васъ не вбыто, або чы вы не загорилы,—мовывъ винъ.—Пивъ годыны стукаю до дверей, та годи васъ добудытыся.

И винъ подавъ мени дви телеграмы.

— Зъ одною я вчора не мигъ васъ дождатыся,—пояснывъ винъ.—Надіюся, що нема тамъ ничого пыльного.

Я пидпысавъ обыдва рецеписы, давъ возному двадцять крейцаривъ, затулывъ обыдви телеграмы въ жменю и, сичучы зубамы, замкнувшы двери, закопався зновъ пидъ ковдру. Якась невымовна млисть опанувала мене; якесь ослаблення не то тила, не то воли. Я лежавъ, якъ колода, грився. Ворухнутыся рукою або ногою выдавалося мени велычезною, надсыльною працею. Зъ телеграмамы въ жмени я швыдко заснувъ, не розгортавшы ихъ.

Що було дали, я не тямлю. Мовъ кризь сонъ прыгадуются якись люти стукання, якись голосы, якись холодни рукы, що стыскалы мене мовъ клищамы, а дали все заволикае сира, непрозора мряка.

VI.

Опанасъ помовчавъ хвылю, передыхнувъ, обтеръ питъ, що выступывъ ёму на чоло, и, зырнувшы не смило мени въ очи та переконавшыся, що я не дримаю, почавъ оповидаты дали.

— Я прокынувся въ шпыталю. Мени сказалы, що я пролежавъ безъ тямы два тыжни. Безтямного спровадылы мене люде. Колы сторожъ, почувшы стогнаня въ моимъ покою, поклыкавъ полицію, ся выважыла двери и велила забраты мене до шпыталю. Обыдви телеграмы и пару лыстивъ, що прыйшлы булы въ часи моеи хоробы, знайшовъ я обикъ себе въ шуфляди нахткастлыка [1]). Въ одній телеграми булы слова: «Благословлю тебе, твій тато», а въ другій видомисть про смерть моёго тата. Въ лысти

---

[1]) Ничный шкафчыкъ.

нашъ громадськый пысаръ доносывъ мени про те, якъ мій тато, а заразъ по нимъ моя мама, занедужалы на тыфъ, якъ обое бажалы конче бачыты мене передъ смертю, посылалы письанця за письанцемъ до телеграфу, якъ тато не диждавшыся мене вмеръ, а за нымъ до трёхъ день умерла й мама. Теперъ зъ порученія начальныка громады доносывъ мени, що мою ридну хату опечатано, що тато пры свидкахъ полышывъ для мене все свое добро, що про се вже заявлено до суду, и взывавъ мене, щобъ я якъ найшвыдше зголосывся обняты въ посиданія свою батькивщыну.

Я чытавъ ти документы и дывувався. Мени здавалося чомусь, що все те мени видоме, що я самъ бувъ тамъ, ишовъ за похорономъ своёго батька, прынявъ благословенство видъ матери и перебувъ усе те, що повыненъ бувъ перебуты пры такій нагоди. И ни що теперъ не ворушылося въ моимъ серци пры тій висты. Такъ видъ разу й выйшло, немовъ усе те такъ и мусило статыся, и власне теперъ, у сю пору. Я почувъ навить якесь облекшення, мовъ на мени порвалыся якись пута, що вьязалы мене, и мовъ теперъ я буду мигъ свободно полетиты кудысь, розпочаты щось таке, про що передъ тымъ навить не смивъ подуматы. Про Киценьку я неначе зовсимъ забувъ,—вона не истнувала для мене, въ голови не ворушылася про неи ани одна думка.

Я пролежавъ ище килька день у шпытали, покы мигъ выйты на свитъ. Та скоро тильки я выйшовъ на вулыцю и мене обхопыло холодне сичневе повитря и въ очахъ замыготилы діяменты—видблыскы снигових зирочокъ, розискреныхъ сонцемъ, я въ тій самій хвыли почувъ, якъ думка про Киценьку, непереможне бажання летиты до неи, шукаты іи, кынуты ій до нигъ усе що маю, виддатысь ій увесь безъ огляду—опанувалы всю мою истоту. Ще не твердымы крокамы я поспишывъ на Вирменську и почавъ вартуваты передъ брамою, видкы надіявся выходу Киценькы. Пару годынъ я ждавъ даремно, перемерзъ и пустывся ходыты по вулыци, колы наразъ на рози наткнувся на Киценьку. Вона шла зъ рынку. Я зъ неопысаною тривогою поклонывся и ставъ неначе вкопаный. Вона зиркнула на мене, всмихнулася, зупыны-

лася, подумала щось, потимъ прыступыла до мене и мовыла коротко:

— Ходы до мене!

Я жахнувся, немовъ бы ось тутъ коло мене вдарывъ гримъ. Та про те я машынально пишовъ за нею. На другимъ поверси въ одчыненыхъ дверяхъ вона ждала на мене зи свичкою въ руци. Я зупынывся въ неришучосты. Вона взяла мене за руку и потягла за собою, шепнувшы одно слово:

— Ходы!

Я війшовъ. Вона замкнула двери и попросыла мене зняты пальто и систы соби. Іи помешкання складалося зъ просторого, ясного покою й ныши, де стояло іи лижко. Покій бувъ уряджений якъ салёныкъ, обставленый зи смакомъ, хочъ безъ выставносты. На мене дыхнуло любе тепло, не знаю чы видъ натопленои печы, чы видъ іи особы. Вона скынула зъ себе пальто, и опынылася переди мною въ елегантній вовняній сукни, скромно и зи смакомъ зачесана. На іи лыци не выдно було ани слиду заклопотання. Поверталася свобидно, зъ тою властывою ій маестатычною граціею, що такъ хапала мене за серце. Повештавшыся по помешканню, поправывшы передъ зеркаломъ волосся и кокарду пидъ шыею, немовъ хотячы даты мени хвылю часу отямытыся, вона станула передо мною и, вдывляючыся мени въ лыце, зъ таемнычымъ усмихомъ запытала:

— Любышъ мене?

Я не видповивъ ничого, тильки вхопывъ іи обыдви рукы и почавъ покрываты ихъ поцилунками. Слёзы рынулы мени зъ очей, закапалы на іи рукы.

Вона сила биля мене на крисли и прыгорнула мене до себе, прытулыла мою голову до своихъ грудей. Я тыхо хлыпавъ.

— Ну, ну, цыть, дурненькый!—мовыла вона.—Я все знаю. И чого було не прыйты заразъ тоди, якъ тоби Наталя казала? Треба було конче простужуватыся и йты до шпыталю?

Я зъ жахомъ поглянувъ ій у лыце.

— Кажу жъ тоби, що все знаю. Про тебе було въ газетахъ. И про те, що твои стари померлы.

Я тильки въ тій хвыли догадався соби, що телеграмы и лысть, яки я знайшовъ у шпытали, булы порозпечатувани. И якъ се я въ першій хвыли не доглянувъ сёго? А вона встала, поправыла вогонь у печы и лямпу на столи и зновъ стала переди мною.

— Ну, скажы що? Чого тоби треба видъ мене?

— Ничого,—видповивъ я.—Я счаслывый тымъ, що ты дывышся на мене.

— Ха, ха, ха!—засміялась вона.—Отъ ище дывачына! Ну, але скажы, що думаешъ робыты теперъ?

— Не знаю. Ничого не думаю.

— А багато лышылы тоби стари?

— Не знаю. Грошей певно ніякыхъ, але господарство, поле...

— Килько жъ се може буты вартъ?

— Не знаю. Тры, чотыры тысячи.

— Гмъ!

Вона пару разивъ пройшлася по покою, немовъ обмирковуючы щось, а потимъ зновъ стала переди мною.

— И що жъ ты думаешъ робыты зъ тымъ?

— Не знаю.

— Може хочешъ иты на село, осисты на грунти? А може й видъ мене зажадаешъ, щобъ я йшла зъ тобою, зробылася селянкою и годувала гусей та свыней?

Я зъ переляком̆ъ выдывывся на неи. Таке жадання выдалося мени чымсь бездонно абсурднымъ та неможлывымъ.

— Ну, скажы бо! Говоры! Думай!

И вона обома рукамы потермосыла мене за плечи.

— Зроблю все, що звелышъ,—прошептавъ я.

— Такъ? Ну, се гарно. За се люблю тебе. На!

И вона нахылылась и поцилувала мене въ чоло. Видъ дотыку іи устъ у мене мовъ огняни мурашкы забигалы по-пидъ шкирою.

— Слухай же!—мовыла вона, зновъ сидаючы биля мене и прыгортаючы мою голову до своеи груды ливою рукою.—Подобаешся мени. Хочешъ йихаты зо мною?

— Куды?

— Въ свитъ. Я не думаю сыдиты въ тимъ проклятущимъ Львови. Тутъ мени не мисце. Тутъ я Киценька и нищо бильше. А мене тягне до чогось выщого. Чую въ соби сылу, талантъ, огонь. Хочешъ допомогты мени вырватыся зъ сеи проклятои норы?

— Все виддамъ, щобъ допомогты тоби,—скрыкнувъ я зъ запаломъ.

Вона скоса зъ усмихомъ дывылася на мене.

— А ты навить гарный, колы не кыснешъ. Люблю такый запалъ у молодыхъ хлопцивъ. Дай уста.

И вона вхопыла обома рукамы мою голову, прыхылыла до себе и поцилувала мене въ уста. Я стратывъ памьять. Якась невымовна роскишъ наповныла мое серце. Думалось, що зомлію, що мынуся въ тій хвыли.

— Слухай же,—мовыла вона дали:—видъ ныни за тыждень йиду геть зи Львова. Мушу, не выдержу довше. Колы хочешъ йихаты зи мною, будь готовъ до того часу. Видъ ныни за тыждень. У-вечери. Ось тутъ. Зликвидуй свои дила, продай свою спадщыну, чымъ дорожче, тымъ липше. Робы якъ знаешъ. Видъ ныни за тыждень, у-вечери, ось тутъ, жду на тебе. Не прыйдешъ видъ завтра за тыждень, уже мене тутъ не буде и нихто не знатыме, де я. Якъ бы не ты, якъ бы не те, що ты подобався мени видъ першого разу, и якъ бы не ота прыгода зъ тобою, що попала въ газеты, я була бъ вже выйихала передъ тыжнемъ. Отже чуешъ? Розуміешъ? На, поцилуй мене и йды теперъ и робы якъ знаешъ. Я не сылую тебе, але ждатыму. Хочешъ закоштуваты счастя зо мною, то прыходь. Добра́-ничъ.

Я поцилувавъ въ іи уста, въ рукы и выйшовъ позбавленый до разу власнои воли, выйшовъ іи невильныкомъ. Моя доля була запечатана, и я не мигъ навить подуматы про те, щобъ боротыся зъ своимъ прызначенням.

— — —

VII.

Опанасъ замовкъ. Я пидвивъ очи и глянувъ на нёго. Ёго лыце було смертельно блиде, зъ очей градомъ котылыся слёзы.

— Опанасъ!—скрыкнувъ я.—Годи тоби! Тебе занадто розворушують ти спомыны. Ходимъ спаты, а то ще занедужаешъ.

— Ни, не бійся—видповивъ винъ.—Не занедужаю. Навпакы. Ты не знаешъ, яку полекшу на серци робыть мени те, що можу разъ подилытыся тымы спомынамы зъ кымсь иншымъ. Десять литъ я мовчавъ и носывъ ихъ, мовъ каминь, на серци. То вже теперъ, колы твоя ласка и колы... Але ты може втомленый зъ дорогы, спаты хочешъ?

— Ни, зовсимъ ни!—запевнывъ я. Тай хиба бы чоловикъ деревомъ бувъ, щобъ твое оповидання не прогнало ёму сну зъ очей.

— Но, но, безъ комплементивъ!—осмихнувся винъ, обтеръ очи и веселишымъ голосомъ говорывъ дали.

— Мени зъ рештою не багато й лышылося оповидаты. Кинець историы не цикавый, можно й напередъ догадатысь ёго. Я заразъ на другый день пойихавъ у село, оглянувъ свою батькивщыну и заходывся шукаты купця на неи. Певна ричъ—по-тыхо. Селяне вси радылы мени вертаты въ село, господарюваты, але нихто не знавъ, що кыпило въ моій души. Залагодывшы потрибни судови формальносты, я продавъ мисцевому арендарю всю свою батькивщыну за пьять тысячъ. Лыце горило мени зъ сорому, серце краялося, колы я пидпысувавъ контрактъ, але у мене не було выбору, надъ усимъ панувавъ образъ Киценькы. Думка про те, що се іи воля, іи наказъ, що вона жде мене зъ своимы палкымы обіймамы й огныстымы поцилунками, зъ своею ненаглядною красою и граціею,—ся думка переважала все. И колы по докопаній продажи я, мовъ злодій, выйиздждавъ изъ села, я прощався зъ нымъ безъ слизъ, безъ жалю; я чувъ тилькы звытокъ зъ пятьма тысячореньсковымы банкнотамы на грудяхъ, а серце було повне Киценькы. И колы обурени селяне на видйизд-

нимъ обкыдалы мене лайкамы, прокляттямы та жменямы болота, я кулывся та хылывся мовъ пидъ громомъ, але не почувавъ ніякого жалю, ніякого гниву, ніякого сорому. Киценька заслонювала мени весь свитъ, заминювала вси почуття, заповнювала вси бажання.

Бувъ останній вечиръ передъ вызначенымъ нею реченцемъ іи видйизду. Зъ якою душевною мукою бигъ я на Вирменську! Ану-жъ одурыла! Ану-жъ видйихала безъ мене! Що тоди? Передо мною рознимала чорну пащеку якась страшна безодня. Опынывшысь на рози Вирменськои, я зырнувъ у гору на іи викна. Ажъ, воны булы освитлени!»—значыть, не выйихала! Якъ выхоръ полетивъ я горй сходамы, застукавъ до іи дверей и, не дожыдаючы голосу, влетивъ до покою. Вона сыдила на велыкимъ куфри въ подорожнимъ убранню, зъ очыма, обернеными до дверей. Іи лыце було блиде-блиде, очи горилы.

— Ось я!—скрыкнувъ я, переводячы духъ.—И ось тутъ--на!

И я поклавъ передъ нею пьять тысячоренськыхъ банкнотивъ. Вона всмихнулася и махнула рукою.

— Сховай се! Я ждала тебе. Бачышъ, я готова до дорогы. Подзвоны на сторожа, щобъ поклыкавъ фіякра.

Я подзвонывъ и розпорядывся, а потимъ обернувся до неи.

— А якъ бы я бувъ не прыйихавъ, запизнывся о пивгодыны, то ты була бъ видйихала безъ мене?

— Розуміется,—сказала вона коротко.

Я взявъ іи руку. Вона була холодна, якъ крыга.

— Що тоби таке? Ты хора?—запытавъ я іи.

Вона не видповидала.

— Киценько! Жыття мое!—скрыкнувъ я.—Скажы мени, ты ненавыдышъ мене? Не рада, що я прыйшовъ? Хотила йихаты сама, безъ мене? Колы такъ, то на тоби гроши и йидь. Я не маю ніякои претензіи.

Я подавъ ій гроши. Вона легкымъ рухомъ рукы видстороныла ихъ, потимъ усмихнулася— якъ мени здавалося, кризь слёзы— и своимъ звычаемъ, узявшы мою голову въ обыдви долони и прыгорнувшы іи до себе, поцилувала мене въ чоло и мовыла:

— Якый ты дурненькый! И не вгадавъ. Знаешъ, я вже почала була сумниватыся, чы ты прыйидешъ. Думала, що твоя батькивщына переможе въ твоій души мій образъ. Ну, а якъ бы ты не бувъ прыйихавъ, я була-бъ, розуміется, видйихала, але зъ однымъ намиромъ.

— Зъ якымъ?

— Се вже мій секретъ.

— Скажы мени ёго.

— По що?..

— По що? Щобъ я знавъ.

— Про мене. Зъ намиромъ—на найблыжчій станціи або за станціею кынутыся пидъ колеса зализныци.

Я зъ жахомъ обнявъ іи, немовъ хтось сылкувався вырваты іи у мене.

— Киценько, а то чому?—скрыкнувъ я.

— Ну, у мене не було иншого выходу. Такъ и памьятай соби: сёгодни ты своимъ прыбуттямъ уратувавъ мене видъ немынучои...

Кинець сёго речення я заглушывъ своимы поцилункамы.

Десять мынутъ пизнійше мы силы на фіякра и пойихалы до зализныци.

— Куды-жъ мы йидемо?—запытавъ я.

А тоби що до того?—видповила вона ризко.—Йидемо, куды я хочу. Ты теперъ мій и я роблю зъ тобою, що сама захочу.

— Докы що?

— Докы не кыну! Ха-ха-ха! Страшно тоби?

— Ни, не страшно.

— Любышъ мене про те?

— Люблю.

— Ну, гляды жъ! У мене тверда школа.

Мы надоспилы якъ разъ на курьерськый пойиздъ до Видня. Вона взяла два билеты першои кляссы, виткнула щось у руку кондукторови, и колы пойиздъ рушывъ, винъ заперъ за намы купе. Тоди Киценькакы нулася мени на шыю и, цилуючы мене, мовыла:

— Ну, теперъ почынается наша шлюбна подорожъ!

У Видни мы сталы рано. Я бувъ безтямный, ошеломленый, а вона—мовъ зовсимъ ничого. Поклыкала пакера, заговорыла до нёго чыстисенькымъ виденьскымъ діалектомъ, щобъ замовывъ намъ фіякра, и мы зайихалы до якогось готелю. Тамъ намъ далы дви гарни кимнаты, и въ ныхъ я прожывъ зъ Киценькою чотыри дни—чотыри найсчаслывійши дни моёго жыття. Що я буду тоби опысуваты те, що пережывъ тоди! Таки рычы не опысуются, а хто ихъ не пережывъ самъ, той не видчуе ніякого опысу, а головна ричъ, кождый изъ тыхъ счаслывцивъ, якымъ выпадають на долю подибни дни, пережывае ихъ по своёму. Киценька розсыпала передо мною вси чары своеи красы, свого доброго, справди золотого серця, свого незвычайного розуму. Кожда хвылына моёго побуту зъ нею видкрывала мени въ ній щось нове, прынадне, любе. А ни одна хмарыночка, а ни одно непорозуминня, а ни одна брутельна чы цынична рысочка не закаламутыла того свитлого, чыстого образа, якый зложывся въ моій души въ іи подобызну. Все и всюды вона була супроты мене така суцильна, натуральна и, бачылось, непорочна душею, а пры тимъ весь спосибъ іи поводження выявлявъ стильки простоты и деликатносты, що я тильки тоди пизнавъ, до якои высоты може цивилизація пиднесты людыну, а специяльно жинку. И я всимъ своимъ еством поклонывся тій цивилизаціи и поклавъ служыты ій усе свое жыття, шырыты хочъ ти слаби іи проминчыкы, яки здужавъ захопыты. А дывлячыся на Киценьку и любуючыся нею, я въ души запытувавъ себе, видкы се и якымъ правомъ я, бидный Рутенецъ, прыходжу до того, щобъ роскошуватыся такою перлыною людського роду?

Було щось загадкове, таемныче въ іи повединци, якись наглі скокы, мовъ непереможени порывы якоись темнои сылы. Я килька разивъ запытувавъ іи, благавъ, щобъ видкрыла мени свою душу, подилылася зо мною всимъ тымъ, що тысне и турбуе іи. Вона якось мылосердно всмихалася пры тыхъ словахъ, гладыла мене по-пидъ бороду та говорыла:

— Ну, ну, ты дурненькый! Годи тоби.

А потимъ сяде до фортепьяна, вдарыть килька акордивъ и затягне писню. Спивала и грала чудово—бодай я ни передъ тымъ, ни потимъ не чувъ ничого кращого. Особлыво любыла одну писеньку—може й сама зложыла іи...

Въ день мене любыть
Сонце въ простори,
Я жъ покохала
Ничніи зори.
Въ день мене сонце
Цилуе въ очи,
Серденько жъ прагне
Темнои ночи.
Якъ бы я мала
Надъ сонцемъ сылу,
Я бъ ёго вклала
Въ темну могылу.
Я бъ заминяла
Сонце за свичку,
Вси дни бъ виддала
За одну ничку.

— А проспивавшы кынется до мене, цилуе и пестыть и прыговорюе:

— Розуміешъ се? Розуміешъ? Знаешъ, яка я? Ну, то не допытуйся дали.

Я не розумивъ, не хотивъ розумиты ничого по-надъ те, що давала мени хвылына. Одно тильки я прочувавъ, що такыхъ хвылынъ ніякому чоловикови въ свити, а тымъ менше мени, не могло судытыся багато.

Отъ тымъ то мене майже зовсимъ не здывувало, колы збудывшыся пьятого дня, я не заставъ Киценькы на іи лижку и колы поклыкана моимъ дзвинкомъ Zimmermädchen сказала мени, що «die gnädige Frau ist verreist». Правда, у мене пры тій видомосты зробылося на души такъ, немовъ нади мною раптомъ погасло сонце, але заразъ же потимъ прыйшла рефлексія и почала

шептаты мени: «А ты жъ якъ думавъ? Воно лыше для тебе свитыть? И для тебе сходыло? Будь радъ, що й стильки бачывъ ёго?»...

Якыйсь часъ я снувавъ по покояхъ, мовъ непрыкаяный, не знаючы що робыты, за що взятыся. Потимъ, глянувшы на іи нахткастлыкъ, я побачывъ на нёму лыстъ зъ напысомъ на конверти: «Fidelio». Се мене вона назвала тымъ романтычнымъ именемъ. Я отворывъ той лыстъ и прочытавъ. И раджу тоби тако жъ прочытаты ёго. Нехай винъ самъ говорыть за себе. Тымъ бильше, що я теперъ и не потраплю высловыты тоби й сотои часты того вражиння, яке винъ тоди зробывъ на мене. Ось на́ тоби ёго Бачышъ, я справывъ соби на нёго срибну пушку—одыноку люксусову ричъ, яка йе у мене. Бо се жъ найбильша моя святисть, одынока памьятка жинкы, що разъ на все заповныла мою душу. Чытай и миркуй самъ, що маю судыты про неи.

И винъ изъ окремои шуфлядкы свого столыка вынявъ невелычку, гарно зроблену пушку, видчынывъ іи и вынявъ изъ неи маленькый лыстокъ у незапечатаній коверти. Закымъ податы ёго мени, винъ прытулывъ ёго до устъ.

— Ще чуты запахъ тои перфумы, яку вжывала вона тоди,— мовывъ Опанасъ, и по короткій мовчанци додавъ,—знаешъ, я не забобонный, але поклавъ соби въ души таке вируванне: докы видъ сёго лыста чуты іи перфуму, доты я певный, що вона жыве, и значыть, доты можу надіятыся, що вона ще верне до мене

Я розгорнувъ лыстокъ, пысаный дуже гарнымъ жиночымъ почеркомъ на моднимъ передъ десятьма рокамы лыстовимъ папери, и прочытавъ ось що:

«Дорогій мій Fidelio! Пора намъ розійтыся. Я йиду, куды клыче мене доля. Не сердься, що выйизжаю безъ прощання. Виръ мени, такъ буде лыпше. И не вынувать мене, що корыстуюся гришмы, яки ты подарувавъ мени. Беру ихъ якъ доказъ твоеи любовы. Я дала тоби за ныхъ те, що могла даты на рази, и вважаю себе на дали твоею довжныцею. Надіюся, що прыйде

ще часъ мени поквитуваты тебе. Вирю въ твою вирнисть и щыристь, що ты не обвынуватышъ и не будешъ пошукуваты мене. Се зъ рештою и не прыдалось бы ни на що. А теперъ слухай моеи рады. Вертай назадъ до свого ридного краю. Кинчи студіи, здобувай соби жытеве становыще. И докы у тебе въ души не вызгасне спомынъ про мене, не забувай хочъ до року напысаты мени пару сливъ на адресъ: A. Z. № 12. Wien VIII: назва. Якъ жывешъ, чымъ займаешся, чы жонатый,—чуешъ, се доконче—и яка твоя адреса. Чы дистанешъ колы яку видповидь видъ мене, чы ни, а ты не забудь напысаты. Се потрибно. А теперъ бувай здоровъ! Ты спышъ солодко. Цилую тебе въ чоло. Твоя Киценька.

P. S. Нашъ готелевый рахунокъ я выривняла. Тоби на дорогу и на перши потребы лышаю въ твоій вализци сто гульденивъ. Бильше не можу. Ну, до побачення!»

— Ось тоби и уся моя драма,—мовывъ зитхаючы Опанасъ, колы я, дочытавшы лыстъ, зложывъ ёго и виддавъ ёму, а винъ знов обережно поцилувавъ ёго, сховавъ до пушкы, а пушку до столыка.

— Ну, и щожъ ты зробывъ потимъ?—запытавъ я.

— Зробывъ усе такъ, якъ велила вона. Не шукавъ за нею, пойихавъ изъ Видня, а зрикшыся разъ на все всякои думкы про каріеру, пишовъ зи Львова до Станиславова, скинчывъ тамъ учытельську семынарію, зробывъ испытъ и отсе вже пьять литъ учытелюю тутъ у горахъ та сію потроху зерно цивилизаціи въ темнимъ закутку.

— А до неи пышешъ?

— Разъ на рикъ. Коротко, безъ чутлывосты, подаю лыше реляцію изъ мого жыття, свою адресу и поздоровлення тай годи.

— А диставъ колы видповидь?

— Николы. А ни слова.

И не знаешъ, де вона, що зъ нею?

— Ничогисенько не знаю. И байдуже мени. Люблю іи, жыву спомынамы про неи,—и досыть мени. И ти спомыны пиддержують мене въ тяжкыхъ злыгодняхъ. А зъ по-за туманивъ

невидомого все мовъ іи била рука кывае до мене и чуется іи остатне слово: «До побачення»!

Опанасъ замовкъ, задумався. Лампа почала погасаты. Мы полягалы спаты.

Другого дня мы по снидванню обыдва выбралыся въ дорогу. Опанасъ провивъ мене до мисточка, куды було треба. Винъ бувъ замысленый, але спокійный, оповидавъ про свои заходы коло просвиты селянъ та економичного пидвыгнення, про свою ненастанну боротьбу зъ властямы. Про Киценьку не було а ни згадкы.

VIII.

Мынуло звышъ пьятнадцять литъ видъ того часу. Я зновъ стратывъ зъ очей Опанаса, тымъ більше, що на два, чы тры мои лысты до ёго не одержавъ видповиди. Ажъ литомъ 1904 р. я побачывся зъ нымъ на вичу галыцькыхъ и буковынськыхъ учытеливъ. Винъ значно постарывся, посывивъ, запустывъ велыку бороду, але все-такы держався просто, бувъ статный и крипкый, говорывъ смило. Давнёго заляканого погляду, меланхолійного зитхання не було а ни слиду. Се бувъ очевыдно чоловикъ, якый знавъ, що и по що робыть, а чуючы за собою совисну и позытывну працю, глядыть кожному смило въ очи. Мы прывиталыся сердечно, умовылыся, де маемо здыбатыся по вичу, а зійшовшыся ввечери, пры склянци пыва, розбалакалыся.

— Ну, що тамъ твои горы?—запытавъ я въ Опанаса.

— Го, го, мои горы!—видповивъ винъ.—Такы воны мои, якъ твои. Я вже давно зъ гиръ. Видъ того часу, якъ мы бачылыся,—осьми мои переносыны.

Мы побалакалы про ти переносыны та ще про де-що, та Опанасъ выдно ждавъ видъ мене якогось пытання, на яке у ёго готова була видповидь. А не можучы дождатыся того пытання видъ мене, винъ нарешти нахылывся до мене и прытышенымъ голосомъ запытавъ:

— Ну, а про неи не пытаешъ?

— Про кого бъ то?

— Ну, а про Киценьку.

— Що жъ про неи пытаты? Хиба сталося щось нового?

— А вже жъ сталося. Вона вернула до мене. Я вже бувъ у К., недалеко Дрогобыча. Одного вечора прыйиздыть до мене фіякеръ и на ёму дама вся въ чорному, закрыта чорнымъ серпанкомъ.

— Здоровъ бувъ Fidelio,—скрыкнула ще зъ воза. Голосъ іи бувъ, мовъ переломаный, але я пизнавъ іи видъ разу.—Ось бачышъ, я до тебе!

Я помигъ ій злизты зъ воза. Властыво я занисъ іи майже зовсимъ на рукахъ. Була легенька, якъ дытына. Колы стала на земли, я почавъ цилуваты іи рукы.

— Ну, ну, дай спокій!—мовыла вона.—Я прыйихала до тебе вмираты.

И пры тимъ вона видкынула заслону зи свого лыця. Було блиде, зъ выпеченымы на щокахъ румянцямы. Уста булы блиди, очи горилы. Я взявся потишаты іи, хочъ у самого серце мовъ клищамы здавыло.

— Ни, вже, сынку, не балакай ничого!—мовыла вона.—Я вже знаю, по що прыйихала. Докы була сыла, я розсыпала іи по свиту. Докы була краса, я чарувала нею. Докы було здоровья, я счастыла нымъ. Я жыла—що вже казаты. А теперъ прыйиздкаю до тебе вмираты. Прыймешъ? Не бійся, я довго не потягну.

У мене слёзы брызнулы зъ очей.

— Э ты, бачу, ще не позбувся сентиментальносты. Ну, ну, дай спокій! Встыгну ще набрыднуты тоби. Мовъ хвороба така, якъ той чехъ казавъ: «Ne boj se, ja te budu pomalenku rizal». Я для того и носыла іи зъ собою отсе вже тры рокы, щобъ не падто докучаты тоби. А гарно тутъ у тебе! Треба буде питы та роздывытыся по кладовыщи та вынайты соби мисце спочынку до вподобы.

Вона говорыла майже весело, хоча по кожнимъ реченю урывала и важко дыхала. Въ грудяхъ чулося легесеньке харчання.

И кожде іи слово, кождый отакый тонъ изъ іи грудей ризавъ мене по серци.

Прожыла у мене ще висимъ мисяцивъ. До самого кинця держалася на ногахъ, була весела, хоча говорыла вже майже лыше шептомъ. На моій намови узяты шлюбъ зи мною видповидала все однымъ ришучымъ: «ни». Мусыла бъ показаты мени свою метрычку (спалыла іи давно), выявыты свое дійсне имя и прозвыще, а цёго не зробыть ни за що. Я называвъ іи Галею, и вона полюбыла се имя. Хто вона була, видкы и якого роду, се лышылося тайною, яку вона и понесла зъ собою въ могылу. На тыхимъ сельськимъ кладовыщи въ тини прыстарои лыпы я похоронывъ іи видповидно до іи воли въ простій деревьяній домовыни, въ тій одежи, яку сама соби прыготовыла на смерть. А ни хреста, а ни надгробного каменя на своій могыли не велила класты. «Жыття дало мени все, що могло даты, нехай же и смерть бере все, що може взяты»—говорыла вона.

— Дывно дило Боже отака жинка,—додавъ Опанасъ по вхыли роздумы.—Глядышъ на неи зъ боку—пропаща. И сама вона не вважае себе ничымъ лишшымъ. А пиды жъ ты, яка сыла въ ній! Однымъ своимъ позыркомъ, однымъ, може навить несвидомымъ, рухомъ, однымъ недбало кыненымъ словомъ вона може зипхнуты чоловика въ безодню и може пидняты ёго и попхнуты до праци, до посвячення.

— Не всякого чоловика, Опанасе,—додавъ я.—А килько то було такыхъ, передъ кымъ твоя Киценька весь свій викъ розсыпала чары своеи красы та перлы своеи граціи та блыскы свого розуму и все-такы не попхнула ихъ никуды. Все се було для ныхъ «акы усерязь златъ въ ноздрехъ свиній»; перлы сыпалысь передъ ныхъ лышъ на те, щобъ воны моглы топтаты по ныхъ. На се треба маты такожъ певну здибнисть, треба маты, що такъ скажу, въ своій души свою «батькивщыну».

Иванъ Франко.

Злоключеніе трехъ кіевскихъ студентовъ въ прошломъ столѣтіи.

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ".

I.

Хорошо было въ Кіевѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1868 г. Потому, можетъ быть, такъ хорошо было тогда, что это была пора нашей молодости, когда мы собирались разставаться съ нашей alma mater. Погода стояла замѣчательная; цвѣты цвѣли роскошно; воздухъ сохранялъ еще свѣжесть и влажность, но въ его теплотѣ была какая то живительная сила, которой набраться намъ хотѣлось какъ можно больше. ибо время было трудное—время экзаменовъ, для меня послѣднихъ въ моей жизни. Сбывши какой то устный экзаменъ, наканунѣ письменнаго по русской словесности у А. И. Селина, зашелъ я послѣ обѣда къ одному изъ «вѣчныхъ» студентовъ. филологу Аристову.

— Пойдемъ за городъ!—сказалъ я ему, входя въ его конуру. Она помѣщалась противъ ботаническаго сада по Шулявской, «за яромъ», который былъ тогда на мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время построены зданія дѣтскаго пріюта и расположенъ садъ этого заведенія.

Аристовъ жилъ всегда впроголодь, писалъ стихи и никакъ не могъ собрать требуемыхъ за право ученія 40 руб. въ

годъ. Оттого и сталъ «вѣчнымъ» студентомъ. Когда не было у него ни уроковъ, ни заработка въ «Другѣ Народа» или «Календарѣ», то онъ цитировалъ:

«Я—царь, я—рабъ!
Я—червь, я—Богъ!»

съ особеннымъ удареніемъ на словахъ «рабъ» и «червь». Изъ года въ годъ онъ дѣйствительно все болѣе и болѣе погружался въ «рабство», пока, не кончивъ университета, сталъ дѣйствительно формальнымъ рабомъ двухъ названныхъ редакцій. Позже ему удалось издать сборникъ своихъ стихотвореній.

Формы студенты тогда не носили; его потертый, засаленный штатскій сюртучишко, слабо прикрывавшій грязные откладные воротнички когда то очень давно вымытой и накрахмаленной рубахи, съ невзрачностью всей фигуры, несмотря на поэтически разбросанную кучу русыхъ локонъ на головѣ, дѣлали его похожимъ скорѣе на подмастерье сапожника, чѣмъ на студента.

— Хотя вы «рабъ и червь» теперь, но вѣдь при такой погодѣ всякій червь выползаетъ изъ своей норы; а вамъ и подавно провѣтрить нужно и себя, и комнату вашу, прокопченную смраднымъ дымомъ! (Сочиняя стихи, Аристовъ много курилъ и, конечно, табакъ 3-го сорта, котораго четверть фунта стоила тогда 10 к.). Отворите окно и оставьте такъ, а сами пойдемъ въ Байкову рощу!—приставалъ я къ нему.

— Нѣтъ! я теперь—Богъ, я—Царь! Какой сонетъ сегодня у меня вылился на тему—«земщина» по ученію славянофиловъ! (Нужно замѣтить, что тогда о новыхъ земскихъ учрежденіяхъ писалось много въ высокопарно-символистическомъ тонѣ).

— Да какіе сонеты могутъ выйти въ такой смрадной атмосферѣ? Не разсуждайте! идемъ!

— Идти,—пойдемъ, но только не въ Байкову, гдѣ близость кладбища напоминаетъ о бренности всего земного. Я вѣдь теперь воспѣваю жизнь, которая наступитъ, когда Кіевъ соединится желѣзною дорогою съ другими центрами культуры: туда, туда! туда

на югъ хотѣлъ бы я... Пойдемъ, посмотримъ, какъ сооружають путь цивилизаціи въ нашу праматерь городовъ русскихъ.

— Ну и прекрасно! «Туда», но только поскорѣе «отсюда»,— сказалъ я. Мнѣ тоже хотѣлось увидѣть, какъ насыпають машиною желѣзную дорогу; а тогда только что начали строить Кіево-Балтскую дорогу.

Мы отворили окно, заперли дверь студенческой комнатки, за которую онъ платилъ 4 рубля въ мѣсяцъ, спустились по Шулявской на Жандармскую и зашли еще на одну студенческую квартиру, гдѣ жилъ естественникъ Дорошенко. Онъ тоже держалъ экзаменъ. Уроженецъ пирятинскаго уѣзда, по окончаніи Кіевскаго университета, онъ поступилъ въ Медико-Хирургическую академію, а потомъ служилъ до смерти своей въ полтавской губерніи земскимъ врачемъ. Это былъ брюнетъ дебелаго тѣлосложенія, рѣдко говорившій по-русски, и считался закоренѣлымъ хлопоманомъ или хохломаномъ, т. е. тѣмъ, что теперь называютъ украинофиломъ. Съ нѣсколькихъ словъ Дорошенко къ намъ также присталъ, и всѣ втроемъ по Жилянской, а дальше по зеленому лугу, отдѣлявшему тогда Кадетскій корпусъ отъ города, мы направились въ Кадетскую рощу. День былъ такой, когда по росписанію владѣльцевъ пруда, изъ котораго беретъ начало рѣка Лыбедь, мужчины купались послѣ обѣда. Мы не преминули воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. А намъ вѣдь предстояло наглядным наблюденіемъ рѣшить довольно интересный споръ. Одинъ изъ насъ утверждалъ, что полотно желѣзной дороги должно непремѣнно насыпаться по направленію прямой; другіе два думали, что оно можетъ дѣлать изгибы и закругленія и что насыпь, которую мы уже видѣли отъ шоссе до пруда, дальше въ рощѣ сдѣлаетъ заворотъ налѣво. Вѣдь тогда мы, кіевскіе студенты, только слышали, что строится желѣзная дорога Курско-Кіевская, но она еще до Кіева не была доведена; что гдѣ то подъ Одессою и отъ Петербурга до Москвы и до Острова существуютъ желѣзныя дороги; но какъ онѣ насыпаны —по прямой-ли линіи, или съ заворотами,—это видѣли только рѣдкіе изъ насъ. Въ спорѣ по этому вопросу мы прошли по насыпи очень небольшое про-

странство, и только соблазнъ выкупаться прекратилъ наши дебаты. И купались мы торопливо, приводя тѣ или другіе доводы въ пользу защищаемаго мнѣнія, ибо за вербами, окаймлявшими прудъ, намъ слышался шумъ, очень насъ занимавшій. Тамъ работала «машина», настоящая машина, которую тогда называли и пароходомъ и паровозомъ и другими, странными и не вполнѣ еще ясными для насъ терминами, какъ теперь, напримѣръ, не для всѣхъ еще ясенъ терминъ «радіоктивность».

Пароходы «Опытъ», «Днѣпръ» и еще какой то мы уже видѣли; я сподобился даже на одной изъ такихъ машинъ на каникулахъ съѣздить до Ржищева «на кондицію» и возвратиться назадъ въ Кіевъ; потомъ пароходомъ же я ѣзжалъ до Черкассъ на свадьбу товарища Объ этой машинѣ на водѣ у насъ было самое ясное представленіе. О сухопутной же мы знали только изъ пѣсни Глинки:

«Дымъ столбомъ, кипитъ, дымится пароходъ!
Пестрота, разгулъ, движенье, ожиданье, нетерпѣнье»...

Какими колесами, на какихъ рельсахъ, какъ положенныхъ и укрѣпленныхъ, при помощи какихъ приспособленій, передающихъ движеніе, идетъ такой сухопутный пароходъ,—все это было для насъ и темно и заманчиво. Хотя мы слышали, что машина, возящая землю изъ глубины Кадетской рощи въ долину деревень Шулявки и Соломенки,—еще не такая, какая будетъ возить и людей и грузы, а только рабочая; но все же она и не такая, какую чертилъ намъ на доскѣ учитель физики, разсказывая о паровыхъ машинахъ, и увидѣть ее своими глазами очень хотѣлось, чтобы потомъ, добавивши воображеніемъ quae mutanda sunt, представить себѣ и настоящій паровозъ.

Изъ глубины рощи раздался свистокъ,—и противъ насъ показалась машина, подскакивавшая на неровно положенныхъ рельсахъ. Мы шли въ это время между воздвигаемою насыпью и канавою сажня въ два шириною; изъ нея прежде брали землю для насыпи, а теперь она была оставлена и наполнена дождевою водою. Когда машина стала приближаться къ намъ, мы останови-

лись, чтобы лучше разсмотрѣть, какою системою рычаговъ приводятся въ движеніе ея колеса и такъ ли передается имъ вращательное движеніе, какъ въ рѣчномъ пароходѣ? На машинѣ, не то въ блузѣ, не то въ засаленномъ пиджакѣ, стоялъ какой то черный человѣчекъ и, махая на насъ рукою отъ себя, кричалъ намъ что то по-французски; но такъ какъ мы стояли сажня на полтора отъ невысокой насыпи, по которой двигался поѣздъ съ платформами, наполненными землею, то мы не двигались съ мѣста, а вниманіе всѣхъ шести глазъ нашихъ было обращено на колеса. Поровнявшись съ нами, машинистъ повернулъ какую то ручку, и тотчасъ со свистомъ и шипѣніемъ хлынула струя пару, такъ что мы должны были пригнуться, чтобы не быть забрызганными.

Мимо насъ, постепенно замедляя ходъ, проѣхали всѣ платформы съ землею, на которыхъ сидѣли въ однѣхъ рубахахъ рабочіе съ кирками и лопатами. Поѣздъ остановился. Машинистъ французъ закричалъ рабочимъ:

— Ребятъ! Полопитъ ихъ на вода!

Мигомъ душъ 15 рабочихъ соскочили съ платформъ и ринулись на насъ. Отступленіе возможно было только въ направленіи къ канавѣ. Сообразивъ, что силы въ бою будутъ крайне неравны, мы и ретировались въ этомъ направленіи. Я и Аристовъ успѣли уже вскочить въ канаву, съ края которой была только маленькая грязь, а дальше и вода меньше, чѣмъ до колѣна глубиною, а слѣдовательно, такая, которую можно было бы перебѣжать, чтобы скрыться отъ преслѣдователей на другую сторону. Дорошенко, самый сильный изъ насъ, сообразилъ, что вода въ канавѣ не остановитъ преслѣдователей,—въ большинствѣ босыхъ; ему, вѣроятно, захотѣлось поддержать свою честь, а не предаваться безславно бѣгству: у границы суши и воды, онъ мгновенно обернулся лицомъ къ врагу и кулакомъ хотѣлъ треснуть перваго настигшаго его; но тотъ ловко отдернулъ голову назадъ, такъ что кулакъ Дорошенка попалъ въ ширинку рубахи и разорвалъ ее до самого низу. Съ гикомъ бросились на

насъ другіе подбѣжавшіе, и всѣ мы были смяты и повержены въ воду.

На срединѣ канавы, еще разъ толкнувши каждаго изъ насъ носомъ въ грязь, побѣдители возвратились на свой берегъ, къ платформамъ, а мы, такъ или иначе подскакивая въ желтой водѣ, выбрались на противоположный. Французъ на локомотивѣ выражалъ звуками свой восторгъ и грозилъ намъ кулакомъ, подзадоривая рабочихъ продолжать битву.

— Креста на васъ нѣтъ, православные!—кричалъ Аристовъ: людей топить захотѣли, чтобы угодить своему французу!

— Яки воны въ чорта православныи! Таки жъ бусурмены, якъ и Иродъ той плюгавый!—продолжалъ его возгласы Дорошенко:—самъ не бійсь не посмивъ посунутысь на насъ, а васъ, чортовыхъ дитей, наславъ!..

— Да гдѣ у васъ тутъ начальникъ надъ рабочими?—кричали мы, чувствуя себя уже до извѣстной степени въ безопасности по сю сторону канавы.

— Оттамечкы у лисъ пройдить трохы: тамъ и контора збудована!—совѣтовали намъ, разгружая платформы, оставшіеся на платформахъ рабочіе, не принимавшіе участія въ нападеніи.

Очищая свои платья, на сколько можно, отъ грязи, выливая изъ ботинокъ и сапогъ воду, мы слышали, какъ на той сторонѣ канавы раздавались и сочувственные намъ голоса.

— Да й ты жъ, Семене! Чы жъ можно справди такъ людей пхаты у багнюку?!

— А чого жъ воны ще й огрызаются!

— Огрызнувся бъ и ты, якъ бы тебе топыты хто ставъ!

Французъ, когда рабочіе, очистивши отъ земли всѣ платформы, стали расходиться на ночлегъ въ хатки Шулявки, возился со своею машиною и, какъ ни въ чемъ не бывало, отдавалъ приказанія уходящимъ:

— Кондратъ! Иванъ! Пожалюсть, завтрѣ рано-рано выходитъ... и т. п.

Мы чувствовали себя на самой низшей ступени бытія. Мой исковерканный зонтикъ въ грязи никакъ не могъ принять вида

на столько приличнаго, чтобы его можно было нести по Жилянской при возвращеніи назадъ. Не только спереди жилеты и сюртуки мы не могли очистить отъ желтой липкой глины, но даже и спинамъ, вычищая ихъ другъ другу, не могли придать надлежащаго вида.

— Что же это такое? Вѣдь и послѣдній рабъ у повелителя своего можетъ защиту найти!—воскликнулъ Аристовъ:—вѣдь какой бы земли или какой орды мы ни были рабами, но есть же и надъ рабами какое-нибудь начальство! И у этихъ рабовъ француза, вѣроятно, въ той лѣсной конторѣ есть какой-либо царь, или правитель! Идемъ туда искать какого ни на есть удовлетворенія!

Солнце уже сѣло и наступали сумерки. Подъ ихъ благодатнымъ прикрытіемъ мы могли въ контору явиться такъ, что тамъ не замѣтили бы нашего униженнаго, оскорбленнаго и обезчещеннаго грязью вида.

Въ лѣсу на крылечкѣ небольшого лѣтняго домика кто то сидѣлъ.

— Можно ли видѣть г-на инженера, завѣдующаго работами?—спросили мы у него и изложили смыслъ нашихъ претензій.

— Онъ—въ городѣ; утромъ и пополудни бываетъ тутъ; но заявленія, подобныя вашимъ, онъ и слушать не станетъ: некогда ему всякими пустяками заниматься!

— А если бы свора вашихъ дикарей рабочихъ по приказу еще большаго дикаря убила кого-нибудь изъ насъ, то и это пустяки были бы по вашему? Позвольте намъ листъ бумаги, чтобы написать заявленіе!

— И бумаги у меня, господа, нѣтъ, и свѣчи нѣтъ, и спать мнѣ пора. Захотите, то прійдете завтра, часовъ въ 10—11 г. инженеръ будетъ тутъ—сказалъ этотъ, не то письмоводитель, не то сторожъ, не то десятскій при рабочихъ, и ушелъ въ свою компатку.

Мы пошли черезъ лѣсъ, огибая какъ можно дальше зданіе Кадетскаго корпуса, чтобы не встрѣтить кого-либо. Прелесть природы и въ лѣсу, и на чистомъ полѣ, куда мы затѣмъ вышли,

утратила для насъ всякое значеніе. Обида, оскорбленіе ни за что ни про что, безсиліе реабилитировать свою честь представлялись намъ столь грандіозными, что ничего, кромѣ отрывочныхъ фразъ, мы не могли сначала произносить.

— А знаете ли что: разскажу я все завтра Александру Ивановичу передъ экзаменомъ. Дастъ же онъ какой-нибудь совѣтъ!—сказалъ я. На томъ и порѣшили.

II.

Далеко раньше 10 часовъ утра на слѣдующій день я былъ уже въ IV аудиторіи, гдѣ назначенъ былъ намъ письменный экзаменъ по русской словесности и славяновѣдѣнію. Изъ окна аудиторіи я увидѣлъ, что деканъ нашего факультета, Александръ Ивановичъ Селинъ, прогуливается въ ботаническомъ саду по верхней дорожкѣ, параллельной зданію университета. Я спустился внизъ и пошелъ въ садъ.

— Красотами природы полюбоваться захотѣли передъ экзаменомъ?—спросилъ онъ меня, когда я подошелъ къ нему и поклонился.

— Нѣтъ, Александръ Ивановичъ! Я къ вамъ, какъ къ декану нашему, съ просьбою дать совѣтъ по очень важному дѣлу. Насъ, студентовъ, бьютъ, издѣваются, унижаютъ!..

— Какъ? что? бьютъ? Присядемъ, разскажите!

Я разсказалъ все вчерашнее происшествіе чуть не со слезами въ голосѣ и на глазахъ.

— Да! но скажите: вы то, вы чѣмъ вызвали такую дикую самораспраsу? Не вы ли начали задирать противниковъ?

— Могу поклясться, что нѣтъ. Мы тихо и чинно стояли, желая присмотрѣться къ механизму.

— Такъ знаете ли что? Время еще до экзамена есть: пока я тутъ погуляю, да пока соберемся,—бѣгите вы къ попечителю и разскажите ему все такъ, какъ мнѣ разсказали: «Вы, скажите, печетесь о насъ, посвятившихъ себя высшему развитію, вы насъ и защитите»!

Попечитель учебнаго округа, Платонъ Александровичъ Антоновичъ, жилъ въ первой гимназіи. Двухъ, трехъ минутъ было достаточно, чтобы я явился къ нему, получилъ аудіенцію и опять разсказалъ ему обо всемъ нашемъ злоключеніи.

— Да, да! Да, да!—кивая головою, произносилъ онъ, пока лилась моя эпопея.—Но правда ли, что вы, съ своей стороны, ничѣмъ не вызвали этого нелѣпаго поступка со стороны француза, что все было именно такъ, какъ вы разсказали, и что вы ничего не скрыли отъ меня про свои, можетъ быть, непозволительныя выходки?

— Могу, ваше превосходительство, честнѣйшее слово дать, что мы никого и ничѣмъ не раздражали.

— Ну, хорошо! идите, держите экзаменъ, а я сейчасъ же побываю у генералъ-губернатора! Правду говоритъ вашъ профессоръ, что нужно защищать тѣхъ, кто собирается служить просвѣщенію нашей родной земли. Мало вѣдь васъ, студентовъ, и, вообще, людей съ высшимъ образованіемъ. Идите съ Богомъ!—И онъ меня перекрестилъ.

Еще и другой разъ, лѣтъ шесть послѣ этого случая, когда онъ далъ мнѣ отставку отъ службы по Министерству Народнаго Просвѣщенія, онъ сдѣлалъ то же, и эти два моментa проявленія какого то любовнаго, родственнаго чувства совершенно посторонняго для меня человѣка, и при томъ высшаго начальника моего, крѣпко запечатлѣлись въ моей памяти. Въ гимназіи учился я въ періодъ Пироговскій. Тогда режимъ былъ особый. Этотъ попечитель являлся на сходки студентовъ и вносилъ въ разъяренные дебаты молодежи элементъ логической послѣдовательности и примирительную струю высшихъ идеаловъ просвѣщеннаго человѣка. А въ гимназіяхъ (то 2-й, то 1-й) на субботнихъ собраніяхъ гимназистовъ для «собесѣдованій» его сократическій методъ расшевеливалъ въ насъ такіе пріемы діалектики, которые мы, впослѣдствіи пережевывая въ своихъ спорахъ по нѣскольку разъ, не могли признать ни за что иное, какъ за путь къ святой истинѣ, вытекающей изъ неумолимой логики. То было вліяніе на мозги наши, а экспансивность сердечныхъ чувствъ другого попе-

чителя—вызывала у насъ соображенія, что, кромѣ истины и логики, просвѣщеннымъ людямъ не должны быть чужды еще и любовь, и стремленіе къ правдѣ!

— Да, теперь правда восторжествуетъ! будьте покойны!—сказалъ мнѣ Селинъ, когда я, явившись на экзаменъ, отрапортовалъ ему, что сказалъ попечитель.

Билетъ, который я взялъ для письменнаго отвѣта, выпалъ на ту тему, какую я три года назадъ разрабатывалъ спеціально для полукурсового сочиненія. Потому я раньше другихъ окончилъ свой письменный отвѣтъ, и уже часа въ два былъ дома. Едва успѣлъ я кончить обѣдъ, какъ хозяйка мнѣ объявила, что въ наши овраги, заваливаемые по тогдашнему обычаю «гноемъ», пріѣхалъ «въ каретѣ» полиціймейстеръ съ какимъ то паномъ съ портфелемъ!

Послѣдній оказался губернаторскимъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, котораго я зналъ, какъ прекраснаго выполнителя роли Подколесина въ любительскомъ представленіи «Женитьбы». Появленіе его вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ Фонъ-Гюббенетомъ сразу внушило мнѣ мысль, что теперь торжество на нашей сторонѣ: человѣкъ, играющій піесы Гоголя, не можетъ не стать на защиту праваго дѣла!—соображалъ я.

Распросивши меня въ чемъ было дѣло, оба высокопоставленныя лица, наряженныя для предварительнаго дознанія, пригласили меня къ себѣ въ четырехмѣстное ландо, и мы отправились на мѣсто вчерашняго происшествія. Я указалъ мѣсто, гдѣ мы шли, гдѣ насъ клали «на водá» и пр. При объясненіяхъ съ инженеромъ полиціймейстеръ обратилъ его вниманіе на то, что нигдѣ не выставлено объявленій о воспрещеніи ходить вблизи насыпаемаго полотна. Инженеръ расхваливалъ способности француза Francois Tabutôt, машиниста, который за день перевозилъ вдвое большее количество кубовъ земли, чѣмъ его предшественникъ русскій. Относительно же нашего инцидента сказалъ, что первый разъ слышитъ о немъ. Когда мы проходили мимо рабочихъ по насыпи, я разслышалъ уже создавшуюся про меня легенду, по которой выходило, что я—или сынъ, или племянникъ

губернатора,—оттого и полиціймейстеръ такъ скоро пріѣхалъ разслѣдовать дѣло.

Какъ только привезли меня домой, я тотчасъ же побѣжалъ разсказать обоимъ моимъ товарищамъ по бѣдѣ о торжествѣ нашемъ. Что дальше будетъ,—мы хорошо не знали, хотя Дорошенко предупреждалъ, что страданія наши на этомъ не кончились, что будетъ еще «тяганына» по судамъ и т. п.

Вечеромъ мнѣ прислано было черезъ полицейскаго приказаніе явиться на другой день къ губернатору. Туда же явились полиціймейстеръ, чиновникъ губернатора, Fr. Tabutôt во фракѣ, и въ качествѣ переводчика его—инженеръ, расфранченный по послѣдней модѣ. Когда я по требованію губернатора еще разъ разсказалъ о происшествіи, онъ обратился сначала къ инженеру по-русски, а затѣмъ, повысивъ голосъ, по-французски къ Табюто.

— Какъ можете вы допускать такое самоуправство! Вѣдь могло случиться, что у молодыхъ людей были бы револьверы или другое оружіе,—чѣмъ бы это могло окончиться?!

Инженеръ восхвалялъ распорядительность и работоспособность француза, а послѣдній на какой то вопросъ, поставленный губернаторомъ, отвѣтилъ:

— Я не топитъ людей сказалъ! je dis: «положитъ ихъ на водá»!

Эта наивность вывела губернатора изъ себя. Онъ сталъ разъяснять французу, что и Россія такая же страна, гдѣ безопасность личности ограждена законами, какъ и во Франціи, и что напрасно онъ думаетъ, что тутъ живутъ дикари. На объясненія же француза по-французски, что «вода» не смертельная стихія, онъ еще рѣзче ему замѣтилъ, что дѣло не въ водѣ и грязи, а въ оскорбленіи ни въ чемъ неповинныхъ людей, и заключилъ свое наставленіе распоряженіемъ:

— «Je vous arrêste, monsieur»!

Это рѣшеніе поразило инженера. Ссылаясь на то, что ходъ работъ по постройкѣ дороги очень замедлится при арестѣ Та-

бюто, онъ просилъ замѣнить арестъ внесеніемъ крупнаго золога. Но губернаторъ сухо ему сказалъ:

— Я не мѣняю своихъ распоряженій.

III.

Экзамены шли своимъ чередомъ и близились уже къ концу. Всѣ три студента получили повѣстку судебнаго слѣдователя явиться въ помѣщеніе Лыбедской части, въ тотъ домъ, гдѣ нѣкогда, во времена возстанія студентовъ противъ полковника Бринкена, на углу Шулявской (нынѣ Караваевской) и Владимірской была «общая квартира студентовъ». Домъ этотъ, куда мы явились въ четыре часа послѣ обѣда и гдѣ застали человѣкъ 8 рабочихъ изъ тѣхъ, что насъ топили въ грязь, заставилъ насъ вспомнить про Бринкена, его большую собаку и студента, героя легенды 50-хъ годовъ, съ его маленькою собачкою, которая на Крещатикѣ была смята полковницкою собакою; студентъ, осмѣлившійся ее отымать, прибитъ былъ лакеемъ полковника, изъ-за чего и произошелъ грандіозный актъ мести всѣхъ безъ исключенія студентовъ по отношенію къ человѣку, носившему военный мундиръ: онъ при выходѣ изъ театра былъ избитъ до полусмерти студентами въ формѣ. Мы, сначала сторонясь отъ враговъ нашихъ по дѣлу и прохаживаясь около нихъ, перебирали подробности этого Бринкенскаго дѣла. Мы сопоставляли свое положеніе съ положеніемъ нашихъ предшественниковъ. Тѣ носили треуголки и шпаги, когда облекались въ парадную форму; часть ихъ жила на общей квартирѣ, занятой теперь Лыбедскою «частью». Что случалось тогда съ однимъ студентомъ,—тотчасъ же знали всѣ остальные. Но ихъ сажали въ карцеръ на хлѣбъ и воду; мы же, явившіеся, какъ обыкновенные обыватели въ участокъ, хоть и не могли попасть въ карцеръ, за то едва ли могли разсчитывать, что за насъ заступятся всѣ студенты. Мы—съ одной стороны, студенты, а съ другой—и обыкновенные граждане, подчиненные суду и полиціи!..

— Но что же такъ долго не является слѣдователь, вызвавшій насъ сюда?

Этотъ общій интересъ объединилъ насъ, обвинителей, и обвиняемыхъ, которые сидѣли на ступенькахъ крыльца, и вовлекъ насъ въ мирный разговоръ съ ними.

— Да й сыла жъ у васъ, папычу, не абы-яка!—признавался рабочій, которому досталось отъ Дорошенка: цилу ничъ жинка зашывала сорочку, та дывувалася, яки сыльни панычи бувають, покы я розсказувавъ ій про ту историю!

— А якъ ты штовхонувъ мене у плече, то це ничого, думаешъ? Отъ якъ почнуть теперъ тягаты по судахъ, то й побачышъ, чы добре слухатысь усякого плюгавого хранцюзыка!

— А що жъ то насъ заразъ арештують, чи що?—интересовался другой:—чого це насъ у полыцію поклыкано?

— Слидуватель розпытуватыме про дило, якъ було!

— Та вже скильки роспытувалы—и прыставъ и хвартальный! Чого жъ ще бильше?

— Дакъ теперъ же новый судъ заводять—гласный! То полиція само по соби роспытувала, а слидователю треба усе зпысаты, щобъ яснійше було!—разъяснялъ Дорошенко положеніе дѣла:—то вы думаете, що чоловика впхнуты въ калюжу—выграшкы! Ни! новый судъ покаже вамъ, яки то выграшкы! Тягатымуть ще кильки мисяцивъ по слидствіяхъ, а тамъ ще й у кутузку мисяцивъ на пивтора або жъ на два запровторють!

— Да що жъ таке мы зробылы? Намъ що велять те й робы! Вже здилайте мылость, панычи, простить насъ на сей разъ, бо жъ мы хиба вынни?

— На сей разъ просты вамъ, а вы зновъ будете зъ вашымъ хранцузомъ розбійнычаты, та людей каличыты! Ни, не таки вже часы теперечкы! Да й мы сами вже теперъ не можемо васъ простыты, бо губернаторъ требуе, щобъ було слидствіе, а тамъ и судъ,—якъ слидъ!

— Дакъ мы жъ то за що терпитымемо муку? Ще й у тюрму посадять! А вже й такъ скильки пасъ тягалы по вашому позову! Вже, сдилайте мылость, простить!

Для насъ было неясно, можемъ ли мы прекратить дѣло, когда завести его приказалъ самъ губернаторъ. Полицейскій чи-

новникъ, тутъ бывшій, разъяснилъ намъ, что если съ нашей стороны не будетъ жалобы, то и дѣло должно прекратиться. А намъ не желательно было его прекращеніе. Дорошенко утверждалъ, что и при новыхъ порядкахъ слѣдствіе будетъ тянуться мѣсяцы и годы, а это можетъ помѣшать ему ѣхать въ Петербургъ, куда онъ стремился по окончаніи физико-математическаго факультета. Чтобы избѣжать «тяганыны», онъ готовъ былъ заявить, что не желаетъ никакого суда, что обиду, нанесенную ему и намъ, онъ забылъ, ибо въ селахъ пирятинскаго уѣзда, да часто и въ Кіевѣ, и не такія драки бываютъ, какая произошла у насъ съ рабочими, а sancta simplicitas послѣднихъ и ужасъ ихъ предъ грозящею карою приводятъ его къ тому, что всю заваренную нами кашу слѣдуетъ совсѣмъ прекратить. Мы, филологи, были другого мнѣнія. Отъ оканчивающихъ университетъ юристовъ, готовившихся уже къ судебнымъ состязаніямъ по окончаніи курса, мы слышали, что судъ будетъ гласный, скорый и правый, и что позорно отказываться отъ такого суда, гдѣ всѣ пріемы судопроизводства будутъ уже не тѣ, что были въ старой уголовной палатѣ. Намъ стало извѣстно, сверхъ того, что нашъ инцидентъ будетъ первымъ случаемъ, когда примѣнена будетъ новая форма разбирательства, хотя и безъ рѣчей прокурора и защитника, но при «гласномъ» слушаніи дѣла! Это «гласное» слушаніе было столь интересно, что не испробовать его при личномъ нашемъ участіи было бы, по мнѣнію юристовъ-студентовъ, просто постыдно. Наконецъ, воспоминанія о нахальствѣ, съ которымъ держалъ себя Табюто при встрѣчѣ моей съ нимъ на другой день послѣ инцидента, подымало во мнѣ чувство стыда, обиды, злости; Аристовъ поддерживалъ мое настроеніе не отступать въ возстановленіи своихъ поруганныхъ правъ; Дорошенко же предсказывалъ, что, послѣ слѣдствія, со всѣми возможными и невозможными показаніями разныхъ свидѣтелей, мы, пожалуй, можемъ оказаться не обвинителями, а обвиняемыми.

Послѣ переговоровъ съ рабочими и послѣ дебатовъ между собой, мы порѣшили заявить слѣдователю, что не имѣемъ никакихъ претензій къ рабочимъ, которые только выполняли прика-

заніе, ослушаться котораго не могли; Табюто же мы считаемъ вдвойнѣ виновнымъ въ самоуправствѣ, такъ какъ онъ и рабочихъ побудилъ на оскорбленіе насъ.

Слѣдователь позвалъ прежде всего насъ, и первый вопросъ его, послѣ формальныхъ о званіи, вѣроисповѣданіи и т. п., былъ: видѣли ли мы объявленія, выставленныя на столбахъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ вдоль полотна желѣзной дороги? Мы утверждали, что никакихъ столбовъ съ объявленіями не было не только въ день самоуправства надъ нами, но и на другой день, когда тамъ былъ со мною полиціймейстеръ и чиновникъ по особымъ порученіямъ губернатора. Это дало поводъ Дорошенку, когда мы шли уже домой, опять высказать свои скептическія мысли относительно новаго порядка слѣдствія и суда.

— Не казавъ я хиба, що ще й мы вынни будемо, що не бачылы стовпа, де въ ихъ щось тамъ напысано!

— Да не можетъ же несуществующій фактъ стать какою нибудь уликою! Да и насъ никто не обвиняетъ въ непрочтеніи объявленія, котораго не было!

— А чого жъ слидуватель вже бачывъ и стовпы и объявленія?

Хотя заявленіе слѣдователя, что онъ видѣлъ нѣсколько вывѣсокъ о воспрещеніи близко подходить къ строющейся дорогѣ, насъ смутило, но все-таки, помня мольбы крестьянъ простить ихъ, мы заявили ему при концѣ допроса, что къ рабочимъ у насъ нѣтъ никакихъ претензій, ибо ихъ мы ни въ чемъ не считаемъ виновными. Такое заявленіе мы подписали всѣ три, хотя Дорошенко и тутъ усматривалъ нашу неосторожность и грозилъ новыми осложненіями: «повернуть воны такъ, що колы хрестьяне на нашу думку невыновни, то и храпцузъ—невыновный, а намъ чы не выйшло бъ чого видъ того нашего заявленія»!

Чуть не каждый день послѣ перваго допроса мы собирались всѣ втроемъ и на разные лады разбирали наше поведеніе у слѣдователя, при чемъ насъ мучили опасенія, что мы надѣлали какихъ то ошибокъ въ изложеніи факта и, не уговорившись предварительно, поспѣшили подписать свои показанія безъ всякихъ ого-

ворокъ. Хотя экзамены шли къ окончанію и многіе студенты уже разъѣхались, но оставшіеся, несмотря на отсутствіе объединяющей всѣхъ формы, интересовались ходомъ нашего дѣла. Интересовалась имъ и не студенческая публика, не только на Новомъ строеніи, но и въ Старомъ Городѣ. Говорили, что губернатору захотѣлось проучить наѣхавшихъ иностранцевъ и показать на дѣлѣ, что желѣзно-дорожныя Общества не составляютъ status in statu. Въ одномъ домѣ, гдѣ толковали по этому поводу и меня распрашивали о подробностяхъ, я встрѣтилъ чиновника по особымъ порученіямъ, командированнаго губернаторомъ на производство дознанія. Онъ приводилъ въ примѣръ нечистыхъ дѣйствій строителей то обстоятельство, что они выставили столбы съ объявленіями послѣ инцидента со студентами и утверждають, что такіе столбы поставлены были ими еще при началѣ работъ.

— А какое это можетъ имѣть значеніе для насъ?—спросилъ я.

— Да никакого, ибо это несомнѣнно ложь. Слѣдователь запросилъ письменно и меня, и полиціймейстера, замѣтили ли мы гдѣ-нибудь на границѣ царства желѣзной дороги ихъ объявленія; а мы отвѣтили, что не только не замѣтили, но утверждаемъ, что ихъ и не было; ибо мы обратили вниманіе главнаго инженера на отсутствіе объявленій, и онъ призналъ, что это недосмотръ, но что въ скоромъ времени они будутъ вывѣшены.

Получивъ такое извѣстіе, я сообщилъ о немъ и Дорошенку и Аристову.

— Побачымо ще, побачымо, до чого усе це дойде!—твердилъ скептически Дорошенко:—тоди скажешъ гоць, якъ перескочышъ!

IV.

Еще разъ потребовалъ насъ слѣдователь къ себѣ въ помѣщеніе участка. Рабочихъ уже не было. Передъ началомъ допроса онъ просилъ насъ выслушать то, что онъ скажетъ не какъ слѣдователь, а какъ частный человѣкъ, входящій и въ наше поло-

женіе, и въ положеніе противной стороны, для которой предсто ящій послѣ суда арестъ Табюто за самоуправство отзовется большими убытками.

— Вы уже освободили отъ преслѣдованія судомъ рабочихъ,—сказалъ онъ:—заявленіе ваше принято во вниманіе и рабочіе освобождены отъ слѣдствія и суда. Подайте такое же заявленіе относительно Табюто,—и все дѣло прекратится. Какъ вижу я по вашимъ костюмамъ, вы люди бѣдные, а управленіе дороги за ваше содѣйствіе тому, чтобы работы не потерпѣли заминки, выдастъ вамъ приличное вознагражденіе:

— Другими словами, вы предлагаете, чтобъ мы честь свою продали за деньги?—вспылилъ Аристовъ, истасканный костюмъ котораго прежде всего могъ навести на мысль сдѣлать такое предложеніе:—А какъ же намъ прикажете оцѣнивать каждый толчокъ? по той же цѣнѣ, что и каждый нахальный жестъ и каждое грубое слово г-на Табюто, или дешевле? Мы рабочихъ считаемъ невмѣняемыми и подали заявленіе, что отъ ихъ толчковъ обиды никакой не чувствуемъ, а слышать отъ васъ такое предложеніе намъ даже стыдно!

— Вы насъ за этимъ только и звали?—вызывающе спросилъ Дорошенко.

Слѣдователь спохватился.

— Я звалъ васъ, господа, какъ слѣдователь, оффиціальною повѣсткою для дополненія слѣдствія; но не приступая еще къ служебнымъ своимъ дѣйствіямъ, какъ частный человѣкъ, передалъ, по просьбѣ управленія строющейся дороги, его предложеніе о прекращеніи дѣла вашего мирнымъ путемъ. Вы можете и не согласиться на это предложеніе; во всякомъ случаѣ я убѣдительно прошу васъ, также какъ частный человѣкъ, чтобы этотъ разговоръ, который я началъ вести съ вами, остался между нами, и надѣюсь, что вы, какъ люди образованные, поймете всю щекотливость моего положенія въ данномъ случаѣ, гдѣ я только выполняю просьбу столь же постороннихъ для меня лицъ, какъ и вы. Какъ я замѣчаю, вы отрицательно относитесь къ предложенію желѣзнодорожнаго управленія?

— Да какой же тутъ можетъ быть разговоръ?!

Какъ то смущенно слѣдователь приступилъ къ дополнительнымъ вопросамъ, которые задавалъ намъ, то уклоняясь въ сторону объясненій, почему онъ находитъ нужнымъ спросить о томъ или другомъ, то повторяя другой разъ только въ другой формѣ то, о чемъ уже спрашивалъ. Еще съ болѣе унылымъ настроеніемъ, чѣмъ въ первый разъ, мы давали свои показанія. Вотъ тебѣ и новый судъ, гласный, скорый, правый!—мерещилось каждому изъ насъ:—дала ли взятку желѣзная дорога слѣдователю, что онъ намъ сдѣлалъ такое гнусное предложеніе? Да и для чего это онъ насъ почти о томъ же распрашиваетъ, о чемъ мы уже давали показанія?

— А що: хиба я не казавъ, що тягатымуть насъ оттакъ ажъ до другого прышествія?—шипѣлъ Дорошенко, когда мы возвращались:—отъ вамъ и скорый та правый судъ! Якого чорта винъ насъ клыкавъ? Давай, думае, куплю студенческу честь за гроши! Такъ у насъ и исправныкы та станови судылы людей: побье панъ мужыка та й заплатыть ёму за сынякы, що на морди понабывае! А що звуть ёго «слидувателемъ», а не «становымъ», дакъ що зъ того? Уси воны однакови!

Мы чувствовали себя уже опутанными какою то паутиною, въ которую сами попали по своей волѣ, но изъ которой выпутаться казалось намъ очень затруднительнымъ. «Экзамены окончились; въ городѣ осталось немного студентовъ. Одинъ, окончившій юридическій факультетъ, увѣрялъ насъ, что дѣло наше пикантное и сенсаціонное; если бы ему пришлось составить по нему докладъ, то онъ представилъ бы столкновеніе двухъ силъ— интеллигентной и дикой—съ такими ораторскими украшеніями, что оно получило бы общій интересъ и о немъ говорили бы даже въ газетахъ. Онъ готовъ былъ также въ роли прокурора составить и обвинительную рѣчь, расцвѣтивъ риторическими сопоставленіями съ одной стороны значеніе для прогресса устройства желѣзной дороги, а съ, другой, тѣхъ выходокъ, какія позволяютъ себѣ строители ея.

— Но вѣдь дѣло въ томъ, что по вашему дѣлу, говорилъ онъ намъ, не будетъ полнаго судоговоренія, а лишь упрощенное гласное слушаніе его съ публичнымъ объявленіемъ приговора. Еще не будетъ, напримѣръ, пренія сторонъ, какъ оно опредѣлено закономъ 1864 года. Но и въ гласномъ слушаніи дѣла уже много есть новаго по сравненію со старымъ судомъ! Очень хорошо было бы, продолжалъ онъ, если бы студенты явились въ внушительномъ числѣ въ судъ; хотя безъ разъясняющихъ рѣчей сторонъ все на немъ будетъ носить характеръ дѣла о частной обидѣ, но присутствіе студентовъ при гласномъ слушаніи дѣла все же покажетъ ясно публикѣ, что оно имѣетъ и общій интересъ.

Мнѣніе этого новоиспеченнаго юриста, считавшаго уже себя чуть не кандидатомъ на судебныя должности, стало распространяться между студентами, оставшимися въ незначительномъ количествѣ въ городѣ, и когда стало извѣстно, на какой день назначено «слушаніе» дѣла о самоуправствѣ подданнаго императора Наполеона и объ оскорбленіи, нанесенномъ имъ студентамъ Русову, Аристову и Дорошенку, то студенты разныхъ курсовъ толковали о томъ, какъ бы больше собрать въ залу судебнаго засѣданія питомцевъ науки.

При разговорахъ о томъ, какъ слѣдуетъ вести себя на судѣ, среди лицъ, возмущавшихся болѣе всего поступкомъ француза, являлись довольно дикія предложенія, несовмѣстимыя съ тою высотою положенія, какое, по мнѣнію обсуждавшихъ вопросъ, занимали или должны были занимать среди обывателей г. Кіева студенты. Одинъ филологъ, напримѣръ, не надѣясь на то, что на судѣ попранная честь адептовъ Аполлона и Аѳины будетъ удовлетворена въ полной мѣрѣ, предлагалъ собрать такую толпу ихъ, которая можетъ сдѣлать все, что пожелаетъ: когда окончится судъ и обвиняемый Табюто выйдетъ на Михайловскую площадь, онъ рекомендовалъ окружить его массою, увлечь на средину площади и здѣсь, не прибѣгая къ кулакамъ или другимъ орудіямъ насилія, надругаться надъ оскорбителемъ чести студенческой такимъ дѣйствіемъ, о которомъ и говорить и печатать въ газетахъ было бы стыдно, но которое показало бы всю чрезмѣрную сте-

пень презрѣнія къ иностранцу, осмѣлившемуся посягнуть на неприкосновенность чести русской учащейся молодежи.

— Нѣтъ, господа! говорили другіе: какое же отношеніе къ новому, настоящему суду выразимъ мы такимъ нелѣпымъ поступкомъ! Мы покажемъ, что мы недовольны судомъ милостивымъ, скорымъ и правымъ, а такимъ своимъ дѣяніемъ опозоримъ всю нашу студенческую корпорацію въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей! Мы еще не знаемъ, что скажетъ судъ, а уже предопредѣляемъ, что нужно и самый судъ, и себя самихъ оскорбить такимъ фактомъ, который приличествуетъ или каннибаламъ съ острововъ Фиджи, или нечистоплотнымъ больнымъ изъ дома сумасшедшихъ! Напротивъ, если мы, какъ студенты, и явимся на судъ, то должны показать, что мы—носители терпимости и уваженія къ закону и карамъ, опредѣляемымъ имъ!

Были и такіе, что въ появленіи студентовъ гурьбою въ залѣ суда усматривали одну фанфоронаду отъ нечего дѣлать и одно стремленіе вызвать со стороны публики вниманіе къ себѣ.

— Не все ли равно, на студента или на кого другого обрушилось раздраженіе машиниста?—говорили эти оппоненты:—можетъ быть и интересно, что это дѣло первое, которое разбирается при открытыхъ дверяхъ; но если кто интересуется тѣмъ, какъ будетъ производиться новый судъ,—можетъ пойти и на второе или третье засѣданіе, гдѣ будутъ разбираться какія нибудь другія дѣла, а не непремѣнно студенческое. Да и дѣло то это вовсе не студенческое: никто не зналъ, что это именно студенты попали въ грязь, и теперь не зачѣмъ раздувать эту исторію въ студенческую!

Такія разнообразныя мнѣнія пришлось намъ слышать съ разныхъ сторонъ. При дебатахъ возникалъ вопросъ, есть ли у студентовъ общая корпорація, или нѣтъ ея? Съ одной стороны мы знали, что времена, когда студентовъ отличали по формѣ, отошли уже въ вѣчность; съ другой—если были между студентами партіи, сходки, дебаты, то какъ же не было общности? Вѣдь и кромѣ формы студенческой, отмѣненной еще такъ недавно, соединяло же всѣхъ насъ что то до такой степени, что теперь люди, даже не знакомые другъ другу, сходились на част-

ныхъ квартирахъ, почему-то интересовались нашимъ инцидентомъ и вели споры о томъ, нужно ли проявить публично такъ или иначе суденческую солидарность?

Чѣмъ болѣе приближался день суда, тѣмъ болѣе напрягались наши нервы. Хотя Дорошенко старался не выказывать своего волненія и маскировалъ его заботами о предстоящемъ послѣ вакацій переселеніи своемъ въ Петербургъ, но и у него прорывались минуты, когда перспектива предстоящаго суда вызывала у него опять брюзжаніе, что дѣло—не въ формѣ суда, а въ его результатѣ и не получится ли въ концѣ концовъ отъ заваренной нами каши чего либо постыднаго? Аристовъ на своемъ Пегасѣ возносился въ высь и въ возбужденномъ состояніи сочинялъ стихи, въ которыхъ трусливымъ «рабамъ», волнующимся надъ созданною ими же фантасмагоріею, доставалось «коемуждо по дѣломъ»; настроеніе каждаго изъ насъ троихъ, опредѣлявшееся его поэтическимъ анализомъ, выходило далеко не въ нашу пользу.

Теперь къ соображеніямъ о томъ, что выйдетъ на судѣ для насъ и подсудимаго, у насъ прибавилось безпокойство, не предпримутъ ли наши товарищи, заинтересовавшіеся нашимъ дѣломъ, чего-либо неподходящаго или могущаго скомпрометировать не столько насъ, сколько вообще всѣхъ студентовъ. Съ одной стороны, намъ и желательно было, чтобы студентовъ пришло на судебное разбирательство побольше, чтобы видно было, что мы не изъ-за замаранныхъ сапогъ и платья да нѣсколькихъ толчковъ подняли дѣло, а изъ-за того, что не могли оставить дикой расправы безнаказанною; съ другой стороны, мы опасались, что если въ судѣ при посторонней публикѣ явятся любители шумныхъ проявленій дикихъ инстинктовъ, то не только вообще представители студенчества заслужатъ справедливое неодобреніе, а и насъ, какъ центральныхъ лицъ во всей исторіи, почтутъ зачинщиками всего этого шума и безобразія и будутъ на насъ указывать пальцами. Публичное засѣданіе суда по новому закону представлялось намъ чѣмъ то очень священнымъ, а неуважительное отношеніе къ нему со стороны товарищей-студентовъ, возможность проявленія кото-

раго обусловливалась предложеніями нѣкоторыхъ изъ нихъ, представлялась чѣмъ то худшимъ всякаго безславія.

V.

Наконецъ наступилъ день суда. Около средняго входа въ зданіе присутственныхъ мѣстъ, со стороны Михайловской площади, за четверть часа до срока, когда назначено было засѣданіе, стали стекаться студенты. Другой публики не было. Да и студентовъ набралось не болѣе сорока душъ. Канцелярскій чиновникъ, при входѣ всѣхъ насъ въ переднюю, сначала нѣсколько растерялся, такъ какъ стѣны бывшей уголовной палаты до того времени могли принимать въ себя только просителей, а не постороннихъ слушателей дѣла. Но, удалившись во внутреннія комнаты, черезъ нѣсколько времени онъ вынесъ намъ новую книгу, еще не бывшую въ употребленіи, и попросилъ всѣхъ прибывшихъ росписаться въ ней, обозначивъ, кромѣ именъ и фамилій, и свое званіе. Тогда мы всѣ пошли въ залу суда, гдѣ прежде всего намъ бросилась въ глаза жалкая фигура подсудимаго, совершенно утратившаго свой прежній гордый видъ. За столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣли члены суда, а подсудимый и мы и вся «публика», за неимѣніемъ скамей, расположились передъ этимъ столомъ, образовавъ дугу. Предсѣдатель, объявивъ засѣданіе открытымъ, и задавши нѣсколько вопросовъ подсудимому и намъ, стоявшимъ впереди публики, предложилъ секретарю прочитать докладъ о дѣлѣ. Прочитанъ онъ былъ не безъ волненія чиновникомъ, въ первый разъ выступавшимъ передъ публикою, а прослушанъ былъ послѣднею съ напряженнымъ вниманіемъ и въ глубочайшей тишинѣ.

Дальше и намъ, и товарищамъ нашимъ, представлявшимъ публику, было жалко видѣть, какъ Табюто на вопросы предсѣдателя униженно отвѣчалъ, путая французскія слова съ русскими объ извѣстной уже всѣмъ «вода» и старался убѣдить судъ, что въ его дѣяніи «нѣтъ вреда». Риѳма «вода—вреда» вызвала улыбку на устахъ предсѣдателя, но какую то грустную, кислую. Покро-

витель и защитникъ Табюто, явившійся въ качествѣ переводчика, инженеръ дороги безнадежно выслушивалъ все происходившее и произнесъ нѣсколько незначительныхъ фразъ. Какъ мы отвѣчали на предложенные намъ вопросы,—не берусь опредѣлить; помню, что, по выраженію во всѣ уши слушавшей насъ публики, было видно, что она насъ не признала ораторами, достойными занять съ честью первое мѣсто во всемъ происходящемъ. Судъ ушелъ въ сосѣднюю комнату. Тишина среди всѣхъ остававшихся не нарушалась ни однимъ словомъ. Только, когда судъ возвратился назадъ и объявилъ приговоръ, что за самоуправство Табюто приговоренъ къ аресту, не помню хорошо,—на сорокъ дней или на два мѣсяца, а что затѣмъ подлежитъ разсмотрѣнію другое дѣло,—все вдругъ зашевелилось и съ говоромъ оставило зданіе суда.

На площади одни студенты насъ поздравляли, другіе распрашивали о нѣкоторыхъ подробностяхъ и дѣлали какія то замѣчанія; но намъ (я сужу по себѣ) хотѣлось почему то поскорѣе уйти отъ всѣхъ и остаться безъ публики, среди которой явились предложенія пойти сразиться за пивомъ на бильярдѣ. Не до пива и не до бильярда было, когда какое то неясное чувство шептало намъ, что по нашей милости человѣкъ будетъ сидѣть въ тюрьмѣ.

Когда провожавшіе насъ изъ суда студенты разбрелись въ разныя стороны, и мы остались на Владимірской улицѣ одни, первый Дорошенко прервалъ молчаніе.

— Славу Богу, что кончились наши «страданія» и такъ скоро; а мени здавалося, що черезъ цей судъ и на лито пойихаты до-дому не можно буде!

Аристовъ разводилъ свою излюбленную теорію о «рабствѣ», въ какомъ мы всѣ обрѣтаемся; онъ доказывалъ, что не будь у насъ рабьихъ чувствъ, мы относились бы иначе «ко всѣмъ этимъ страданіямъ», ибо на дѣлѣ и страданія никакого не должно быть вообще, и мы его не должны были испытывать, если бы не были рабами разныхъ условностей. На то и судъ спокопъ вѣку заведенъ, чтобы тотъ, кому слѣдуетъ, отсидѣлъ свое время въ тюрьмѣ!

И дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, на разспросы знакомыхъ, чѣмъ кончилось наше дѣло,—мы не безъ гордости и совершенно спокойно, даже съ нѣкоторымъ торжествомъ, объявляли имъ о рѣшеніи суда. Но Дорошенко оставался при мнѣніи, что лучше остерегаться имѣть дѣло съ такимъ или инымъ судомъ.

Передавая суду потомства вопросъ о томъ, хорошо ли мы поступили, что обратились въ данномъ случаѣ къ защитѣ со стороны администраціи и оффиціальнаго суда, не могу при воспоминаніи объ этомъ анекдотѣ изъ старой жизни Кіевскихъ студентовъ, не высказать мыслей, какія невольно возникаютъ въ головѣ.

Нѣсколько лѣтъ уже говорятъ теперь о «сердечномъ» отношеніи къ учащейся молодежи, требуя такого именно отношенія къ ней со стороны и общества и воспитателей. Но чѣмъ болѣе говорятъ объ этомъ, тѣмъ болѣе рѣзкихъ, вовсе не сердечныхъ отношеній вызываютъ эти разговоры съ обѣихъ сторонъ. Перемѣнились ли въ худшую сторону нравы и молодежи и болѣе взрослыхъ представителей общества и науки? Присматриваясь къ тѣмъ и другимъ, искренно могу сказать, что и тѣ, и другіе, остались такими же, какими были и 30—40 лѣтъ назадъ. Люди «широкаго ума благороднаго сердца», какъ характеризуетъ Платона Александровича Антоновича г. Романовичъ-Словатинскій, котораго, студенты «чтили, зная его сердечное отношеніе къ нимъ» [1]), или такіе профессора, какъ А. И. Селинъ, о «любвеобильныхъ отношеніяхъ» котораго къ студентамъ упоминаетъ тотъ же мемуаристъ [2]), никогда не переводятся на бѣломъ свѣтѣ. Между студентами, какъ и теперь, такъ и тогда было достаточно представителей самыхъ разнообразныхъ направленій, проявлявшихся въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ. Та или иная группа студентовъ въ тѣ времена, если затрагивали ея идейные интересы и грубо ставили препятствія на избранномъ ею пути дѣятельности, обращались тогда къ печати... и если кто пожелаетъ прочитать въ старыхъ журналахъ и газетахъ публичныя заявленія professions de foi тогдашнихъ

---

1) «Вѣстникъ Европы» 1903 г., кн. 5, стр. 204; кн. 6, стр. 205.

2) Ibid. кн. 2, стр. 616.

студентовъ, должны будутъ признать, что тѣ же разнообразныя думы о служеніи въ будущемъ родинѣ при помощи тѣхъ или другихъ средствъ и способовъ дѣйствія обуревали юныя головы, какія обуреваютъ и теперь. Но замѣчается какая-то разница въ отношеніи «отцовъ» къ «дѣтямъ» тогда и теперь. Приходятъ на память мнѣ и другія имена профессоровъ на историко-филологическомъ факультетѣ Кіевскаго университета, кромѣ краснорѣчиваго А. И. Селина. Нейкрихъ, Делленъ, читавшіе намъ лекціи по-латыни, Ставровскій, Бильбасовъ, Драгомановъ, священникъ Ѳаворовъ, читавшій публичныя лекціи о Vie de Jesus Ренана, Гоцкій, вѣчно заваленный корректурами своего «Философскаго лексикона» и признавшійся намъ, что онъ работаетъ надъ нимъ «отъ 8 часовъ утра—и по полночь», за исключеніемъ времени засѣданій въ Совѣтѣ и лекцій, и Яроцкій, и Страшкевичъ, и Линниченко и многіе другіе, отшедшіе въ вѣчность, были такими же профессорами, какіе и теперь встрѣчаются въ нашихъ университетахъ. Однихъ мы слушали съ захватывающимъ волненіемъ, записывая на лекціяхъ каждое слово ихъ; надъ академическими привычками другихъ подтрунивали, перекривливая ихъ жесты и выговоръ; но каждый изъ насъ чувствовалъ, что мы, юноши, съ этими—и молодыми учеными, и старцами живемъ одною общею жизнью въ университетѣ. Польское повстанье, въ которомъ принимали участіе студенты, и послѣдующія проявленія общественной жизни и революціонныхъ вспышекъ (напримѣръ, покушенія 1866 года), дѣлили насъ на партіи, враждующія между собой, вызывали споры и даже драки на университетской площади, застроенной нынѣ и засаженной скверомъ. Бывали и въ университетѣ бурныя сходки въ сборной студенческой, курительной или студенческой читальнѣ. Но все это ничѣмъ не отзывалось на ходѣ лекцій, гдѣ и мы и профессора чувствовали себя солидарными. Гдѣ честь студенческая была затронута, тамъ, какъ при злоключеніи, здѣсь разсказанномъ, всякій, мнѣ помнится, могъ разсчитывать на «сердечное» отношеніе къ себѣ нашихъ просвѣтителей. Гармонія настроенія профессоровъ и студентовъ не давала мѣста какой-либо розни. Теперь приходится слушать иногда иные аккорды

съ нѣкоторыми рѣзкими диссонансам, приводящими, при массовомъ исключеніи студентовъ или курсистокъ, къ выходу въ отставку нѣкоторыхъ профессоровъ! Раздражительныя ноты, не раздававшіяся ни съ той, ни съ другой стороны въ 60-ые годы прошлаго столѣтія, теперь слышатся часто, и думается, что стихъ поэта, воспѣвавшаго другую сферу жизни, жизни лапотниковъ, можетъ быть примѣненъ и къ жизни храма науки:

Порвалась цѣпь великая,
Порвалась, раскачалася!..

А. Русовъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Математикъ М. В. Остроградскій подъ надзоромъ полиціи. Въ 1828 году, 17 іюля, графъ П. А. Толстой, главнокомандующій въ Петербургѣ, обратился съ слѣдующей бумагой къ малороссійскому генералъ-губернатору, князю Н. Г. Репнину:

«Находящійся здѣсь полтавскій помѣщикъ Михайло Остроградскій обратилъ на себя вниманіе правительства тѣмъ, что онъ возвратился изъ-за границы въ Россію пѣшкомъ, и нѣкоторыми, впрочемъ, незначащими обстоятельствами. Получивъ нынѣ донесеніе, что сей г. Остроградскій отправляется изъ полтавской губерніи въ Кобеляцкій повѣтъ, я считаю долгомъ покорнѣйше просить ваше сі—во имѣть его секретно на замѣчаніи, и въ случаѣ, когда за нимъ откроется что-либо предосудительное или заслуживающее вниманіе правительства, почтить меня о семъ подробнымъ увѣдомленіемъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. Графъ П. Толстой».

Кн. Репнинъ сообщилъ объ этомъ полтавскому губернатору, а послѣдній кобелякскому земскому комиссару Щекутину. Щекутинъ ничего не нашелъ предосудительнаго въ поведеніи М. В. Остроградскаго, о чемъ и донесъ кн. Репнину:

«Вслѣдствіе предписанія вашего с—ства отъ 7 сего мѣсяца № 21, послѣдовавшаго по отношенію главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, генерала отъ инфантеріи графа Толстого, о помѣщикѣ здѣшняго повѣта Михайлѣ Остроградскомъ, обратившемъ вниманіе правительства возвращеніемъ изъ-за границы въ Россію пѣшкомъ и нѣкоторыми, впрочемъ, незначущими обстоятельствами, я по жительству онаго Остроградскаго въ домѣ его отца, здѣшняго помѣщика, коллежскаго

ассесора Василія Остроградскаго, имѣлъ всевозможное наблюденіе, но до сего времени ничего не доведено до моего свѣдѣнія изъ поведенія и поступковъ сего дворянина, чтобы подлежало какому-либо подозрѣнію или предосудительности. Между тѣмъ сего дня отецъ Остроградскаго вошелъ въ подвѣдомственный мнѣ нижній земскій судъ съ прошеніемъ о выдачѣ сему сыну его свидѣтельства, по коему бы можно было получить оному подорожную и свободно отправиться въ Петербургъ. Какъ въ вышеупомянутомъ предписаніи вашего с—ства именно вмѣнено мнѣ въ обязанность отнюдь ни въ чемъ Михаила Остроградскаго не стѣснять, то судъ и удовлетворилъ означенное прошеніе выдачею свидѣтельства, въ копіи при семъ подносимомъ. О чемъ имѣя долгъ донести вашему с—ству, докладываю, что теперь же отправляюсь въ жилище Остроградскихъ, гдѣ буду имѣть наблюденіе до самаго отъѣзда Михайла Остроградскаго и о времени онаго и что будетъ замѣчено или дойдетъ до моего свѣдѣнія заслуживающимъ вниманіе правительства не промену в. с—ству донести». Получивъ это донесеніе, кн. Репнинъ сообщилъ о немъ графу Толстому. Щекутинъ, отправившись для надзора за Остроградскимъ въ имѣніе 30 августа, пробылъ тамъ до 8 сентября, когда М. В. Остроградскій отправился въ Полтаву за полученіемъ подорожной, при чемъ комиссаръ доносилъ «ничего заслуживающаго вниманія на подозрѣніе въ чемъ либо или предосудительности не замѣчаю». (Архивъ Полт. Губ. Правленія 1828 г., по описи № 312).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Замѣтки объ Антоніи Рафальскомъ, митроп. Новгородскомъ и С.-Петербургскомъ. Григорій Антоновичъ Рафальскій, воспитанникъ Волынской духовной семинаріи, окончилъ курсъ въ 1809 г. Рукоположенъ онъ былъ преосв. Даніиломъ Наттонъ-Михайловскимъ 16 мая 1809 г. во священники, а 15 іюня 1813 г. возведенъ имъ же въ санъ протоіерея и опредѣленъ настоятелемъ Острожской соборной воскресенской церкви [1]). Этотъ протоіерей Григорій Антоновичъ Рафальскій—личность глубоко интересная, завѣщанная Россіи эпохой перваго возсоединенія уніатовъ, когда въ общую работу русской исто-

---

[1]) См. книгу *Н. И. Теодоровича:* „Волынская духовная семинарія"—Почаевъ, 1901 г.—стр. 259—260 и 911.

ріи вдвинуто было и бывшее малорусское уніатское духовенство. Это былъ скромный южно-русскій пастырь и учитель, который, благодаря своему уму, образованности, житейскому опыту и такту и рѣдкимъ качествамъ сердца, достигъ съ теченіемъ времени высокаго званія—митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго—подъ именемъ *Антонія*—и, такимъ образомъ, сдѣланъ первенствующимъ членомъ св. Синода и представителемъ всей русской церкви... Въ судьбѣ этого *Волынянина*, ковельскаго уѣзда, родившагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ родины св. Петра, перваго митрополита московскаго,—есть *нѣчто* сходное съ судьбою знаменитаго *кіевлянина Ѳеофана Прокоповича*. Какъ этого послѣдняго выдвинула на сцену исторіи *свѣтская власть*—въ лицѣ императора Петра Великаго—и воспользовалась имъ для своихъ политическихъ цѣлей, такъ и таланты Рафальскаго замѣтили прежде всего *свѣтскіе люди*, довели ихъ до свѣдѣнія императора Николая, и этотъ послѣдній удачно воспользовался имъ для своихъ политическихъ видовъ—въ отношеніи къ Польшѣ—послѣ возстанія поляковъ въ 1831 г. и въ благодарность за это поставилъ его во главѣ русской церковной іерархіи... И вотъ, такимъ образомъ, на первенствующемъ церковномъ посту въ С.-Петербургѣ явился опять *малороссъ*, чего давно уже не было въ русской церковной практикѣ... Еще при Екатеринѣ II архіереи изъ великороссовъ отодвинули на задній планъ такъ называемыхъ тогда Черкасъ (т. е. архіереевъ—уроженцевъ Малороссіи)... Но, повторяемъ, еслибы не свѣтскіе люди, то таланты Рафальскаго такъ бы и остались безъ употребленія въ исторіи... «На что онъ вамъ?—такъ говорилъ волынскій архіерей, великороссъ *Амвросій Моревъ*, свѣтскимъ людямъ, хлопотавшимъ объ Рафальскомъ,—*«это—дуракъ!»* [1]). А волынскій губернаторъ *графъ Левашовъ*, будучи впослѣдствіи кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, на обѣдѣ у фельдмаршала Сакена, въ присутствіи Кіевскаго митрополита Евгенія, сказалъ: «Я нашелъ въ протоіереѣ Рафальскомъ такого человѣка, что умнѣе его не встрѣчалъ ни между бѣлымъ, ни между чернымъ духовенствомъ»... [2])—Рафальскій, принявшій въ монашествѣ имя *Антонія*, сдѣлался любимцемъ императора Николая. Когда, будучи посвя-

---

[1]) См. „Сборникъ Императ. Русскаго Историческаго Общества т. 113-й—книга 1-я, стр. 92.

[2]) Ibidem., стр. 90.

щенъ во епископа Варшавскаго, Антоній принятъ былъ императоромъ Николаемъ, то сей послѣдній сказалъ ему: «Преосвященный! я слышалъ про васъ много похвалъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ видѣть васъ; но вы превзошли всѣ похвалы и мои ожиданія» [1]).—Когда въ званіи митрополита С.-Петербургскаго Антоній Рафальскій скончался 16 ноября 1848 г., то императоръ Николай такъ выразился о немъ предъ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ св. Синода графомъ Протасовымъ: «Да, у меня митрополитъ будетъ; но Антонія уже не будетъ"...—

Л. М.

Къ исторіи торговли въ Малороссіи XVIII стол. Указомъ 1758 г. «во всѣ малороссійские и въ слободскіе полки» повелѣвалось, чтобы «всѣ находящиеся для продажи иностранние прошлихъ лѣтъ товари, которіе по прежнему обикновенію, по взятьи одной индукты, состоятъ безъ таможеннихъ клеемъ,—обявили къ клейменью», въ теченіе одного мѣсяца, въ указанныхъ городахъ,—«и сколко кто какихъ товаровъ у себя имѣетъ, подавали бъ въ тѣ мѣста реестры за своими руками, и по обявленіи всѣ тѣ товары тотчасъ переклеймить таможенными клеймами, не требуя съ тѣхъ товаровъ никакихъ пошлинъ, и отдавать тѣмъ, чии оны были, обратно для свободной и безопасной продажи, дабы уже безъ таможенихъ клеемъ нигдѣ такихъ иностранныхъ товаровъ не осталось», а въ случаѣ таковые появятся, конфисковались бы. О семъ объявляется всенародно, съ добавленіемъ, кто именно «цолнеръ» находящихся «ажъ по великороссійской границѣ таможенъ», а именно:

Въ Киевѣ—Василковской пограничной таможни цолнеръ Андрей Шереметцовъ.

Въ Стародубѣ—Вишковской таможни инспекторъ Іванъ Кондратьевъ.

Въ Кременчугѣ—оной таможни цолнеръ Иванъ Пономаревъ.

Въ Курскѣ—оной таможни директоръ Никифоръ Судаковъ.

Въ Глуховѣ—Сѣвской таможни директоръ Өедоръ Стеферевъ.

Въ Нѣжинѣ—Переяславской таможни инспекторъ Василей Чернявской.

---

[1]) Ibid., стран. **96-я.**

Въ Харьковѣ—Брянской таможни цолнеръ Петръ Холчигинъ.

Въ Ромнѣ—Павловской таможни инспекторъ Петръ Хмѣлевской

Въ Бахмутѣ—оной таможни инспекторъ Терентій Сахаревъ.

Въ Сумахъ—бывшій въ Трубчевскѣ на заставѣ въ должности цолнера Антонъ Тикотовъ.

В. Д.

Домашніе учители изъ лицъ польскаго происхожденія въ юго-западномъ краѣ въ 1840-хъ годахъ. Кіевскій губернаторъ И. И. Фундуклей, въ представленіи генералъ-губернатору Бибикову отъ 4 дек. 1840 г., писалъ слѣдующее: «Въ 7 п. высочайше утвержденнаго положенія бывшаго комитета для разсмотрѣнія разныхъ предметовъ къ лучшему устройству училищъ, въ кіевской, подольской и волынской губерніяхъ находящихся, между прочимъ вмѣнено въ обязанность главному мѣстному начальству, по приведеніи въ извѣстность числа лицъ изъ уроженцевъ западныхъ губерній, занимающихся домашнимъ обученіемъ, стараться по возможности удалять ихъ изъ сего края, а между тѣмъ пріостановиться впредь до усмотрѣнія съ выдачею людямъ польскаго происхожденія новыхъ свидѣтельствъ на дозволеніе обучать въ частныхъ домахъ. Несмотря на это, я весьма часто получаю отъ директора 2-й кіевской гимназіи [1]) отношенія съ требованіемъ аттестацій о лицахъ изъ уроженцевъ или жителей кіевской губ., просящихъ отъ него свидѣтельствъ на право домашняго обученія, изъ чего имѣю поводъ заключать, что директоръ не имѣетъ въ виду прописаннаго выше распоряженія и потому, вѣроятно, доставляетъ, въ противность оному, удовлетворенія просящимъ означенныхъ свидѣтельствъ. Таковое заключеніе мое болѣе кажется мнѣ безошибочнымъ потому еще, что директоръ самъ входитъ ко мнѣ съ вопросами о достоинствѣ лицъ, просящихъ у него свидѣтельствъ, тогда какъ ему слѣдовало бы сношенія со мною въ потребныхъ случаяхъ, а въ особенности по дѣламъ, менѣе или болѣе касающимся политическихъ обстоятельствъ, представлять господину попечителю учебнаго округа, какъ ближайшему своему начальнику, которому гораздо болѣе

[1]) Таковымъ былъ въ то время С. О. Богородскій, занимавшій одновременно и профессорскую каѳедру въ Кіевскомъ университетѣ; онъ же состоялъ и директоромъ училищъ кіев. губ.

должны быть извѣстны какъ распоряженія правительства относительно учебныхъ вѣдомствъ въ семъ краѣ, такъ и самая цѣль, къ которой клонится постоянная заботливость его. Имѣя въ виду предложеніе вашего высокопр-ства по прописанному вами предмету отъ 8 прошедшаго іюня, № 1359, я долгомъ поставляю себѣ замѣченныя мною дѣйствія директора кіев. 2-й гимназіи довести до свѣдѣнія вашего».

Генералъ-губернаторъ велѣлъ истребовать отъ тогдашняго попечителя учебнаго округа князя Давыдова «справку» по данному дѣлу и 11 декабря того же года получилъ отъ послѣдняго слѣдующее объясненіе: 1) Выдача свидѣтельствъ на право частнаго обученія лицамъ польскаго происхожденія совершенно пріостановлена со времени введенія въ дѣйствіе высочайшаго повелѣнія 23 апрѣля 1839 года, о чемъ имѣются положительныя свѣдѣнія въ дѣлахъ управленія кіев. учебнаго округа, потому что, какъ прежде, такъ и теперь ни одно изъ подобныхъ свидѣтельствъ никому безъ разрѣшенія попечители кіев. учебнаго округа не выдается. Для избѣжанія излишней переписки о лицахъ, не имѣющихъ права получать свидѣтельства на частное обученіе, на основаніи приведеннаго высочайшаго повелѣнія, предписано секретно директорамъ гимназій и училищъ удалять таковыхъ лицъ, подъ самыми благовидными однако жъ предлогами, отъ испытанія; если же таковыхъ предлоговъ не представится, то представлять о подобныхъ лицахъ, безъ всякихъ предварительныхъ о нихъ сношеній, попечителю округа. 2) Заключеніе, изложенное въ представленіи г. Фундуклея, будто-бы директоръ училищъ кіевской губерніи дѣйствуетъ несообразно высочайшему повелѣнію 23 апрѣля, не могло бы возникнуть, если-бы въ сношеніяхъ директора о поведеніи разныхъ лицъ различаемы были три ихъ вида, именно: а) о лицахъ, подвергавшихся испытанію и желающихъ получить свидѣтельства на право быть учителями въ училищахъ уѣздныхъ и приходскихъ, чѣмъ однако же не пріобрѣтается право обучать въ частныхъ домахъ; б) о лицахъ, получившихъ свидѣтельства до изданія положенія 1-го іюля 1834 года о домашнихъ учителяхъ, а также имѣющихъ оныя изъ учебныхъ заведеній, не состоящихъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ; поскольку таковымъ лицамъ означеннымъ повелѣніемъ не воспрещено заниматься обученіемъ въ частныхъ домахъ, то, по предъявленію ими имѣющихся у нихъ свидѣтельствъ въ дирекціяхъ училищъ, дѣлаются обыкновенныя справки о ихъ поведеніи и образѣ мыслей; наконецъ, в) о лицахъ, испрашивающихъ вновь свидѣтельства на право обучать въ част-

ныхъ домахъ. 3) На основаніи § 182 устава училищъ и гимназій, высочайше утвержденнаго 8 дек. 1828 года, директоръ имѣетъ право самъ относиться къ губернскимъ и прочимъ мѣстнымъ начальствамъ».

Сообщ. **О. Л.**

Письмо гетмана Скоропадскаго къ митрополиту Іоасафу Кроковскому 1712 г. Ясне в Богу преосвященний мосцѣ отче митрополитъ кіевский и галицкий, мой велце мосцѣвий пане, архипастиру милостивий, в Духу святомъ отче й добродѣю.

Панъ Димитрий Полоцкий, войтъ кіевский, будучи тут в Глуховѣ, предложилъ намъ, что по всѣхъ трудностяхъ, якіе от войскъ великороссийских городовѣ Кіеву и гражданамъ тамошнимъ чинилися, за едину отраду себѣ милость вашего преосвященства, которою передъ нами хвалилъся, имѣетъ; тилко жалостенъ есть на висоце в Богу превелебного его милость отца архимандриту Межигорского, что многіе ему самому и всему майстрату Кіевскому досади и укоризни дѣетъ и людей въежджаючихъ в пущу за дровами грабыть, воли и конѣ забыраетъ и не велит ворочати. В чомъ яко просилъ нашего до вашои архипастирской милости за собою и за всѣмъ майстратомъ въложеньяся [1]), такъ мы до вашего преосвященства за ними інтерцедуючи, просимъ, благоволи ваша пастирская святыня его превелебного отца архимандриту от тоей на пана войта и всѣхъ мѣщанъ завзятости уняти и архирейскою своею смирити властію, а приказать, чтобы его превелебность грабежѣ людзкіе велѣвъ поворочати и впредъ за уездъ в пущу людей кіевскихъ не казавъ грабыти.

О що и повъторе вашой пастирской милости просячи, его ж архіерейскимъ молитвамъ и благословенію навсегда полѣцаемъся.

Вашому преосвященству всего добра зичливий в Духу Святомъ синъ и нижайший слуга Іванъ Скоропадский, гетманъ войска Его Царского пресвѣтлого величества Запорожского. З Глухова, юня 2, року ҂аѱві (1712).

Адресовано: «Ясне в Богу преосвященному Его милости отцу Іоасафу Кроковскому, Митрополитѣ и Архіепископу Кіевскому, Галицкому и всея Россіи, моему велце мосцевому пану, архипастиру милостивому, в Духу святомъ отцу и добродѣю.

---

[1]) Т. е. ходатайства.

Письмо это отчасти касается продолжительнаго спора между кіевскимъ магистратомъ и кіевскими монастырями. Двѣнадцать тогдашнихъ кіевскихъ монастырей владѣли въ городѣ и окрестностяхъ огромною недвижимою собственностью: домами, лавками, шинками, корчмами, перевозами черезъ Днѣпръ, лѣсами, сѣнокосами, винокуренными заводами, «цегельнями» и т. под., считая себя совершенно свободными отъ всѣхъ государственныхъ и городскихъ повинностей, ложившихся всею тяжестью на городскую общину. Разумѣется, такая привилегія вызывала ропотъ и неудовольствіе со стороны мѣщанъ, имѣвшихъ основаніе оспаривать многія изъ угодій, считавшихся монастырскими. Петръ I подтвердилъ давнее право кіевскаго магистрата пользоваться лѣсами, сѣнокосами и др. угодьями на разстояніи 25-ти верстъ вокругъ Кіева. Мѣщане рѣшили, что на этомъ пространствѣ не однѣ только свободныя земли входятъ въ ихъ пользованіе, но и частныя, т. е. монастырскія, и потому безъ стѣсненія рубили здѣсь лѣса, пасли скотъ и т. под., чему монастыри дѣлали всякія препятствія. Это и порождало безконечныя распри и тяжбы. Пока митрополичью каѳедру занималъ Іоасафъ Кроковскій, избранный въ этотъ санъ еще по прежнимъ малороссійскимъ правамъ, означенный споръ не выходилъ изъ границъ частныхъ недоразумѣній; но когда съ 1722 года его замѣнилъ уже назначенный по избранію синода митрополитъ Варлаамъ Ванатовичъ, не умѣвшій и не хотѣвшій сдерживать монастырскія власти, споръ съ мѣщанами принялъ столь страстный и злобный характеръ, что стороны перестали уже стѣсняться въ выборѣ средствъ борьбы, и жертвою этого взаимнаго озлобленія палъ самъ митрополитъ, оклеветанный тѣмъ же войтомъ Д. Полоцкимъ, будто онъ, получивъ въ 1730 г. манифестъ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, вмѣстѣ съ своими консистористами не захотѣлъ совершить положенное молебствіе. Ванатовичъ былъ за это лишенъ архіерейскаго и священническаго сана и заточенъ въ Бѣлозерскій монастырь, а консистористы (игумены кіевскихъ монастырей) отрѣшены отъ должности.

О. Л.

Подати в Королевствѣ Польскомъ въ 1717 г. Въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ въ рукоп. № 495 каноника Сярчинскаго начала XIX ст., имѣется замѣтка подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ,

къ сожалѣнію безъ указанія на ея источники. Приводимъ ея содержаніе.

		Поголовное		*Hiberna*		*Соль*
Воеводство	Русское	278 зл.	498 гр.	112 зл.	595 гр.	—
»	Кіевское	10	861		—	—
»	Волынское	109	363	10	535	—
»	Подольское	27	473			.
»	Любельское	186	148	13	444	1125
»	Подляшск.	186	650	31	840	999
»	Браплавское	5	400			

Со всего же Королевства 1.939.990.

Hiberna отъ духовенства изъ Львовской діецезіи достигала 2434 зл., Перемышльской 5987, Холмской 2226, Луцкой—2161, отъ духовенства обряду греческаго—6.141.

Годовой коронный доходъ въ 1717 г. 5.532.279 зл.

«*Чопове*» и «*шеляжне*» платилось отъ бочки проданнаго напитка и гарнца вышинкованнаго; этотъ же поборъ шелъ на нужды края, а позже на нужды воеводства.

«*Млынове*» или «*czos*» не всегда былъ въ употребленіи. Въ 1703 г. рѣшено было его употребить на выкупъ Эльбонга (Elbąga).

«*Donatywa kupiecka*»—нѣкогда добровольная жертва, почему и сохранилось названіе «donatywa», но впослѣдствіи—спеціально доходъ съ купцовъ. Въ 1628 г. достигалъ онъ суммы 100.000 зл. п. Купцы: Греки, Армяне, Персы, Шкоты дали дохода 20000 зл. п.

«*Поральне*»—наидревнѣйшая подать, получавшаяся съ лана. Король Людовикъ уменьшилъ его отъ 12 до 2 гр., а Владиславъ Ягелло постановилъ, чтобы его сами крестьяне «складали», а не шляхта.

«*Акцыза*»—ухваленная позже,—сборъ, получавшійся отъ взносовъ 2 грошей отъ каждаго злотаго стоимости предметовъ первой необходимости.

«*Татарское поголовное*», какъ выражается конституція сейма 1710 г., достигала наиболѣе 6.000 зл. п.

Сообщ. **В. Д.**

Цѣна продуктовъ въ Кіевщинѣ въ 1789 г. (Cena w Kijowskim do ofiary 10-go grosza r. 1789 ustanowiona). День тяглый—15 грош., пѣшій—12; курица—10 гр., каплунъ—15 гр., мотокъ пряжи—15 гр., „belee“ меду, содержащій 10 квартъ—8 зл. п., пень пчелъ—7 зл., „sotko“ грибовъ—1 зл., „czerwcu lyżka“—10 гр., кварта орѣховъ—

2 гр., 3 яйца—1 гр., корецъ жита—6 зл. п., „jagieł“—9 зл., корецъ ячменя—5 зл., овса—2 зл., сѣмени конопляного—6 зл.. пшеницы—4 зл., гречки—4 зл., гороху—6 зл., льну (сѣмени)—8 зл., хмеля—1 зл.

(Библіотека Оссолинскихъ, рукоп. № 496 каноника Сярчинскаго, стр. 189).

Сообщ **В. Д.**

Отвѣтъ редакціи. Считаемъ долгомъ извѣстить нижеслѣдующихъ лицъ, что деньги, присланныя ими на поддержаніе въ порядкѣ могилы Т. Г. Шевченка, получены и переданы по назначенію: 1) *Изъ Екатеринослава*: отъ В. П. Гегело—60 р., Н. С. Кононенко—9 р. (съ полученными раньше 27 руб., см. іюль-авг. «Кіев. Ст.», отъ г. Кононенко всего поступило—36 р.), Н. Т. Павлова—5 р., С. П. Балабухи—5 р., И. И. Тимофеева—3 р., И. Ф. Карпинскаго—2 р. 50 к., С. Ф. Леухина—2 р. 50 к., Л. Ф. Леухина—2 р., Ф. В. Дитятева—2 р., В. А. Стаховскаго—2 р., В. И. Лавриненко—1 р. 50 к., М. А. Тисенко—1 р. 20 к., Ѳ. А. Кузьменко—1 р. 20 к., Н., М. и К. Кузьменко—1 р. 80 к., М. Г. Шиллера—1 р., П. А. Кольченко—1 р., А. Р. Ткаченко—15 к., М. П. Бондаренко—15 к., всего 101 р., 2) *Изъ Одессы*: Е. И. Тищенко—5 р., а всего 106 р., что вмѣстѣ съ прежними (см. № 7-8—36 р. и № 9—207 р. 30 к.), составляетъ *349 р. 30 к.*

Текущія извѣстія.

О положеніи украинской печати. Подъ этимъ заглавіемъ въ «Кіевскихъ Откликахъ» (№ 288) напечатана прекрасная статья Б. Гринченка, подчеркивающая ненормальное отношеніе къ печатному малорусскому слову. Ввиду интереса этого вопроса, мы приводимъ статью цѣликомъ.

Газеты передали намъ слѣдующія слова, сказанныя г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, княземъ Святополкъ-Мирскимъ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ «Руси» по вопросу о національностяхъ: «Если даже смотрѣть на дѣло такъ, что необходимо ограждать интересы русскаго населенія, то должно соблюдать извѣстную мѣру. Во вся-

комъ случаѣ, надо имѣть въ виду, прежде всего, не наносить чувствительнаго ущерба людямъ. У насъ не мало мѣръ, которыя, не принося никакой существенной пользы тѣмъ, ради которыхъ дѣлаются, наносятъ однако огромныя лишенія людямъ, къ которымъ примѣняются».

Объ одной изъ такихъ мѣръ не разъ говорилось въ русской печати. Вотъ, напримѣръ, что писали еще въ 1898 году (29 октября, № 297) въ статьѣ: «Зачѣмъ?» «С.-Петербургскія Вѣдомости». Знакомство съ произведеніями классиковъ обязательно у насъ для каждаго гимназиста, почему одни изъ этихъ авторовъ изучаются по подлинникамъ въ классѣ, а другіе—въ отрывкахъ наполняютъ хрестоматіи, предназначенныя также для класснаго употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но многимъ ли у насъ извѣстенъ тотъ фактъ, что за чтеніе иныхъ переводовъ этихъ произведеній взрослые люди подвергаются у насъ различнаго рода непріятностямъ?

Теперь уже XX-е столѣтіе—и все-же положеніе не измѣнилось: взрослые люди продолжаютъ подвергаться «различнаго рода непріятностямъ» только за то, что они читаютъ переводы Шекспира, Гомера или Евангелія на украинскій языкъ.

Но кому-же и какой вредъ можетъ произойти отъ того, что любители литературы будутъ читать Шекспира не въ переводѣ Гребеля, а въ передачѣ Кулиша, Гнѣдича замѣнятъ, читая Гомера, Нищинскимъ, а обратившись къ Данту, найдутъ болѣе удобнымъ и соотвѣтствующимъ своимъ вкусамъ русскій переводъ Мина замѣнить украинской передачей Саміиленка? А между тѣмъ, благодаря тому, что у насъ печатаніе переводовъ на малорусскій языкъ запрещено и таковые могутъ появляться лишь за-границей, откуда пропускъ ихъ къ намъ также запрещенъ, чтеніе ихъ, несмотря на всю невинность этого занятія, сопряжено съ помянутыми выше «непріятностями». Въ «непріятномъ», хотя и совсѣмъ иного рода, положеніи оказывается, благодаря этимъ обстоятельствамъ, даже цензура: запрещая, скажемъ, «Марію Стюартъ» Шиллера *исключительно за языкъ* ея перевода и не имѣя по этому возможности найти рѣшительно никакихъ другихъ основаній для такого запрещенія, цензурѣ приходится пояснить, что переводъ запрещенъ согласно ст. 113-й устава о цензурѣ и печати, каковая статья въ точности гласитъ слѣдующее: «При цензированіи статей, касающихся частей: военной, судебной, финансовой и предметовъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, цензоры обязаны руководствоваться особо изданными наставленіями». Такимъ образомъ

оказалось, что несчастная королева еще изъ глубины XVI вѣка заняла нецензурное положеніе по отношенію къ помянутымъ въ ст. 113-й россійскимъ вѣдомствамъ, почему и должна подвергнуться запрещенію въ 1897 году.

Любопытно также, что запрещенъ малоруссій переводъ Библіи. «Въ христіанскомъ государствѣ»,—цитируемъ снова помянутую статью петербургской газеты,—«гдѣ имѣется Евангеліе на семидесяти языкахъ и нарѣчіяхъ, въ томъ числѣ: на вогульскомъ, вотяцкомъ, зырянскомъ, калмыцкомъ, латышскомъ, лапландскомъ, осетинскомъ, пермскомъ, эстонскомъ, на четырехъ нарѣчіяхъ татарскаго языка, на еврейско-польскомъ и еврейско-нѣмецкомъ жаргонахъ (см. каталогъ библейскаго общества),—славянское населеніе въ два десятка милліоновъ душъ лишено права читать св. Писаніе на своемъ родномъ языкѣ». Вся крайняя непослѣдовательность такого положенія вещей понятна сама собой, безъ дальнѣйшихъ объясненій. Прибавимъ развѣ лишь то, что среди самого духовенства цѣлый рядъ лицъ держался мнѣнія о необходимости такого перевода и въ проповѣдяхъ на украинскомъ языкѣ старался говорить о религіозныхъ предметахъ понятнымъ для населенія языкомъ (украинскія проповѣди и изложенія священныхъ событій священниковъ: Гречулевича, Опатовича, Бабченка и др.). Это направленіе получало не разъ одобреніе со стороны лицъ высоко авторитетныхъ въ духовномъ мірѣ, какъ, напр., извѣстный Филаретъ, архіепископъ черниговскій и нѣжинскій, издавшій въ 1859 г. по украински свою «Проповидь протывъ враждебныкивъ» съ отрывками переводовъ Евангелія (Кіев. Стар. 1902, V, 86); въ томъ же духѣ былъ изданъ съ соизволенія архіерея указъ изъ полтавской духовной консисторіи о необходимости малорусской проповѣди (ib., II, 81), въ томъ же направленіи дѣйствуетъ въ настоящее время и преосвященный Амвросій, епископъ кременецкій, самъ произносящій малорусскія проповѣди (ib., 1904, IX, 100 и пр.). Такимъ образомъ, со стороны церковныхъ каноническихъ правилъ нѣтъ препятствій для перевода Библіи по малорусски, а, между тѣмъ, украинская Библія, недавно изданная въ полномъ составѣ британскимъ библейскимъ обществомъ въ Вѣнѣ, является для насъ запрещенной вещью. Если въ ней что-либо оказалось бы переведеннымъ, несогласно съ установленнымъ у насъ текстомъ, то вѣдь для россійскаго изданія это можетъ быть легко исправлено; наконецъ, есть и другой переводъ Евангелія—Морачев-

скаго, давно одобренный россійской Академіей Наукъ и все-же уже сорокъ лѣтъ остающійся въ рукописи...

Такое ненормальное положеніе малорусскаго слова существуетъ не только относительно переводовъ. Еще въ 1863 г. было сдѣлано первое запрещеніе украинской литературы, а затѣмъ, послѣ нѣкотораго облегченія, въ 1876 г., послѣдовало новое распоряженіе, дѣйствующее и въ настоящее время, часть котораго цитируемъ по помянутой статьѣ «Зачѣмъ?»

1) Недопускать ввоза въ предѣлы имперіи, безъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати, *какихъ бы то ни было* книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчіи.

Печатаніе и изданіе въ имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ, и б) произведеній изящной словесности; но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ-же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія, и чтобы разрѣшенія на печатаніе произведеній изящной словесности давались не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописи въ главномъ управленіи по дѣламъ печати.

Такимъ образомъ, запрещены всѣ книги характера научно-популярнаго, педагогическаго или утилитарнаго. Такія вещи, какъ народныя книжки о Сахарѣ, Финляндіи, Колумбіи, Гуттенбергѣ, Александрѣ Македонскомъ, Линкольнѣ, Ив. Гуссѣ, о пользѣ птицъ, о холерѣ, о любви къ животнымъ, о картофели и пр. и пр.— были до сихъ поръ запрещаемы въ большомъ количествѣ, и нѣсколько книжекъ научно-популярнаго содержанія, которымъ, въ силу какихъ-то случайныхъ обстоятельствъ, посчастливилось проскользнуть въ типографіи, слишкомъ ничтожная въ количественномъ отношеніи вещь для того, чтобы ими можно было удовлетворить умственный голодъ народныхъ массъ, для того, чтобы ими возможно было разогнать тотъ леденящій душу мракъ невѣжества, въ которомъ бродятъ ощупью эти массы. Это запрещеніе подрываетъ въ самомъ корнѣ возможность широкаго и глубокаго народнаго просвѣщенія, просвѣщенія, не волостныхъ писарей приготовляющаго, а пробуждающаго умъ народный, побуждающаго народныя силы и таланты къ напряженной и энергичной дѣятельности въ сферѣ какъ матеріальной, такъ и духовной. Огромное

большинство народа буквально вырождается духовно и физически среди поражающаго невѣжества; другая часть, меньшинство, съ напряженнымъ томленіемъ ищетъ удовлетворенія своимъ духовнымъ запросамъ, своимъ порывамъ къ свѣту и знанію, и не находитъ даже понятной для себя книжки, могущей быть для нея первой ступенью на дорогѣ къ простору знанія и счастливаго существованія, не находитъ только потому, что этой понятной ему книжкой можетъ быть для него лишь книжка на его родномъ малорусскомъ языкѣ! Если для украинской интеллигенціи невозможность имѣть свою журналистку, читать въ украинскомъ переводѣ классиковъ и пр. составляетъ лишеніе, крайне болѣзненно отражающееся на ея знаніи, то невозможность для народа имѣть книжку на родномъ языкѣ является еще болѣе тяжелымъ лишеніемъ.

Сама народная мысль, какъ сказано было выше, въ лицѣ меньшинства народа, съ ярко-выраженной очевидностью стремится къ жизни, къ развитію—пробуждается не только интересъ къ книгѣ, но и къ газетѣ. А между тѣмъ, газета, вообще періодическое украинское изданіе, тоже является вещью, для насъ запрещенною. Въ 1897 г., изъ Чернигова было возбуждено ходатайство объ изданіи еженедѣльной газеты для народа «Порада», и съ этого времени просьбы объ украинскихъ періодическихъ изданіяхъ не прекращались. Мы припоминаемъ, напр., слѣдующія ходатайства: г. Коваленко просилъ объ изданіи періодическаго органа «Украина», г. Левицкій изъ Кіева—«Проминь», г. Яворскій изъ Чернигова—«Рилля», г. Яблоновскій изъ Херсона—«Степъ», гг. Чикаленко и Левицкій изъ Кіева—«Селянынъ» (1903), г-жа Муркенъ изъ Севастополя—«Хлиборобъ» (1903), и пр. Всѣ эти ходатайства остались безъ удовлетворенія. Въ настоящее время представлено два новыхъ ходатайства: отъ г. Семешко о газетѣ «Громадянынъ» и отъ г. С. Ефремова о еженедѣльной газетѣ съ приложеніями въ видѣ книжекъ--«Викъ», представлены съ надеждой, что новое направленіе внутренней политики удовлетворитъ и несомнѣнную нужду въ украинской періодической печати.

Лица, посвящающія себя украинской литературѣ, въ настоящее время находятся у насъ въ крайне тяжеломъ положеніи. Даже въ рамкахъ цитированнаго выше распоряженія 1876 г. они постоянно подвергаются ограниченіямъ, почти лишающимъ ихъ возможности производительной работы. Поэтому подавляющее большинство своихъ работъ они принуждены печатать за границей—въ Австріи, гдѣ есть

украинская пресса, и даже въ Америкѣ, гдѣ много украинскихъ колоній и есть также нѣсколько малорусскихъ газетъ. Неудобство такого положенія вещей, какъ для авторовъ, такъ и для страны, гдѣ они живутъ, очевидно съ перваго взгляда: авторы лишены какъ возможности непосредственнаго общенія съ своей публикой, такъ и заработка; страна лишается производительныхъ силъ, могущихъ быть полезными на мѣстѣ, но вытѣсняемыхъ за границу. Къ этому нужно прибавить еще общее запрещеніе ввоза въ Имперію *какихъ-бы то ни было украинскихъ книгъ:* благодаря этому запрещенію, множество научныхъ работъ совершенно не могутъ быть сдѣланы, такъ какъ запрещены къ ввозу даже такія чисто ученыя изданія, какъ «Записки наукового товариства им. Шевченка», «Этнографичный збирныкъ» и пр., и пр.

Украинская литература давно уже является объектомъ научныхъ изслѣдованій. Академикомъ А. Н. Пыпинымъ отведенъ ей особый отдѣлъ въ его обширной «Исторіи славянскихъ литературъ»; проф. Н. И. Петровымъ написанъ «Очеркъ исторіи украинской литературы XIX в.», а проф. Н. П. Дашкевичемъ, по порученію Академіи Наукъ, сдѣланъ обширный разборъ этой книги, гдѣ г. Дашкевичъ далъ рядъ своихъ собственныхъ изслѣдованій предмета; проф. Огоновскій издалъ четырехтомный трудъ по исторіи украинской литературы; множество серьезныхъ работъ по отдѣльнымъ вопросамъ опубликовано было цѣлымъ рядомъ солидныхъ ученыхъ, какъ у насъ, такъ и за границей; ученыя изданія и вообще пресса нѣмецкая, французская, англійская и пр. все болѣе и болѣе обращаетъ вниманія на украинскую литературу, чему особенно способствуетъ вѣнскій журналъ „Ruthenische Revue“, знакомящій Европу съ положеніемъ украинскаго вопроса. Украинскій языкъ раздается съ кафедръ двухъ университетовъ, и украинскіе ученые въ Галиціи своими работами уже успѣли пріобрѣсти вниманіе своихъ европейскихъ собратьевъ. Объ украинской литературѣ начинаютъ говорить съ кафедръ иностранныхъ университетовъ. Все это показываетъ, что новая украинская литература уже давно вышла изъ періода дѣтства, что ее нельзя иначе трактовать, какъ и всякую другую литературу, что отношеніе къ ней, какъ къ чему то несуществующему и не долженствующему существовать. не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и, какъ таковое, является вреднымъ и «наноситъ... огромныя лишенія людямъ, къ которымъ примѣняется», почему и тяготѣющее надъ украинскимъ словомъ у

насъ запрещеніе, какъ совершенно противорѣчащее высказанному г. министромъ внутреннихъ дѣлъ взгляду, должно быть устранено.

Этого и ожидаетъ въ настоящее время украинское общество отъ новаго направленія внутренней политики Россіи, поставившего во главу угла довѣріе къ общественнымъ силамъ и ихъ развитіе.

Къ вопросу о малорусскомъ языкѣ. Подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ «Южныхъ Запискахъ» (№ 44) статья М. А. Славинскаго, въ которой сообщаются свѣдѣнія о положеніи малорусской рѣчи по отношенію къ литературному примѣненію ея.

До второй половины XIX вѣка малорусское слово не подвергалось какимъ-либо исключительнымъ стѣсненіямъ; цензура была сурова и губительна, но эта суровость и губительность распространялась одинаково на всѣхъ, въ томъ числѣ и на малорусскую литературу. Начало, такъ называемыхъ, шестидесятыхъ годовъ, проникнутое довѣріемъ правительства къ обществу, благотворно отразилось на малорусской литературѣ и на всемъ малорусскомъ движеніи. Время это отмѣчено широкой просвѣтительной дѣятельностью малорусской интеллигенціи, которая встрѣтила сочувствіе не только среди русскаго общества и печати, отъ Каткова до Чернышевскаго, но и въ правящихъ кругахъ. Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» принимаетъ деньги для подписки, объявленной Костомаровымъ на изданіе народныхъ книгъ, въ томъ числѣ и св. писанія, на малорусскомъ языкѣ, министерство народнаго просвѣщенія ассигнуетъ кредиты для изданія малорусскихъ учебниковъ и пособій для народныхъ училищъ, земства ходатайствуютъ о законодательномъ введеніи малорусскаго языка въ школы, какъ преподавательскаго, частныя лица основываютъ воскресныя малорусскія школы, появляется малорусскій журналъ «Основа», создается довольно обширная малорусская литература, открывается малорусскій театръ, духовенство усваиваетъ малорусскій языкъ въ церковныхъ проповѣдяхъ, Академія Наукъ хлопочетъ объ изданіи одобреннаго ею перевода евангелія на малорусскій языкъ, мѣстная администрація (кіевское генералъ-губернаторство) въ своихъ сношеніяхъ съ крестьянами время отъ времени пользуется малорусскимъ языкомъ. Малорусскій языкъ, естественно, пріобрѣлъ права гражданства въ школѣ, въ церкви, въ журналистикѣ и отчасти въ администраціи.

Но такая гармонія въ отношеніи власти и населенія, основанная на обоюдномъ согласномъ пониманіи естественныхъ народныхъ нуждъ, продолжалась недолго. Ясное небо согласія интересовъ и пониманія заволоклось темными тучами подозрительнаго недовѣрія, результаты котораго не замедлили оказаться. Начало этому, какъ и многому другому, положилъ Катковъ, усмотрѣвшій въ малорусскомъ движеніи не болѣе, какъ—польскую интригу. Поляки, молъ, желая создать благопріятную среду для своего возстанія, породили малорусское движеніе. Болѣе неосновательнаго предположенія нельзя было и придумать. Какъ извѣстно, польскіе круги, готовившіе возстаніе, относились къ малорусскому движенію въ высшей степени враждебно, справедливо полагая, что возрожденіе малорусской народности ставитъ непреодолимое препятствіе для осуществленія ихъ мечты о возстановленіи исторической Польши «отъ моря до моря». Катковъ, создавая свою теорію польской интриги, намѣренно игнорировалъ какъ ту рѣзкую полемику съ поляками, которую вели въ «Основѣ» малорусскіе интеллигенты (Костомаровъ, Кулишъ, Антоновичъ и др.), такъ и тотъ общеизвѣстный фактъ, что малорусское крестьянство съ нескрываемой враждебностью встрѣтило извѣстіе о польскомъ возстаніи и въ распрѣ поляковъ съ русскимъ правительствомъ рѣшительно стало на сторону послѣдняго.

Въ 1862 г. 8 іюля послѣдовало извѣстное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ Валуева къ министру народнаго просвѣщенія, въ которомъ находимъ все тѣ же катковскія мысли о польской интригѣ, съ примѣсью отвергнутыхъ исторической наукой погодинскихъ представленій о происхожденіи малорусскаго языка. Приводимъ извлеченія изъ этого характернаго документа:

«Давно уже идутъ споры въ нашей печати о возможности существованія самостоятельной малороссійской литературы. Поводомъ къ этимъ спорамъ служили произведенія нѣкоторыхъ писателей, отличавшихся болѣе или менѣе замѣчательнымъ талантомъ или своею оригинальностью. Въ послѣднее время вопросъ о малороссійской литературѣ получилъ иной характеръ, вслѣдствіе обстоятельствъ чисто политическихъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ интересамъ собственно литературнымъ. Прежнія произведенія на малороссійскомъ языкѣ имѣли въ виду лишь образованные классы южной Россіи, нынѣ же приверженцы малороссійской народности обратили свои виды на массу непросвѣщенную, и тѣ изъ нихъ, которые стремятся къ осуществле-

нію своихъ политическихъ замысловъ, принялись, подъ предлогомъ распространенія грамотности и просвѣщенія, за изданіе книгъ для первоначальнаго чтенія, букварей, грамматикъ, географій и т. п. Въ С.-Петербургѣ собираются пожертвованія для изданія дешевыхъ книгъ на южнорусскомъ нарѣчіи. Многія изъ этихъ книгъ поступили уже на разсмотрѣніе въ с.-петербургскій цензурный комитетъ. Не малое число такихъ же книгъ представляется и въ кіевскій цензурный комитетъ. Сей послѣдній въ особенности затруднялся пропускомъ упомянутыхъ изданій, имѣя въ виду слѣдующія обстоятельства: обученіе во всѣхъ, безъ изъятія, училищахъ производится на общерусскомъ языкѣ, и употребленіе малороссійскаго языка въ училищахъ нигдѣ не допущено; самый вопросъ о пользѣ и возможности употребленія въ школахъ этого нарѣчія не рѣшенъ, но даже возбужденіе этого вопроса принято было большинствомъ малороссовъ съ негодованіемъ, часто высказывающимся въ печати. Они весьма основательно доказываютъ, что никакого малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ, и что нарѣчіе ихъ, употребляемое простонародьемъ, есть тотъ же русскій языкъ, только испорченный вліяніемъ на него Польши, что общерусскій языкъ такъ же понятенъ для малороссіянъ, какъ и для великороссіянъ, и даже гораздо понятнѣе, чѣмъ теперь сочиняемый для нихъ нѣкоторыми малороссіянами, и въ особенности поляками, такъ называемый украинскій языкъ. Лицъ того кружка, который усиливается доказать противное, большинство самихъ малороссовъ упрекаетъ въ сепаратистскихъ замыслахъ, враждебныхъ къ Россіи и гибельныхъ для Малороссіи. Явленіе это тѣмъ болѣе прискорбно и заслуживаетъ вниманія, что оно совпадаетъ съ политическими замыслами поляковъ и едва ли не имъ обязано своимъ происхожденіемъ, судя по рукописямъ, поступившимъ въ цензуру, и по тому, что большая часть малороссійскихъ сочиненій дѣйствительно поступаетъ отъ поляковъ. Наконецъ, и кіевскій генералъ-губернаторъ находитъ опаснымъ и вреднымъ выпускъ въ свѣтъ разсматриваемаго нынѣ Духовной цензурой перевода на малороссійскій языкъ Новаго Завѣта. Принимая во вниманіе съ одной стороны настоящее тревожное положеніе общества, волнуемаго политическими событіями, а съ другой стороны имѣя въ виду, что вопросъ объ обученіи грамотности на мѣстныхъ нарѣчіяхъ не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ, впредь до соглашенія съ министромъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуро-

ромъ Святѣйшаго Синода и шефомъ жандармовъ относительно печатанія книгъ на малороссійскомъ языкѣ, сдѣлать по цензурному вѣдомству распоряженіе, чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы, съ пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языкѣ, какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, остановиться».

Только абсолютной неосвѣдомленностью и мнительной подозрительностью Валуева можно объяснить этотъ жестокій актъ огульнаго недовѣрія къ малороссійскому населенію. Министерское распоряженіе тяжело отразилось на малороссійской литературѣ, въ особенности популярно-народной. За десятилѣтній періодъ (1863—1872 гг.) вышла всего одна популярная книжка на малорусскомъ языкѣ, вызванная притомъ крайней необходимостью разъяснить малорусскому населенію значеніе введенныхъ новыхъ судебныхъ установленій; названіе этой рѣдкой книжки—«Про судебни російськи реформы».

Въ 1873 г. наступило фактическое смягченіе цензурныхъ правилъ для малорусскихъ произведеній, но это ничѣмъ, кромѣ лишняго усмотрѣнія, не регулированное смягченіе продолжалось недолго. На смѣну ему 18-мая 1876 года изданъ былъ законъ, которымъ окончательно установилось исключительно тяжелое цензурное положеніе для малорусской литературы. Законъ этотъ, мало извѣстный широкой публикѣ, состоитъ всего изъ трехъ пунктовъ и гласитъ слѣдующее:

1) Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи, безъ особаго на то разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати, какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчіи.

2) Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности, но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности—не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобъ разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописи въ главномъ управленіи по дѣламъ печати.

3) Воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на малороссійскомъ нарѣчіи, а равно и печатаніе на таковомъ текста къ музыкальнымъ нотамъ.

Эти оригинальныя правила, дополненныя въ 1881 г. дозволеніемъ печатать словами и исполнять малорусскія пьесы съ особаго каждый разъ на то разрѣшенія генералъ-губернатора и губернаторовъ, являются и донынѣ руководящими при разрѣшеніи къ печати произведеній на малорусскомъ языкѣ. Распространительное толкованіе, кстати сказать, въ подобныхъ случаяхъ едва ли допустимое, внесло въ практику еще болѣе ограниченій: не разрѣшались къ печати переводныя произведенія изящной литературы, дѣтскія книги, хотя бы беллетристическаго содержанія, не дозволялись также и періодическія изданія, хотя все это и не воспрещается прямо закономъ.

Жизнь давно уже успѣла доказать всю устарѣлость подобныхъ мѣръ въ борьбѣ съ живыми народными интересами.

По поводу изданія Св. Писанія въ украинскомъ переводѣ. Какъ извѣстно нашимъ читателямъ, въ текущемъ году издано въ Вѣнѣ Библейскимъ обществомъ Св. Писаніе на украинскомъ языкѣ въ переводѣ П. Кулиша, I. Полюя и И. Левицкаго. Въ іюнѣ этого года, одинъ изъ переводчиковъ, д-ръ I. Полюй, обратился въ Императорскую Академію Наукъ въ Петербургѣ съ письмомъ, въ которомъ указываетъ, что имъ послано въ Главное управленіе по дѣламъ печати прошеніе о допущеніи этого изданія къ продажѣ въ Россіи. Обращая вниманіе Академіи Наукъ, какъ учрежденія вполнѣ компетентнаго въ сужденіяхъ по вопросамъ научнаго и культурнаго характера въ Россійской имперіи, на значеніе распространенія Слова Божьяго въ народѣ на родномъ для него языкѣ, д-ръ Полюй проситъ содѣйствія Академіи въ разрѣшеніи для Украины пользоваться свободно вышеназваннымъ изданіемъ Св. Писанія, надѣясь, что голосъ его найдетъ сочувствіе въ сердцахъ благородныхъ мужей науки. При этомъ письмѣ д-ръ Полюй препроводилъ въ Академію для ея библіотеки одинъ экз. изданія.

Въ отвѣтъ на это д-ръ Полюй получилъ недавно слѣдующее письмо отъ непремѣннаго секретаря Императ. Акад. Наукъ:

13 октября 1904 г. № 903.

Милостивый Государь! Имѣю честь, по порученію Конференціи Императорской Академіи Наукъ, принести Вамъ искреннюю признательность отъ имени Академіи за присланный въ даръ ея Библіотекѣ,

при письмѣ отъ 30-іюня с. г., переводъ Священнаго Писанія на русско-украинскую рѣчь, при чемъ долгомъ считаю сообщить Вамъ, что подлинное Ваше письмо, съ копіею ходатайства въ Главное управленіе по дѣламъ печати о разрѣшеніи провоза въ Россію изъ-за границы книгъ на малороссійскомъ языкѣ, передано, согласно постановленію Общаго Собранія Императорской Академіи Наукъ, на усмотрѣніе Отдѣленія Русскаго языка и словесности.

Прошу Васъ принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. *(Подпись)*.

Къ вопросу о психическихъ элементахъ національности. Въ «Южн. Россіи» (№ 258) напечатанъ отчетъ о засѣданіи въ Одесскомъ литературно-артистическомъ обществѣ, гдѣ былъ прочитанъ М. А. Славинскимъ рефератъ на тему, указанную въ заголовкѣ замѣтки. Въ виду интереса затронутаго вопроса, перепечатываемъ этотъ отчетъ цѣликомъ.

Залъ, въ которомъ происходило собесѣдованіе, былъ переполненъ публикой и далеко не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ послушать рефератъ. И неудивительно. Тема реферата, можно сказать, животрепещущая и злободневная. Съ одной стороны, многіе еще продолжаютъ искать путей правильнаго разрѣшенія національнаго вопроса, и съ другой—многіе не могутъ уяснить себѣ, что такое національность. Въ исканіи путей для правильнаго разрѣшенія національнаго вопроса, одни доходятъ до игнорированія національнаго элемента, считая его незаслуживающимъ вниманія, находя даже его вреднымъ въ сферѣ соціальнаго развитія общества; такія лица полагаютъ, что игнорированіемъ они, такъ сказать, разсѣкаютъ Гордіевъ узелъ междунаціональныхъ отношеній; другіе, обобщая «національнымъ» съ «національнымъ», вырабатываютъ взглядъ на національное движеніе различныхъ народовъ, какъ на что-то реакціонное, регрессивное; третьи, наконецъ, наоборотъ, придаютъ слишкомъ ужъ много значенія этому движенію, видятъ въ развитіи національной идеи единственный и главный конечный путь къ человѣческому прогрессу,—смѣшиваютъ здѣсь форму съ содержаніемъ.

Задача референта заключалась въ томъ, чтобы примирить всѣ эти крайности и по возможности выяснить, что-же собственно такое національзмъ и какое вниманіе ему должно удѣлять общество. На

сколько мы могли уловить главную мысль референта, національныя движенія среди угнетенныхъ народностей онъ считаетъ явленіемъ прогрессивнымъ, указывающимъ, что среди даннаго народа началась духовная творческая работа. Считая національный элементъ не содержаніемъ, а формой, референтъ тѣмъ не менѣе придаетъ этой формѣ самое серьезное значеніе, видя въ ней единственный путь къ человѣческому прогрессу, къ переходу не отдѣльныхъ единицъ, а цѣлыхъ массъ отъ національизма къ космополитизму. Исходя изъ такого положенія г. Славинскій и закончилъ свой рефератъ формулой Владиміра Соловьева. «Отъ личности черезъ національное къ человѣчеству».

Референту оппонировало человѣкъ 6—7. Здѣсь были представители различныхъ воззрѣній на національный вопросъ, исключая Катковско-Грингмутовскаго толка. Нѣкоторые изъ нихъ внесли кое-какія поправки и дополненія къ прочитанному реферату, нѣкоторые-же въ опредѣленіи, что такое національность, существенно расходились со взглядомъ референта. Такъ напр., г. Шелухинъ въ опредѣленіи національности стоитъ на точкѣ зрѣнія, между прочимъ, антропологической и инерваціи въ то время, какъ референтъ въ своемъ заключительномъ словѣ считаетъ эту теорію химерой и подходитъ къ опредѣленію, что такое національизмъ съ этической точки зрѣнія. Здѣсь онъ, между прочимъ, приводитъ эпизодъ изъ Ипатіевской лѣтописи временъ Владиміра Мономаха, гдѣ разсказанъ случай, какъ одного половецкаго хана, ушедшаго изъ приднѣпровскихъ степей на Кавказъ и проживавшаго тамъ долгое время, склонялъ вернуться въ родную сторону гудецъ (пѣвецъ), прибывшій туда послѣ того, какъ ханъ на предложеніе соотчичей вернуться въ свою край и править ими отказался, говоря, что ему и тамъ хорошо жить. Гудецъ въ началѣ старался склонить хана родными пѣснями, сказаніями и пр., но это не помогло: ханъ только прослезился отъ пѣсни, отъ возвращенія-же по прежнему отказывается. Наконецъ, гудецъ пробуетъ послѣднее средство: онъ даетъ хану понюхать траву евшанъ-зелье, растущую въ приднѣпровскихъ степяхъ. Запахъ травы оказываетъ на хана свое дѣйствіе, онъ собирается и переѣзжаетъ въ родной край.

Этотъ поэтическій подходъ къ опредѣленію національности и національнаго чувства далъ козырь въ руки оппоненту г. Лившицу, вызвавшему гомерическій смѣхъ среди публики. Г. Лившицъ во взглядѣ на опредѣленіе національности примкнулъ къ предыдущему оппоненту

г. Шелухину (апотропологія, инервація и пр.); что же касается поэтическаго разсказа г. Славинскаго, то г. Лившицъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «Мало-ли что можетъ возбуждать національное чувство! У одного оказывается болѣе чувствительнымъ зрѣніе: видъ какого-нибудь ландшафта можетъ вызвать національный восторгъ; у другого слухъ; у третьяго, обоняніе, какъ у того хана, а у меня, напримѣръ, какъ у еврея, больше всего возбуждается національное чувство, когда я ѣмъ фаршированную рыбу»...

Въ заключеніе скажемъ, что первое собесѣдованіе въ «литературкѣ», какъ называютъ здѣсь сокращенно литературно-артистическое общество, прошло очень оживленно и интересно. Несомнѣнно, повторяю, этому способствовала избранная тема собесѣдованія, добросовѣстно разработанная референтомъ, но не исчерпывающая вопроса. Къ этой темѣ выражено желаніе еще возвратиться. Г. Шелухинъ обѣщалъ прочесть свой рефератъ по этому же вопросу.

Положеніе русиновъ въ Галиціи и Венгріи. Подъ этимъ заглавіемъ напечатана корреспонденція (Н. Караваева) въ «Южн. Краѣ» (№ 8230), которую помѣщаемъ здѣсь цѣликомъ, въ виду ея интереса.

Австрійскій министръ-президентъ Керберъ совершилъ поѣздку по Галиціи съ цѣлью познакомиться съ администраціей этой страны. Въ дѣйствительности онъ хотѣлъ завязать лишь болѣе прочныя сношенія съ польской шляхтой, надѣясь, что онъ въ будущей парламентской кампаніи встрѣтитъ поддержку могущественнаго польскаго клуба. Гдѣ ужъ было при такихъ условіяхъ ревизовать дѣятельность шляхты? Керберъ ограничился лишь тѣмъ, что посѣщалъ рауты, soirées и балы, которые давались въ его честь польскими графами и князьями. А въ это самое время во Львовѣ произошелъ съѣздъ русиновъ для того, чтобы доказать министру-президенту, что онъ не попалъ въ счастливую Аркадію, гдѣ не раздается ни одного диссонанса. На этомъ съѣздѣ было иллюстрировано положеніе русиновъ въ Галиціи и Венгріи. Галиційскимъ полякамъ удалось достигнуть всего, о чемъ ихъ дѣды и мечтать не смѣли, и судьба русиновъ вполнѣ зависитъ отъ ихъ гнѣва и милости. Польская шляхта прежде всего достигла того, что всѣ вопросы объ администраціи Галиціи и всего ея культурнаго строя рѣшаются не вѣнскимъ парламентомъ, гдѣ эти вопросы рѣшались-бы безпартійно представителями всѣхъ австрій-

скихъ народовъ, а исключительно галицкимъ сеймомъ, гдѣ польскіе депутаты составляютъ подавляющее большинство. А каковы результаты этого польскаго хозяйничанья? Въ Галиціи существуетъ сорокъ четыре польскихъ гимназіи и всего только—четыре русинскихъ! Число русинскихъ народныхъ школъ далеко не удовлетворяетъ потребностямъ страны, и положеніе русинскихъ учителей очень печально. Недавно среди русиновъ возникло новое движеніе. Существующія во всей Галиціи отдѣленія пожарнаго и гимнастическаго общества «Січъ» задались цѣлью пролить хотя-бы слабый свѣтъ образованія въ темныя народныя массы. Для того они открыли во многихъ пунктахъ Галиціи образовательные курсы, чтобы хотя нѣсколько уменьшить число безграмотныхъ среди русиновъ; это—начальныя школы для взрослыхъ. Кромѣ того, открыты читальни и библіотеки. Польскіе заправилы увидѣли въ этомъ опасность для польскаго могущества и, чтобы напугать вѣнское правительство, пустили слухъ, что «Січъ» занимается политической пропагандой. Пользуемся случаемъ, чтобы заявить, что Габсбургская династія имѣетъ не много такихъ вѣрныхъ подданныхъ, какъ русины, и что послѣдніе очень привязаны къ Австріи, хотя австрійцы и относятся къ нимъ, какъ къ пасынкамъ. Недаромъ русины, цѣня свою вѣрность, называютъ себя тирольцами Галиціи! Все это польскимъ заправиламъ отлично извѣстно, но они трубятъ о русинской «опасности» только для того, чтобы напугать компетентныя сферы въ Вѣнѣ. Что только ни предпринимается ради этого напугиванія! Такъ недавно *вся* польская пресса забила тревогу: она помѣстила обстоятельные доклады изъ Коссова, Кутъ и другихъ пунктовъ восточной Галиціи, въ которыхъ иллюстрировалось яркими красками, какъ гуцулы (вост. русины) разгромили поляковъ и евреевъ, какъ они все предали огню и мечу. Вся пресса возмущалась варварствомъ гуцуловъ, собирались уже отправить туда войска, какъ узнали, что вся исторія съ погромами совершенно вымышлена! Мирные гуцулы и не думали употреблять насиліе! Все это былъ лишь злостный вымыселъ, чтобы сдѣлать гуцуловъ безвольными при предстоящихъ выборахъ въ сеймъ! Есть много галицкихъ русиновъ, утверждающихъ, что австрійская конституція не принесла никакой пользы. Ихъ свобода и автономія очень проблематичны, а въ то же время они лишились сервитутовъ и стали безземельными. Въ виду того, что все управленіе Галиціей концентрируется въ львовскомъ сеймѣ, гдѣ польская шляхта находится въ значительномъ большинствѣ, вся отвѣтственность за бѣдность и необра-

зованность русиновъ ложится на польскую шляхту, которая ничего не предприняла, чтобы улучшить положеніе русиновъ, а наоборотъ, ни предъ чѣмъ не останавливалась, чтобы держать ихъ въ потемкахъ, чтобы усиливать ихъ приниженность. Пишущему эти строки лишь недавно пришлось бесѣдовать съ однимъ австро-нѣмецкимъ генераломъ въ отставкѣ, проведшимъ много лѣтъ въ Галиціи. Онъ не можетъ нахвалиться, говоря о русинахъ. Это прилежный, честный народъ; они добры и вѣрны, и единственное ихъ несчастье заключается въ томъ. что они имѣютъ шляхту, пользующуюся средневѣковыми привилегіями дворянъ и дѣйствующую разлагающимъ образомъ на общественно-политическую жизнь Галиціи... Когда русинская депутація предстала предъ Керберомъ, министръ-президентъ отвѣтилъ ей, что галицкій сеймъ компетентенъ во всѣхъ вопросахъ, и что русины въ этомъ сеймѣ должны искать управы. Хорошъ совѣтъ! Такимъ образомъ, послѣ поѣздки Кербера русины узнали лишь одно, что на австрійское правительство они разсчитывать не могутъ и что они должны ввести болѣе строгую организацію, чтобы получить значеніе въ вѣнскомъ парламентѣ. Кто тамъ силенъ, тотъ имѣетъ въ Австріи будущее, иначе онъ выданъ съ головой той націи, съ которой онъ борется. Это—испытанная австрійская аксіома.

Но несравненно худшее положеніе занимаютъ *русины въ Венгріи*, и вина падаетъ на венгерское правительство, которое, въ слѣпомъ стремленіи мадьяризовать всѣ земли короны св. Стефана, парализуетъ развитіе всѣхъ народовъ, населяющихъ Венгрію. А вѣдь когда-то, когда мадьяры представляли собою полудикое монгольское племя, русины имѣли свою собственную культуру! Теперь времена измѣнились. Мадьяры цивилизованы, а венгерскіе русины страшно необразованы и невѣжественны. Такъ правительство можетъ сдѣлать изъ народа все, что оно хочетъ. И въ результатѣ—баснословно интенсивная эмиграція русиновъ въ Америку, гдѣ они быстро осваиваются и воспринимаютъ американскую культуру.

Просто не вѣрится, что въ наше время въ центрѣ Европы можетъ еще жить народъ при такихъ ужаснѣйшихъ матеріальныхъ условіяхъ, что онъ можетъ блуждать въ полныхъ потемкахъ! Нищета и невѣжество характеризуютъ венгерскихъ русиновъ, и конечно, не зачѣмъ добавлять, что русины совершенно устранены отъ политической жизни Венгріи. Полмилліона венгерскихъ подданныхъ не отправляетъ въ сеймъ ни одного депутата! Правительство диктуетъ имъ кандидата.

и они принуждены избирать его, и, конечно, они не могутъ разсчитывать на то, чтобы онъ защищалъ ихъ интересы!

Венгерскіе русины живутъ въ Карпатскихъ горахъ; слѣдовательно, луга и лѣса представляютъ собой единственное средство для ихъ пропитанія. Но постепенно мадьярскіе магнаты лишили ихъ луговъ и лѣсовъ, и русины, лишившись земли, служатъ у магнатовъ въ качествѣ пастуховъ и дровосѣковъ за грошовое жалованье. Нужда царитъ среди нихъ безпросвѣтная. Эта ужасная нужда объясняетъ, что нѣкоторые русинскіе патріоты предложили организовать русинскую эмиграцію въ Амурскую область, чтобы спасти ихъ отъ полнаго вырожденія въ непривѣтливой венгерской родинѣ.

Не лучше обставлена и ихъ духовная жизнь. Въ 1881 году въ Венгріи существовали 353 русинскія народныя школы и 265 такъ называемыхъ смѣшанныхъ, въ дѣйствительности—мадьярскихъ. Чрезъ два года число русинскихъ школъ уменьшилось до 282, а число смѣшанныхъ увеличилось на 48 школъ. Въ 1894 году мы находимъ въ Венгріи всего только 195 русинскихъ школъ; но въ то же время и число смѣшанныхъ пало до 242. Такимъ образомъ, чрезъ двѣнадцать лѣтъ общее число школъ уменьшилось, а теперь на полмилліона русиновъ имѣется всего только—90 русинскихъ школъ. Не нужно быть пророкомъ, чтобы утверждать, что чрезъ нѣсколько лѣтъ русинскія школы совершенно исчезнутъ въ Венгріи и, что еще хуже, общій уровень образованія русиновъ еще болѣе низко падетъ. За послѣднія, десять лѣтъ число школьниковъ понизилось съ 618 на 395! Это въ странѣ съ обязательнымъ посѣщеніемъ школы. Всѣ народы Венгріи развиваются; число школьниковъ у всѣхъ быстро растетъ. И у однихъ только русиновъ образованность съ каждымъ годомъ падаетъ! Развѣ это не служитъ печальнымъ признакомъ ихъ полнаго банкротства, какъ націи? И жаль, что въ Венгріи они не могутъ встрѣтить поддержки прочихъ славянъ и не могутъ развиваться для общей борьбы славянства съ мадьярскимъ деспотизмомъ.

О малорусской прессѣ. Подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ «Южн. Россіи» (№ 268) слѣдующая замѣтка:

Потребность въ самостоятельной малорусской прессѣ съ каждымъ годомъ назрѣваетъ все болѣе и болѣе; потребность эта выражается съ одной стороны въ цѣломъ рядѣ малорусскихъ литературныхъ альма-

наховъ, этихъ зачатковъ періодической печати, вышедшихъ въ послѣднее время; съ другой—въ массѣ ходатайствъ о разрѣшеніи изданія журналовъ и газетъ на малорусскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, всѣ эти ходатайства не увѣнчались до сихъ поръ успѣхомъ, и на 27 милліоновъ малороссовъ не издается пока въ предѣлахъ Россіи ни одной газеты или журнала.

Въ настоящее время намъ сообщаютъ еще о рядѣ такихъ ходатайствъ; такъ, напримѣръ: въ Кіевѣ группа малорусскихъ писателей ходатайствуетъ о разрѣшеніи издавать двухнедѣльный журналъ «Викъ» съ литературными приложеніями, въ Одессѣ д-ръ И. М. Луценко ходатайствуетъ о разрѣшеніи еженедѣльнаго журнала-газеты подъ названіемъ «Новыны» и въ Хотинѣ земскіе—агрономъ В. А. Яблоновскій и д-ръ Ф. И. Немоловскій ходатайствуютъ о газетѣ на малорусскомъ языкѣ, назначеніе которой будетъ проводить въ малорусскую народную массу свѣдѣнія по агрикультурѣ и гигіенѣ.

При обѣщанномъ довѣріи къ обществу можно надѣяться, что вопросъ о самостоятельной малорусской прессѣ будетъ разрѣшенъ, наконецъ, въ желательномъ смыслѣ, какъ разрѣшенъ уже одинъ важный аналогичный литовскій вопросъ; мы разумѣемъ разрѣшеніе литовскаго алфавита и изданіе газеты на литовскомъ языкѣ.

Украинская старина. *(Письмо въ редакцію)*. М. Г. Г-нъ Редакторъ! На дняхъ я случайно узналъ, что у вдовы присяжнаго повѣреннаго г-жи Силецкой, живущей въ г. Москвѣ, имѣется старинная сбруя, по семейнымъ преданіямъ принадлежавшая гетману Мазепѣ, старинный патронташъ неизвѣстнаго происхожденія и портретъ Семена Палѣя. Эти предметы мною были осмотрѣны, главнымъ образомъ съ цѣлью провѣрить дошедшіе до меня слухи. Сказать объ этихъ предметахъ что-нибудь я не рѣшаюсь, такъ какъ въ антикварныхъ вещахъ мало понимаю. Но ихъ осматривалъ, по словамъ г-жи Силецкой, проф. Эварницкій, который могъ бы, если понадобится, дать интересующія подробности.

Г-жа Селецкая желаетъ эти предметы продать. Очень жаль будетъ, если они попадутъ въ антикварный магазинъ, а не въ одинъ изъ южно-русскихъ музеевъ. Надѣюсь, что редакція «Кіевской Старины не откажетъ напечатать объ этомъ на страницахъ своего журнала.

М—ко.

Къ XIII археологическому съѣзду. На дняхъ профессоръ Д. И. Эварницкій возвратился изъ александровскаго уѣзда, гдѣ имъ былъ произведенъ рядъ археологическихъ раскопокъ и изслѣдованій.

Особенный интересъ представляетъ раскопка громаднаго городища, находящагося въ такъ называемомъ «Великомъ Лугѣ» (плавнѣ). Въ городищѣ этомъ открыты слѣды старинной татарской мечети. Изъ раскопанныхъ кургановъ, представляющихъ также огромный интересъ въ археологическомъ отношеніи, нѣкоторые относятся къ неолитическому періоду каменнаго вѣка, нѣкоторые къ эпохѣ кочевниковъ.

Изъ александровскаго же уѣзда профессоромъ привезены древности, поступившія въ даръ музею: 2 старинныхъ шелковыхъ платка, 2 цѣнныхъ бронзовыхъ кельта и найденное въ одномъ изъ кургановъ изображеніе кабана, искусно сдѣланное изъ камня. Кромѣ этого Я. П. Новицкимъ доставлена въ музей обширная коллекція древностей, представляющая результатъ его раскопокъ къ предстоящему археологическому съѣзду.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Б. Гринченко. Пысання. Т. I. *Кіевъ, 1903 р., I—IV+500 стр. Ц. 1 р. 50 к.* [1]).

Передъ нами лежитъ большая, прекрасно изданная книга, озаглавленная—«Пысання», но въ сущности представляющая собраніе стихотвореній, написанныхъ въ разное время, и изданныхъ теперь въ одномъ томѣ, который является первымъ томомъ предположеннаго изданія еще и другихъ произведеній Б. Гринченка, прозаическихъ и драматическихъ.

Съ внѣшней стороны, т. е. со стороны ритма и риѳмы, стихотвореніямъ г. Гринченка нельзя сдѣлать ни одного серьезнаго упрека: за немногими исключеніями, гдѣ по требованію ритма допущено неправильное удареніе, какъ напр., «несáмовытый крыкъ» (стр. 263) «вже й зрадыло й тее, що кóхавъ безъ краю (стр. 118), или употреблено удареніе, свойственное русскому, но не украинскому языку: «и тогобичняя луна, въ вóди тремтыть яснá, легкá»,—стихъ г. Гринченка

[1]) Хотя въ нашемъ журналѣ помѣщена была уже рецензія объ этой книгѣ (см. № 12-й 1903 г.), но г. Гринченко, какъ очень заслуженный украинскій литераторъ, представляетъ настолько значительный интересъ въ своемъ творчествѣ, что мы считаемъ умѣстнымъ помѣстить теперь настоящую обширную критико-библіографическую статью о его стихотворныхъ произведеніяхъ, тѣмъ болѣе, что въ этой статьѣ, по поводу стихотворнаго авторства нашего поэта, высказывается нѣсколько общихъ положеній, имѣющихъ отношеніе къ украинской лирикѣ вообще.

Ред.

строго выдержанъ, языкъ простъ. Встрѣчаются изрѣдка банальныя риѳмы, но въ такомъ большомъ количествѣ стихотвореній онѣ теряются. Можно было бы пожелать побольше музыкальности... Но это ужъ такое свойство стиха, которое не дается ни трудомъ, ни изученіемъ, разъ его нѣтъ въ самой природѣ даннаго дарованія.

Обращаясь къ внутренней сторонѣ поэзіи г. Гринченка, мы видимъ, что онъ по преимуществу поэтъ боевой. Настроеніе его почти всегда бодрое и увѣренное; онъ призываетъ всѣхъ къ труду и борьбѣ и вѣритъ, что этими трудами будутъ добыты счастье и воля, если не ему и его собратьямъ, то, во всякомъ случаѣ, дѣтямъ и внукамъ его современниковъ. Въ одномъ изъ своихъ раннихъ стихотвореній г. Гринченко восклицаетъ:

«Праця едына зъ неволи насъ вырве.
Нумо до праци, браты!
Годи лякатысь! За дило святее
Смило мы будемо йты» (12 стр.).

Это «святее дило» для поэта является олицетвореніемъ торжества правды, свободы и просвѣщенія. Къ этому благородному желанію наибольшаго количества блага для наибольшаго количества людей,— г. Гринченко присоединяетъ еще и глубокій патріотизмъ, лишенный всякаго шовинизма, совмѣщающій вмѣстѣ съ любовью къ своей родинѣ любовь ко всему человѣчеству. Гражданскія убѣжденія поэта ярко высказаны въ стихотвореніи «Друзьямъ» (210).

Друзи кохани! И душу и тило
Даймо за край свій едыный!
Кожнее слово хай буде въ насъ дило
За-для своеи краины.
Друзи-кохани! Мы будемо жыты
Въ спильци изъ людьмы братамы:
Мы бо велыкои людскости диты,
Згода хай буде мижъ намы!»

Въ книгѣ г. Гринченка, кромѣ лирическихъ стихотвореній, есть много поэмъ, воспѣвающихъ великія силы человѣческаго духа. Съ особенной любовью останавливается поэтъ на темахъ патріотическихъ. Этому чувству посвящены поэмы: Ярына, Матильда Аграманте, Зрад-

ныкъ и др. Но г. Гринченко не принадлежитъ къ числу регористовъ: кромѣ стихотвореній, написанныхъ на общественные мотивы, въ книгѣ его есть много стихотвореній, воспѣвающихъ любовь, красоту природы и радость жизни.

«Въ писняхъ моихъ горе
И радисть у ихъ,
Усе посплиталось
У згукахъ дзвинкыхъ.
Въ жытти люти мукы
Изъ счастьямъ сплелысь.
Тому таки спивы
У мене лылысь;
Полыти слезамы,
Повыти у смихъ,—
Се видгукы счастя
И смуткивъ тяжкихъ (стр. 281).

Homo sum et nihil humanum mihi alienum puto, говоритъ намъ поэтъ. Въ стихотвореніи «Вона прыйшла» г. Гринченко такъ характеризуетъ себя, свою дѣятельность и свой взглядъ на задачу поэзіи (280)—

И отъ я зрисъ, зробывсь велыкымъ, дужымъ,
И я знайшовъ кохануя богыню!
Вона зъ небесъ до мене прылитае.
Мы плачемо надъ мукамы людськымы,
Мы кленемо мучытеливъ гыдкыхъ,
Розвагою стриваемо безщастныхъ,
Красою закрашаемо жыття,
И клычемо душею воскресаты
Усякого, хто душу не продавъ,
Усякого, у кого бьется серце,
Що хоче жыть, а не вмирать по малу,
Що хоче жыть новымъ, а не старымъ.

Сопоставивши это содержаніе поэзіи г. Гринченка съ выдержанной формой его стихотвореній, слѣдовало бы ожидать, что и то и другое сливается въ одно прекрасное цѣлое, а между тѣмъ поэзія его.

въ особенности поэзія лирическая—не вполнѣ удовлетворяетъ читателя. Читатель знакомится съ честной мыслью автора, но поэзія его не вызываетъ въ насъ соотвѣтствующаго настроенія; она не трогаетъ насъ, не запечатлѣвается изящнымъ образомъ въ нашей душѣ, а проплываетъ мимо, какъ скользящее облако, уносящее съ собою и свою тѣнь.

Чего не хватаетъ автору? Что порождаетъ въ читателѣ эту смутную неудовлетворенность?

Разрѣшенію этого интереснаго вопроса мы и хотимъ посвятить настоящую статью.

I.

Что такое искусство? Точнѣе всѣхъ опредѣляетъ, по нашему мнѣнію, сущность искусства графъ Л. Н. Толстой. «Искусство, говоритъ онъ, есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками, передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами, переживаютъ ихъ». Въ этомъ опредѣленіи заключается и сущность и весь raison d'etre искусства. Благодаря способности человѣчества заражаться при помощи искусства чувствами другихъ людей, искусство и подымаетъ человѣка изъ личной жизни въ жизнь всеобщую посредствомъ участія въ одинаковыхъ чувствахъ и вѣрованіяхъ. «Не будь способности человѣка заражаться искусствомъ, говоритъ тотъ-же Л. Н. Толстой, люди едва ли не были-бъ еще болѣе дикими и главное—разрозненными и враждебными». На этой способности человѣка и основывается то впечатлѣніе отъ произведеній искусства, которое характеризуется словомъ настроеніе. Если мы говоримъ: «драма съ настроеніемъ», «картина съ настроеніемъ», «музыкальная пьеса съ настроеніемъ», то нашимъ выраженіемъ мы опредѣляемъ, что въ этомъ произведеніи искусства ярко выражено извѣстное чувство, и что чувство это непосредственно передается намъ. О пьесахъ Чехова говорятъ, напримѣръ, всегда, что они отличаются удивительно выдержаннымъ настроеніемъ, — и дѣйствительно, самый жизнерадостный, самый уравновѣшенный зритель, присутствующій въ театрѣ, не можетъ не почувствовать, хоть на короткое время, той страшной тоски и пустоты современной жизни, которою проникнуты всѣ эти произведенія. Обращаясь къ повседневной жизни, мы видимъ, что зачатки искусства можно усматривать и въ самыхъ обыденныхъ человѣческихъ отношеніяхъ.

Разсказать объ извѣстномъ событіи можетъ всякій, но заставить насъ своимъ разсказомъ пережить это событіе—удается далеко не всякому. Одинъ дѣйствуетъ своими словами только на нашу мысль, онъ знакомитъ насъ съ «опытомъ людей»; другой дѣйствуетъ на наше чувство всѣми тѣми внѣшними знаками, которые могутъ пробудить въ насъ соотвѣтствующее чувство, и такимъ образомъ приближаетъ свой разсказъ къ области искусства, такъ какъ по прекрасному опредѣленію Veron'a,—«искусство есть проявленіе во внѣ посредствомъ линій, красокъ, жестовъ, звуковъ, словъ,—эмоцій, испытываемыхъ человѣкомъ».

Предположимъ, что два офицера передаютъ намъ пережитый ими страшный моментъ ночной развѣдки въ незнакомой мѣстности противъ превосходящаго своими силами непріятеля, во время которой неосторожное движеніе, выстрѣлъ одного изъ участниковъ выдалъ отрядъ.

Предположимъ, что изъ разсказа перваго офицера мы только узнаемъ о происшедшемъ когда-то событіи, но мы не почувствуемъ его; второй-же офицеръ заставитъ насъ пережить это событіе, заставитъ насъ поставить себя на свое мѣсто и почувствовать тотъ-же ужасъ, который ощутилъ онъ при звукѣ неожиданнаго выстрѣла. Отчего-же произошла разница въ полученныхъ нами впечатлѣніяхъ? Оттого, что второй офицеръ, разсказывая о происшедшемъ событіи, вновь пережилъ ужасный моментъ, а это реальное переживаніе ужаснаго чувства придало и его голосу, и его движеніямъ, и расположеніямъ мускуловъ его лица, и блеску его глазъ то выраженіе, которое въ дѣйствительности сопровождаетъ данное чувство. Человѣку свойственно заражаться чувствами другихъ людей, и это ярко видимое чувство непосредственно передалось намъ; а слова офицера, мѣтко рисующія и видъ лѣса, и движеніе отряда, и густую тьму, разлившуюся кругомъ, пониженный тонъ его голоса, передающій царствующую тишину—все это перенесло насъ въ обстановку, и мы почувствовали, что это не онъ, а мы сами лежимъ на опушкѣ густого лѣса, что это на насъ движется еще невидимый, но уже слышимый непріятель. Тогда какъ разсказъ перваго офицера составляетъ лишь простую передачу факта, разсказъ второго подымается до степени искусства. Потому что, какъ говоритъ Толстой: вызвать въ себѣ разъ испытанное чувство и, вызвавъ его въ себѣ, посредствомъ движеній, линій, красокъ, звуковъ образовъ, выраженныхъ словами, передать это чувство такъ, чтобы другіе испытали тоже чувство,—въ этомъ состоитъ дѣятельность искусства. Очевидно второй офицеръ отличается большей впечатлитель-

ностью и большей безсознательной наблюдательностью, если только можно сопоставить такъ эти два понятія, а сила впечатлѣнія дала ему силу воспроизведенія.

Изъ этихъ основныхъ свойствъ натуры, характеризующихъ художника,—а именно силы впечатлѣнія, силы воспроизведенія, а также способности безсознательнаго наблюденія—и вытекаетъ возможность воплощенія и перевоплощенія въ моментъ искусства. Художникъ можетъ не только оживить въ своемъ сердцѣ уже пережитыя имъ чувства, но онъ умѣетъ пережить и то, чего никогда не чувствовалъ и не могъ даже чувствовать по условіямъ своей жизни. Истинный художникъ обладаетъ великой способностью проникновенія сюжетомъ.

Достаточно сопоставить личную жизнь Шиллера и тѣ величавые сюжеты, которые онъ разрабатывалъ въ своихъ произведеніяхъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что изображеніе душевной жизни выведенныхъ имъ героевъ онъ не могъ почерпнуть изъ опыта своей жизни, а между тѣмъ всѣ чувства и настроенія этихъ лицъ переданы имъ съ такой художественной правдой, поступки ихъ находятся въ такой неизмѣнной логической связи съ данными ихъ характеровъ, что мы видимъ передъ собой не вымыселъ автора, а подлинныхъ героевъ человѣческаго духа, вѣрныхъ себѣ не только въ главныхъ проявленіяхъ своей жизни, но даже въ мелочахъ, ускользающихъ отъ наблюденія обыденнаго человѣка.

До какой степени художникъ способенъ перевоплощаться, проникаться своимъ сюжетомъ, видно изъ извѣстнаго признанія Флобера въ письмѣ къ Тэну: «во время описанія отравленія Эммы Бовари, я чувствовалъ себя до такой степени отравленнымъ, я такъ ясно ощущалъ вкусъ мышьяка во рту, что три дня отказывался отъ всякой пищи».

Какъ художнихъ можетъ перевоплощаться въ личность описываемаго имъ героя, такъ ярко можетъ онъ воплощать передъ умственнымъ своимъ взоромъ картины природы. На основаніи видѣнной имъ дѣйствительности онъ можетъ вызвать изъ глубины своей памяти ту или иную картину, онъ можетъ комбинировать ихъ, измѣнять, составлять новыя, хотя и не видѣнныя имъ, но полныя реальной правды; но этого мало,—на основаніи же этой реальной дѣйствительности, онъ можетъ создать въ своемъ воображеніи картины сказочной, несуществующей въ дѣйствительности природы, и хотя въ такихъ картинахъ

не будетъ реальной правды, но будетъ правда художественная, основанная на соотвѣтствіи частей и правдоподобности.

И такъ, въ виду вышеназванныхъ элементовъ, характеризующихъ художника, онъ обладаетъ способностью перевоплощенія; какимъ же образомъ заставляетъ онъ насъ, лишенныхъ этихъ элементовъ, также перевоплощаться—жить жизнью его героевъ, видѣть его глазами?

Въ области литературнаго творчества орудіемъ художника является слово. Но слово само по себѣ слабо; оно такъ-же отражаетъ чувства человѣка, какъ мѣсяцъ солнечные лучи. Человѣку свойственно заражаться чувствомъ другого индивидуума, но слово, какъ опредѣленіе извѣстнаго понятія, играетъ въ этой передачѣ не первенствующую роль. Безмолвное горе, захватывающая духъ радость—и глубже и краснорѣчивѣе того горя, той радости, которыя разливаются въ словахъ. Однако, что-же говоритъ намъ о нихъ, если они безмолвны? Видъ человѣка, движеніе, голосъ, походка, взглядъ,—словомъ все то, что можетъ говорить и безъ словъ. И если-бы мы могли войти еще въ плоть страдающаго человѣка и почувствовать тѣ физическія ощущенія неутѣшнаго горя, которыя ощущаетъ онъ, и если-бы мы могли познать и тѣ мысли, которыя порождаетъ оно въ его мозгу,—мы-бы вполнѣ поняли его.

Наблюдательный человѣкъ изъ своихъ жизненныхъ впечатлѣній всегда можетъ возстановить въ воображеніи образъ убитаго горемъ человѣка. Человѣкъ съ чуткимъ сердцемъ долженъ понять, что испытывалъ и что думалъ человѣкъ въ подобномъ состояніи духа. Писатель-художникъ обладаетъ въ должной мѣрѣ этими двумя качествами. Не прибѣгая къ риторикѣ, онъ можетъ воскресить предъ нами образъ убитаго горемъ человѣка, онъ можетъ ввести насъ въ его душу. Укажемъ хотя бы извѣстное стихотвореніе въ прозѣ Тургенева, въ которомъ онъ описываетъ, какъ, возвратившаяся съ кладбища старуха-крестьянка, похоронившая только что своего единственнаго сына, хлебала, стоя у стола, щи, потому что они были соленыя. Ни единымъ словомъ не описываетъ намъ Тургеневъ ея мыслей о прошломъ, о будущемъ; онъ не описываетъ намъ словами того, что чувствовала она,—онъ только рисуетъ намъ образъ убитой горемъ женщины: ея потухшіе глаза, слезы медленно скатывавшіяся по морщинистымъ щекамъ, и худую, загорѣвшую руку, машинально подносившую ложку къ впалымъ губамъ. И образъ этой женщины, воскрешаемый великимъ ма-

стеромъ передъ нашими глазами, безъ словъ говоритъ намъ о томъ горѣ, которое давитъ ее, и горе матери заражаетъ насъ.

У Виктора Гюго въ одномъ изъ его романовъ есть также небольшая сценка: человѣкъ, убитый горемъ, машинально садится къ столу обѣдать. «Онъ взялъ кусокъ хлѣба,—пишетъ Гюго,—хлѣбъ былъ такъ сухъ, что онъ съ трудомъ проглотилъ его; онъ поднесъ къ губамъ ложку супа,—супъ былъ горекъ».

Давно уже наблюденіемъ народнымъ, создавшимъ выраженіе: «кусокъ хлѣба поперекъ горла становится», подмѣчено такое состояніе души человѣка, когда онъ и пробуетъ ѣсть и не можетъ проглотить куска. И такое физическое ощущеніе, краснорѣчивѣе всякихъ словесныхъ тирадъ, говоритъ намъ о душевномъ состояніи человѣка.

Повторяемъ, сами по себѣ слова, какъ опредѣленія извѣстныхъ понятій, безконечно слабо знакомятъ насъ съ чувствами человѣка; нѣмая живопись гораздо ярче передаетъ намъ проявляющіяся во внѣ эмоціи, испытываемыя человѣкомъ. Музыка безъ словъ сильнѣе и непосредственнѣе заражаетъ насъ смутными и яркими настроеніями души. И только тогда, когда слово соединяетъ въ себѣ, кромѣ силы мысли, и силу этихъ искусствъ, только тогда достигаетъ оно истинной художественной красоты. Вотъ почему въ поэзіи, кромѣ искренности чувства, играетъ такое огромное значеніе образъ и та нѣжная гамма ощущеній, сопровождающихъ чувство, которая, подобно музыкѣ, переноситъ насъ непосредственно въ душу человѣка. Талантъ соединяетъ въ себѣ неразрывной цѣпью всѣ эти свойства художественнаго произведенія: способность перевоплощаться, проникаться сюжетомъ—порождаетъ въ творцѣ искреннее чувство въ моментъ творчества, искреннее-же реальное переживанье извѣстнаго чувства вызываетъ въ душѣ творца и яркій образъ, и физическія ощущенія даннаго чувства, которыя онъ переноситъ въ свое произведеніе; они уже, въ свою очередь, заражаютъ насъ и настраиваютъ созвучно нашъ духовный міръ.

Почему художникъ обладаетъ способностью перевоплощенія, а простой смертный ею не обладаетъ? Весь матеріалъ для своего творчества художникъ черпаетъ вѣдь изъ жизни; но эта-же жизнь проходитъ у всѣхъ насъ предъ глазами. Созданные фантазіей художника герои—воплощенія изъ соединенія тысячи различныхъ чертъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ въ природѣ. Почему-же то, мимо чего мы проходимъ холодными зрителями, глубоко запечатлѣвается въ его памяти? Почему всѣ эти разрозненныя въ отдѣльности черты, подобно изруб-

ленному тѣлу сказочнаго витязя, сбрызнутому живой водой, соединяются въ фантазіи художника въ одно прекрасное, никогда не умирающее цѣлое, тогда какъ въ нашей памяти они едва оставляютъ слабую тѣнь и уплываютъ куда-то въ неизвѣстность нестройной толпой?

Этихъ вопросовъ мы не беремся разрѣшать. Быть можетъ, особенность воспріятія художникомъ дѣйствительности обусловливается высшей организаціей ихъ нервной системы; быть можетъ, она зависитъ отъ особаго строя ихъ мозга, способнаго сохранять надолго въ своихъ клѣточкахъ разъ полученное впечатлѣніе,—повторяемъ, мы не беремся разрѣшать эти сложные вопросы, мы хотимъ только отмѣтить еще одно явленіе, сопровождающее процессъ истиннаго творчества; явленіе это проявляется во внѣ, а потому можетъ подлежать нашему наблюденію. Мы говоримъ о душевномъ волненіи, овладѣвающемъ художникомъ въ моментъ творчества.

Процессъ перевоплощенія, заставляющій поэта переживать извѣстное чувство, естественно вызываетъ въ его душѣ глубокое волненье. Объ этомъ состояніи духа свидѣтельствуютъ и сами поэты. Мы не станемъ утверждать, что именно оно пораждаетъ вдохновенье, мы утверждаемъ только, что оно сопровождаетъ всякое художественное лирическое творчество, а также въ большей мѣрѣ и творчество эпическое. Что касается лирики, то это понятно само собою: даже въ обыденной жизни человѣкъ, говорящій о своемъ чувствѣ, не можетъ не испытывать при этомъ извѣстной доли волненья. Эпосъ, самъ по себѣ требующій отъ своего творца лишь спокойнаго, безстрастнаго содержанія, не долженъ былъ-бы вызывать въ его душѣ волненія, но такъ какъ эпосъ въ современномъ творчествѣ весьма рѣдко проявляется въ чистомъ видѣ, а по большей части носитъ въ себѣ элементы лирики и драмы, то высказанное нами заключеніе примѣнимо въ большинствѣ случаевъ и къ процессу эпическаго творчества.

Обратимся къ словамъ поэтовъ-художниковъ, характеризующихъ свое душевное состояніе въ моментъ творчества.

Пушкинъ, напр., весьма часто упоминаетъ объ этомъ. При первомъ звукѣ зараждающагося въ душѣ творчества, говоритъ онъ, «душа поэта встрепенется, какъ пробудившійся орелъ. Бѣжитъ онъ, дикій и суровый, и звуковъ и смятенія полнъ, на берега пустынныхъ волнъ въ широкошумныя дубровы». Процессъ творчества до такой степени волнуетъ его, что поэтъ плачетъ въ минуту вдохновенья. «Порой опять

гармоніей упьюсь, надъ вымысломъ слезами обольюсь», вспоминаетъ Пушкинъ. И плачетъ въ моментъ творчества не одинъ онъ.

Вотъ какъ описываетъ свое состояніе въ моментъ творчества Олимпіецъ-Гете.

Вы блызытесь знову хысткіи постати,
Що зъ млы вже злиталы на очи мои.
Чы я васъ тепера здолаю втриматы?
Чы схылытся серце до знады ціи?
Мене вы окрылы... Ну, зважусь помалу...
Якъ рій вашъ злитае зъ прозорыстыхъ хмаръ,
То серце трипоче видъ юного палу,
Видъ повію-лету крылатыхъ прымаръ.
Натхнення зрывае слезу за слезою,
Розчулюе серце суворе мое,—
И дійсне, сучасне зныка десь за млою,
Мынуле-жъ сучаснымъ и дійснымъ стае!

Замѣтимъ, что, какъ извѣстно, эти строки составляютъ «засливъ» къ Фаусту. Создавая великую, глубоко-философскую поэму, старикъ-Гете плакалъ отъ прилива вдохновенья, грудь его трепетала отъ юнаго пыла, а сердце, которое онъ самъ называетъ «суровымъ», было глубоко растрогано.

Еще явственнѣе раскрываетъ намъ Шевченко тайну силы своего творчества. Только вчитываясь въ строки, какими поэтъ характеризуетъ свое состояніе въ моментъ творчества, можно понять, откуда черпалъ онъ эту силу. Поэзія Шевченка—это его жизнь, его живое, бьющееся сердце. Она побѣдила самую смерть: всѣ мысли, всѣ чувства, которыми жилъ поэтъ, на вѣки запечатлѣлись въ ней, и пока люди будутъ любить и страдать, до тѣхъ поръ будутъ жить его «нудьга», его «печали», «тіи незрыміи скрыжали, незрымымъ пысани перомъ». Достаточно прочесть «Думы» Шевченка, чтобы понять, какую роль играло въ его творчествѣ его многострадальное сердце, которое «рвалося, сміялось, вылывало мову... Вылывало якъ умило». Не отдыхъ отъ труда находилъ поэтъ въ своемъ творчествѣ, а весь смыслъ своей жизни. Въ стихотвореніи «Чыгырынъ» Шевченко говоритъ:

Помолывшысь, и я-бъ заснувъ...
Такъ думы прокляги

Рвутся душу запалыты,
Серце розирваты.
Не рвить, думы, не палите!
Може верну знову
Мою правду безталанну,
Мое тыхе слово.
Може выкую я зъ ёго
До старого плуга
Новый лемишъ и чересло,
И въ тяжки упругы
Може зъорю перелигъ той,
А на перелози
Я посію мои слёзы,
Мои щыри слёзы.

Изъ щырыхъ слезъ поэта выростали огненныя слова. Искреннее чувство будило вдохновенье, заставляло переживать каждое свое произведеніе.

То такъ и я теперъ пышу,

говоритъ въ одномъ изъ своихъ послѣдующихъ стихотвореній Шевченко:

Папиръ тильки, черныло трачу,
А першъ (ій-Богу не брешу)
Згадаю що, чы що побачу,
То такъ утну, що ажъ заплачу.
И нибы самъ перелечу,
Хочъ на годыну на Вкраину!

Къ этой темѣ онъ часто возвращается.

Не для людей и не для славы
Мережани та кучеряви
Оци вирши виршую я,—
Для себе, братія моя!
Мени легше у неволи,
Якъ я ихъ складаю:
Зъ-за Днипра мовъ далекого

Слова прылитають,
И стелются на папери,
Плачучы, сміючысь,
Мовъ ти диты, и радують,
Мою сиру душу,
Убогую! Любо мени,
Любо мени зъ ными,
Мовъ батькови багатому
Зъ диткамы малымы.

А вѣдь это стихотвореніе писано въ Орской крѣпости! Но творчество заставляло поэта забывать все окружающее. Подобное творчество нельзя, должно-быть, откладывать до «свободной минуты», какъ нельзя заставлять и свое сердце биться по произволу горячѣй и холоднѣй. Аналогичное состояніе духа въ моментъ творчества описываетъ и нашъ молодой поэтъ Леся-Украинка.

А въ мене вже зновъ надъ чоломъ
Полумъямъ віють широки, вогненныи крыла,
Дума новая лита нади мною орломъ.

А вотъ и слова Надсона:

Милый другъ, я знаю, я глубоко знаю,
Что безсиленъ стихъ мой, блѣдный и больной,
Отъ его безсилья часто я страдаю,
Часто тяжко плачу въ тишинѣ ночной.
Нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова.
Тщетно изъ души безумный рвется крикъ,
Тщетно сердце сжечь любовь порой готова,—
Холоденъ и бѣденъ нищій нашъ языкъ.

Приведенныя выше строки показываютъ намъ, въ какомъ глубоко потрясенномъ состояніи душевномъ находится поэтъ въ моментъ творчества: ихъ произведенія мучатъ ихъ тѣмъ, что не могутъ отразить и въ слабой степени того чувства, которое испытываютъ они.

Мы могли бы привести еще сотни примѣровъ въ подтвержденіе высказанной нами мысли, но остановимся еще только на одномъ небольшомъ эпизодѣ изъ жизни Некрасова, показывающемъ, съ какой

глубокой искренностью проникался поэтъ сюжетами своихъ произведеній.

Князь М. С. Волконскій разсказываетъ въ своемъ предисловіи къ Memoires de la Prinsesse Volkonosky слѣдующее:—Я самъ читалъ Некрасову записки моей сестры. Въ три вечера чтеніе было закончено. Вспоминаю, какъ при этомъ Николай Алексѣевичъ по нѣскольку разъ въ вечеръ вскакивалъ и съ словами: «довольно! не могу!» бѣжалъ къ камину, садился къ нему и, схватываясь руками за голову, плакалъ, какъ ребенокъ. Тутъ я видѣлъ, на сколько нашъ поэтъ жилъ нервами и какое мѣсто они должны были занимать въ его творчествѣ». Способность къ перевоплощенію была, очевидно, такъ сильна въ Некрасовѣ, что, слушая записки княгини, онъ буквально переживалъ все самъ, потому-то и поэма его «Русскія Женщины» написана такъ сильно и горячо.

Нервная система поэта напоминаетъ собою чувствительную пластинку телефона, воспринимающую малѣйшій звукъ и возвращающую его. Но для того, чтобы отдаваться такъ горячо впечатлѣнію, надо имѣть извѣстную долю экспансивности въ характерѣ. Такимъ образомъ, можно съ увѣренностью сказать, что впечатлительность, экспансивность характера является также однимъ изъ необходимыхъ свойствъ таланта поэтическаго, особенно таланта лирика.

Конечно, существуютъ и таланты другого рода, таланты, не испытывающіе ни увлеченія, ни вдохновенья, процессъ литературнаго творчества которыхъ сводится къ упорному, кропотливому труду. Словомъ, таланты, которые такъ прекрасно характеризуетъ французское изреченіе: Le talent n'est qu'une longue patience. Къ талантамъ такого рода принадлежали, судя по ихъ признаніямъ, Зола, Бальзакъ, Эрвье и др.

Если подобнаго рода творчество и допустимо въ произведеніяхъ повѣствовательнаго характера, то въ поэзіи, и въ особенности въ поэзіи лирической, оно вовсе не примѣнимо. Воображеніе даже отказывается представить себѣ поэта, систематически выматывающаго изъ себя въ извѣстные часы извѣстное количество строкъ. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, заключать, что мы представляемъ себѣ поэта въ видѣ какого-то изступленнаго молодца, окруженнаго ореоломъ дыбомъ стоящихъ волосъ, несущагося вдругъ, нежданно для всѣхъ, на брегъ морской слагать сладкозвучныя строфы;—но и поэтъ, изображающій изъ себя философски безстрастную и царственно-спокойную фигуру, рискуетъ уподобиться мѣди звенящей и кимвалу бряцающему.

Вчитываясь въ стихотворенія г. Гринченка, мы замѣчаемъ, что въ самомъ характерѣ поэта, судя, конечно, по его же словамъ, мало данныхъ для поэта лирическаго.

Вотъ какъ характеризуетъ себя поэтъ: «Я зрикся мрій. Поважный и спокійный, соби сказавъ: мени не треба ихъ, повыннисть ось той владарь добродійный» (357). Въ другомъ стихотвореніи онъ говоритъ о себѣ слѣдующее:

«Я не скажу, щобъ розумомъ я жывъ,
Я не скажу, щобъ серце въ мене спало,
Але ёго я тяжко прыгнитывъ,
Але ёму такъ воли давъ я мало,
Повынnисть я надъ все ушанувавъ...
Я йшовъ туды, де розумъ посылавъ» и т. д. (378).

Словомъ, поэтъ только исполняетъ то, что онъ призналъ для себя долгомъ, слушаетъ только голоса своего разсудка, сердце же свое онъ «тяжко прыгнитывъ».

Неуклонное подчиненіе голосу разсудка распространяется и на творчество поэта. Поэтическое творчество поэтъ считаетъ, очевидно, дѣломъ второй важности и потому разрѣшаетъ себѣ заняться имъ только въ свободное отъ серьезнаго труда время.

«На поэзію завсигды я мавъ тильки коротки хвылыны, вильни видъ праци, часомъ любои, дорогои, здебильшого нуднои, наймытскои,—говоритъ г. Гринченко въ своемъ предисловіи.—Моя писня—то мій робитныцькій одпочынокъ».

Признаніе поэта нельзя понимать, конечно, въ томъ смыслѣ, что у него не хватаетъ минутъ заносить въ строки то, «чѣмъ многозвучное сердце полно». Всякій поэтъ, помимо поэзіи, имѣетъ въ жизни еще другія обязанности, но г. Гринченко по собственной волѣ удѣляетъ поэзіи лишь короткія минуты послѣ какой-нибудь «праци». Поэзія для него,—отдыхъ отъ работъ. Интересно сопоставить съ такимъ взглядомъ взглядъ на поэзію Шевченка, высказанный имъ въ стихотвореніи Перебендя.

То Боже слово,
То серце по воли зъ Богомъ розмовля,
То серце щебече Господнюю славу,
А думка край свита на хмари гуля.

Орломъ сызокрылымъ литае, шыряе,
Ажъ небо блакитне шырокымы бье,
Спочыне на сонци, ёго запытае,
Де воно гуляе, якъ воно встае,
Послухае моря, що воно говорыть,
Спыта чорну гору: чого ты нима?
И знову на небо, бо на земли горе,
Бо на ій шырокій куточка нема
Тому, хто все знае, тому, хто все чуе,
Що море говорыть, де сонце ночуе.

Такая поэзія не можетъ быть лишь отдыхомъ отъ работъ,—въ ней вся жизнь поэта. И конечно, подобное творчество нельзя регулировать такъ, какъ это дѣлаетъ г. Гринченко. Немыслимо удержать «крикъ души» въ данную минуту и заставить его звучать въ другую, но слагать длинныя и короткія строки можно во всякое время ночи и дня.

Должно быть, указаннымъ нами свойствомъ характера поэта и его отношеніемъ къ поэтическому творчеству объясняется такая холодность, тенденціозность и блѣдность поэзіи г. Гринченка.

Конечно, сознаніе долга и неизмѣнное слѣдованіе голосу разсудка — завидная доля; поэтъ, какъ и всякій гражданинъ, долженъ быть прежде всего честнымъ человѣкомъ, но онъ не можетъ быть человѣкомъ одностороннимъ: онъ долженъ обладать отзывчивымъ сердцемъ, способнымъ глубоко чувствовать, глубоко страдать, сильно реагирующимъ на всякое впечатлѣніе жизни, ему должно быть доступно всякое человѣческое чувство. Отъ людей-же, исключительно преданныхъ долгу — холодомъ вѣетъ, а поэзія ихъ хоть и чиста, какъ стекло, но такъ-же холодна и безцвѣтна.

Въ бурѣ сомнѣнья и муки, страданья и любви рождаются самыя искреннія произведенія; недаромъ же и на небесахъ молитва грѣшника считается горячѣе молитвы праведника. Если-же и самъ поэтъ въ моментъ творчества остается лишь спокойнымъ созерцателемъ истины, если онъ не переживаетъ своихъ произведеній, то онъ не можетъ и проникаться ими: ему чуждо истинное вдохновенье, дающее яркость, образность, силу и жизненную правду произведенію.

II.

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, какъ-будто, сдѣлать выводъ, что въ характерѣ разбираемаго нами поэта нѣтъ всѣхъ данныхъ, необ-

ходимыхъ для поэтическаго таланта. Выводъ этотъ основанъ нами на словахъ самого автора, и въ виду этого можетъ быть весьма ошибочнымъ, такъ какъ, при самомъ искреннемъ желаніи, человѣку трудно говорить о себѣ вполнѣ объективно.

Обратимся-же къ самому творчеству поэта, чтобы рѣшить, обладаетъ-ли онъ способностью проникновенія сюжетомъ? Говоря другими словами:—чувствуетъ-ли онъ то, о чемъ пишетъ? Потому что если поэтъ, и въ особенности поэтъ лирическій, не переживаетъ своихъ произведеній,—онъ не можетъ передать и читателю соотвѣтствующаго настроенія.

Знакомясь внимательно съ внутренней стороной поэзіи г. Гринченка, мы сразу замѣчаемъ одну особенность ея, чрезвычайно характерную, не встрѣчающуюся у другихъ поэтовъ: огромное количество разсужденій и даже прямо сентенцій и поучительныхъ анекдотовъ, переложенныхъ въ стихотворную форму. Приведемъ для примѣра хотя подобныя стихотворенія.

Говорють люде: не зитхай,
Чого нема, то й такъ нехай.
А я говорю: не зитхай,
Колы нема,—борысь, прыдбай. (413).

Или:

И въ ворога учытысь добра штука,
Безпешно се и здастся намъ наука.
А вчыты—ни! И друга страшно вчыты,
Щобъ ворога изъ ёго не зробыты (419).

Или хотя бы подобныя стихотворенья:

Бильшъ на свити йе днивъ похмурыхъ, та важкыхъ,
Нижъ сояшныхъ, веселыхъ днивъ.
И бильше, нижъ лелій квитущыхъ, запашныхъ
Колючыхъ выроста тернивъ.
И бильше серце зна и мукъ и слизъ гирькихъ,
Нижъ щастя любого, та радощивъ ясныхъ.

—

Звыклы завтра все людци робыты,
Плентатысь по малу до меты,
Звыкны лышъ робыты все сегодня,
И до неи перный прыйдешъ ты (428).

Такія произведенія поэзіи удивительно напоминаютъ нѣмецкія прописныя стихотворенія для дѣтей.

Morgen, morgen, nur nicht heute—
Sprechen alle faulen Leute.

или: Die morgen Stunde hat Gold im Munde и т. д. Было-бы, конечно, весьма несправедливо утверждать, что большинство стихотвореній г. Гринченка похоже на приведенные нами выше образцы, но разсудочный, *дидактическій* тонъ ихъ проникаетъ очень многія его лирическія произведенія; укажемъ еще на стихотв.: Загадка, Давня казка и др...

Въ такихъ стихотвореніяхъ нѣтъ ничего, кромѣ положенной въ ихъ основаніе сентенціи, часто весьма сомнительной цѣнности. А между тѣмъ мы можемъ вспомнить множество стихотвореній другихъ поэтовъ, въ основаніе которыхъ положены также отвлеченныя мысли, но мысли эти являются у нихъ не сухимъ, логическимъ выводомъ изъ ряда извѣстныхъ посылокъ: онѣ одухотворены чувствомъ, освѣщены образомъ. Идею можно понять, идею можно и почувствовать. Философія заставляетъ насъ постигать извѣстныя идеи, а поэзія—прочувствовать ихъ.

Вспомнимъ, напр., извѣстное стихотвореніе Лермонтова: «Когда волнуется желтѣющая нива». Суть этого стихотворенія можно было-бы передать приблизительно слѣдующими строками:

«Колы-но людына погляне на роскишъ натуры,
На ныву, на ричку, на квиты въ лисахъ,
Зныка ій у серци и горе, й зневирря понуре,
И вирыть у щастя, и Бога вбаче въ небесахъ.

Суть разсужденія осталась и въ нашемъ переложеніи, а между тѣмъ оно не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, тогда какъ стихотвореніе Лермонтова дѣйствительно заставляетъ хоть на мгновенье умолкнуть немолчную тревогу нашей души. Разница между этими двумя впечатлѣніями вполнѣ понятна: тогда какъ наше переложеніе передаетъ только извѣстное положеніе, стихотвореніе Лермонтова своими

удивительно мѣткими поэтическими образами вводитъ насъ въ то настроеніе, которое породило у поэта эту мысль.

Вотъ этой-то силы передать читателю свое настроеніе чрезвычайно мало у г. Гринченка. Разсудочный элементъ въ его лирикѣ въ значительной мѣрѣ превышаетъ паѳосъ, присутствіе котораго такъ необходимо для лирическаго стихотворенья. Съ этимъ же разсудочнымъ элементомъ встрѣчаемся мы и въ его поэмахъ.

Вотъ, напр., поэма Лавринъ Костеръ. Въ основаніе поэмы положенъ анекдотъ, трактующій о томъ, какимъ образомъ Лавринъ Костеръ предугадалъ открытіе искусства книгопечатанія. Исторія какого-нибудь открытія можетъ, конечно, составить тему для поэтическаго произведенія, но только въ томъ случаѣ, если она носитъ въ себѣ извѣстный психологическій матеріалъ: душевную борьбу, страсть, самопожертвованіе и т. д. Можно, напримѣръ, вообразить себѣ поэму Колумбъ, или Галилей, но если-бы мы вздумали переложить въ стихотворную форму извѣстный разсказъ о томъ, какъ дѣти, играя случайно, открыли увеличительное стекло, вышло бы, конечно, нѣчто въ родѣ: «Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ, которые стекло чтутъ ниже минераловъ».

Къ сожалѣнію поэма Лавринъ Костеръ по своему сюжету не даетъ никакого матеріала для поэтическаго произведенія. Лавринъ Костеръ сидитъ у себя въ комнатѣ и думаетъ о томъ, какъ бы хорошо было, если-бы онъ смогъ книги «тысячамы росплодыты!» (?) «Занялось-бы скоро всюды сонце правды и просвиты». Затѣмъ онъ вспоминаетъ о своей милой и отправляется къ ней на свиданіе. Между прочимъ онъ сообщаетъ ей, что въ душѣ его «задумъ есть одынъ велыкый, осягну ёго,—и щастя дамъ усимъ на вични викы». На другой день, мечтая о своей милой, онъ вырѣзываетъ на свѣже-сорванной вѣткѣ вензель свой и своей невѣсты, и заворачиваетъ эту вѣточку въ пергаментъ. О, чудо! На утро развернувъ пергаментъ, Костеръ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что на немъ отпечатались вырѣзанные имъ иниціалы. Открытъ секретъ книгопечатанья! Авторъ заканчиваетъ поэтому слѣдующими строками.

И засяло зъ того часу
Сонце правды и просвиты,
И ёго нищо николы
Не здолае погасыты.

Иншый нимець геніальный
Дали ще повивъ те дило,
Передъ сылою ціею
Все вже голову схылыло.
Не Ваалъ бо, не Мамона
Батькомъ сталыся тій сыли,
А іи кохання щыре
Поцилункомъ породылы.
И якъ на свити довишно
Пануватыме кохання,
Такъ довишно буде кныга
Намъ несты наукы сяння (217—218).

Для любителя подхватить неудачное выраженіе автора и обратить его въ матеріалъ для своего газетнаго остроумія—этотъ неожиданный и странный выводъ представилъ бы богатый матеріалъ. Но дѣло не въ томъ, что книгопечатаніе пріобрѣло подавляющее значеніе не въ силу поцѣлуя, которому оно яко-бы обязано своимъ происхожденіемъ. Увы! пресловутые Ваалы и Мамоны гораздо могущественнѣе поцѣлуевъ любви. Дѣло не въ неудачномъ выраженіи автора, а въ томъ, что поэма эта, хотя и передающая поучительный анекдотъ, но лишенная малѣйшаго психологическаго матеріала, не производитъ никакого впечатлѣнія.

Наоборотъ, въ поэмѣ Матильда Аграманте мы встрѣчаемся съ темой, могущей дать много красокъ для поэтическаго произведенія. Матильда Аграманте—дочь яраго повстанца; въ битвѣ за свободу отчизны у ней погибли отецъ и братъ, она сама вступаетъ въ ряды сражающихся и умираетъ отважной, геройской смертью. Поэма является только передачей въ стихотворной формѣ приведеннаго нами выше содержанія. Въ ней нѣтъ ни красокъ, ни настроенія. Не говоримъ уже о томъ, что нѣтъ также ничего характернаго ни для данной мѣстности, ни для даннаго времени. Вотъ, напр., строки, которыми авторъ повѣствуетъ о страшныхъ разореніяхъ, причиненныхъ испанцами.

Поспишаетця Матильда,
Добига до свого двору:
Де була іи оселя—
Тильки вьетця дымъ у гору.

Дотливае недотлиле,
Догора сумна руина;
Що се сталося? Озвитця?
Хто тутъ йе? Гука дивчина.
Та нихто не озоветця:
Хто-жъ бы мавъ тутъ одмовляты?
Тильки трупы тутъ кривави
Скризь лежать округы хаты (447).

Развѣ это картина? Это протоколъ въ стихахъ, и не только блѣдный, но даже не совсѣмъ вѣрный. Насколько, напр., не характерно выраженіе «дымъ вьетця у гору». Вьющійся вверхъ дымъ характеризуетъ самую мирную картину, напр. готовящагося ужина, или обѣда. Надъ пожаромъ дымъ не вьется струйкой вверхъ, дымъ валитъ столбомъ, или разстилается черной пеленой. Или возгласы Матильды: «Що се сталося? Озвитьця? Хто тутъ йе?» Развѣ они возможны, натуральны? При видѣ такого ужаснаго зрѣлища у человѣка могутъ вырываться только потрясающіе возгласы, вопли, слезы, проклятья, не связныя слова, но отнюдь не такія спокойныя «гуканья»: «що се сталося?» «Озвитця? Хто тутъ йе?»

Или вотъ другая картина поэмы:—Испанцы обошли кубанцевъ:

И видразу имъ назустричъ
Кули свыснулы: гышпанци
Пидийшлы зъ-за лису тыхо,
Що не счулыся повстанци.
Обляглы,—нема рятунку... (449 стр.).

Вотъ и вся картина. Гдѣ, когда, съ кѣмъ происходила эта битва? Читатель, конечно, не уяснитъ себѣ изъ такого описанія ничего. Съ увѣренностью можно сказать, что поэтъ, пишущій подобныя картины, не видитъ ихъ своими духовными очами и не чувствуетъ ихъ своимъ сердцемъ.

Высказанное нами замѣчаніе относится не только къ поэмѣ Матильда Аграманте,—это есть типичный недостатокъ поэзіи г. Гринченка: описывая картины природы, или чувства человѣческія, Гринченко не видитъ и не чувствуетъ ихъ.

Остановимся сначала на первой части этого положенія, такъ какъ въ подтвержденіе ея мы можемъ привести фактическія данныя.

Въ поэзіи г. Гринченка встрѣчается много описаній южной тропической природы, а также описанія такихъ извѣстныхъ мѣстъ, какъ Римъ, Днѣпровскіе пороги и т. д. Человѣка, знакомаго съ этими мѣстностями, описанія эти поражаютъ своей невѣрностью, человѣку-же, незнакомому съ ними, они не рисуютъ никакой картины.

Вотъ, напр., описаніе ночи въ Римѣ.

Змовклы вулыци шыроки,
Сплять будынкы и хаты,
На церквахъ стрункыхъ высоки
Златомъ свитятця хресты» (стр. 22).

Описаніе это прежде всего поражаетъ своей неправдоподобностью. Въ доброе старое время писатель не былъ обязанъ считаться съ реальностью, и Шекспиръ могъ устроить въ Богеміи морской портъ, но въ наше время отъ писателя мы въ правѣ требовать хоть примитивнаго знакомства съ той мѣстностью, которую онъ описываетъ. Описаніе его должно быть если и не точно, то, во всякомъ случаѣ, правдоподобно. Въ описаніи-же Рима, въ поэмѣ «Беатриче», нѣтъ и этого. Авторъ описываетъ, напр., «шыроки вулыци» Рима, когда Римъ именно поражаетъ всякого необычайной узостью и кривизной своихъ улицъ. Далѣе, выраженіе «будынки и хаты», особенно выраженіе «хаты», какъ и выраженіе избы, опредѣляющее извѣстную, спеціальную постройку, совершенно не подходитъ къ римскимъ зданіямъ; даже нищета гнѣздится тамъ въ великолѣпныхъ развалинахъ, куры блуждаютъ въ засыпанныхъ мусоромъ баняхъ Каракалла. Также неудачно и выраженіе «на церквахъ стрункыхъ высоки златомъ свитятця хресты». Оно раждаетъ представленіе о церквяхъ готическаго стиля, тогда какъ большинство римскихъ церквей представляютъ изъ себя правильныя базилики. Но это отсутствіе реальной правды составляетъ еще только второстепенный недостатокъ въ описаніи данной картины. Развернувши путеводитель Бедекера, мы найдемъ въ немъ точнѣйшее описаніе Рима, римскихъ улицъ и римскихъ зданій, но при всей своей детальной точности, это описаніе не воскреситъ передъ нашими глазами сѣдого Рима въ его суровой красотѣ. Точно также не воскрешаетъ Рима и описаніе, сдѣланное г. Гринченкомъ; помимо своей неправдоподобности, оно поражаетъ своей безцвѣтностью: съ одинаковымъ успѣхомъ можно примѣнить эти строки и къ Риму, и къ Бѣ-

лой Церкви: въ немъ нѣтъ главнаго условія художественнаго произведенія,—художественной правды. Художественное произведеніе имѣетъ цѣлью отмѣтить какой-либо существенный, характерный признакъ предмета, преобладающую въ немъ идею, рѣзче даже, чѣмъ она проявляется въ дѣйствительности. Приведемъ описаніе Рима, сдѣланное Гоголемъ въ фантазіи, озаглавленной «Жизнь». «Стоитъ и распростирается желѣзный Римъ, устремляя лѣсъ копій и сверкая грозною сталью мечей, вперивъ на все завистливыя очи и протянувши свою жилистую десницу. Но онъ неподвиженъ, какъ и все, и не тронется львиными членами». Ничего подобнаго, конечно, нѣтъ въ дѣйствительности. Но эти слова передаютъ сущность впечатлѣнія древняго Рима, впечатлѣнія, которыя и понынѣ внушаютъ его величавые останки, величественные и въ своемъ паденіи.

Ничего подобнаго не порождаютъ въ душѣ строки г. Гринченка. Надо еще замѣтить, что описаніе Рима ведется имъ à vole d'oiseau, въ тишинѣ прозрачной, южной ночи, когда еще рѣзче выступаютъ на вершинахъ римскихъ холмовъ чернѣющія громады суровыхъ развалинъ, еще явственнѣе вѣетъ съ ихъ вершинъ страшнымъ и величественнымъ прошлымъ міровою города. Приведенный-же нами выше отрывокъ доказываетъ, что авторъ его не видѣлъ и не чувствовалъ Рима въ моментъ творчества.

Такое-же отсутствіе правды реальной и правды художественной замѣчается и въ описаніи Днѣпровскихъ пороговъ.

«Днипръ шырокый и глыбокый
Хвылю хвылею жене,
И добигшы до порогивъ
Гучно падае у ныз» (157 стр.).

И опять прежде всего въ этихъ описаніяхъ непріятно поражаетъ рѣзкая неправдоподобность. Если относительно Рейнскаго водопада дѣйствительно можно употребить выраженіе,—«гучно падае у ныз», то къ нашимъ Днѣпровскимъ порогамъ оно совершенно непримѣнимо, такъ какъ Днѣпръ у пороговъ вовсе не падаетъ въ видѣ отвѣсной водяной стѣны, а кипитъ среди подымающихся изъ его волнъ острыхъ сѣрыхъ скалъ и камней. Но, кромѣ этого, описаніе г. Гринченка вовсе не передаетъ того сильнаго впечатлѣнія, которое производитъ величественная картина Днѣпровскихъ пороговъ. Интересно вспомнить при этомъ описаніе Днѣпровскихъ пороговъ Шевченка, чтобы понять,

какъ можетъ писатель-художникъ видѣть и чувствовать описываемую имъ картину.

Еще разительнѣе выступаетъ эта черта творчества г. Гринченка при описаніи обычныхъ картинъ природы. Вотъ, напр., описаніе вечера. Дѣйствіе происходитъ на островѣ Кубѣ. Солнце заходило.

Гордымъ пальмамъ верховиття
На прощання золотыло,
На барвыстыхъ крыльцяхъ нижныхъ
У колибри ще тремтило, (446 стр.).

Это вечеръ на островѣ Кубѣ. Единственными признаками тропической природы являются здѣсь ея неизмѣнные атрибуты: пальмы и колибри. Но если вообразить себѣ, что послѣдніе лучи солнца ударяютъ въ вершины пальмъ, то какимъ-же образомъ поэтъ видитъ блестки солнечныхъ лучей на крыльцахъ колибри? Если эти колибри сидятъ на вершинахъ гордыхъ пальмъ, то крылышки ихъ врядъ-ли могутъ быть видимы для простого глаза, если-же они порхаютъ гдѣ-нибудь внизу, то они находятся внѣ поля послѣднихъ солнечныхъ лучей.

Можно было-бы подобрать еще много примѣровъ такой неправдоподобности въ описаніяхъ природы у г. Гринченка. Если, напр., въ третьей строкѣ стихотворенья поэтъ заявляетъ, что надъ нимъ дубъ «кивае гордо головою», то въ слѣдующемъ куплетѣ объясняется, что кругомъ царствуетъ необычайная тишина, такая сладкая тишина, которая заставляетъ даже забыть о существованіи людей. Очевидно, авторомъ предполагается полуденное затишье лѣтняго, знойнаго дня. Но если киваетъ головой и могучій дубъ, то что-же должно дѣлаться тогда съ другими деревьями, съ вѣтвями, травой. Слѣдуетъ предположить порывы сильнаго вѣтра; въ такомъ случаѣ совершенно нарушается картина мертваго затишья и т. д. А между тѣмъ художникъ собственно не можетъ дѣлать промаховъ противъ реальной правды. Если онъ обладаетъ въ должной мѣрѣ способностью воспроизведенія, то, вызывая въ своей памяти разъ полученныя впечатлѣнія дѣйствительности, онъ воскрешаетъ ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ и запечатлѣлись они.

Отмѣченные же нами выше промахи противъ правды реальной и правды художественной даютъ основаніе предполагать, какъ мы уже и сказали раньше, что, описывая ту или иную картину, г. Гринченко

и не воображаетъ ее себѣ въ моментъ творчества. Это, если можно такъ выразиться, теоретическое описаніе природы, порождаетъ сухость и блѣдность изложенія. Упоминаются всѣ атрибуты, необходимые для даннаго момента, а сама картина не оживаетъ. Приведемъ въ подтвержденіе нашихъ словъ нѣсколько наугадъ взятыхъ отрывковъ. Вотъ, напр., описаніе вечера.

На землю вже тыхый скризь вечиръ лягае,
Зъ высокого неба вже мисяць сіяе,
Затыхла и пташка, и людська розмова,
Мовчыть, не шепоче зелена диброва. (41)

Или вотъ описаніе весны:

На неби проминня леліе и сяе,
На лукахъ пышають рожеви квиткы,
Впываются спивомъ весели пташкы,
Надія на счастья усе повывае, (383).

Въ этихъ описаніяхъ есть всѣ атрибуты, необходимые для даннаго момента, но нѣтъ того блеска, который-бы освѣтилъ всю картину; въ ней нѣтъ жизни.

И невольно вспоминается при этомъ сценка изъ Чеховской Чайки. Писатель-декадентъ, «сочиняющій» свои описанія, съ тоской просматриваетъ произведеніе писателя-таланта.

„*Треплевъ.* У него на плотинѣ блеститъ горлышко разбитой бутылки и чернѣетъ тѣнь отъ мельничнаго колеса—вотъ и лунная ночь готова, а у меня и трепещущій свѣтъ, и тихое мерцаніе звѣздъ, и далекіе звуки рояля, замирающіе въ тихомъ ароматномъ воздухѣ. Это мучительно! Да я все больше и больше прихожу къ убѣжденью, что дѣло не въ старыхъ и не въ новыхъ формахъ, а въ томъ, что человѣкъ пишетъ не думая ни о какихъ формахъ, пишетъ потому, что это свободно льется изъ его души".

Кромѣ отмѣченной нами выше сухости, протокольности въ описаніяхъ природы у г. Гринченка, природа его и мертва:—въ ней нѣтъ духовной красоты.

Не только художникъ, но и великій человѣкъ, наблюдая какую-либо болѣе рѣзко выраженную картину природы, получаетъ отъ нея, кромѣ зрительнаго впечатлѣнія, и впечатлѣніе духовное; она пробуждаетъ въ немъ извѣстное чувство, вводитъ его въ то или иное

настроеніе. Даже самыя обыденныя явленія природы не проходятъ безслѣдно для нашей души: дождливый, осенній день, гніющая на землѣ листва деревъ, ихъ оголенныя вѣтви, словно простертыя съ безнадежной мольбой къ низкому небу—нагоняютъ на насъ тоску; заходъ солнца пробуждаетъ меланхоличную грусть, восходъ—бодрую радость, и т. д. Всякій человѣкъ, болѣе или менѣе чуткій, а тѣмъ болѣе художникъ, и видитъ и чувствуетъ природу. Должно быть, на этой особенности воспріятія нами дѣйствительности и основана волшебная тайна поэзіи, дающая ей необычайную силу: это способность поэта придавать всей природѣ чувства человѣка, и чувствамъ человѣка—пластичность и могущество стихійныхъ силъ.

Возьмемъ, напр., извѣстное стихотвореніе Шевченка:

И небо невмыте, и заспани хвыли,
И по-надъ берегомъ геть-геть
Неначе пьяный очеретъ
Безъ витру гнетця и т. д.

Въ этомъ стихотвореніи все живетъ, все словно раздѣляетъ безотрадное настроеніе поэта: и неумытое небо, и заспанныя волны, и даже сухая трава. Всѣ эти необычайно мѣткіе, одухотворяющіе природу, эпитеты рисуютъ передъ нами унылую картину, проникнутую безпросвѣтной тоской. И настроеніе поэта, благодаря совокупности впечатлѣнія зрѣнія, слуха, чувства и мысленнаго воспріятія, получившихъ извѣстное воздѣйствіе при чтеніи этого произведенія, передается и намъ.

Возьмемъ еще стихотвореніе Лермонтова «Парусъ». Можно вѣдь описать состояніе мятежной, молодой души, рвущейся навстрѣчу бурямъ жизни, и безъ уподобленія ея бѣлѣющему въ туманѣ моря парусу, а между тѣмъ именно этотъ образъ и придаетъ ему такую силу и красоту. Символъ непосредственнѣе отвлеченной мысли трогаетъ сердце. Стоитъ только представить себѣ эту безбрежную синѣющую даль моря и трепещущій на горизонтѣ бѣлый парусъ, уносящійся въ грозную и невѣдомую даль, и сопоставленіе этихъ двухъ образовъ бурнаго моря и утлаго паруса, рвущагося навстрѣчу волнамъ, ярче словъ рисуетъ намъ настроеніе молодой души, стремящейся навстрѣчу невѣдомымъ бурямъ жизни .. Въ этомъ кажущемся единствѣ міровой жизни заключается великая, святая красота поэзіи. По-

добное настроеніе поэта прекрасно выражено вышеприведенными нами строками Шевченка:

«А думка край свита на хмари гуля,
Орломъ сызокрылымъ литае, шыряе,
Ажъ небо блакитне шырокымы бъе;
Спочыне на сонци, его запытае,
Де воно ночуе, якъ воно встае?
Послухае моря, що воно говорыть,
Спыта чорну гору: чого ты нима?
И знову на небо, бо на земли горе,
Бо на ій шырокій куточка нема,
Тому, хто все знае, тому, хто все чуе:
Що море говорыть, де сонце ночуе.

Такого общенія между природой и душой поэта весьма мало въ поэзіи г. Гринченка.

Теперь перейдемъ ко второй части высказаннаго нами выше положенія, а именно къ тому, что авторъ книги «Пысання» не обладаетъ въ должной мѣрѣ способностью переживать свои произведенія что сказывается въ недостаточной силѣ чувства, проявляемой г. Гринченкомъ въ своихъ стихотвореніяхъ, въ особенности въ стихотвореніяхъ лирическихъ. Тамъ, гдѣ поэтъ долженъ переселить насъ въ душу своего героя, гдѣ искренностью своего чувства онъ долженъ взволновать все наше существо,—г. Гринченко часто прибѣгаетъ къ оружію слабыхъ,—къ риторикѣ.

Вотъ, напр., поэма—Галима. Дочь Украины, взята она въ плѣнъ турецкимъ пашей и полюбила его. Прошло много лѣтъ. Паша отправляется въ походъ на запорожцевъ, привозитъ страшный трофей—отрубленную голову козацкаго атамана и водружаетъ ее среди двора. Оказывается, что этого козака любила раньше Галима.

Галима-жъ дывылась, и очи ін
Такъ страшно, такъ дыко гледилы,
Немовъ бы останни хвылыны свои
У тій голови вона вздрила.
Пизнала, пизнала несчасна въ ту мыть
Чія голова такъ ганебно стремыть.

—

Пизнала того, за кымъ слезы лылысь
Кого въ риднимъ краи кохала,
Пизнала ти очи, вуста, що колысь
Такъ палко вона цилувала!
Погаслы ти очи, склепылысь вуста,
И кровъ на чоли запеклася густа.

—

Пизнала уже и теперъ вона зна,
Кого на роскоши зминяла,
И все, що забула, згадала вона
И ридну краину згадала.
И виру Хрыстову и батька свого,
И серце змистыть не здолало всего. (243 стр.)

—

Этотъ длинный и послѣдовательный перечень всего того, что вспомнила Галима вовсе не вводитъ насъ въ душу героини, онъ не даетъ намъ и понятія о томъ внезапномъ ужасѣ, который испытала она, а должно быть онъ былъ выше силъ человѣческихъ, такъ какъ, перечисливъ все то, что могла вспомнить Галима, авторъ заявляетъ:

Скрыкъ дыкый, страшный розитнувсь и затыхъ,
И збиглысь на крыкъ изъ свитлыци,
Знайшлы воны скоро въ трояндахъ густыхъ
Галыму знайшлы слугивныци. (244)

Галима была уже мертва, она умерла при взглядѣ на отрубленную голову. Если возможна такая смерть, то очевидно дѣйствіе этого зрѣлища было потрясающее и моментальное, но именно ни того, ни другого не даютъ приведенныя нами выше строки. Мы уже говорили о томъ, какъ слабо передаютъ слова,—какъ опредѣленія извѣстныхъ понятій,—чувства человѣка, и какое значеніе играютъ въ поэзіи образъ и та тонкая гамма физическихъ ощущеній, сопровождающихъ извѣстное чувство, которая, подобно музыкѣ, переноситъ насъ непосредственно въ душу человѣка. Поэма «Галима» является лучшей иллюстраціей къ высказанному нами мнѣнію. Мы не видимъ Галимы, не заражаемся ея горемъ, не чувствуемъ даже тѣхъ ужасныхъ ощущеній, которыя должны были предшествовать ея внезапной смерти. Авторъ даетъ намъ только: «слова, слова и слова». И результатъ такого способа творчества очевиденъ самъ собой. Зажавши въ тискахъ

свое сердце, поэтъ потерялъ способность различать біеніе чужихъ сердецъ.

Недостатокъ силы чувства и слова сказывается и въ большой поэмѣ «Беатриче Ченче». Въ этой поэмѣ авторомъ пропущенъ самый сильный моментъ драматическаго напряженія, а именно убійство дочерью отца; это центральное мѣсто поэмы передается Гринченкомъ повѣствовательно слѣдующими словами:

Та якъ проминь вгори зъ неба въ осьме засявъ,
Ченчи зъ лижка свого уже бильше не вставъ (229).

Вообще всѣ болѣе сильныя мѣста поэмы или переданы слабо, или совсѣмъ пропущены. Такъ, напр., дойдя до того мѣста, гдѣ Беатриче отдаютъ на пытки, поэтъ только восклицаетъ: «Але, Боже мій, ни! Розсказаты нема въ мене сылы про ти мукы тяжки»! Мы не требуемъ, конечно, отъ поэта, чтобы онъ съ полнымъ реализмомъ описывалъ, какъ ломали кости несчастной жертвѣ, какъ жгли ее углями, но мысли и чувства, которыя пробудили въ душѣ Беатриче и поступокъ отца и несправедливый возмутительный приговоръ, эти муки должны были найти себѣ выраженіе въ названной поэмѣ.

Сравните Беатриче Ченче г. Гринченка съ такой-же поэмой Шелли, для того, чтобы увидѣть, какъ много далъ этотъ величественный сюжетъ Шелли, и какъ мало проникся имъ г. Гринченко.

Недостатокъ силы сказывается во всѣхъ поэмахъ г. Гринченка и въ большинствѣ его лирическихъ стихотвореній. Въ виду этого, произведенія, полныя прекраснаго замысла, не трогаютъ читателя, не задѣваютъ въ его сердцѣ соотвѣтствующихъ струнъ, а превращаются въ тенденціозныя разсужденія.

Вотъ, напр., стихотвореніе—«Неначе» (стр. 9).

Неначе и свитъ такый гарный здаетця,
И сонечко зъ неба блещыть,
И писня дивочая весело льетця,
И весело лисъ шепотыть.
И дывытця всюды усе такъ зваблыво,
Що тильки-бъ здаетця радивъ,
Та на свити весело такъ, та щаслыво,
Безъ думкы та гадкы-бъ ты жывъ.
Та здумаешъ ты, що ти спивы дивочи

Не спивы—рыдання сумни,
Що гаснуть одъ слизъ оти карыи очи,
Змалку весели й ясни;
Згадаешъ про тихъ, що у лютій недоли,
Не знаючы щастя жывуть... и т. д.

Вспомнивъ всѣ царствующія на землѣ бѣдствія, авторъ заключаетъ:

И серце заные, и самъ я не знаю,
Якъ спивы, рыдання летять.
Колы-жъ то мы будемо въ нашому краю
Про щастя и долю спивать?

Не кажется-ли читателю, что авторъ считаетъ своимъ долгомъ вспоминать и во время восхищенія красотой лѣтняго дня о всѣхъ бѣдствіяхъ земной жизни человѣка? Когда душа человѣка воистину переполнена горемъ, тогда не веселитъ его ни солнце, ни весна, онъ не видитъ ихъ, можно сказать почти въ буквальномъ значеніи этого слова, потому что впечатлѣнія этихъ картинъ, отражающихся въ его глазу, не доходятъ до его сознанія. Если-же онъ и сосредоточитъ на нихъ свое вниманіе, то все то, что кажется радостному или, по крайней мѣрѣ, спокойному человѣку, сіяющимъ счастьемъ для его глаза,—подернуто траурной пеленой. Такое настроеніе прекрасно передано Гейне въ его извѣстномъ стихотвореніи Varum sind die Rosen so blass und so stumm? Даже больше, красота природы вызываетъ чувство отвращенія въ душѣ, возмущенной торжествомъ неправды. Приведенное-же нами выше стихотвореніе распадается на двѣ части: первая, если отбросить слово «неначе», представляетъ изъ себя спокойное, радостное созерцаніе красоты природы, а вторая—воспоминанье о бѣдствіяхъ земныхъ. Это спокойное сопоставленье красоты природы съ несчастіями, порабощающими человѣчество, выходящее не изъ сердца, а изъ разсудка, не трогаетъ насъ. Говоримъ—выходящее не изъ сердца, потому-что сердце, омраченное горемъ, не можетъ наслаждаться красотой солнечнаго дня.

Перевѣсъ разсудочнаго элемента надъ искреннимъ чувствомъ особенно рельефно выступаетъ при разборѣ стихотвореній, написанныхъ Гринченкомъ на темы, аналогичныя темамъ, разработаннымъ другими поэтами.

Вотъ напр. стихотвореніе «Прыйде» (271).

О, прыйде запевно той день,
Що мы видпочынемъ видъ мукъ
И скынемъ зализа важки
Изъ звязанныхъ, стомленныхъ рукъ.
О, прыйде запевно той день,
Що гнитъ и неволя, и кровъ—
Все зныкне навикы, й тоди
Подужа святая любовь.

Аналогичную тему разрабатываетъ извѣстное стихотв. Надсона.

Другъ мой, братъ мой, усталый, томящійся братъ,
Кто-бъ ты ни былъ,—не падай душой.
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей;
Пусть разбитъ, и поруганъ святой идеалъ,
И струится невинная кровь,—
Вѣрь—настанетъ пора, и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!

Стихотвореніе это достаточно извѣстно всѣмъ, и всякій можетъ судить, какъ холодны въ сравненіи съ нимъ приведенныя выше строки.

Доказать то, что въ стихотвореніи Надсона больше искренняго чувства, чѣмъ въ стихотвореніи г. Гринченка, доказать это весьма трудно, но мы попробуемъ сдѣлать маленькій разборъ этихъ стихотвореній, чтобы уяснить причину разницы получаемаго отъ нихъ впечатлѣнія.

Импульсомъ для возникновенія стихотворенія г. Гринченка явилось, очевидно, философское разсужденіе о томъ, что святая любовь въ концѣ концовъ побѣдитъ гнетъ, неволю и кровь. Импульсомъ для возникновенія стихотвор. Надсона послужило безъ сомнѣнія, горячее состраданіе къ усталому страдающему брату. Разсмотримъ первыя строки этого произведенія.

Каждое слово говоритъ намъ о тревожномъ разростающемся въ сердцѣ поэта чувствѣ любви и состраданія ко всему человѣчеству. «Другъ мой», говоритъ поэтъ и тотчасъ же чувствуетъ, что это выраженье холодно, узко, что оно не передастъ того всеобъемлющаго

чувства, которое трепещетъ въ его душѣ. «Братъ мой», прибавляетъ онъ тотчасъ-же, расширяя свое обращеніе, «усталый, томящійся братъ», но и этого мало,—«кто-бъ ты ни былъ», восклицаетъ поэтъ отъ глубины своего порыва,—не падай душой»! Сколько любви и сострадания къ чужому горю въ этихъ двухъ строкахъ. Маленькая подробность: поэтъ не меньше тѣхъ братьевъ, къ которымъ обращена его рѣчь, страдаетъ отъ условій современной жизни, но ни однимъ словомъ не упоминаетъ онъ о себѣ—страданія окружающихъ пробудили горячую скорбь въ его душѣ и результатомъ ея явилось приведенное нами стихотвореніе.

Стихотвореніе г. Гринченка, рожденное мыслью, даетъ намъ мысли и слова, но въ немъ нѣтъ образа и очень мало чувства.

Укажемъ для подтвержденія высказанной нами мысли еще на стихотвореніе «Давня Казка». Это стихотвореніе передаетъ мысль, аналогичную мысли, высказанной въ стихотвореніи Лермонтова—«По небу полуночи ангелъ летѣлъ», но тогда какъ ангелъ Лермонтова своимъ дивнымъ образомъ и глубиной чувства навсегда запечатлѣвается въ памяти,—стихотвореніе г. Гринченка безслѣдно скользитъ въ умѣ. У Лермонтова читаемъ:

И звуки той пѣсни безъ словъ, но живой,
Остались въ душѣ молодой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна...
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

У г. Гринченка почти та-же мысль выражается слѣдующими словами:

Жыве помижъ людьмы тая душа
И спивае нечуванну писню.
Все у тій писни видбылось, що въ неби высокимъ
Богъ передавъ поцилункомъ, на землю пославшы,—
Правда, краса и безмирне та чысте кохання.
Иншихъ писень не спивае, не може спиваты.
Шляхъ свій скинчывшы на свити, душа та святая
Въ небо высоке до Бога вертаетця знову. (122 стр.)

Здѣсь словъ гораздо больше, чѣмъ у Лермонтова, а нѣтъ той силы и красоты. Не говоря уже объ образѣ ангела, несущаго душу

младенца «для міра печали и слезъ», въ самомъ существованіи этой души на землѣ—въ изображеніи Гринченка и Лермонтова есть, на видъ не большая, но въ сущности огромная разница, дающая одному стихотворенію теплоту и силу, а другому—холодность изложенія. «И долго на свѣтѣ томилась она, говоритъ Лермонтовъ, «желаніемъ чуднымъ полна, и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли»,—и этими словами онъ такъ мѣтко характеризуетъ страданіе души, исполненной высокихъ мыслей и чувствъ и заключенной въ тѣсныя рамки скучной, земной жизни. У Гринченка же эта строка совершенно опущена: «душа» не страдаетъ и не томится земной жизнью,—она «живе по-мижъ людьмы и спивае нечувану писню» и «шляхъ свій скинчывшы на свити, душа та святая въ небо высоке до Бога вертаетця знову». Душа, въ которой трепещетъ отзвукъ небесныхъ пѣсенъ, не можетъ не страдать и не томиться здѣсь. Влеченіе къ великому, невѣдомому, прекрасному и невозможность удовлетворить это влеченіе и холодъ жизни порождаютъ тоску, такъ понятную не только великимъ поэтамъ, но и простымъ смертнымъ. Описывая земное существованіе такой души, г. Гринченко не почувствовалъ того доминирующаго чувства, которое настраиваетъ подобныя души.

Мы старались указать на главный недостатокъ поэзіи г. Гринченка,—отсутствіе искренности и теплоты, а вслѣдствіе этого и силы. Въ данномъ случаѣ невозможно, конечно, заподозрѣвать автора въ отсутствіи искренняго чувства, а потому и въ преднамѣренной, если можно такъ выразиться, тенденціозности. Дѣятельность г. Гринченка, проходящая передъ глазами у всѣхъ, свидѣтельствуетъ объ искренности его настроенія, соотвѣтствующаго выраженнымъ въ его стихотвореніяхъ мыслямъ. Но это дѣйствительное настроеніе автора не нашло своего духовнаго выраженія въ его поэтическомъ творчествѣ. Человѣкъ отвѣчаетъ за свои дѣла,—творенья его сами за себя. Поэзія не должна нуждаться въ коментаріяхъ. Горячія слова должны быть горячо произнесены, иначе они зазвучатъ фальшиво.

III.

Типичныя свойства поэзіи г. Гринченка рельефнѣе всего сказываются въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ любви.

Любовь является однимъ изъ главныхъ факторовъ въ поэзіи лирической. Этому чувству мы обязаны многими лучшими произведеніями поэзіи; оно окрыляетъ могучими крылами фантазію поэтовъ и

очаровываетъ насъ дивными образами. Несмотря на то, что г. Гринченко по преимуществу поэтъ общественныхъ мотивовъ, многія изъ его стихотвореній посвящены любви. Но любовь въ стихотвореніяхъ его выражается чрезвычайно матеріально. Въ самомъ описаніи женской красоты г. Гринченко является даже малонаціональнымъ поэтомъ. Украинская пѣсня въ описаніи женской красоты, и вообще любви, проявляетъ удивительно много идеализма, цѣломудрія и изящества. Въ ней всегда упоминаются: «ясни очи, тыхая розмова, вирныи слова». У г. Гринченка же въ описаніи женской красоты первую роль играютъ «груды». Поэтъ заявляетъ, что онъ снова поетъ пѣсни «про кохання»—«про высокіи груды дивочи» (стр. 184); «груды» эти описываются поэтомъ съ приложеніемъ всевозможныхъ эпитетовъ: «Груды высоки, та били дивочи». (101) «Груды панянски, николы незаймани груды» (стр. 106), «Не зитхають соромлыво груды пышни, молоди, а налывшыся высоки ваблять запаломъ своимъ» (158), «Груды били, чудовои вроды» (стр. 38), «Пышни груды наче дышуть пидъ сорочкою» (164), «Иды прыгорну я на груды на били» (стр. 38) и т. д.

Мечты о любимой женщинѣ проявляются у г. Гринченка также въ чрезвычайно матеріальныхъ, быть можетъ и очень естественныхъ, но отнюдь не поэтичныхъ образахъ: «Дай губоньки пышни мени, такъ хочется ихъ цилувать, такъ тягнуть до себе воны». (94) «Тамъ пидъ вышнею густою ничь намъ буде, щобъ кохаты» (326) «якъ що зъ бою вернусь мене мыла моя зновъ прыгорне до себе на груды «(185) и т. д. И опять «груды»! и панскія, и панянскія, и займаныи, и не займаныи, и пышныи, и билыи, и вздыхающіи соромлыво, и дышущія подъ сорочкою.

И невольно воображеніе нашептываетъ пѣсни любви другихъ поэтовъ...

Приведемъ для сравненія отрывокъ изъ поэмы Лермонтова, представляющій изъ себя также описаніе физической красоты женщины.

Ходитъ плавно—будто лебедушка,
Смотритъ сладко, какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ,
Горятъ щеки ея румяныя,

Какъ зоря на небѣ Божіемъ.
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія, заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія...
Скучно-грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.

При всей матеріальности, этого описанія, сколько въ немъ красоты! Какъ видно, молодого опричника поразила также только физическая красота женщины; онъ не знаетъ, какая душа скрывается подъ этой прекрасной оболочкой, но увлеченный и чисто физической красотой Алены Дмитріевны, опричникъ не мечтаетъ о томъ, чтобы она «прыгорнула его до себе на груды», онъ говоритъ: «Скучно грустно мнѣ, православный царь, одному по свѣту маяться». Сознаніе своего одиночества, чувство смутной тоски пробудила въ немъ любовь; онъ не можетъ жить безъ любви этой одной, дорогой ему женщины.

Тоска одиночества, жажда близкой, дорогой души—вотъ доминирующія ноты въ поэзіи любви. Можно было-бы, пожалуй, замѣтить, что подобныя настроенія возбуждаетъ въ душѣ поэтовъ лишь нераздѣленная любовь, но нѣтъ, и въ любви торжествующей предметомъ истинной поэзіи—является не описаніе исключительно матеріальныхъ ласкъ, а чувство того безконечно-счастливого состоянія души, которое пробуждается полнымъ общеніемъ двухъ человѣческихъ существъ.

День-ли царитъ, тишина-ли ночная,
Въ снахъ-ли тревожныхъ, въ житейской борьбѣ,
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума все та-же, одна, роковая,—
Все о тебѣ!

—

Съ нею не страшенъ мнѣ призракъ былого,
Сердце воспрянуло, снова любя...
Вѣра, мечты, вдохновенное слово,
Все, что въ душѣ дорогого святого—
Все отъ тебя!

—

Будутъ-ли дни мои ясны, унылы,
Скоро-ли сгину я, жизнь загубя,
Знаю одно, что до самой могилы,—
Помыслы, чувства и пѣсни, и силы—
Все для тебя!

Еще сильнѣе высказано чувство такой любви въ извѣстномъ эпиграфѣ Надсона къ своимъ сочиненіямъ.

Не я пишу: рукой моею
Какъ встарь владѣешь ты, любя,
И каждый лживый звукъ подъ нею
Въ могилѣ мучилъ-бы тебя!

Очевидно, что для такого чувства, вопросъ былъ «не въ незайманыхъ грудяхъ», а въ чемъ-то болѣе высокомъ, болѣе могущественномъ, переживающемъ и тлѣніе и самую смерть. Заключеніе наше можетъ, конечно, вызвать насмѣшливую улыбку у любого физіолога: «Слова, слова, возразилъ-бы онъ намъ, а вѣдь изнанку самыхъ высокихъ чувствъ любви составляютъ именно эти примитивныя влеченья». Весьма возможно, но поэзія не копается въ изнанкѣ нашихъ чувствъ! Если даже низвести любовь лишь до уровня страсти, то и въ такомъ случаѣ предметомъ истинной поэзіи будетъ не физіологія, а психологія страсти. Оставьте Кесарево кесарю, только Божье должно быть воздано Богу. Чѣмъ глубже, чѣмъ возвышеннѣе чувство любви поэта, тѣмъ прекраснѣе мечты и образы, рожденные имъ.

Приведемъ для примѣра стихотвореніе г. Гринченка. «Ничь на озери», (стр. 37), посвященное чувству пламенной любви. Русалка выплываетъ изъ воды, очаровываетъ козака и увлекаетъ съ собою на дно рѣки.

Русалка—любимый образъ поэзіи. Въ изображеніи русалки поэты вкладываютъ всегда, кромѣ физической красоты, еще что-то неуловимо-печальное, чарующее и навсегда покоряющее себѣ душу человѣка Вспомнимъ Лорелею Гейне, или Русалку Лермонтова, «которая пѣла надъ сонной рѣкой, полна непонятной тоской», или его-же русалку въ стихотвореніи:—«Въ морѣ царевичъ купаетъ коня». Вотъ какъ описываетъ свою русалку г. Гринченко.

Онъ очи зоріють, онъ косы чорніють,
Водою ихъ мые.

Блеснулы изъ хвыли и груды вже били,
Чудовои вроды,
Плыве глыбынямы и плеще рукамы
Въ сриблястыи воды.

Русалка увидѣла козака и манитъ его къ себѣ.

«Иды обниму я, иды прыгорну я
На груды, на били.
Иды! я кохаю, тебе я бажаю!
И кличе, й благае
Лягла надъ водою, и мае косою
И станъ выгынае!

Но образъ русалки, выворачивающейся надъ водою, помавающей косой и вопіющей: «тебе я бажаю, и прыгорну на груды на билы!» лишенъ малѣйшаго ореола поэзіи.

Но такъ или иначе, а пріемы русалки на козака воздѣйствовали:

«Винъ бачыть ти очи, ти груды дивочи,
Ту вроду чудову,
Очима винъ сяе и серцемъ палае,
До неи винъ лыне,
Одежу зрывае, у воду пирнае,
Плыве до дивчыны».

Козакъ, конечно, знаетъ, что за короткую минуту любви онъ заплатитъ жизнью, но, во всякомъ случаѣ, проявляетъ столько хладнокровія, что прежде, чѣмъ броситься въ воду,—раздѣвается. Если суждено погибнуть душѣ, зачѣмъ-же погибать одеждѣ?. Вполнѣ логично, только врядъ-ли кто-нибудь проявилъ-бы въ минуту такого безумнаго увлеченья,—столько благоразумія и бережливости.

Во всякомъ случаѣ, козакъ доплылъ. «Іи обнимае и прыгортае, сплелыся рукамы». Въ концѣ концовъ «Сриблястыи хвыли у глыбъ подалыся и обохъ ихъ покрылы». Въ этомъ стихотвореніи сказывается рельефнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, бѣдность фантазіи автора, холодность чувства и сухость его кисти. Къ этому же роду творчества относится и стихотвореніе «Купання». Мы останавливаемся на

этомъ произведеніи только потому, что оно послужило, очевидно, прототипомъ для фантазіи другого писателя г. Хоткевича Aria à passionata, на которую въ свое время обрушилась критика. Въ стихотвореніи г. Гринченка также описывается юная красавица, изнемогающая отъ непостижимаго томленья въ теплую лунную ночь. «Дивчыни душно у хати на лижку лежаты». Теплая лунная ночь дѣйствуетъ на ея нервы. «Думы и мріи роскишни усе навивае». Подъ вліяніемъ этихъ мрій дѣвица отправляется въ одной сорочкѣ въ садъ къ рѣкѣ. Дивчына г. Гринченка, правда, нѣсколько менѣе требовательна: принявши холодную ванну, она успокоилась и отправилась домой, только «спиваючы писню про вирне кохання»; но образъ пламенной красавицы, путешествующей по ночамъ въ садахъ въ одной сорочкѣ, и, приторно-сладостный тонъ въ описаніи всѣхъ красотъ подобной сильфиды очень ужъ рѣзко выступаетъ въ стих. г. Гринченка.

Дивчына стала край рички, тіи, роздяглася.
Тыхо вона тоди въ воду ступыла ногою,
Спытуе нижка, чи тепла вода, чи холодна?
Дали у воду війшовшы. вона одплюснулась...
Вдарыло сяйво срiблясте на неи видразу;
Вродою пышно чудове лыце осяйнуло,
Потимъ и груды высоки, та били дивочи,
Груды панянски, николы незаймани груды.
Та рученята ще били, мали рученята...
Зновъ биле тило чудово блыснуло пры сяйви,
Тильки-жъ изновъ на хвылыну одну, бо сорочка
Скоро ёго заховала, щобъ мисяць не бачывъ.
Винъ бо, цикавый, такъ любыть квиткы цилуваты:
Може (ой соромъ!) сказаты про все отимъ квиткамъ. (стр. 101).

Трудно идти далѣе этого сладостнаго «жеманничанья «обнаженной дѣвицы съ «Богови душею вынным» мѣсяцемъ.

Все сказанное нами выше о преобладаніи матеріальнаго взгляда на любовь въ поэзіи г. Гринченка, имѣетъ, конечно, характеръ общаго замѣчанія. Есть въ сборникѣ «Пысання» и нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, посвященныхъ чувству идеальной любви. Укажемъ, напримѣръ на стихотвореніе Сонъ (181).

Зновъ заболила стара,
Въ серци недужому рана:
Ночи сіеи мени
Снылася знову кохана.

Укажемъ еще на три стихотворенія озаглавленныя «Зъ мынулого» и др. Разбирáя лирическую, а отчасти и эпическую, поэзію Гринченка, мы старались уяснить себѣ, почему они, несмотря на свое содержаніе и на корректность внѣшней формы—не производятъ должнаго впечатлѣнія. И невольно при этомъ вспомнилась намъ старая французская сказка: Le patée suserain. Волшебникъ приготовлялъ королю дивный пирогъ. Когда король кушалъ его, онъ видѣлъ невидимое, слышалъ неслышимое. Одинъ изъ царедворцевъ захотѣлъ сдѣлать то же кушанье; онъ подсмотрѣлъ, какъ приготовлялъ его волшебникъ, и воспроизвелъ все до мельчайшихъ подробностей. Повидимому, его пирогъ ничѣмъ не отличался отъ пирога волшебника. Но король отвѣдалъ его и сейчасъ-же сказалъ: Oui c'est bou, mais il lui manque une petite herbe. А волшебная-то травка и обусловливала все чудное дѣйствіе пирога. Et pourtant, заключилъ король: c'est un plat sain, mais cen' ést pas le patée suserain.

IV.

Задавшись цѣлью уяснить себѣ причину недостатковъ лирики г. Грúнченка, мы естественно старались выдѣлить изъ нея все самое типичное, самое характерное. Но point de regles sans exeptions, говоритъ французская пословица; съ искреннимъ удовольствіемъ спѣшимъ замѣтить, что изреченіе это вполнѣ оправдывается и въ данномъ случаѣ. Въ разбираемомъ нами томѣ есть много прекрасныхъ исключеній. Приведемъ для примѣра небольшое, но полное глубокаго чувства сттихотвореніе (345 стр.).

У кого плачуть очи,
То тяжко жыть тому,
Але въ души зосталась
Надія ще ему.

—

А въ кого плаче серце
Кривавымы слизьмы

Тому вмира надія,
Якъ квитъ середъ зимы.

—

Тому и сонце гасне,
И все зныка въ ту мыть,
И тильки чуть, якъ серце
Болыть, болыть, болыть.

Особенно искренно звучатъ послѣднія строки, передающія состояніе человѣка, придавленнаго отчаяніемъ, когда, дѣйствительно, изъ глазъ его исчезаетъ и красота природы, и радость жизни, когда сердце разростается въ какой-то тяжелый свинцовый камень, заполняющій всю грудь, и камень этотъ болитъ и болитъ, и ничто въ жизни не въ силахъ унять эту боль. Стихотвореніе написано просто, безъ претензій на какія-либо глубокія идеи, а между тѣмъ оно откликается въ сердцѣ, потому что изъ сердца-же и вышло оно. Искреннее чувство породило силу, яркость и простоту, это лучшее украшеніе поэзіи. Такой же неподдѣльной искренностью звучитъ и хорошее стихотвореніе «Хлиборобъ»; отъ первой до послѣдней строки оно проникнуто спокойнымъ достоинствомъ, и этотъ строго выдержанный тонъ придаетъ ему какой-то эпическій величавый характеръ. Очень милы и граціозны стихотворенія «Зори», «Квитчани слёзы» «Небо». Но къ лучшимъ стихотвореніямъ сборника принадлежитъ безспорно небольш. стихотвореніе: «Проминнямъ усе золотыло». Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его цѣликомъ.

Проминнямъ усе золотыло,
Смiялося радисно сонце
И въ темную нашу хатыну
Глядило въ нызькее виконце.
Глядило, и радисть, и втиху
Несло воно наче зъ собою,
А мы не зважалы на ёго,
Зибравшыся вси надъ труною.
Смiялося сонце... Про щастя,
Жыття и надiю казало
И сяйвомъ воно въ домовыни,
Того, хто не жывъ, облывало.
И въ ёго булы ти надiи,

И винъ вирывъ сяйву ясному,
И смерть узяла ёго й бильше
Не верне ёго вже никому...
И въ насъ у души не надія,—
Зъ образы тамъ зло пиднималось:
Якъ сміе й теперъ оце сонце
Сміятысь, якъ перше сміялось! (стр. 266).

Образъ, который даетъ намъ авторъ, эта ужасная игра солнечныхъ лучей на мертвомъ лицѣ, искренность чувства, звучащая въ каждой строкѣ,—все вводитъ насъ въ то-же настроеніе, которое вырвало изъ груди автора полный негодованія крикъ: Якъ сміе й теперъ оце сонце сміятысь, якъ перше сміялось!“

Вообще, когда г. Гринченку удается сбросить съ себя суровую маску человѣка, слѣдующаго только голосу разсудка, и дать волю своему сердцу, хотя-бы и вопреки неотступному требованію долга, тогда и въ его поэзіи чувствуется огонь; она звучитъ властно и сильно. Какъ образецъ подобнаго творчества приведемъ стихотвореніе Людына (стр. 390).

Людына я и мушу червониты
Изъ сорома, що маю зватысь такъ!
Колы-бъ я мигъ зректысь имья страшного,
Тоди-бъ здолавъ мовчаты й не клясты,
Але клену! Клену людей вустамы
И розумомъ, и серцемъ, и усимъ,
Шо йе въ мени, жыве и розуміе,—
За пекло те, що зъ раю людъ зробывъ.
Клену за кровъ святу Джоржано Бруно,
За кайданы, що ихъ носывъ Спартакъ,
За вырвану зъ рукъ у поэта лиру,
За плачъ тяжкый у Рами материвъ,
И за тюрму де мучывся Пелино,
За огныще де вмерла Жанна д'Аркъ.
Клену за все, що чыстотою сяло
И що у брудъ змоглы вы затоптать!
За все ясне, що въ темряви втопылы,
За всю красу, що смиттемъ занеслы,
За вильне все, що скованнымъ зробылы,

За высоту, що геть знихнулы вныз.
За розумы, що вы скорылы дурнямъ,
За всю любовъ, що вбыла люта злисть:
Клену я васъ! Клену, жадаю, прагну,
Хай полумъемъ проклинъ мій сполохне.
Обниме все и въ мори вогняному
Хай зныкне все, колы не вміе жыть!

Мы уже говорили раньше, что чистый эпосъ удается г. Гринченку гораздо лучше лирики, особенно та часть его, въ которой авторъ касается жизни деревни. Можно съ увѣренностью сказать, что въ этомъ жанрѣ у г. Гринченка найдется мало достойныхъ соперниковъ. Видимое близкое знакомство съ описываемымъ бытомъ, съ картинами деревенской жизни порождаетъ необычайную яркость и силу разсказа. Безусловно хорошъ драматическій разсказъ «Дочка» (136). На сколько драм. поэмы Беатриче Ченче и Матильда Аграманте поражаютъ трафаретностью своего письма, на столько этотъ драматическій разсказъ дышетъ искренностью и правдивостью. Вся «обыкновенная исторія» хорошенькой крестьянской дѣвушки, поступившей въ услуженіе панамъ, передана словами несчастной матери съ глубокимъ чувствомъ. Языкъ типиченъ. Образы одинской матери и загубленной дѣвушки стоятъ, какъ живые, предъ глазами. Особенно прелестны стихотворенія, въ которыхъ авторъ рисуетъ намъ картинки изъ жизни крестьянскихъ дѣтей; онѣ проникнуты неподдѣльной любовью. Авторъ ни словомъ не упоминаетъ о своихъ чувствахъ, но въ стихотвореніяхъ этихъ невидимо чуется ласка и теплота, съ которой поэтъ относится къ дѣтямъ деревни. Все въ этихъ произведеніяхъ ярко, выпукло, природа живетъ, какъ живутъ и маленькіе люди. Въ этихъ стихотвореніяхъ г. Гринченко достигаетъ художественной красоты.

Какъ ярко, напр., обрисована картина знойнаго лѣтняго дня и веселья бѣдныхъ, неизбалованныхъ дѣтей, хотя-бы въ этихъ строкахъ:

Зморыла всихъ духота нестерпуча,
Не подыха витрець на поле й лисъ,
Лягла рика, и мертва, и блескуча,
Прывъялый лыстъ на дереви повысъ.
Не чуть пташокъ: ихъ потомыла спека

Якъ жевріе повитря осяйне!
А дальня небесная далека,
Пашыть якъ пичъ, бо сонце тамъ страшне
Жахтыть огнемъ, огняни сыпле стрилы
И хылытся все на земли безъ сылы.

—

Вразъ чуты крыкъ: Бижать хлопьята, диты...
То пастушкы... Имъ спека—пивъ-биды!
До берега, де вербы довги виты
Схылылы вныэъ до соннои воды,
И дывлютця на нерухому зъ кручи,
На схылени надъ нею береги,
Туды бижать хлопьята невгавучи!
И смихъ, и гукъ, и галасъ навкругы!
Замаялы, мовъ крыльмы, сорочкамы...
Плыгай, а ну! И въ воду головамы!

—

Жахнувшыся объ беригъ хвыли бьютця,
Розбуркани злякавшыся зо сну,
Кругъ тилъ гнучкыхъ, збиливши, скачуть, вьются.
И плескъ и крыкъ! Далеко чуть луну.
Хто плава, хто въ глыбъ пырнаты взявся,
Хто брызкатця середъ кыпучыхъ хвыль,
Онъ за рогизъ Андрійко зазмагався
Съ кугы плете соби Васюта брыль,
Зъ Демкомъ Павло вже печерують ракы,—
Летять зъ воды клешнати небораки (стр. 316).

Очень не дурна легенда, написанная въ романтическомъ стилѣ, «Пекельный Трибуналъ».

Но совершенно отдѣльно отъ всѣхъ произведеній г. Гринченка стоитъ стихотвореніе Профессоръ Пшикъ. Это произведеніе должно изображать, повидимому, сатиру. Дѣйствующимъ лицемъ ея является профессоръ оріенталистъ Но такъ какъ сатира эта не удаласъ автору, то мы считаемъ за лучшее вовсе не касаться ея.

Кромѣ оригинальныхъ стихотвореній, въ книгѣ г. Гринченка находимъ мы еще много переводовъ изъ Гейне, Плещеева и др. поэтовъ. Переводы г. Гринченка въ большинствѣ случаевъ весьма удачны.

Имѣя передъ собой готовый образъ, готовое настроенiе, Гринченко весьма удачно передаетъ его въ формѣ родного языка.

Да не послужатъ наши строки къ умаленiю достоинствъ заслуженнаго украинскаго писателя: поэзiя, по его собственному признанiю, составляетъ только случайное явленiе въ его дѣятельности,—дѣятельности, добавимъ отъ себя, многосторонней и плодотворной, происходящей у всѣхъ передъ глазами и заслужившей уже должную оцѣнку.

Л. Старицкая-Черняховская.

Морозенко. Оповидання Панаса Мырного. Кыивъ, 1904. Выдавныцтво „Викъ"; № 40. *Цина 8 коп.*

Настоящiй разсказъ [1]) принадлежитъ перу извѣстнаго украинскаго беллетриста. Въ своихъ лучшихъ произведенiяхъ Мырный выступаетъ изобразителемъ деревенской нужды и безъисходнаго горя, а по свойствамъ таланта онъ направляетъ изслѣдованiе не на внѣшнiя условiя, создающiя обстановку жизни въ деревнѣ, а на психологическiй анализъ людей, мыкающихъ горе въ этой обстановкѣ. При этомъ нашъ авторъ проявляетъ такую силу въ проникновенiи и пониманiи души, такую гуманность въ отношенiи къ людямъ, что ему слѣдуетъ отвести особое и весьма почетное мѣсто въ украинской литературѣ.

Въ «Морозенкѣ» передъ нами крестьянская семья—мать съ сыномъ мальчикомъ. Убожество у нихъ дошло до того, что даже подъ Новый годъ, такой торжественный праздникъ, нечего ѣсть и нечѣмъ затопить, чтобы согрѣть хату. Тѣмъ рельефнѣе выступаетъ въ такой обстановкѣ, озвѣряющей душу и искажающей лучшiя человѣческiя чувства, трогательная, взаимная любовь сына и матери: желая порадовать мать, маленькiй сынъ рѣшаетъ идти ночью, въ морозъ и вьюгу, въ сосѣднее село поздравить крестнаго отца съ праздникомъ и принести домой подарки и денегъ: въ ночной темнотѣ мальчикъ заблудился и замерзъ въ лѣсу.

Картина, представляющая грезы замерзающаго, самое лучшее мѣсто въ разсказѣ. Въ этихъ грезахъ впечатлѣнiя дѣйствительности

[1]) Въ первый разъ былъ напечатанъ въ „Кiев. Стар." 1898 года, № 3.

переплетаются съ самыми причудливыми фантазіями, содержаніемъ которыхъ служитъ народное представленіе о Морозенкѣ, чудовищномъ существѣ, посылающемъ на землю вьюгу и холодъ

Въ заключеніе характеристики необходимо упомянуть, что въ своемъ разсказѣ Мырный съ большимъ искусствомъ пользуется изображеніемъ деталей убогой деревенской обстановки, чтобы сдѣлать свои картины характерными и живыми, производящими огромное впечатлѣніе на читателя.

В. К.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 7—10; 2) Русская Старина, № 7—10; 3) Историч. Вѣст., № 7—10; 4) Всемірный Вѣстникъ, № 6—9; 5) Вѣстникъ Европы, № 7—10; 6) Русская Мысль, № 7—10; 7) Міръ Божій; № 7—10; 8) Русскій Вѣстн., № 7—10; 9) Запис. Наук. Тов. ім. Шевченка Т. 60 й; 10) Chronik der Ukrainischen Šewčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, H. VI, № 16; 11) Литературно-науковый Вистныкъ, № 1—5; 12) Извѣстія Отдѣл. Рус. яз. и Словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. IX, кн. 2; 13) Archiv für Slavische Philologie, B. 26, H. 3—4; 14) Образованіе, № 6—9; 15) Литературный Вѣстн., Т. 7-й, кн. 1—3; 16) Revue de linguistique et de philologie comparée, t. 39, 17) Научно-литературный сборникъ, Т. 3-й, кн. 1; 18) Варшав. Университ. Изв., № 4 и 5; 19) Извѣстія Акад. Наукъ, № 1, 20) Этнограф. Обозрѣн., № 2; 21) Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, H. 3); 22) Zeitschrift für Ethnologie, H. 3 и 4; 23) Revue archéologique, t. 4; 24) Записки Имп. Новорос. Универс. т. 96.

Русскій Архивъ, № 7—10.

Императоръ Александръ второй въ Кіевѣ въ 1857 г. А. Г. (№ 10, стр. 298—302). Эта маленькая замѣтка представляетъ воспоминанія студента кіевскаго университета объ извѣстномъ случаѣ столкновенія въ 1857 году одного изъ студентовъ университета съ полковникомъ Бринкеномъ, столкновенія, окончившагося массовымъ отмщеніемъ студентовъ, избившихъ Бринкена въ театрѣ. Воспоминанія А. Г. кратко передавая эту исторію и не называя фамиліи Бринкена, касаются, главнымъ образомъ, того

факта, какъ имп. Александръ 2-й, прибывшій осенью 1857 года въ Кіевъ, помиловалъ студентовъ, присужденныхъ за этотъ инцидентъ особой слѣдственной коммиссіей къ тяжелымъ наказаніямъ.

Русская Старина, № 7—10.

Замѣтка Николая Дмитріевича Быкова о Т. Г. Шевченкѣ (№ 7, стр. 60). Сообщается о томъ, что извѣстный портретъ Жуковскаго, написанный Брюловымъ, съ цѣлью выкупить Шевченка изъ крѣпостной зависимости, сталъ собственностью Императрицы, а копія съ него, написанная Н. Д. Быковымъ, но тоже съ подписью Брюлова, поступила въ галлерею Третьякова въ Москвѣ.

И. Ф. Павловскій. О Шведской могилѣ и капиталѣ Судіенка (№ 7, стр. 229—239). Разсказана исторія заботъ о Шведской могилѣ подъ Полтавой въ началѣ 19-го вѣка, и какую роль сыгралъ въ этомъ дѣлѣ капиталъ, пожертвованный І. С. Судіенкомъ.

Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго. Сообщ. И. Бычковъ (№ 8). Здѣсь встрѣчаемъ письмо М. В. Юзефовича съ просьбой поддержать талантливаго юношу П. А. Кулиша, выпустившаго тогда, въ 1843 г., въ свѣтъ свой романъ Михайло Чарнышенко, кстати сказать, средства на изданіе котораго даны были Кулишу Юзефовичемъ (стр. 418—419). Здѣсь же и письмо Н. И. Костомарова (въ 1856 г.) съ просьбой предоставить ему должность библіотекаря въ Румянцевскомъ музеѣ (стр. 424—425).

Изъ бумагъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго (№ 9, стр. 643—667). Здѣсь напечатаны письма разныхъ лицъ къ Д. Н. Бантышъ-Каменскому, при чемъ въ нѣкоторыхъ письмахъ идетъ рѣчь объ изданной имъ «Исторіи Малороссіи», а также и о разныхъ справкахъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Кіева, напр.: кн. А. Голицына, митрополита кіевскаго Евгенія, Берлинскаго.

Изъ архива А. В. Никитенко. (№ 9, стр. 668—687). Напечатаны письма къ Никитенку разныхъ лицъ, гдѣ, между прочимъ, въ письмѣ Г. П. Данилевскаго говорится о его статьяхъ и книгѣ «Украинская Старина».

Къ біографіи В. Н. Каразина. (№ 9, стр. 701—107). Напечатана здѣсь, между прочимъ, замѣтка Н. А. Мурзанова по поводу дѣла о неутвержденіи В. Н. Караина предсѣдателемъ харьковской уголовной палаты, гдѣ приведена его записка о степени его участія въ дѣлѣ открытія Харьковскаго университета.

Историч. Вѣст., № 7 и 8.

Въ отдѣлѣ *критики и библіографіи* напечатаны отзывы о книгахъ: *1) Н. П. Василенко. О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи"* (№ 7, стр. 273—275); 2) *И. А. Линниченко. Грамоты Галицкаго князя Льва и значеніе подложныхъ документовъ, какъ историческихъ источниковъ* (№ 8, стр. 654—655).

Вѣстникъ Европы, № 7—10.

Ѳ. Воропоновъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ. (№ 7 и 8, стр. 5—42 и 337—466). Авторъ продолжаетъ свои личныя воспоминанія о московской публицистикѣ въ статьѣ «Сорокъ лѣтъ тому назадъ». Здѣсь онъ вспоминаетъ отношенія, съ одной стороны, Каткова, съ другой—И. С. Аксакова въ 1862 году къ вопросу о малорусской литературѣ. По его словамъ «къ современнымъ заботамъ малороссовъ о развитіи своего языка отношеніе московскихъ литературныхъ круговъ еще не вполнѣ опредѣлилось. Только Катковъ успѣлъ уже высказаться непріязненно, а Аксаковъ еще собирался обстоятельно разобраться въ этомъ дѣлѣ по существу или самъ, или черезъ своего сотрудника Гилярова-Платонова, такъ что я помню лишь его словесные отзывы. Онъ вообще находилъ малорусскія стремленія ложными, полагая, что слѣдуетъ, напротивъ, стараться о наибольшемъ объединеніи двухъ русскихъ племенъ, которыя, при нѣкоторыхъ своихъ различіяхъ, хорошо дополняютъ другъ друга. Къ малорусскому же народу онъ относился вполнѣ сочувственно. Сопоставляя малорусскій лиризмъ и индивидуализмъ съ великорусскимъ духомъ общиннаго единства, сказавшимся въ исторіи глубокимъ политическимъ инстинктомъ и твердостію въ отстаиваніи своей духовной самостоятельности, проявленнаго хотя бы въ расколѣ,—Аксаковъ опредѣлялъ различіе этихъ племенъ такъ: великорусскій народъ духовнѣе, а малорусскій—душевнѣе.

Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ г. Воропоновъ разсказываетъ, что у Каткова на 1-мъ вечерѣ осенью присутствовали малороссъ профессоръ Юркевичъ (П. Д.) и пріѣзжій изъ харьковской губерніи писатель Г. П. Данилевскій; благодаря тому, рѣчь зашла о Малороссіи, и тутъ Катковъ особенно обрушился на такъ назы-

ваемое теперь украинофильство (тогда оно еще не носило этого названія). Хотя послѣднее выражалось собственно въ заботахъ о свободѣ и развитіи малорусскаго языка, но Катковъ не только горячо обвинялъ тогдашнихъ сторонниковъ малорусской литературы въ свободомысліи, ложности понятій и безплодности затѣй, но бросалъ по ихъ адресу и политическіе укоры болѣе широкаго значенія, намекая на умѣстность внѣшнихъ обузданій. Слушатели относились къ этимъ рѣчамъ неодинаково. Юркевичъ, хотя выставлялъ нѣкоторыя преимущества родныхъ ему малороссійскихъ нравовъ, особенно семейныхъ, предъ великорусскими, но, при своемъ оффиціально благонамѣренномъ образѣ мыслей слегка поддерживалъ своими репликами Катковскія политическія соображенія, а Данилевскій поддакивалъ, въ свою очередь, такъ какъ онъ вообще умѣлъ приспособляться къ различнымъ сферамъ, одновременно сходясь съ редакціею малороссійской «Основы» и примыкая къ Каткову, а также припоравливаясь и къ проникнутому московскимъ историческимъ духомъ Аксаковскому обществу, гдѣ я его тоже встрѣчалъ. Остальные же Катковскіе гости больше прималчивали...

Какъ извѣстно, въ послѣдующіе годы Катковъ пошелъ много дальше въ своей враждѣ къ украинской литературѣ, да и Аксаковъ, послѣ полемики съ Н. И. Костомаровымъ, относился къ нашей литературѣ съ полной нетерпимостью (№ 7-й).

Въ другомъ мѣстѣ, передавая факты, касавшіеся польскаго возстанія 1863 года, авторъ характеризуетъ острое отношеніе къ польскому вопросу Московскихъ Вѣдомостей. Этотъ органъ тогда же обрушился на «украинофильство», какъ на одну изъ крупнѣйшихъ интригъ. Договорились «Москов. Вѣдом.» до того, что малорусскій языкъ объявленъ былъ ими никогда небывалымъ, выдуманнымъ языкомъ, а украинофилы—покорнымъ орудіемъ поляковъ и органомъ такой враждебной и темной интриги, что затраты на малорусскія изданія (сборъ средствъ на нихъ объявленъ былъ Костомаровымъ) гораздо хуже пожертвованій въ пользу польскаго мятежа. А между тѣмъ редакція «Московск. Вѣдом.» всего за годъ передъ этимъ напечатала у себя объясненіе группы кіевскихъ украинофиловъ, но теперь она заявила, кто кается въ своемъ грѣхѣ и постарается загладить его въ будущемъ (№ 8).

М. Русовъ. По Галичинѣ. Записки туриста. (№ 7 и 8; стр. 251—273; 602—622). Авторъ, описывая свое путешествіе по Галичинѣ, останавливается на описаніяхъ мѣстностей, жителей и ихъ нравовъ. Характеризуетъ онъ мелькомъ страны *бойковъ* и останавливается обстоятельно на *гуцулахъ*.

П. А. Тулубъ. Изъ Т. Г. Шевченка. (№ 8, стр. 677—679). Переводъ на русскій языкъ трехъ стихотвореній изъ Кобзаря: «Зацвила въ долыни червона калына»; «Не такъ тіи ворогы, якъ добріи люде; «Добро, у кого йе господа».

В. Шенрокъ. Спорные вопросы въ біографіи Гоголя. (№ 9 и 10: стр. 143—170; 563—711). Указавъ въ началѣ статьи на то, что раннее окончаніе жизненнаго поприща великими людьми всегда оставляетъ просторъ для всякихъ гипотезъ въ объясненіи разнообразныхъ фактовъ въ жизни этихъ людей, авторъ обращается къ разсмотрѣнію тѣхъ догадокъ и выводовъ, которые сдѣланы были о творчествѣ Гоголя въ послѣднихъ изслѣдованіяхъ. Опровергая многія изъ этихъ догадокъ, В. Шенрокъ между прочимъ останавливается на разсмотрѣніи вопроса о томъ, много-ли унаслѣдовалъ Гоголь національныхъ чертъ предковщины (№ 9). Особенно много удѣлено мѣста въ статьѣ разсмотрѣнію вопросовъ, затронутыхъ въ статьѣ г. Каманина «Научныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи» [1]). В. Шенрокъ очень обстоятельно опровергаетъ догадки г. Каманина, будто у Гоголя были написаны многія части предположенной имъ исторіи Малороссіи (№ 10).

Русская Мысль, № 7—10.

С. Русова. Гражданскіе мотивы въ малорусской современной поэзіи (№ 8, стр. 83—93). Указавъ на то, что въ малорусской литературѣ послѣ Шевченка наступилъ какъ бы моментъ сна, авторъ отмѣчаетъ фактъ пробужденія гражданскихъ мотивовъ у поэтовъ послѣдняго времени, для которыхъ «поэзія явилась не только выраженіемъ ихъ поэтическаго вдохновенія, не однимъ художественнымъ изображеніемъ реальной дѣйствительности и фантастическихъ грезъ поэта,—нѣтъ, въ ихъ рукахъ

---

[1]) Чтен. въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. XVI.

перо часто превращалось въ молотъ каменотеса, пробивающій стѣну невѣжества». Среди такихъ поэтовъ выдвигается Б. Гринченко, поэзія котораго можетъ быть названа «поэзіей земледѣльческой жизни; вообще идея труда, «работы честной и святой» является основой жизни въ устахъ малорусскихъ поэтовъ. Охарактеризовавъ такъ поэзію г. Гринченка, авторъ переходитъ затѣмъ къ поэзіи П. Грабовскаго, у котораго тѣ же гражданскіе мотивы, что и у Гринченка, но облекаются они въ форму горячаго, непосредственнаго чувства, нося на себѣ слѣды настоящаго поэтическаго вдохновенія.

Въ отдѣлѣ «Внутреннее обозрѣніе» напечатана маленькая замѣтка по поводу столѣтія со дня рожденія М. А. Максимовича (№ 10, стр. 264).

Въ *библіографическомъ отдѣлѣ* помѣщены отзывы о слѣдующихъ книгахъ, касающихся Украины: 1) Т. Шевченко. Переводы «Кобзаря» *С. П. Дремцова*, вып. 2-ой (№ 8, стр. 237); 2) На вичну памьять И. Котляревського. Малорусскій сборникъ (№ 9, стр. 273); 3) *Н. Василенко*. О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи (№ 10, стр. 342).

Русскій Вѣстникъ, **№ 7—10**.

Алексій, епископъ Сумской. Шелопутская община. (№ 10, стр. 705—739). Въ этой книжкѣ помѣщена только первая часть статьи, имѣющей цѣлью, по словамъ автора, дать отчетливое и правильное понятіе о шелопутахъ и восполнить существующій пробѣлъ въ духовной литературѣ по вопросу объ этой оригинальной сектѣ. Статья составлена на основаніи данныхъ, добытыхъ путемъ личныхъ наблюденій надъ жизнью представителей этой секты. Все это обѣщано авторомъ во введеніи, но далеко не то впечатлѣніе получается послѣ прочтенія статьи: въ ней кратко разсказана исторія секты; исторія общины, условія поступленія въ нее и обрядъ пріема; сущность ученія; пророческая и апостольская литургія; батюшки, пресвитеры и старшіе братья. Главною же особенностью въ статьѣ является отсутствіе философскаго анализа самого факта и нѣсколько субъективное отношеніе къ нему.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LX.

Др. І. Франко. Съвятий Климент у Корсуні. Причинки до історії староруської легенди. Х. Віднайдене мощей съв. Климента (стр. 209—256). Въ данной книжкѣ помѣщена послѣдняя глава обстоятельнаго изслѣдованія д-ра І. Франка о древне-русскомъ сказаніи о св. Климентѣ. Настоящая глава посвящена детальному разсмотрѣнію той части сказанія, которая говоритъ объ открытіи мощей св. Климента.

В. Доманицкий. Козаччина на переломі XVI і XVII в. (1591—1603) (стр. 1—32). Въ настоящей книжкѣ помѣщено только начало изслѣдованія В. Доманицького. Авторъ указываетъ, что козачество не представляло первоначально особаго сословія и сливалось съ прочей массой населенія Украины. Обособленіе козачества отъ остальныхъ сословій начинается въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, при чемъ этому немало способствовало и само польское правительство, давая козакамъ организацію. Изложивъ тѣ причины, которыя вызывали стремленіе польскаго правительства подчинить себѣ козачество, авторъ останавливается на стоящихъ въ связи съ этимъ движеніяхъ козаковъ подъ начальствомъ Я. Бутовича, К. Косинського. Послѣднему движенію посвящена вся II-я глава настоящаго изслѣдованія. Наконецъ, III-я глава говоритъ объ извѣстныхъ сношеніяхъ запорожцевъ съ австрійскимъ императоромъ Рудольфомъ II.

В. Герасимчук. Виговський і Юрій Хмельницький (стр. 41—70). Въ настоящей книжкѣ помѣщено окончаніе (IV—VI главы) изслѣдованія В. Герасимчука. Авторъ указываетъ на то недовольство, которое возникло среди украинскаго козачества послѣ Переяславской рады, такъ какъ Московское правительство во многомъ отступило отъ ея постановленій. Обманутое въ своихъ ожиданіяхъ козачество сильно негодовало на гетмана и искало выхода изъ непріятнаго для него положенія вещей на Украинѣ. Среди возникшей благодаря этому оппозиціи Москвѣ видное мѣсто занималъ, конечно, Виговський, такъ какъ онъ «був сьвідомим українським автономістомъ». Дѣйствіямъ Виговського въ этомъ направленіи и посвящена IV глава, а также отчасти и V глава, въ которой авторъ говоритъ о миссіи Беньовского. Старанія Беньовского устроить соглашеніе между козаками и Польшей не привели къ желанному результату, потому

что польское правительство сразу заняло ложное положеніе въ этомъ дѣлѣ, трактуя козаковъ не какъ равныхъ себѣ, а какъ бунтовщиковъ. Разсматривая движеніе, происходившее въ это время среди украинскаго козачества, авторъ останавливается также на тѣхъ мѣрахъ, которыя принимало московское правительство, чтобы удержать за собой Украину. Обозрѣніемъ зимней кампаніи 1660 года и заканчиваетъ свое изслѣдованіе В. Герасимчукъ, обѣщая дать новыя работы по исторіи козачества.

Въ отдѣлѣ «*Miscellanea*» помѣщена слѣдующая статья:

Ю. Романчук. Недруковані твори Артемовського-Гулака (стр. 1—14). Авторъ издаетъ сборникъ произведеній лучшихъ украинскихъ писателей, при чемъ въ I томѣ рѣшилъ помѣстить творенія Котляревскаго, Артемовського-Гулака и Гребінки. Приступая къ этому изданію, онъ обратился въ разныя города Южной Россіи съ просьбой прислать ему имѣющіяся у различныхъ лицъ рукописи названныхъ писателей. Въ отвѣтъ на эту просьбу онъ получилъ изъ Кіева отъ П. И. Житецького 34 произведенія Артемовського-Гулака, и среди нихъ оказалось 10 твореній, или совсѣмъ неизданныхъ, или напечатанныхъ въ небольшихъ отрывкахъ. Да и тѣ произведенія, которыя были напечатаны раньше, въ сборникѣ П. И. Житецького представляютъ цѣлый рядъ варіантовъ. До сихъ поръ еще не были въ печати или напечатаны лишь отчасти слѣдующія произведенія этого сборника: 1) Справжня Добрість (215 виршів. з них вже подав Петров 28); 2) Дві пташки (12 виршів, з них подав Петров 5); 3) Нагайка; 4) До Юхима; 5) Псалма 91; 6) Псалма 140; 7) Мому сынови; 8) Пісня; 9) Сливіцькому; 10) До Варки. Ю. Романчук выбралъ 4 лучшія произведенія для своего сборника, а шесть болѣе слабыхъ помѣстилъ въ настоящей книжкѣ. Перепечатываемъ одно изъ нихъ здѣсь:

До Юхима.

Що там папи народ мутять?
Бач, на чужеє щедрі!
Гроші хапнуть, чимсь покрутять,—
Тай кричять: алегрі!..
Може й в тебе там, Юхиме,
Яка гривня мулить?
Чи сим тебе не підніме,
Не дуже зюкулить?

Воно гривня—не що гроші
От як подивить ся,
Та все-ж гроші, ще й хороші:
Е чим похвалиться!

1895 р. 22 января. Харьків.

Свою статью Ю. Романчук заключаетъ небольшой замѣткой о поэтической дѣятельности Артемовського-Гулака, въ которой приводитъ между прочимъ хронологическій списокъ его твореній. Въ заключеніе онъ останавливается на тѣхъ произведеніяхъ, которыя, по его мнѣнію, совершенно напрасно относятся къ твореніямъ Артемовського-Гулака.

Въ отдѣлѣ «*Наукова хроніка*» (стр. 1—25) З. Кузеля даетъ обзоръ западно-европейской этнографической литературы за послѣдніе годы. Въ настоящей книжкѣ помѣщено начало этого обзора.

Въ отдѣлѣ «*Бібліографія*» (стр. 1—42) помѣщены рецензіи на слѣдующія книги: 1) *В. А. Городковъ.* Русская доисторическая керамика (Труды XI археолог. съѣзда, т. I); 2) *В. Хвойко.* Раскопки 1901 года въ области трипольской культуры. Спб. 1904; 3) *L. Leger.* La Mythologie Slave. Leroux. 1901; 4) *S. Rożniecki.* Perun und Thor (Archiv für Slav. Philologie, B. 23, (стр. 462—520); 5) *К. Ѳ. Тіандеръ* Рецензія на эту статью (Изв. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. VII, кн. 3, стр. 384—396); 6) *І. Ивановъ.* Культъ Перуна у Южныхъ Славянъ (тамъ-же, т. VIII, кн. IV, стр, 140—174); 7) *W. Nehring.* Der Name Bêlbog in der Slavische Mythologie (Archiv für Sl. Phil. B. 25, стр. 66—73); 8) *А. Куникъ.* Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ. Ч. II. Спб. 1903; 9) *F. Westberg.* Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa, I—II (Извѣстія Имп. Ак: Н., серія V, т. XI. 1899 г.); 10) *Ф. Вестбергъ.* Комментарій на записку Ибрагима ибн-Якуба о Славянахъ. Спб. 1903; 11) *F. Westberg.* Fragmente des Toparcha Goticus. Спб. 1901 (Mémoires de l'Academie des sciences de St.-Peter, т. V, № 2); 12) *А. И. Соболевскій.* Изъ области древней церковно-славянской проповѣди, I—II (Изв. Отд. р. яз и слов. Имп. Ак. Н., т. VIII, кн. 4, стр. 59—71); 13) *А. И. Соболевскій.* Нѣсколько мыслей объ древней русской литературѣ (ibid, кн. 2, стр. 138—158);

14) *П. Н. Милюковъ.* Древнѣйшая Разрядная книга оффиціальной редакціи по 1565 г. (Чтенія въ Имп. Моск Об. Ист. и Др. Рос., кн. 200); 15) *П. Жуковичъ.* Московская смута начала XVII в. и ея отраженіе въ Литовско-Польскомъ государствѣ (Христ. Чтеніе, 1902 г., кн. XI, стр. 629—664 и XII, стр. 820—845); 16) *W. Loziński.* Proces o pannę (Rocznik Krakowski, т. V, 1902 г., стр. 47—59); 17) *В, Перетцъ.* Къ характеристикѣ общественныхъ отношеній въ Малороссіи XVII в. (Изв. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. VIII, кн. 2, стр. 159—168); 18) *B. Dembiński*. Zródła do dziejów drugiego i trzeciego rozbioru Polski. S. I. У Львові. 1902; 19) *I. v. Grzegorzewski*. Ein türk-tatarischer Dialekt in Galizien (Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften, philos. hist Classe, B. CXLVI, стр. 1—80): 20) *О. Пчилка.* Украинскія колядки (Кіев. Ст., 1903 г., кн. I, стр. 152—175, IV, стр. 124—160, V, стр. 192—230 и VI. стр. 347—394); 21) *R. F. Kaindl.* Höhencultus in den Karpathen (Die Sonntagszeit, Beilage zu nr. 56); 22) *K E Franzos* und die ethnographische Forschung (Die Zeit, 1904 г. XXXVIII, nr. 487); 23) *Dr. H. Schurtz.* Völkerkunde. Липські-Відень. 1903; 24) *Dr. R. F. Kaindl.* Die Volkskunde, ihre Bedentund, ihre Ziele und ihre Methode (Die Erdkunde u s. w., Teil XVII). Липські-Відень. 1903; 25) Труды Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ, т. I—II.

Въ концѣ тома приложенъ списокъ рецензированныхъ въ немъ книгъ.

—

Chronik der Ukrainischen Sevcenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, H IV. № 16.

Кромѣ протоколовъ засѣданій Правленія и секцій Общества, въ настоящей книжкѣ помѣщены слѣдующіе болѣе подробные отчеты:

Bericht über die anthropometrischen Exkursionen des Herrn Theodor Vovk (стр. 16—18). Экспедиція Ѳ. Вовка имѣла главной цѣлью антропометрическое изученіе гуцульскаго населенія Карпатъ и собрала значительный матеріалъ, который обрабатывается

теперь и затѣмъ будетъ изданъ. При случаѣ были собраны также кое-какіе этнографическіе матеріалы.

Der Anteil der Geselschaft an den Jubiläen (стр. 21—22). Въ настоящемъ отчетѣ помѣщены тексты тѣхъ адресовъ и поздравленій, которыя посылало Общество по различнымъ поводамъ. Напечатаны здѣсь слѣдующія поздравленія и адресы: 1) адресъ Общества по случаю открытія памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ: 2) адресъ редакціи Літературно-Наукового Вістника по тому-же поводу; 3) адресъ Н. В. Лисенку въ день его юбилея; 4) поздравленіе проф. М. С. Дринову въ день его юбилея.

Въ концѣ книжки помѣщенъ списокъ новыхъ изданій Общества.

Літературно-Науковій Вістникъ, 1904 г., кн. I—V.

Книжкы I.

М. Грушевський. 250 літ (стр. 1—6). Настоящая статья написана авторомъ для «Ruthenische Revue». По мнѣнію автора, Богданъ Хмельницький не подозрѣвалъ, «що ті відносини, які завязував він присягою 8 січня ст. ст. 1655 р., потрівають так довго». Для него это была только дипломатическая комбинація. Въ началѣ его конфликта съ Польшей помощь Крымской Орды обезпечила ему успѣхъ, и война, начатая въ интересахъ козаковъ, превратилась въ борьбу за права цѣлаго народа, за независимость Украины. Идти на компромиссы съ польскимъ правительствомъ онъ не хотѣлъ. Но Татары были плохими союзниками, и Хмельницкій ищетъ новыхъ точекъ опоры для дальнѣйшей борьбы съ Польшею. Съ этою цѣлью онъ ведетъ переговоры съ Турціей, Москвой, Валахіей, Семиградіей, Швеціей. «Як оборотний дипльомат, вихований у найвищій школі дипльоматиі оріентальний, він не робив скрупулів в обіцянках і формах, якими позискуе собі союзників... А коли показало ся, що московський цар представляє собі союз із Украіною против Польщі не инакше, як у формі підданства під власть Москви, він не робыть трудностий у признанню над Украіною московськоі зверхности». Москва пылала местью къ Польшѣ за неудачи предшествующаго царствованія, но тѣмъ не менѣе сначала не хотѣла вмѣшиваться въ войну Хмельницькаго съ Польшей. Однако катастрофа при Берестечкѣ

сильно встревожила московское правительство, такъ какъ еще такое пораженіе, и козаки должны будутъ подчиниться вполнѣ Польшѣ, которая носилась съ планомъ напустить козаковъ и Крымскую Орду на Москву. Это заставило московское правительство подумать о сближеніи съ Украиной. Результатомъ этого явились событія 1654 года. Но присягая на подданство Москвѣ, Хмельницкій не думалъ, что завязанныя имъ отношенія продлятся такъ долго. Уже Хмельницький убѣдился въ томъ, что Москва и не думала предоставлять Украинѣ автономію и стремилась превратить ее въ одну изъ областей Московскаго государства. Онъ рѣшилъ порвать свои связи и ищетъ для этого союза со Швеціей и Семиградіей, но смерть не даетъ ему окончить начатое дѣло. Его преемники, Виговский, Дорошенко, Мазепа, стремятся къ тому-же, но раздоры между козаками и остальнымъ населеніемъ ослабляютъ силы народа, помогая московскому правительству подчинить себѣ больше Украину. Еще разъ украинскіе патріоты пытались добиться автономіи для своей родины: въ 1791 г. кіевскій шляхетскій маршалъ Капнистъ въ тайной аудіенціи просилъ у министра Герцберга помощи Пруссіи. Но и на этотъ разъ дѣло окончилось неудачей. Тогда населенію пришлось пойти «дорогою, яку ім вижичило российське правительство». Но, потерпѣвъ неудачу въ своихъ политическихъ стремленіяхъ, украинскіе патріоты, начиная съ Кирилло-Меѳодіевскаго братства, обратили большее вниманіе на культурную работу, на просвѣщеніе и поддержку народныхъ массъ.

Др. В. Коцовський. Нові погляди на діяльність съв. Кирила і Методия (стр 7—31 и кн. II, стр. 85—106). Настоящая статья написана по поводу замѣтки проф. А. Брюкнера въ приложеніи къ № 29 «Allgemeine Zeitung» за 1903 годъ. Авторъ отстаиваетъ дѣятельность и значеніе св. братьевъ отъ глумленій, которыми наполнена замѣтка проф. Брюкнера, старающагося свести къ нулю все извѣстное наукѣ о славянскихъ первоучителяхъ. При случаѣ онъ касается и кирилловской письменности въ древней Руси. Статья будетъ окончена въ слѣдующихъ книжкахъ.

Й. Бодуен де Куртенé. Плятонічний панславізм (стр. 32—46). Настоящая статья представляетъ переводъ съ польскаго брошюры, напечатанной проф. Бодуенъ де Куртене въ Краковѣ по случаю предполагавшагося раньше съѣзда славистовъ въ Петербургѣ. Пе-

реводъ сдѣланъ В. Гнатюкомъ. Авторъ даетъ въ этой статьѣ блестящую характеристику научнаго интереса къ Славянству, далекаго отъ политики. Написана она по поводу тревогъ польскихъ патріотовъ, что съѣздъ въ Петербургѣ приметъ панславистскій характеръ.

І. Франко. Лисенкове сьвято в австрийській Руси (стр. 47—52). Настоящая статья доктора І. Франка посвящена пребыванію Н. В. Лисенка въ Галичинѣ и тѣмъ празднествамъ, которыя происходиди тамъ по случаю 35-лѣтія его дѣятельности, какъ композитора и организатора хоровъ. Высокочтимый украинскій композиторъ былъ все время предметомъ шумныхъ и радостныхъ овацій населенія Галичины и Буковины, чествовавшихъ своего дорого гостя. «А спеціяльно львовські ювилейні празники д. 7 і 8 грудня і загалом гостина Лисенка у Львові—се було таке велике і чисто руське сьвято, якого ще не бачила стара столиця Льва. Маршалок гр. Ст. Бадені, що одинокий із польськоі нациі пильно слідив за ходом того сьвята, бачучи в тетрі салю Фільгармоніі щільно обсаджену руською публікою, і чуючи, що ще друге стілько лишилося без білетів і жде концерту до другого дня, мавъ сказати до одного з аранжерів празника: «Хоч я й знав, що вас Русинів досить багато розсипаних по краю, але я не думав ніколи, що вас так багато». Вообще, эти празднества по своимъ грандіознымъ размѣрамъ и подъему національнаго чувства могутъ сравниться лишь съ торжествами по случаю 100-лѣтняго юбилея со дня появленія въ свѣтъ «Енеиди» И. П. Котляревського.

Говоря о торжествахъ въ честь Н. В. Лисенка, авторъ вспоминаетъ при случаѣ и галицкія народныя пѣсни и музыку. Въ этомъ отношеніи въ Галичинѣ сдѣлано очень мало. Да и музыка стоитъ не настолько высоко, какъ у насъ. Въ пѣніи и музыкѣ царитъ еще церковный духъ, вслѣдствіе чего произведенія Н. В. Лисенка исполнялись часто далеко не съ тѣмъ пониманіемъ ихъ характера, какое обычно для нашихъ пѣвцовъ и хоровъ. «Треба було бачити Лисенка, коли він чув своі композиции виконувані галицькими співаками. Від часу до часу він корчився, морщився, зривався з місця, або похилявся мов під холоднимъ дощем, і з його уст вирывалися жалібні, безпомічні окрики:

— Крилос! Се чистий крилос!

Здавалося часом, що він так і вихилиться зі своеі льожі і закричить дірігентови:

— Темпо! Темпо!

Пріемъ, оказанный Н. В. Лисенку въ другихъ мѣстахъ Галичины и Буковины, отличался не меньшею восторженностью, чѣмъ львовскія торжества. Обращаетъ на себя вниманіе, что ни львовскіе москвофилы, ни поляки не приняли никакого участія въ этихъ торжествахъ. «І се було найліпше».

Книжка II.

С. Русова і І. Франко. Старе й нове в українській літературі (стр. 65—84). Настоящая статья представляетъ переводъ замѣтки г-жи Русовой, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Русской Мысли» за прошлый годъ. Статья снабжена введеніемъ, примѣчаніями и послѣсловіемъ д-ра І. Франка, въ которыхъ онъ дополняетъ и исправляетъ сказанное г-жей Руссовой, такъ какъ не совсѣмъ согласенъ съ ея положеніями, въ особенности съ ея оптимистическимъ взглядомъ на развитіе и положеніе украинской литературы у насъ.

А. Чайковський. З часів переполоху (стр. 107—115). Замѣтка написана по поводу статьи объ академическомъ товариществѣ «Дружний Лихвар», помѣщенной въ «Запискахъ Наук. Тов. ім. Шевченка», и представляетъ воспоминанія автора объ этомъ кружкѣ за 1877—1881 годы. Большая часть этой небольшой замѣтки автора посвящена дѣятельности Франка въ этомъ кружкѣ.

Книжка III.

І. Кревецький. Український видавничий рух в 1903 р. (стр. 121—133). Въ настоящей замѣткѣ помѣщены статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ изданіяхъ въ Россіи, Австріи и Америкѣ за 1903 годъ, и данъ обзоръ издательскаго дѣла въ этихъ странахъ. Общіе итоги украинскаго издательства за 1903 годъ таковы: 1) книгъ вышло: въ Россіи—89, въ Австріи—126, въ Угорщинѣ—4—5, въ Америкѣ—до 10; 2) журналовъ выходило: въ Россіи—0, въ Австріи—35, въ Угорщинѣ—3, въ Америкѣ—4, а 4 журнала перестали выходить. Кромѣ того москвофильскихъ книгъ въ Австріи вышло—25 и въ Америкѣ 3, а журналовъ этого направленія выходило: въ Австріи—5, а 1 прекратилъ свое существованіе, и въ Америкѣ—3.

В. Ягіч. Момзен і Славяни (стр. 153—156). Опубликовано въ настоящей замѣткѣ письмо академика Ягича по поводу выходки Момзена противъ Славянъ.

О. Коваленко, Віташевська і Невідома. Спомини про П. А. Грабовського (стр. 157—163). Воспоминанія относятся къ 1896—1901 г.г., когда поэтъ жилъ въ ссылкѣ въ Якутскѣ, куда онъ былъ перемѣщенъ изъ Вилюйскаго округа, а потомъ въ Тобольскѣ среди нужды и лишеній, съ разстроеннымъ здоровьемъ.

М. Лозинський. Перші кроки (стр. 172—176). Замѣтка даетъ весьма краткій отчетъ о съѣздѣ украинскихъ женщинъ во Львовѣ 12 февраля 1904 года. Въ этомъ съѣздѣ приняло участіе до 200 украинокъ. По мнѣнію автора, пренія и рѣшенія съѣзда отличались односторонностью, а подчасъ и наивностью.

Книжка VI.

І. Франко. Шевченко «Ляхам» (стр. 1—11). Въ настоящей рѣчи, произнесенной на вечерницяхъ во Львовѣ въ 43 годовщину со дня смерти Т. Г. Шевченка, авторъ даетъ разборъ стихотворенія «Ляхамъ» и старается опредѣлить источники взглядовъ на польско-украинскія отношенія, высказанныхъ здѣсь поэтомъ. Онъ полагаетъ, что Т. Г. Шевченко, создавая это произведеніе, находился подъ вліяніемъ Бронислава Залѣсскаго и отчасти другихъ Поляковъ, съ которыми Т. Г. Шевченко познакомился въ ссылкѣ. Вліяніемъ этихъ разговоровъ объясняется и романтическое направленіе, выражающееся весьма ясно въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Т. Г. Шевченка и въ частности въ стихотвореніи «Ляхам».

Д. Лукіянович. Нові книжки (стр. 29—37). Въ настоящей замѣткѣ авторъ даетъ критическій отзывъ о повѣсти Евгеніи Ярошинськоі «Перекиньчики». Львів. 1903».

Книжка V.

Z. З розмов із селянськими інтелігентами на Лівобережній Україні (стр. 67—78). Авторъ передаетъ содержаніе своихъ разговоровъ съ сельскими жителями черниговской губерніи о различныхъ событіяхъ въ современной жизни Россіи.

М Лозинський. Три з'їзди (стр. 79—105). Въ настоящей статьѣ авторъ говоритъ о съѣздахъ германскихъ. австрійскихъ и русскихъ соціалъ-демократовъ въ 1903—4 г.г. При случаѣ онъ

касается также организаціи этихъ партій въ Германіи и Австріи. приводя данныя также о соціалъ-демократахъ въ Галичинѣ.

Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. т. IX, кн. 2.

А. И. Соболевскій. О русскихъ говорахъ вообще и бѣлорусскихъ говорахъ въ частности (стр. 14—23). Настоящая замѣтка написана по поводу книги проф. Е. Ѳ. Карскаго «Бѣлоруссы. Т. I. Варшава. 1903». Говоря о тѣхъ или другихъ вопросахъ, разсматриваемыхъ въ трудѣ проф. Е. Ѳ. Карскаго, акад. А. И. Соболевскій касается и украинскаго языка.

Н. В. Шляковъ. Почему 1 августа бываетъ крестный ходъ на воду? (стр. 24—43). Разбирая этотъ вопросъ на основаніи данныхъ источниковъ, авторъ приходитъ къ выводу, что крестный ходъ на воду 1 августа установленъ въ память крещенія Руси Владиміромъ, такъ какъ это крещеніе произошло именно 1 августа.

А. А. Шахматовъ. Замѣтка къ статьѣ Н. В. Шлякова (стр. 44—48). Авторъ имѣетъ въ виду показать, что крещеніе Руси Владиміромъ 1 августа подтверждается и другими источниками, кромѣ приводимыхъ Н. В. Шляковымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выясняетъ составъ и происхожденіе памятниковъ, «гдѣ имѣется это свидѣтельство», и указываетъ его источникъ. Для года этого событія онъ указываетъ, какъ источникъ, Толковую Палею, а откуда заимствовано указаніе на 1 августа, пока не удается опредѣлить.

Е. Голубинскій. Вопросъ о заимствованіи до-монгольскими Русскими отъ Грековъ такъ называемой схедографіи (стр. 49—59). Въ настоящей замѣткѣ авторъ указываетъ, на основаніи свидѣтельствъ источниковъ, что въ до-монгольской Руси были знакомы со схедографіей, которая у Грековъ представляла высшій курсъ грамотности. Были знавшіе схедографію и въ Кіевѣ.

Е. Голубинскій. О погрѣшности одного мѣста въ нашей первоначальной лѣтописи (стр. 60—62). Въ этой замѣткѣ авторъ вноситъ поправку къ тому мѣсту лѣтописи, гдѣ говорится о смерти и погребеніи Владиміра въ 1015 г.

В. И. Срезневскій. Отчетъ отдѣленію русскаго языка и словесности (стр. 96—161). Въ настоящей книжкѣ «Извѣстій»

продолжается описаніе рукописей и печатныхъ книгъ, пріобрѣтенныхъ В. И. Срезневскимъ во время его поѣздки въ Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губерніи въ 1902 году. Для южнорусскихъ читателей представляютъ интересъ слѣдующія №№ описанія: 87, Синопсисъ (стр. 112—113); 88, Сборникъ, л. 194 (стр. 118); 91, Отрывокъ изъ Печерскаго патерика (стр. 120).

Въ отдѣлѣ «*Библіографія*» помѣщены слѣдующіе обзоры и рецензіи, представляющія интересъ и для украинскихъ читателей: 1) *Д. К. Зеленина* «Діалектологическіе матеріалы въ журналѣ «Этнографическое Обозрѣніе» 1903 года (стр. 351—354); 2) его-же отзывъ о книгѣ *Н. М. Тупикова* «Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ». Спб. 1903 (стр. 354—358).

Archiv für Slavishe Philologie. B. 26. H, 3—4.

Heft. 3.

A. Blič. Zur Entwielungsgeschichte der slavischen Deminutiv-und Amplificativsuffixe (стр. 321—357). Настоящее изслѣдованіе состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой общей части авторъ разсматриваетъ виды суффиксовъ и опредѣляетъ ихъ значеніе, останавливаясь подробно на звуковой и синтаксической роли суффиксовъ. Во второй спеціальной части онъ разсматриваетъ словообразованія съ помощью суффиксовъ, содержащихъ слѣдующія буквы: х, т. к, л, п, и в, а въ послѣднемъ параграфѣ соединяетъ замѣтки о тѣхъ суффиксахъ, которые встрѣчаются въ немногихъ словахъ. При этомъ авторъ широко пользуется примѣрами изъ украинскаго языка.

Въ отдѣлѣ «Kleine Mittheilungen» для интересующихся древней исторіей южно-русской образованности представляетъ интересъ слѣдующая замѣтка:

V. Bobrov. Fragmente Basilius'des Grossen (des Propheten Ioël) in der Handschrift Sbornik Svjatoslava vom Iahre 1076 (стр. 478—480). Указавъ на трудность подыскивать источники для статей этого сборника, авторъ указываетъ, что нѣкоторыя мѣста въ немъ заимствованы изъ Василія Валикаго и приводитъ въ параллельномъ текстѣ отрывки изъ сборника и подлинный текстъ Василія В.

Heft 4

E. Berneker. Ueber Ellipse des Verbums im Slavischen (стр. 481—520). Говоря объ элипсисѣ глагола въ различныхъ языкахъ, авторъ пользуется также данными украинскаго народнаго языка и примѣрами изъ произведеній Т. Г. Шевченка.

A. Sobolevskij. Zur Frage über dasslavische ch (x) (стр. 559—561). Авторъ въ своей замѣткѣ пользуется также данными украинскаго языка.

Образованіе, № 6—9.

И. Бѣлоконскій. Тридцатипятилѣтіе Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности (№ 6, стр. 67—93). Авторъ даетъ обстоятельный историческій очеркъ дѣятельности названнаго общества.

А. Каминк.. Арендныя отношенія у крестьянъ по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (№ 9, стр. 21—36). Характеризуя арендныя отношенія, авторъ касается и нашихъ южныхъ губерній.

Въ отдѣлѣ *Критика и библіографія* помѣщена рецензія *В. Сторожева* о книгѣ *Н. Рожкова* «Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія». Ч. 1-я. Кіевская Русь. (№ 6, стр. 99—103).

Научно-Литературный сборникъ, т. III, кн. 1.

Въ «Научномъ Отдѣлѣ» этого повременнаго изданія «Галицко-русской литературы» помѣщены слѣдующія статьи:

О. А. Мончаловскій. Письма П. А. Кулиша, относящіяся къ времени и цѣли его пребыванія во Львовѣ (стр. 59—72). Въ настоящей книжкѣ помѣщено только введеніе къ письмамъ. Въ немъ г. Мончаловскій даетъ краткій очеркъ литературной и общественно-политической дѣятельности П. А. Кулиша, при чемъ болѣе подробно останавливается на отношеніи послѣдняго къ національному движенію въ Галичинѣ и къ возникшимъ тамъ вслѣдствіе этого партіямъ. Какъ извѣстно, П. А. Кулишъ зимой 1881 г. отправился во Львовъ, намѣреваясь поселиться тамъ совсѣмъ, чтобы лично дѣйствовать въ пользу сближенія Галичанъ и Поляковъ. Здѣсь

онъ сблизился болѣе всего съ представителями польской интеллигенціи и съ ихъ матеріальной поддержкой собирался издавать журналъ «Хуторъ». Но уже въ 1882 г. онъ разошелся во взглядахъ со своими новыми знакомымы. Письма, которыя обѣщаетъ опубликовать О. А. Мончаловскій, относятся къ этой поѣздкѣ во Львовъ и писаны къ Алоисію Юркевичу, офиціалу финансовой дирекціи во Львовѣ. П. А. Кулишъ жилъ у послѣдняго во время своего пребыванія во Львовѣ. Письма получены отъ Эвелины Юркевичъ, вдовы А. Юркевича, чрезъ посредство д-ра Д. А. Маркова и писаны преимущественно по-польски, такъ какъ Э. Юркевичъ сожгла почти всѣ тѣ письма, которыя были написаны П. А. Кулишемъ по-русски.

С. А. Лабенскій. Участіе Карпатороссовъ въ просвѣтительномъ движеніи Россіи въ Александровскую эпоху (стр. 72—76). Стремленіе императора Александра I повысить уровень образованія въ Россіи вызвало большой спросъ на лицъ, могущихъ занять профессорскія и преподавательскія должности въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Русскихъ кандидатовъ, конечно, было слишкомъ мало, вслѣдствіе чего русское правительство при выполненіи плана устройства учебной части въ Россіи, утвержденнаго 24 января 1803 г., оказалось вынужденнымъ пригласить иностранцевъ для занятія профессорскихъ и преподавательскихъ мѣстъ, при чемъ преимущество отдавалось Славянамъ, такъ какъ они могли скорѣе освоиться съ русскимъ языкомъ. Въ особенности-же русское правительство благоволило къ Карпатороссамъ, и въ «Журналѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія» (1822 годъ, январь) было напечатано даже объявленіе «о выгодахъ, представляемыхъ профессорамъ изъ Карпатороссовъ, приглашаемымъ къ занятію праздныхъ катедръ Казанскаго и Харьковскаго Университетовъ». Правда, въ этихъ двухъ университахъ не было среди профессоровъ уроженцовъ Картатской Руси, но въ Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ было двое такихъ профессоровъ—Лодій и Балугьянскій. При преобразованіи Педагогическаго Института въ Университетъ въ 1819 г. проф. Балугьянскій былъ назначенъ первымъ ректоромъ Университета. По мнѣнію автора, участіе Карпатороссовъ въ просвѣтительномъ движеніи Россіи при императорѣ Александрѣ I и ограничилось дѣятельностью названныхъ двухъ профессовъ.

Ф. И. Свистунъ. Памяти присоединенія Малороссіи къ Московскому государству въ 1654 г. (стр. 77—87). Констатировавъ, что событіе, отмѣченное въ заголовкѣ статьи, не вызвало никакихъ строгонаучныхъ трудовъ и обсуждалось лишь въ русской и польской періодической печати, авторъ переходитъ къ разбору замѣтки, помѣщенной въ №№ 11—14 львовскаго «Діла». По мнѣнію автора замѣтки, разбираемой г. Свистуномъ, до присоединенія Малороссіи къ Московскому государству въ ней цвѣла воля, кипѣла широкая политическая жизнь, общественная мысль, идея вольности Украины и подлиннаго демократизма, но все это исчезло послѣ 1654 года. Въ своихъ возраженіяхъ г. Свистунъ говоритъ, что московское правительство уничтожало козацкія вольности, заботясь объ интересахъ прочихъ классовъ населенія Малороссіи, такъ какъ козацкіе порядки уже доказали свою несостоятельность.

О. А. Мончаловскій. Участіе Малороссовъ въ общерусской литературѣ (стр. 88—109). Авторъ говоритъ сначала на ту тему, что русскій литературный языкъ выработанъ въ одинаковой мѣрѣ общими усиліями Малороссовъ и Великороссовъ. Въ доказательство этого положенія онъ приводитъ длинный списокъ писателей, ученыхъ и даже публицистовъ малорусскаго происхожденія, которые писали по-русски. Изъ всего этого дѣлается слѣдующій выводъ: Украинецъ «не можетъ считаться образованнымъ, пока не познакомится съ произведеніями героевъ русскаго духа и слова».

Р. В. Гладыковскій. Библіотека Института «Народный Домъ» во Львовѣ (стр. 110—116). Авторъ даетъ сначала краткій отчетъ о библіотекѣ Народнаго Дома за 1903 годъ, а потомъ сообщаетъ свѣдѣнія о чтеніи книгъ изъ этой библіотеки учениками среднихъ учебныхъ заведеній. Въ свѣдѣніяхъ этихъ приведены заголовки книгъ, взятыхъ ученикомъ, и около каждаго заголовка проставлено количество требованій. Книги распредѣлены по языкамъ и содержанію.

....

Литературный Вѣстникъ, т. VII, кн. 1—3.

Н. И. Коробка. Оригиналъ ростовщика въ Гоголевскомъ «Портретѣ» (кн. 1, стр. 20—22). Авторъ полагаетъ, что Н. В.

Гоголь подъ именемъ ростовщика Петрамихали изобразилъ извѣстнаго въ Петербургѣ индѣйскаго ростовщика Моджерама-Мотомалова.

Н. К. П-въ. Дополненія къ «Опыту библіографическаго указателя Гоголевской юбилейной литературы Л. С. Бертенсона» (стр. 38—31). Авторъ приводитъ цѣлый рядъ (45) статей, пропущенныхъ въ книгѣ Л. С. Бертетнсона, при чемъ располагаетъ ихъ по рубрикамъ послѣдняго, въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ.

Въ отдѣлѣ «*Хроника*» (кн. 1) помѣщены слѣдующія замѣтки, имѣющія отношеніе къ Южной Россіи: 1) Харьковскій комитетъ грамотности (стр. 128—229); 2) Памятникъ Гоголю въ Полтавѣ (стр. 134—135); 3) Пріостановка газеты «Волынь» (стр. 137); 4) Литературный процессъ М. П. Старицкаго и И. В. Александровскаго (стр. 138—139).

Въ отдѣлѣ «*Новыя книги*» (кн. 2) помѣщены слѣдующія рецензіи на книги, имѣющія отношеніе къ Украинѣ: 1) *Н. Виноградова*—на книгу «*I. Иллюстровъ.* Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ». К. 1904 (стр. 70—74); 2) *Его-же*—на книгу «*П. Заболотскій.* Старѣйшій запорожскій уѣздъ». Нѣжинъ. 1903 (стр. 77—79).

Въ отдѣлѣ «*Хроника*» (кн. 2) помѣщена замѣтка о Харьковскомъ обществѣ грамотности (стр. 100—101).

Въ отдѣлѣ «*Хроника*» (кн. 3) помѣщены слѣдующія замѣтки, имѣющія отношеніе къ Южной Руси: 1) Картинная галлерея и музей въ Екатеринодарѣ; 2) Историческое Общество Нестора Лѣтописца; 3) Одесское литературно-артистическое общество; 4) Одесское Общество Исторіи и Древностей; 5) Львовское Общество имени Шевченка; 6) Юбилей проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова; 7) Памятникъ И. Ф. Богдановичу въ Курскѣ.

Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 4—5.

Проф. Е. Ѳ. Карскій. Къ вопросу объ изданіи снимковъ съ древнѣйшихъ русскихъ грамотъ (кн. IV, стр. 1—28). Сначала авторъ даетъ краткій обзоръ изданій, содержащихъ снимки съ древнѣйшихъ русскихъ грамотъ, и приходитъ къ заключенію, что «до настоящаго времени въ области изданія древнѣйшихъ рус-

скихъ грамотъ, разумѣя подъ послѣдними грамоты съ XII по XV вѣка, ничего особенно выдающагося не сдѣлано». Въ значительной степени это устранено изданіемъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института «Палеографическіе снимки русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка. Спб. 1903». Давъ краткій обзоръ этого изданія, авторъ въ заключеніе своей статьи приводитъ« *списокъ всѣхъ древнѣйшихъ* опредѣленнаго времени сохранившихся до насъ *грамотъ,* съ указаніемъ мѣста храненія оригиналовъ и снимковъ съ нихъ, если таковые имѣются». Списокъ этотъ ограничивается временемъ съ XII до конца XIV столѣтія и содержитъ нѣкоторыя грамоты, относящіяся къ Галиціи и другимъ частямъ Украины.

К. Г. Воблый. Заатлантическая эмиграція, ея причины и слѣдствія (кн. IV, сту. 89—136 и кн. V, стр. 137—195). Въ настоящихъ книжкахъ авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе о заатлантической эмиграціи и подводитъ итоги приведенному въ предшествующихъ главахъ матеріалу.

Этнографическое Обозрѣніе, № 2.

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» помѣщены слѣдующія рецензіи на книги, относящіяся до Украины: 1) *С. К. Шамбинаго*—на книгу «*Абрамовичъ.* Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ» (стр. 182); 2) *Его же*—на книгу «*Коробка.* Къ изданію малороссійскихъ колядокъ (стр. 186); 3) *Вл. Б.*—на книгу «*Красильниковъ.* Малороссія и малороссы» (стр. 199).

Въ отдѣлѣ «*Хроника*» помѣщены слѣдующія замѣтки, имѣющія отношеніе къ Южной Россіи: 1) Раскопки Д. И. Эварницкаго; 2) О раскопкахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ; 3) Археологическая наука въ Кубанской области.

Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, H. 3.

Въ отдѣлѣ «*Berichte und Bücheranzeigen*» помѣщены слѣдующія двѣ статейки, представляющія интересъ и для украинскаго читателя:

I. *Brückner. Polnisch, Kleinrussisch, Böhmisch.* Авторъ даетъ краткій обзоръ періодическхъ изданій по этнографіи на польскомъ, чешскомъ и украинскомъ языкахъ за 1903 годъ.

II. *Georg Polivka. Südslawisch. Russisch.* Въ этой замѣткѣ данъ обзоръ, подобный упомянутому выше, но авторъ ограничивается только южно-славянскими и русскими періодическими изданіями по этнографіи за тотъ-же 1903 годъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1905 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по научнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись:** извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-воспитательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія**: увиверситетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

1—3

III. Беллетристика переводная. Разсказы лучшихъ иностранныхъ новеллистовъ, переводы съ малорусскаго изъ Ив. Франка, В. Стефаника, Т. Бордуляка, Б. Гринченка и другихъ.

IV. Литература и искусство. Статьи проф. Д. Овсянико-Куликовскаго, Ник. Ашешова, А. Федорова, С. Русовой, Гельрота, И. Брусиловскаго, Иг. Житецкаго и друг.

V. Научно-популярныя статьи проф. Н. Н. Ланге, прив.-доц. М. Орженцкаго, Л. Зака, Англовѣда, д-ра **И. К.** Хмѣлевскаго и другихъ.

VI. Политика и иностранная жизнь. Статьи С. Волькенштейна, Я. Н. Новикова, М. Гельрота, А. М. Федорова, Я. Гр-ра и друг.

VII. Общественные и экономическіе вопросы. Статьи проф. Е. Васьковскаго, С. Русовой, А. Лотоцкаго, А. Шлихтера, Л. С. Личкова, С. Лисенка, И. А. Хмѣльницкаго, Ив. Соколовскаго и друг.

VIII. Публицистика и фельетонъ. Статьи А. А. Яблоновскаго, А. С. Изгоева, С. Протопопова, Владиміра Ж. (Altalena), М. Славинскаго и друг.

IX. Земское и городское самоуправленіе. Статьи проф. И. В. Лучицкаго, И. П. Бѣлоконскаго, А. А. Русова, С. И. Лисенка, Н. П. Цакни, А. Ѳ. Саликовскаго, С. Б. Лазаровича и друг.

X. Народное образованіе. Статьи И. П. Бѣлоконскаго, Г. Е. Афанасьева, А. Б. Петрищева, С. Лисенка и друг.

XI. Статьи по мѣстнымъ вопросамъ. *И. П. Бѣлоконскій.* Дѣятельность южныхъ земствъ по народному образованію. *С. Б. Лазоровичъ.* Письма объ Одесскихъ городскихъ дѣлахъ. *Ф. А. Щербина.* Чеховъ о казакахъ. *И. П. Бѣлоконскій.* Историческій очеркъ курскаго земства. *А. Русовъ.* О херсонской земской статистикѣ. *С. Лисенко.* Днѣпровское земство. *Я. К. Имшенецкій.* Подымная подать въ Полтавскомъ земствѣ. *В. А. Бертенсонъ.* Сельское хозяйство въ Подольской и Волынской губ. *А. Саликовскій* Юго-западное земство. *М. Морозъ.* Хозяйственно-экономическое положеніе крестьянъ Пирятинскаго уѣзда. *В. Ад-ръ.* Къ исторіи заселенія Новороссіи. *Вл. Н. Р-ръ.* Криворожскій рудный районъ. *Ал. С-кій.* О курортныхъ нуждахъ. *И. Порошинъ.* На крымской Ривьерѣ. *В. Терешкевичъ.* Переселеніе изъ Полтавской губ. *А. П. Сокальскій.* Переселеніе и аренда земель въ Херсонской губ. *М. Неручевъ.* Земельное барышничество— Выселеніе десятинщика—Земельное устройство татаръ. *В. Адлеръ.* Дунайскіе хищники. *А. Киппенъ.* Винодѣльческій кризисъ и питейная реформа.—Филоксера въ Бессарабіи—Къ вопросу о фальсификаціи винъ. *Эм. Баленъ-де-Баллю.* Филоксерный кризисъ въ Бессарабіи. **N.**

Криница. Интеллигентная колонія на Кавказскомъ берегу Чернаго моря. *В. Терешкевичъ.* Экономическая дѣятельность Полтавскаго земства. *М. Рклицкій.* Подымная подать въ земствѣ. *Н. Калишевичъ.* Первые шаги Подольскаго земства и много др.

XII. Письма изъ провинціи. Кавказскія письма *Ф. А. Щербины.* Кіевскія письма. *А. И. Матюшенскаго* и *Ал. Саликовскаго,* Волынскія письма. *М. Д. Городецкаго,* Крымскія письма. *А. М. Михайлова,* письма изъ Закавказья. *А. Сегеля* и *В. Герценштейна,* изъ Таврической губерніи. *К. Л. Фастыковскаго, М. Неручева* и *А. Ельяшевича,* изъ Ессентукъ. *А. М. Колончанова,* изъ Батума. Ялты, Симферополя. изъ Екатеринодара. *В. С.,* изъ Херсона. *Гр. Сьогобочняго,* и *Dixi,* изъ Херсонской губерніи *Г. Загородникова,* изъ Курска. *Ж. Р.* и *Е. А. Звягинцева,* изъ Полтавы. *М. Сосновскаго* и *М. Рклицкаго,* изъ Чернигова *М. Могилянскаго,* изъ Каменецъ-Подольска *Ал. С-каго,* и *Н. В. Калишевича,* изъ Подольской губерніи *О. Зновицкаго,* изъ Волынской губерніи *Д. Марковича, Мих. Безсонова, И. Коварскаго* и *Ник. Угрюмова.* и др.

XIII. Библіографія. Отзывы о русскихъ и малорусскихъ книгахъ.

XIV. Коммерческій отдѣлъ. Съ указаніемъ курсовъ бумагъ, фрахтовъ, тарифовъ и цѣнъ на хлѣба.

Кромѣ вышеупомянутыхъ авторовъ въ **„Южныхъ Запискахъ“** принимаютъ участіе слѣдующія лица: *Д. Я. Айзманъ, К. С. Баранцевичъ, В. Я. Богучарскій, П. И. Вейнбергъ, І. В. Гессенъ, В. А. Гольцевъ, Кн. П. Д. Доморуковъ, С. Я. Елпатьевскій, А. Я. Ефименко, Н. Іорданскій, Вл. Г. Короленко, А. В. Пѣшехоновъ, П. Д. Телешовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Г. И. Шрейдеръ. С. Н. Южаковъ, Е. Н. Чириковъ* и много друг.

Условія подписки: На годъ—**6** руб., полгода—**3** руб., на три мѣсяца—**1** руб. **50** коп., на одинъ мѣсяцъ—**50** коп. Народнымъ учителямъ, и городскимъ служащимъ, сельскому духовенству и учащимся «Южныя Записки» высылаются за **4** руб. въ годъ, за **2** руб. въ полгода и за **1** руб. на 3 мѣсяца.

Номеръ „Южныхъ Записокъ“ высылается для ознакомленія безплатно по первому требованію.

Адресъ редакціи и конторы „Южныхъ Записокъ“: **Одеса, Троицкая ул., № 26.**

Розничная продажа номеровъ и пріемъ подписки производится во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и земскихъ складахъ Юга Россіи, Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ 15 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

на 1905 годъ

(сорокъ шестой)

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ".

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу 8 р. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 листовъ.

Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіе «Библіотека твореній свв. отцевъ и учителей церкви Западныхъ».

Указомъ Св. Синода отъ ³/₂₉ февр. 1884 г. подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей церкви Западныхъ» рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

1—3

Дополненіе 2-е

къ каталогу

Книжнаго магазина редакціи журнала „Кіевская Старина“.

Кіевъ, Безаковская ул., д. № 14.

Въ теченіе 1903 и 1904 г.г., въ числѣ другихъ, поступили въ продажу слѣдующія книги:

Альбомъ къ Энеидѣ Котляревскаго худ. Мартиновича. К., 1903. Ц. 1 р. 65 к.

Бордулякъ.—Оповидання, К. 1903. Ц. 75 к. и 1 р. 25 к.

Его-же.—Бидный жыдокъ Ратыця. Оповид. К. 1903. Ц. 5 к.

Буря на мори.—Оповид. К. 1903. Ц. 7 коп.

Врабель.—Угро-народни спѣванки, Будапештъ. 1901 г. Ц. 2 р.

Василенко.—Бодянскій и его заслуги для Малороссіи. К. 1904. Ц. 1 р.

Вовчокъ.—Кармелюкъ. Невильнычка. К., 1904. Ц. 10 к.

Ея-же.—Сестра, та инши оповидання. К., 1904. Ц. 10 к.

Володськый.—Въ каламутній води (Орыся). К., 1904. Ц. 15 к.

Ганько.—Якъ дбаешъ, такъ и маешъ Спб., 1904. Ц. 3 к.

Грабына.—Мужычкы. Жартъ въ одн. діи. К., 1904. Ц 20 к.

Гринченко.—Пысання, т. I. К., 1903. Ц. 1 р. 50 к. и 2.

Его-же. Хата. Оповид. К., 1903. Ц 4 к.

Его-же. Безъ хлиба. Оповид.—Выд. друге. К., 1903. Ц. 3 к.

Его-же.—Хто робыть, той и мае. (Оповид. про Д. Гарфильда) Спб. 1904. Ц. 6 к.

Его-же.—Неосторожность въ важномъ дѣлѣ. К. 1903. Ц. 20 к.

Его-же.—Каталогъ музея украинск. древностей В. Тарновскаго, т. II.—Ч. 1903. Ц. 75 к.

Грушевськый.—Оповидання. К., 1904. Ц. 35 к. и 65 к.

Даниловъ.—Пѣсни с. Андреевки, Нѣжинскаго у., К., 1904. Ц. 50 к.

Днипрова Чайка.—Чудный. Оповид. К., 1904.

Дорошенко.—Указатель источн. для ознакомл. съ Южной Русью. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Его-же. Народная украинская литература. Сборн. отзывовъ. Спб., Ц. 40 к.

Енохинъ.—На вику якъ на довгій ныви. Оповид. Е. 1903. Ц. 15 к.

Ефремовъ.—Праздникъ украинской интеллигенціи. К., 1904. Ц. 20 к.

Его-же.—Торжество украинской пѣсни. К., 1904. Ц. 10 к.

Его-же.—На мертвой точкѣ (Замѣтки читателя). К., 1904. Ц. 30 коп.

Загирня. Оповидання про Сократа. Спб., 1903. Ц. 5 к.

Ея-же. Якъ выгадано машыною йиздыты. Выд. друге. Спб., 1903. Ц. 3 к.

Зъ надъ хмаръ и зъ долынъ. Альманахъ. О. 1903. Ц. 1 руб. 20 к. и 1 р. 60 к.

Ирпенскій.—Малороссы въ Петербургѣ. К., 1903. Ц. 5 к.

Иллюстровъ.—Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ (параллельно съ украинскими). К., 1904. Ц. 3 р.

К. Е. Тимофей Бордулякъ. Біогр. оч. К., 1903. Ц. 10 к.

Калениченко.—Переселеньци у Сибиръ. Поэма. Х., 1903. Ц. 3 к.

Квитка.—Сватання на Гончаривци. Опера. Одесса, 1902. Ц. 20 к.

Его-же.—Шельменко-денщикъ. Комедія въ 5 дѣйств. О., 1902. Ц. 20 к.

Его-же.—Шельменко—волостной писарь. Ком. въ 3 д. О., 1902. Ц. 15 к.

Его-же.—Божи диты. Х, 1887. Ц. 10 к.

Его-же.—Мертвецькый велыкдень. Х. 1887. Ц. 6 к.

Его-же.—Пархомове снидання. Х. 1887. Ц 5 к.

Его-же.—Конотопська видьма. Повисть. Х. 1887. Ц. 20 к.

Его-же.—Добре робы, добре и буде. Х., 1887. Ц. 10 к.

Его-же.—Отъ тоби й скарбъ. Х., 1887. Ц. 6 к.

Его-же.—Лысты до любезныхъ землякивъ. Х., 1887. Ц. 6 к.

Его-же.—Щыра любовъ. Повисть. Х. 1887. Ц. 15 к.

Комаровъ.—Т. Г. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Од., 1903. Ц. 75 к.

Его-же.—Библіографическій указатель музыкальной и литерат. дѣятельн. Н. В. Лысенка. К., 1904. Ц. 20 к.

Его-же.—Библіографичный покажчыкъ выдань Котляревського творивъ та пысань про ёго. К. 1904. Ц. 10 к.

Его-же.—Оповидання про Антона Головатого. Спб., 1901. Ц. 5 и 10 к.

Коцюбынськый. Оповидання, т. I. К., 1903. Ц. 1 р. 50 коп. и 2 руб.

Его-же.—Дорогою циною. Оповид. К., 1902. Ц. 25 к.

Его-же.—Fata morgana (Зъ сильськыхъ настроивъ). К., 1904. Ц. 15 к.

Крымськый.—Изъ повистокъ и эскизивъ. Трете выд. Зв., 1904. Ц. 50 к.

Его-же.—Филологія и Погодинская гипотеза. К., 1904. Ц. 1 р.

Кузьменко.—Не такъ ждалося, та такъ склалося. Оповид. К., 1903. Ц. 2 к.

Кулида.—Збирныкъ творивъ. I кн. Кр., 1904. Ц. 40 к.

Его-же. Горобына ничъ. Др. на 5 дій. Кр., 1904. Ц. 25 к.

Его-же.—Писни та думы. К., 1904. Ц. 15 к.

Левицькый М.—Санитаръ, Оповид. К., 1903. Ц. 5 к.

Личковъ.—Къ вопросу объ экономич. изслѣдованіи ю.-з. края. Ц. 20 к.

Его-же.—Очерки изъ прошл. и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. К., 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Его-же. Къ вопросу о реформѣ оффиціальной статистики. Ц. 40 к.

Его-же.—Новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ. К. 1903. Ц. 40 к.

Левицькый.—За Колiивщыны. Оповид. Выд. друге. К., 1903. Ц. 5 к.

Мордовець.—Старци. Дзвонарь. К. 1903. Ц. 4 к.

Его-же.—Салдатка. Оповид. Спб., 1862 Ц. 5 к.

Матушевскій.—Посѣтители могилы Т. Г. Шевченка. К. 1903. Ц. 20 к.

Модзалевскій.—Павло Полуботокъ. Біогр. оч. Ц. 40 к.

Его-же.—Генеральный судья И. Чарнышъ. К., 1904. Ц. 60 к.

Мырный П. Творы—кныжка перша. К., 1903. Ц. 1 руб. 20 к. и 1 р. 75 к.

Его-же.—Лыхый попутавъ. Оповид. К., 1903. Ц. 5 к.

Его-же.—Морозенко. Оповид. К. 1904. Ц. 8 к.

На вичну памьять Котляревському. Литературный збирныкъ. К., 1904. Ц. 3 р. 50 к.

Немоловськый.—Бжильныцтво. Друге выд., зъ малюнкамы. Спб. 1904. Ц. 10 к.

Павловскій.—Полтава въ началѣ XIX вѣка. П., 1902. Ц. 75.

Парпура.—Косаръ на Дону. Укр. дума. К., 1902. Ц. 10 к.

Про сырить. Для дитей. Х., 1903. Ц. 4, 10 и 50 к.

Петровъ.—Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ, в. Ш. Ц. 3 р.

Его-же. Значеніе Кіевской Дух. Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи. К., Ц 70 к.

Познанскій. Попокъ. Пов. изъ быта Донск. малороссовъ. К., 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Пухальськый.—Катерына. Др. на 5 дій. П., 1903. Ц. 20 к.

Пчилка Олена.—Украинськи узоры. К., 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Русовъ.—Прыгода на хутори (Про метеорологію). Спб. 1904. Ц. 5 к.

С. І. Г.—Въ темноти якъ въ слипоти. Драма. Б.-Ц., 1902. Ц. 50 к.

Старицкій.—Къ біографіи Н. В. Лисенка. К., 1904. Ц. 15 к.

Стороженко.—Якъ Богъ дасть, то и въ викно подасть. Оповид. СПБ., 1862. Ц. 3 к.

Терещенко. Орыся. Драма на 4 д. Ч. 1903. Ц. 25 к.

Теодоровичъ.—Историко-топографическое описаніе церкв. и приходовъ Волын. епархіи.

Тогобочный.—Борци за мріи. Драма на 5 д. Х., 1904. Ц. 10 к.

Трыста найкращыхъ украинськыхъ писень. К., 1904. Ц. 20 к.

Украинка Леся.—На крылахъ писень. К. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Франко.—Въ поти чола. Т. I и II. К., 1904. Ц. 65 и 85 к. за коженъ т.

Хлопець та море. Лыстоноша. Розум. коваль. Оповидання. Од. Ц. 3 к.

Чернявськый.—Зъ роспуттивъ жыття. Оповидання. К., 1904. Ц. 10 к.

Его-же.—Въ незнану далечинь. Опов. К., 1904. Ц. 5 к.

Шевченко.—Наймычка, зъ малюнкамы. Спб., 1904. Ц. 3 и 10 к

Эварницкій.—Источники для истор. запорожск. коз., т. I и II по 3 р.

Его-же.—По слѣдамъ запорожцевъ. Спб., 1888. Ц. 1 р. 50 к.

Яновська.—На Зеленый клынъ Драма. Выд. др. К., 1903. Ц. 15 к.

Ея-же. Повернувся изъ Сибиру. Драма. Выдан. друге. К., 1904. Ц. 10 к.

Горельефы до памьятныка Котляревському: зъ Энеиды, зъ Наталкы-Полтавкы и зъ Москаля-Чаривныка. Ц. по 1 р.

Фотограф. портреты украинськыхъ пысьменныкивъ и гетьманивъ. Ц. 30 к. за коженъ.

Портреты-фототип. Шевченка, въ шапци и безъ шапкы, выд. Водовозовои. Ц. по 35 к.

Бюсты гипсови (били и бронзировани) Шевченка, Кулиша, Котляревського и Лысенка. Ц. 1 р. 80 к. и 2 р. 50 к.

Лыстовни карткы зъ портретамы украинськыхъ пысьменныкивъ, гетьманивъ, а такожъ карткы зъ горельефивъ памьятн. Котляревського. Цина за кожну 5 к.